

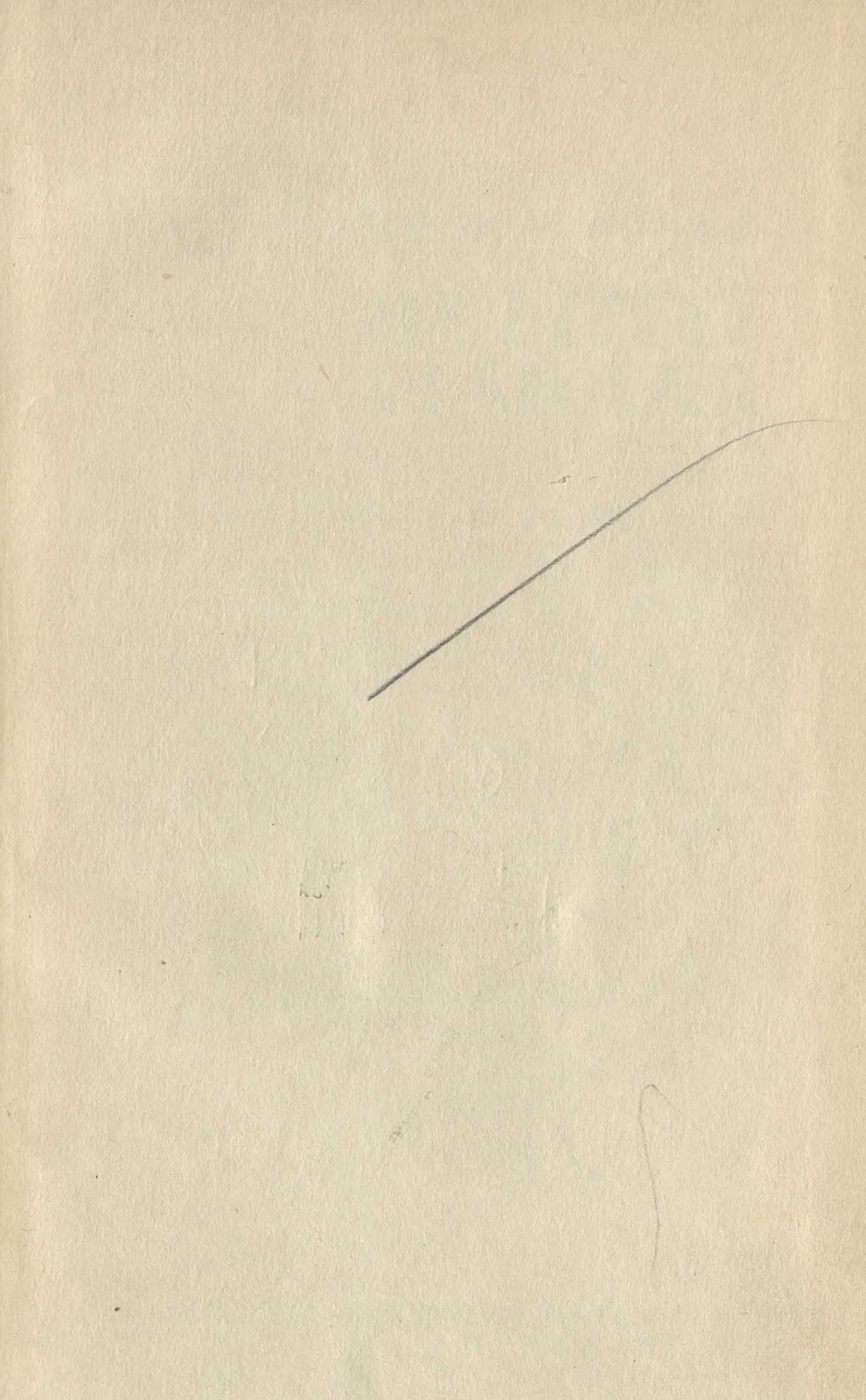
Б 61-47
216

НИКАУХО - МАКЛАЙ

НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

$$\begin{array}{r} 5 \quad 61-47 \\ \hline 216 \end{array}$$

Б 61-47
216

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Н.Н.Миклухо-Маклай

НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

Автор книги, русский путешественник Н. Н. Миклухо-Маклай, совершил замечательный научный подвиг.

Четыре года провел он на Новой Гвинее, среди племен, стоящих на низшей ступени варварства,— племен, которые многие буржуазные исследователи не считали за людей. И главный вывод, к которому он пришел, состоял в том, что папуасы Новой Гвинеи — обыкновенные люди, что они, как и все люди земного шара, имеют право на человеческое к ним отношение.

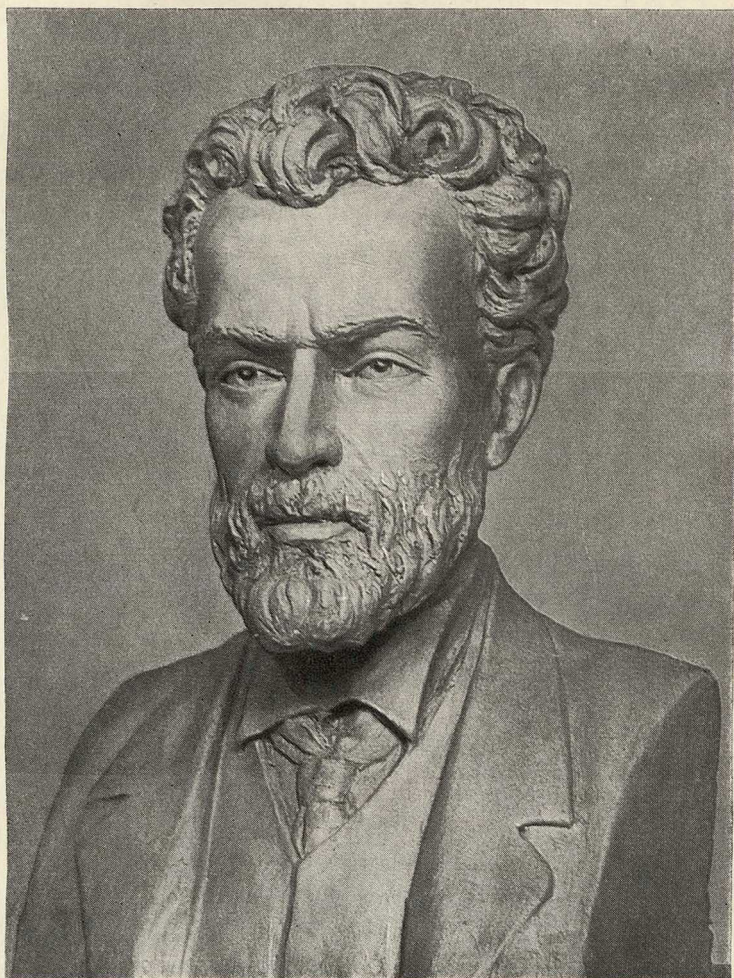
Обо всем этом рассказано в дневниках ученого. Автор с обстоятельностью и скромностью, отличающими подлинного ученого, описывает свое пребывание на Новой Гвинее, невероятные трудности, которые ему приходилось преодолевать, ту большую дружбу, которая завязалась у него с местными жителями.

Книгу с большим интересом прочтут самые широкие круги читателей, в том числе школьники, студенты, преподаватели и т. д.

В тексте воспроизведены рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая и предметы из коллекций, собранных им на Новой Гвинее.

49089

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ
(1846—1888)

**ПЕРВОЕ
ПРЕБЫВАНИЕ
НА БЕРЕГУ МАКЛАЯ
НА НОВОЙ ГВИНЕЕ**

(сентябрь 1871 г. — декабрь 1872 г.)

19 сентября 1871 г.

Около 10 часов утра показался, наконец *, покрытый отчасти облаками высокий берег Новой Гвинеи **. Корвет «Витязь» шел параллельно берегу Новой Британии из порта Праслин (Новая Ирландия), нашей последней якорной стоянки. Открывшийся берег, как оказалось, был мыс короля Вильма (King William), находящийся на северо-восточном берегу Новой Гвинеи.

Высокие горы тянулись цепью параллельно берегу (на картах они обозначены именем Финистер; высота их превышает 10 000 футов). В проходе между о. Рук и берегом Новой Гвинеи виднелось несколько низких островков, покрытых растительностью. Течение было попутное, и мы хорошо подвигались вперед. Часу во втором корвет «Витязь» настолько при-

* Выйдя из Кронштадта 8 ноября (н. ст.) 1870 г. и зайдя в Копенгаген, Плимут, о. Мадейру, о. С. Винцент (один из о-вов Зеленого Мыса), Рис-де-Жанейро, Пунта Аренас и бухту св. Николая в Магеллановом проливе, Талькагуано, Вальпарайсо, о. Рапа-Нуи, о. Мангареву, Папеити (на о. Таити), Апию (на о. Уполу, одном из о-вов Самоа), о. Ротуму и порт Праслин (на о. Новой Ирландии), мы на 346-й день увидели берег о. Новой Гвинеи.

** Горы Финистер (или, как туземцы называют их, Мана-Боро-Боро), достигающие высоты с лишком 10 000 футов, тянутся параллельно берегу, т. е. в западно-северо-западном направлении, и представляют род высокой стены, круто поднимающейся от моря, так как высочайшие вершины их находятся приблизительно милях в 40 от него. Влажный воздух, встречая эту стену, поднимается и, охлаждаясь, образует облака, которые мало-помалу закрывают часов в 10 или 11 утра весь хребет, за исключением более низких гор (1500 или 2000 футов высоты). Накопившиеся в продолжение дня облака должны разрешиться к ночи, при быстром понижении температуры, сильным ливнем, сопровождаемым обыкновенно грозой. Таким образом, к утру облака снова исчезают с гор, и хребет Финистер бывает виден во всех деталях.

Берег Маклая. Вид на гору Петра Великого

близился к берегу Новой Гвинеи, что можно было видеть характерные черты страны. На вершинах гор лежали густые массы облаков, не позволявшие различать верхние их очертания; под белым слоем облаков, по крутым скатам гор чернел густой лес, который своим темным цветом очень разнился от береговой полосы светло-зеленого цвета *.

Береговая полоса возвышалась террасами или уступами (высотой приблизительно до 1000 футов) и представляла очень характерный вид. Правильность этих террас более заметна внизу, на небольшой высоте. Многочисленные ущелья и овраги, наполненные густою зеленью, пересекали эти террасы и соединяли таким образом верхний лес с прибрежным узким поясом растительности. В двух местах на берегу виднелся дым, свидетельствовавший о присутствии человека. В иных местах береговая полоса становилась шире, горы отступали более в глубь страны, и узкие террасы, приближаясь к морю, превращались в обширные поляны, окаймленные темною зеленью. Около 6 час. вечера отделился от берега маленький островок, покрытый лесом. Между светлою зеленью кокосовых пальм на

* Светло-зеленый цвет оказался цветом высокой травы (разные виды *Imperata*) на поляне по скатам гор.

островке видны были крыши хижин, а по берегу можно было различить и людей. У островка впадала речка, которая, судя по извилистой линии растительности, протекала по поляне. Не найдя удобного якорного места (нас пронесло около 90 сажен), мы прекратили пары, и корвет «Витязь» лег в дрейф. Вечер был ясный, звездный, только горы оставались закрыты, как и днем, облаками, которые спустились, казалось, ниже, соединясь с белою пеленою тумана, разостлавшегося вдоль берега у самого моря. Из темных туч на вершинах часто сверкала молния, причем грома не было слышно.

20 сентября

За ночь попутное течение подвинуло нас к северу миль на двадцать. Я рано поднялся на палубу, рассчитывая увидеть до восхода солнца вершины гор свободными от облаков. И действительно, горы ясно были видны и представляли мало отдельных вершин, а сплошную высокую стену, почти повсюду одинаковой высоты. При восходе солнца вершина и подошва гор были свободны от облаков; по середине их тянулись белые *strati* (слоистые облака). Поднявшееся солнце осветило берег, на котором ясно можно было различить три или четыре параллельных, громоздившихся один над другим хребта. По мере того как мы подвигались вперед, вид берега изменялся. Террас более не было, а к высоким продольным хребтам примыкали неправильные поперечные ряды холмов, между которыми, вероятно, протекали речки. Растительности было более.

Около 10 час. 30 мин., подвигаясь к зал. Астролябии, мы увидели перед собою 2 мыса: южный — мыс Риньи (Rigny) и северный — мыс Дюпере (Duperey), оба невысокие; второй — далеко выдающийся в море*. Облака понемногу заволокли вершины высоких хребтов; громадные кучевые облака, клубясь и изменяя форму, легли на них. По склонам невысоких холмов виднелись кое-где густые столбы дыма. Стало довольно тепло: в тени термометр показывал 31° Ц. Часам к 12 мы были среди большого зал. Астролябии.

На предложенный мне командиром корвета «Витязь» капитаном второго ранга** Павлом Николаевичем Назимовым вопрос, в каком месте берега я желаю быть высаженным, я указал на более высокий левый берег, предполагая, что правый, низкий, может оказаться нездоровым. Мы долго вглядывались в берег залива, желая открыть хижины туземцев, но, кроме

* Мыс Дюпере, названный так Дюмон-Дюрвилем, оказался не мысом материка Новой Гвинеи, а одним из островков архипелага, который я впоследствии назвал архипелагом Довольных людей.

** В 18... [пропуск] П. Н. Назимов был произведен в контр-адмиралы.

столбов дыма на холмах, ничего не заметили. Подойдя, однако, еще ближе к берегу, старший офицер П. П. Новосильский закричал, что видит бегущих дикарей. Действительно, можно было различить в одном месте песчаного берега несколько темных фигур, которые то бежали, то останавливались.

Около того места выделялся небольшой мысок, за которым, казалось, находилась небольшая бухта. Мы направились туда, и предположение относительно существования бухты оправдалось. Войдя в нее, корвет «Витязь» стал на якорь саженях в 70 от берега на 27 саженях глубины. Громадные деревья, росшие у самой окраины приглыбого * скалистого (поднятого, кораллового рифа) берега бухточки, опускали свою листву до самой поверхности воды, и бесчисленные лианы и разные паразитные растения образовывали своими гирляндами пологительно занавесь между деревьями, и только северный песчаный мысок этой бухточки был открыт. Вскоре группа дикарей появилась на этом мыске. Туземцы казались очень боязливыми. После долгих совещаний между собой один из них выдвинулся из пружы, неся кокосовый орех, который он положил у берега и, указывая на него мимикой, хотел, казалось, объяснить, что кокос этот назначается для нас, а затем быстро скрылся в чаще леса.

Я обратился к командиру корвета с просьбой дать мне четверку, чтобы отправиться на берег, но когда узнал, что для безопасности предположено отправить еще и катер с вооруженной командой, я попросил дать мне шлюпку без матросов, приказал своим обоим слугам Ульсону и Бою спуститься в шлюпку и отправился знакомиться с моими будущими соседями, захватив предварительно кое-какие подарки — бусы, красную бумажную материю, разорванную на куски и на узкие ленточки, и т. п.

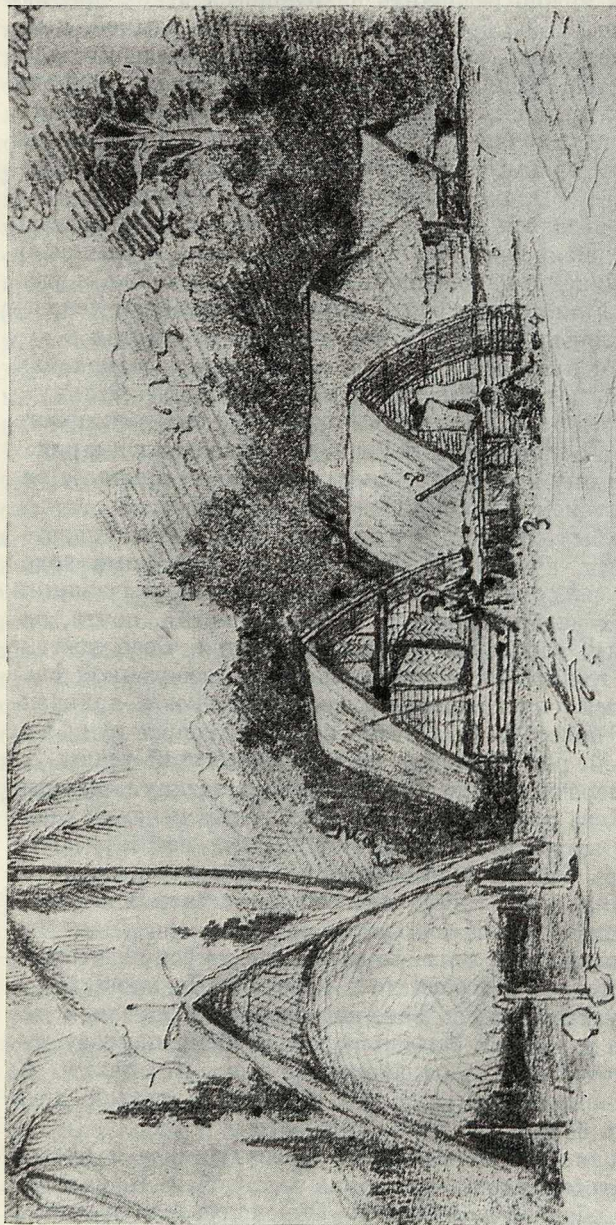
Обогнув мысок, я направился вдоль песчаного берега к тому месту, где мы впервые увидели туземцев. Минут через двадцать мы приблизились к берегу, где я и увидел на песке несколько туземных пирог. Однако мне не удалось здесь высадиться по случаю сильного прибоя. Между тем из-за кустов показался вооруженный копьем туземец и, подняв копье над головой, пантомимой хотел мне дать понять, чтобы я удалился. Но когда я поднялся в шлюпку и показал несколько красных тряпок, тогда из леса выскочило около дюжины вооруженных разным дрекольем дикарей. Видя, что туземцы не осмеливаются подойти к шлюпке, и не желая сам прыгать в воду, чтобы добраться до берега, я бросил мои подарки в воду, надеясь, что волна прибьет их к берегу. Туземцы при виде этого

* У самого берега глубина была несколько сажен

энергически замахали руками и показывали, чтобы я удалился. Поняв, что присутствие наше мешает им войти в воду и взять вещи, я приказал моим людям прести, и едва только мы отошли от берега, как туземцы наперегонки бросились в воду, и красные платки были моментально вытащены. Несмотря, однако, на то, что красные тряпки, казалось, очень понравились дикарям, которые с большим любопытством их рассматривали и много толковали между собою, никто из них не отважился подойти к моей шлюпке. Видя такой неуспех завязать первое знакомство, я вернулся к корвету, где узнал, что видели дикарей в другом месте берега. Я немедленно отправился в указанном направлении, но и там не оказалось дикарей; только в маленькой бухточке далеко виднелись из-за стены зелени, доходившей до самой воды, концы вытащенных на берег пирог. Наконец, в одном месте берега, между деревьями, я заметил белый песок, быстро направился к этому месту, оказавшемуся очень уютным и красивым уголком; высадившись тут, я увидел узенькую тропинку, проникавшую в чащу леса.

Я с таким нетерпением выскочил из шлюпки и направился по тропинке в лес, что даже не отдал никаких приказаний моим людям, которые занялись привязыванием шлюпки к ближайшим деревьям. Пройдя шагов тридцать по тропинке, я заметил между деревьями несколько крыш, а далее тропинка привела меня к площадке, вокруг которой стояли хижины с крышами, спускавшимися почти до земли. Деревня имела очень опрятный и очень приветливый вид. Средина площадки была хорошо утоптана, а кругом росли пестролиственные кустарники и возвышались пальмы, дававшие тень и прохладу. Побелевшие от времени крыши из пальмовой листвы красиво выделялись на темно-зеленом фоне окружающей зелени, а ярко-пунцовые цветы китайской розы и желто-зеленые и желто-красные листья разных видов кротонов и *Coleus* оживляли общую картину леса, состоявшего из бананов, панданусов, хлебных деревьев, арековых и кокосовых пальм. Высокий лес кругом ограждал площадку от ветра.

Хотя в деревне не оказалось живой души, но повсюду видны были следы недавно покинувших ее обитателей: на площадке иногда вспыхивал тлеющий костер, здесь валялся недопитый кокосовый орех, там — брошенное второпях весло; двери некоторых хижин были тщательно заложены какою-то корой и заколочены накрест пластинами расколотого бамбука. У двух хижин, однако, двери остались открытыми, — видно, хозяева куда-то очень торопились и не успели их запереть. Двери находились на высоте 2 футов, так что представлялись скорее окнами, чем дверьми, и составляли единственное отверстие, через которое можно было проникнуть в хижину.

д. Горенду:

1. Огнест. Саран

брани Огнестра 2. Сави 7

2. Велет. Сави

3. Огнест. Сави 7 на

4. Велет. Сави 7 на

5. Велет. Сави 7 на

6. Велет. Сави 7 на

7. Велет. Сави 7 на

дуб. 18

Я подошел к одной из таких дверей и заглянул внутрь. В хижине темно, с трудом можно различить находящиеся в ней предметы: высокие нары из бамбука; на полу несколько камней, между которыми тлеет огонь, служили опорой стоявшего на них сло-манного глиняного горшка; на стенах висели связки раковин и перьев, а под крышей, почерневшей от копоти, — челове-ский череп. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм; в лесу раздавались незнакомые кри-ки каких-то птиц. Было так хорошо, мирно и вместе чуждо и незнакомо, что казалось скорее сном, чем действительностью.

В то время как я подходил к другой хижине, послышался шорох. Оглянувшись в направлении, откуда он исходил, я уви-дел в нескольких шагах как будто выросшего из земли челове-ка, который поглядел секунду в мою сторону и кинулся в ку-сты. Почти бегом пустился я за ним по тропинке, размахивая красной тряпкой, которая нашлась у меня в кармане. Огляну-вшись и видя, что я один, без всякого оружия и знаками прошу его подойти, — он остановился. Я медленно приблизился к дика-рю, молча подал ему красную тряпку, которую он принял с ви-димым удовольствием и повязал ее себе на голову.

Папуас этот был среднего роста, темно-шоколадного цвета, с матово-черными, курчавыми, как у негра, короткими воло-сами, широким сплюснутым носом, глазами, выглядывавшими из-под нависших надбровных дуг, с большим ртом, почти, од-накоже, скрытым, торчащими усами и бородой. Весь костюм его состоял из тряпки, шириной около 8 см, повязанной сна-чала в виде пояса, спускавшейся далее между ног и прикреп-ленной сзади к поясу, и двух тесно обхватывающих руку над локтем перевязей, род браслетов из плетеной сухой травы. За одну из этих перевязей или браслетов был заткнут зеленый лист *Piper betel*, за другую на левой руке — род ножа из глад-кого обточенного куска кости (как я убедился потом, — кости казуара). Дикарь был хорошо сложен, с достаточно развитой мускулатурой. Выражение лица первого моего знакомого пока-залось мне довольно симпатичным; я почему-то подумал, что он будет меня слушаться, взял его за руку и не без некоторого сопротивления привел его обратно в деревню. На площадке я нашел моих слуг, Ульсона и Боя, которые меня искали и не-доумевали, куда я пропал. Ульсон подарил моему папуасу ку-сок табаку, с которым тот, однакоже, не знал, что делать, и, молча приняв подарок, заткнул его за браслет правой руки рядом с листом бетеля.

Пока мы стояли среди площадки, из-за деревьев и кустов стали показываться дикари, не решаясь подойти и каждую минуту готовые обратиться в бегство. Они молча и не двигаясь стояли в почтительном отдалении, зорко следя за нашими дви-

жениями. Так как они не трогались с места, я должен был каждого отдельно взять за руку и в полном смысле слова притащить к нашему кружку. Наконец, собрав всех в одно место, усталый, я сел посреди них на камень и принялся наделять разными мелочами — бусами, гвоздями, крючками для ужения рыбы и полосками красной материи. Назначение гвоздей и крючков они, видимо, не знали, но ни один не отказался их принять.

Около меня собралось человек восемь папуасов; они были различного роста и по виду представляли некоторое, хотя и незначительное различие. Цвет кожи мало варьировал; самый резкий контраст с типом моего первого знакомого представлял человек роста выше среднего, худощавый, с крючковатым выдающимся носом и очень узким, сдавленным с боков лбом; борода и усы были у него выбриты, на голове возвышалась целая шапка краснобурых волос, из-под которой сзади спускались на шею скрученные пряди волос, совершенно похожие на трубообразные локоны жителей Новой Ирландии. Локоны эти висели за ушами и спускались до плеч. В волосах торчали два бамбуковых гребня, на одном из которых, воткнутом на затылке, красовалось несколько черных и белых перьев (казуара и какаду) в виде веера. В ушах были продеты большие черепаховые серьги, а в носовой перегородке — бамбуковая палочка, толщиной в очень толстый карандаш, с нарезанным на ней узором. На шее, кроме ожерелья из зубов собак и других животных, раковин и т. д., висела небольшая сумочка, на левом же плече висел другой мешок, спускавшийся до пояса и наполненный разного рода вещами.

У этого туземца, как и у всех присутствовавших, верхняя часть рук была туго перевязана плетеными браслетами, за

Туй, папуас из деревни Горенду

которые были заткнуты различные предметы — у кого кости, у кого листья или цветы. У многих на плече висел каменный топор, а некоторые держали в руках лук почтенных размеров (почти в рост человека) и стрелу более метра длины. При различном цвете волос, то совершенно черных, то покрашенных красной глиной, и прически их были различные: у иных волосы стояли шапкой на голове, у других были коротко острижены, у некоторых висели на затылке вышеописанные локоны; но у всех волосы были курчавы, как у негров. Волосы на бороде также завивались в мелкие спирали. Цвет кожи представлял несколько незначительных оттенков. Молодые были светлее старых.

Из этих восьми впервые встреченных мною папуасов четыре оказались больными: у двоих элифантiazис * изуродовал по ноге; третий представлял интересный случай psoriasis'a **, распространенного по всему телу; у четвертого спина и шея были усеяны чирьями, сидевшими на больших твердых шишках, а на лице находилось несколько шрамов — следы, вероятно, таких же давнишних чирьев.

Так как солнце уже село, я решил, несмотря на интерес первых наблюдений, вернуться на корвет. Вся толпа проводила меня до берега, неся подарки кокосы, бананы и двух очень диких поросят, у которых ноги были крепко-накрепко связаны и которые визжали без устали; все было положено в плюнку. В надежде еще более закрепить хорошие отношения с туземцами и вместе с тем показать офицерам корвета моих новых знакомых, я предложил окружающим меня папуасам сопровождать мне к корвету на своих пирогах. После долгих рассуждений человек пять поместились в двух пирогах, другие остались и даже, казалось, усиленно отговаривали более отважных от смелого и рискованного предприятия. Одну из пирог я взял на буксир, и мы направились к «Витязю». На полдороге, однакоже, и более смелые раздумали, знаками показывая, что не хотят ехать далее, старались отдать буксир, между тем как другая, свободная пирога быстро вернулась к берегу. Один из сидевших в пироге, которую мы тащили за собою, пытался даже своим каменным топором перерубить конец, служивший буксиром. Не без труда удалось втащить их на палубу. Ульсон и Бой почти что насильно подняли их на трап. На палубе я взял пленников под руки и повел под полуют; они от страха тряслись всем телом, не могли без моей поддержки держаться на ногах, полагая, вероятно, что их убьют. Между тем совсем стемнело, под ют был принесен

* Элифантiazис — слоновая болезнь. Поражает обычно ноги и сопровождается значительным увеличением объема и деформацией ноги. — *Ред.*

** Psoriasis — вид кожной болезни.

фонарь, и дикари мало-помалу успокоились, даже повеселели, когда офицеры корвета подарили им разные вещи и угостили чаем, который они сразу выпили. Несмотря на такой любезный прием, они с видимым удовольствием и с большою поспешностью спустились по трапу в свою пирогу и быстро попребли обратно к деревне.

На корвете мне сказали, что в мое отсутствие показались опять туземцы и принесли с собою двух собак, которых тут же убили, и оставили их трупы, в виде подарка, на берегу.

21 сентября

Берег залива Астролябии в том месте, где «Витязь» бросил якорь, горист; несколько параллельных цепей гор различной высоты тянутся вдоль берега и только на западно-северо-западном берегу прерываются низменностью. Северо-западный берег горист, хотя не так высок, как южный, и оканчивается невысоким мысом.

Все эти горы (из которых высочайшая достигает приблизительно 5—6 тысяч футов) покрыты густой растительностью до самых вершин и пересечены во многих местах поперечными долинами. Иногда горы приближаются почти к самому берегу, чаще же между первыми холмами и морем тянется невысокая береговая полоса. Лес же в некоторых местах спускается до самого моря, так что нижние ветви больших деревьев находятся в воде. Во многих местах берег окаймлен коралловыми рифами, а реже представляется отлогим и песчаным, доступным приливам, и в таком случае служит удобной пристанью для туземных пирог. Около таких мест обыкновенно находятся, как я узнал впоследствии, главные береговые селения папуасов. Все эти наблюдения я сделал на рассвете на мостике корвета и остался вполне доволен общим видом страны, которую избрал для исследования и, быть может, продолжительного пребывания. После завтрака я снова отправился в деревню, в которой был вчера вечером. Мой первый знакомый папуас Туй и несколько других вышли ко мне навстречу.

В этот день на корвете должен был быть молебен по случаю дня рождения вел. кн. Константина Николаевича и установленный пушечный салют; поэтому я решил остаться в деревне среди туземцев, которых сегодня набралось несколько десятков, чтобы моим присутствием ослабить несколько страх, который могла произвести на туземцев пальба.

Но так как времени до салюта оставалось еще достаточно, то я отправился приискать место для моей будущей хижины. Мне не хотелось селиться в самой деревне и даже вблизи ее, во-первых, потому, что я не знал ни характера, ни нравов моих

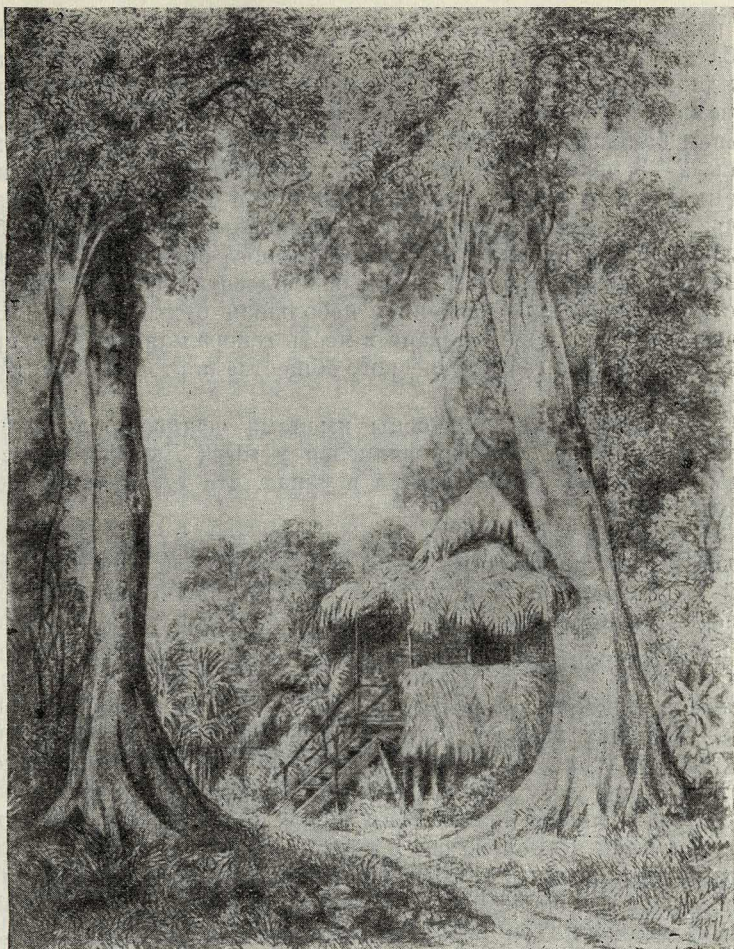
будущих соседей; во-вторых, незнакомство с языком лишало меня возможности испросить на то их согласие; навязывать же мое присутствие я считал бестактным; в-третьих, очень не любя шума, я боялся, что вблизи деревни меня будут беспокоить и раздражать крики взрослых, плач детей и вой собак.

Я отправился из деревни по тропиночке и минут через десять подошел к маленькому мыску, возле которого протекал небольшой ручей и росла группа больших деревьев. Место это показалось мне вполне удобным как по близости к ручью, так и потому, что находилось почти на тропинке, соединявшей, вероятно, соседние деревни. Наметив таким образом место будущего поселения, я поторопился вернуться в деревню, но пришел уже во время салюта. Пушечные выстрелы, казалось, приводили туземцев больше в недоумение, чем пугали. При каждом новом выстреле они то пытались бежать, то ложились на землю, затыкали себе уши, тряслись всем телом, точно в лихорадке, или приседали. Я был в очень глупом положении: при всем желании успокоить их и быть серьезным я не мог часто удержаться от смеха; но вышло, что мой смех оказался самым действительным средством против страха туземцев, и так как смех вообще заразителен, то я заметил вскоре, что и папуасы, следуя моему примеру, начали ухмыляться, глядя друг на друга. Довольный, что все обошлось благополучно, я вернулся на корвет, где капитан Назимов предложил мне отправиться со мною для окончательного выбора места постройки хижины. К нам присоединились старший офицер и доктор. Хотя, собственно, мой выбор был уже сделан, но посмотреть еще другие места, которые могли оказаться лучшими, было нелишним. Из трех осмотренных нами мест одно нам особенно понравилось. Значительный ручей впадал здесь в открытое море, но, заключая по многим признакам, что туземцы имеют обыкновение приходить сюда часто, оставляют здесь свои пироги, а недалеко обрабатывают плантации, я объявил командиру о моем решении поселиться на первом, избранном мною самим месте.

Часам к трем посланные с корвета люди занялись очисткой места от кустов и мелких деревьев, а плотники принялись за постройку хижины, начав ее с забивки свай под тенью двух громадных деревьев (*Canarium commune*).

22, 23, 24, 25 сентября

Все эти дни я был занят постройкой хижины. Часов в 6 утра съезжал с плотниками на берег и оставался там до спуска флага. Моя хижина имеет 7 футов ширины и 14 длины и разгорожена пополам перегородкой из брезента (крашеной

Хижина Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагасси

парусины). Одну половину я назначил для себя, другую — для моих слуг Ульсона и Боя. Так как взятых с Таити досок не хватило, то стены были сделаны из дерева только наполовину, в нижней их части, для верхних же частей, равно как и для двух дверей, опять служил брезент, который можно было скатывать. Для крыши заготовлены были особенным образом сплетенные из листьев кокосовой пальмы циновки; работу эту я поручил Бою. Пол, половина стен и стойки по углам были сделаны из леса, купленного на Таити и приспособленного

на корвете. Сваи, верхние скрепления, стропила пришлось вырубать и пригонять уже здесь; но благодаря любезности командира корвета рук было много, и постройка шла успешно. Туземцы, вероятно, напуганные пальбой 21-го числа и присутствием большого количества людей с корвета, мало показывались, 2—3 человека, и то редко. Офицеры корвета занялись съемкой бухты и при этом посетили 5 или 6 прибрежных деревень, где за разные мелочи (бусы, пуговицы, гвозди, пустые бутылки и т. п.) набрали множество разного оружия и утвари и выменяли, между прочим, также более десятка черепов. Многие местности получили названия: небольшая бухточка, где «Витязь» стоит на якоре, названа в честь генерал-адмирала и президента Русского географического общества портом вел. кн. Константина.

Все мыски были окрещены именами офицеров, делавших съемку, а остров, который виднелся у мыса Дюпере, называли островом Витязь (впоследствии я узнал, что туземное имя его «Били-Били»).

25-го числа Бой начал крыть крышу, потому что завтра последний день пребывания здесь корвета. Между тем приходил мой доброжелатель Туи и своей выразительной мимикой старался объяснить, что, когда корвет уйдет (при этом он указал на корвет и далекий горизонт) и мы останемся втроем (он указал на меня, Ульсона и Боя и на землю), придут из соседних деревень туземцы (указывая на лес и как бы называя деревни), разрушат хижину (тут он подошел к сваям, делая вид, как бы рубит их) и убьют нас копьями (тут он выпрямился, отставил одну ногу назад и, закинув правую руку над головой, имел вид человека, бросающего копье; затем подошел ко мне, толкнул меня несколько раз в грудь пальцем и, наконец, полукрыв глаза, открыв немного рот и высунув кончик языка, принял положение человека, падающего на землю; те же мимические движения он проделал, указывая поочередно на Ульсона и Боя). Очень хорошо понимая предостережения Туя, я сделал, однакоже, вид, что не понял его. Тогда он снова стал называть имена деревень — Бонгу, Горенду, Гумбу и т. д., и показывать, что рубит сваи; на все это я только махнул рукой и подарил ему гвоздь. Возвратясь на корвет, я рассказал о виденной мною пантомиме в кают-компании, что, вероятно, побудило одного из офицеров, лейтенанта С. Чирикова, заведовавшего на «Витязе» артиллерийской частью, предложить мне приготовить несколько мин и расположить их вокруг моего дома. Я не отказался от такого средства защиты на случай крайней необходимости, если бы туземцы действительно вздумали явиться с теми намерениями, которые старался объяснить мне Туи.

Лег вчера в 11 часов вечера, встал сегодня в 2 часа утра. Все утро посвятил корреспонденции в Европу и сборам. Надо было разобраться с вещами, часть которых оставалась на Гвинее, а другая отправлялась обратно с корветом в Японию.

Отправляясь на Новую Гвинею не с целью кратковременного путешествия, а продолжительного, в течение нескольких лет, жителя, я уже давно пришел к заключению, что мне следует быть независимым от европейской пищи. Я знал, что плантации папуасов не бедны, свиней они также имеют; главным же образом охота могла всегда доставлять мне средства пропитания. Вследствие этого и после многих месяцев жизни на судне, в море, где консервы играют всегда значительную роль и немало успели надоесть мне, я совершенно равнодушно отнесся к обеспечению себя провизией в последнем порту. Я взял кое-что, но так мало, что П. Н. Назимов очень удивился и предложил мне весьма любезно уделить многое из своей провизии, которую я принял с благодарностью и которая могла мне пригодиться в случае болезни. Он оставил мне также самую малую из шлюпок корвета, именно четверку, с которой в крайности может управиться и один человек. Иметь шлюпку было для меня удобно в высшей степени, так как при помощи ее я мог ознакомиться с другими береговыми деревнями, а в случае полной неудачи добиться доверия туземцев она давала мне возможность переселиться в другую, более гостеприимную местность. Кончив разборку вещей на корвете, после завтрака я стал перевозиться. Небольшое мое помещение скоро переполнилось вещами до такой степени, что значительное число ящиков пришлось поставить под домом для предохранения их от дождя, солнца и расхищения.

Между тем с утра еще лейтенант Чириков был занят устройством мин, расположив их полукругом для защиты при нападении дикарей со стороны леса, а человек 30 матросов под наблюдением лейтенанта Перелешина и гардемарина Верениуса занимались расчисткой места около дома, так что получилась площадка в 70 м длины и 70 м ширины, окруженная с одной стороны морем, а с трех — густым лесом. П. Н. Назимов был также некоторое время около хижины и помогал мне своими советами. Я указал между прочим командиру и офицерам место, где я зарюю в случае надобности (серьезной болезни, опасности от туземцев и т. п.) мои дневники, заметки и т. д.* Место это находилось под большим деревом, недалеко от

* Мне кажется здесь подходящим объяснить, что я это сделал вследствие следующего обстоятельства. Когда перед уходом корвета «Витязь» из Кронштадта вел. кн. Константин Николаевич 17 октября 1870 г. осматривал суда, отправлявшиеся в Тихий океан (корвет «Витязь», клипер

хижины; чтобы легче было найти его, на соответствующей стороне ствола кора была снята приблизительно на один фут в квадрате и вырезана фигура стрелы, направленной вниз.

Около 3 часов морт Константина — имя, данное небольшой бухточке, у которой стояла моя хижина, — представлял очень оживленный вид. Перевозили последние дрова на корвет в маленьком паровом баркасе, шныряли взад и вперед шлюпки и вельботы, шестерка перевозила мои вещи, несколько раз отправляясь на корвет и возвращаясь к берегу. Около моей хижины работа также кипела: достраивалась хижина, копали ямы для мин, вырубались кусты, делался более удобный спуск от площадки, на которой стояла моя хижина, к песчаному берегу моря у устья ручья и т. д.

К моему сожалению, я не мог присмотреть за всеми этими работами — пришлось возвращаться на корвет, так как еще не все вещи были уложены. Весь вечер провозился я с этими вещами, и без помощи В. П. Перелешина и А. С. Богомолова, которым я очень благодарен за их внимание ко мне и любезность, я бы не кончил уборки в тот вечер.

Крайнее утомление, хлопоты последних дней и особенно вторая бессонная ночь привели меня в такое нервное состояние, что я почти не мог держаться на ногах, говорил и делал все совершенно машинально, как во сне. В час ночи я кончил укладку на корвете; оставалось еще перевезти последние вещи на берег и написать некоторые письма.

«Изаумруд», лодки «Ермак» и «Тунгуз»), он при осмотре корвета зашел и в мою каюту, где между прочим спросил меня, не может ли он что-либо для меня сделать. На это я отвечал, что все, что я желал, уже сделал, так как я уже нахожусь на корвете, который перевезет меня на берега Новой Гвинеи, и что мне остается только выразить мою глубочайшую благодарность за помощь моему предприятию. Когда же князь предложил еще раз подумать, не надо ли мне чего, мне пришла мысль, которую я выразил приблизительно в следующих словах: «Вашему высочеству известно, что так как цель моего путешествия на Новую Гвинею — научные исследования этого малоизвестного острова, то для меня очень важно, чтобы результаты моих исследований и открытий не пропали для науки. Ввиду того, что я не могу сказать заранее, как долго мне придется прожить на Новой Гвинее, так как это будет зависеть от местной лихорадки и от права туземцев, я принял предосторожность запастись несколькими медными цилиндрами для манускриптов разного рода (дневников, заметок и т. п.), которые в этих цилиндрах могут пролежать зарытыми в земле несколько лет. Я был бы поэтому очень благодарен, если бы можно было устроить таким образом, чтобы русское военное судно зашло через год или несколько лет в то место берега Новой Гвинеи, где я останусь, с тем чтобы, если меня не будет в живых, мои рукописи в цилиндрах были вырыты и пересланы Русскому географическому обществу». Выслушав меня внимательно, князь, пожимая мне на прощанье руку, сказал, что обещает не забыть ни меня, ни моих рукописей на Новой Гвинее. Помня это обещание генерал-адмирала, я выбрал подходящее место для зарытия цилиндров и указал его офицерам «Витязя».

В 2 часа утра привез я последние вещи и у домика застал г. Богомолова, который принимал и сторожил мои вещи на берегу, в то время как Бой, проработавший весь день над крышей, спал непробудным сном. Хижина была в такой степени завалена вещами, что с трудом нашлось достаточно места прилечь.

Несмотря на самую крайнюю усталость, я не мог заснуть: муравьи и комары не давали покоя. Возможность, однако, закрыть глаза, если не спать, значительно меня облегчила. Около 4 часов утра я вернулся на корвет, чтобы написать необходимые письма, не находя ни возможности, ни места сделать это в моем новом помещении. Что и кому писал сегодня утром, помню смутно; знаю только, что последнее письмо было адресовано вел. кн. Константину Николаевичу.

Поблагодарив за все бескорыстно оказанные мне услуги командира и офицеров корвета «Витязь» и простившись со всеми, я спустился в свою шлюпку и окончательно съехал на берег. Когда якорь корвета показался из воды, я приказал Ульсону спустить развевавшийся над деревом у самого мыса флаг, но, заметив, что последний не спускается, подошел к Ульсону посмотреть, в чем дело, и, к удивлению и негодованию, увидел, что у моего слуги, обыкновенно так храбrivшегося на словах, руки дрожат, глаза полны слез и он тихо всхлипывает. Взяв с досадой из его дрожащих рук флаг-линь, я сказал, что, пока корвет еще не ушел, он может на шлюпке вернуться не мешкая, а то будет поздно. Между тем корвет выходил из порта Константина, и я сам отсалютовал отходящему судну. Первая мысль, пришедшая мне в голову, была та, что туземцы, пользуясь уходом огромного дымящегося страшилища, могут каждую минуту нагрянуть в мое поселение, разнести мою хижину и сваленные в беспорядке вещи и что отныне я предоставлен исключительно самому себе, все дальнейшее зависит от моей энергии, воли и труда. Действительно, как только корвет скрылся за горизонтом, на соседнем мыске показалась толпа папуасов. Они прыгали и бегали, описывая круги; их движения были похожи на какую-то пляску; по крайней мере, все делали одни и те же движения. Вдруг все остановилось и стали глядеть в мою сторону: вероятно, один из них заметил русский национальный флаг, развевавшийся у моей хижины. Они сбегались в кучку, переговаривались, затем опять повернулись в мою сторону, прокричали что-то и скрылись.

Необходимо было немедленно же приступить к разборке вещей, разбросанных в беспорядке в хижине и шалаше; но от усталости, волнения и двух почти бессонных ночей я находился

в весьма плачевном состоянии: голова кружилась, ноги подкашивались, руки плохо слушались.

Скоро пришел Туй разведать, остался ли я или нет; не с прежним добродушием поглядывал он на меня, подозрительно осматривал мой дом, хотел войти в него, но я жестом и словом «табу» остановил его. Не знаю, что на него подействовало — жест или слово, но он вернулся на свое место. Туй знаками спрашивал, вернется ли корвет, на что я отвечал утвердительно. Желая избавиться от гостя, который мешал мне разбирать вещи, я просил его (я уже знал десятка два слов) принести кокосовых орехов, подарив ему при этом кусок красной тряпки.

Он действительно сейчас же удалился, но не прошло и часа, как снова вернулся с двумя мальчиками и одним взрослым папуасом. Все они почти не говорили, сохраняя очень серьезное выражение лица; даже и маленький мальчик лет семи был погружен, смотря на нас, в глубокую задумчивость. Туй пытался заснуть или показывал вид, что спит, следя зорко по временам за моими движениями, так как, уже не стесняясь гостей, я продолжал устраиваться в моем помещении. Туй опять обошел все мины, подозрительно смотря на рычаги с привешенными камнями и веревками; они его, кажется, сильно интересовали, но он не осмеливался приближаться к ним. Наконец, он простился с нами, причем сделал странный кивок головой назад и проговорил что-то, чего я, однако, не расслышал и не успел записать (с первого дня знакомства с папуасами я носил постоянно в кармане записную книжку для записывания при каждом удобном случае слов туземного языка), и удалился.

Часов около четырех послышался свист, звонкий, протяжный, и из-за кустов выступил целый ряд папуасов с копьями, стрелами и другим дрекольем. Я вышел к ним навстречу, приглашая знаками подойти ближе. Они разделились на две группы; одна, более многочисленная, поставив свое оружие около деревьев, приблизилась ко мне с кокосами и сахарным тростником; другая, состоящая из шести человек, осталась около оружия. Это были жители деревни за мыском, которых я наблюдал сегодня утром, по уходе корвета, прыгающими и бегающими. К этой деревне, которую называют Гумбу, я старался подойти на шлюпке в первый день прихода «Витязя» в порт Константины. Я им подарил разные безделушки и отпустил, показав, что хочу спать.

28 сентября

Лунный вечер вчера был очень хорош. Разделив ночь на три вахты, я взял на себя самую утомительную — вечернюю (от 9 до 12 часов). Когда в 12 часов и был сменен Ульсоном, го

вследствие сильного утомления долго не мог заснуть, так что ночь показалась мне, несмотря на все свое великолепие, очень длинной.

День прошел, как и первый, в разборке и установке вещей, что оказалось не так просто: вещей много, а места мало. Наконец, кое-как их разместил в несколько этажей, другие подвесил, третьи поместил на чердаке, который Ульсон и я ухитрились устроить под крышей. Одну сторону моей комнаты (7 футов длины и 7 ширины) занимает стол (около 2 футов ширины), другую — две корзины, образующие мою койку (неполных 2 фута ширины). В проходе, шириной около 3 футов, помещается мое удобное, необходимое мне складное кресло. Папуасы вытаскивали из моря большие клетки или корзины продолговатой формы, в которые ловят рыбу. Бой (повар) готовлял нам три раза есть и спросил в девятом часу, не сварить ли еще в четвертый раз немного рису. Я сегодня отдыхал, никуда не ходил и решил спать всю ночь.

29 сентября

Проспал как убитый, не просыпаясь ни разу. Погода стоит очень хорошая. Целый день не было и признака папуасов. Я предложил моим людям последовать моему примеру, т. е. спать по ночам, так как узнал, что они разделили прошлую ночь на четыре вахты; но они не захотели, говоря, что боятся папуасов. На руках и на лбу образовались подушки от укусов комаров, муравьев и других бестий. Странное дело, я гораздо менее страдаю от этой неприятности, чем Ульсон и Бой, которые каждое утро приходят жаловаться на не дающих им по ночам покоя насекомых.

30 сентября

Днем видел только несколько туземцев; все, кажется, входит в свою обычную колею, которую приход корвета на время нарушил. Я решил, однако, быть очень осторожным во всех отношениях с туземцами. В описаниях этой расы напирают постоянно на их вероломство и хитрость; пока не составлю о них собственного мнения, считаю рациональным быть настороже. По вечерам любуюсь великолепным освещением гор, которое доставляет мне каждый раз новое удовольствие.

По уходе корвета здесь царит всегда мне приятная тишина — не слышать почти людского говора, спора, брани и т. д., только море, ветер и порой какая-нибудь птица нарушают общее спокойствие. Эта перемена обстановки очень благотворно на меня действует: я отдыхаю. Потом эта ровность температуры,

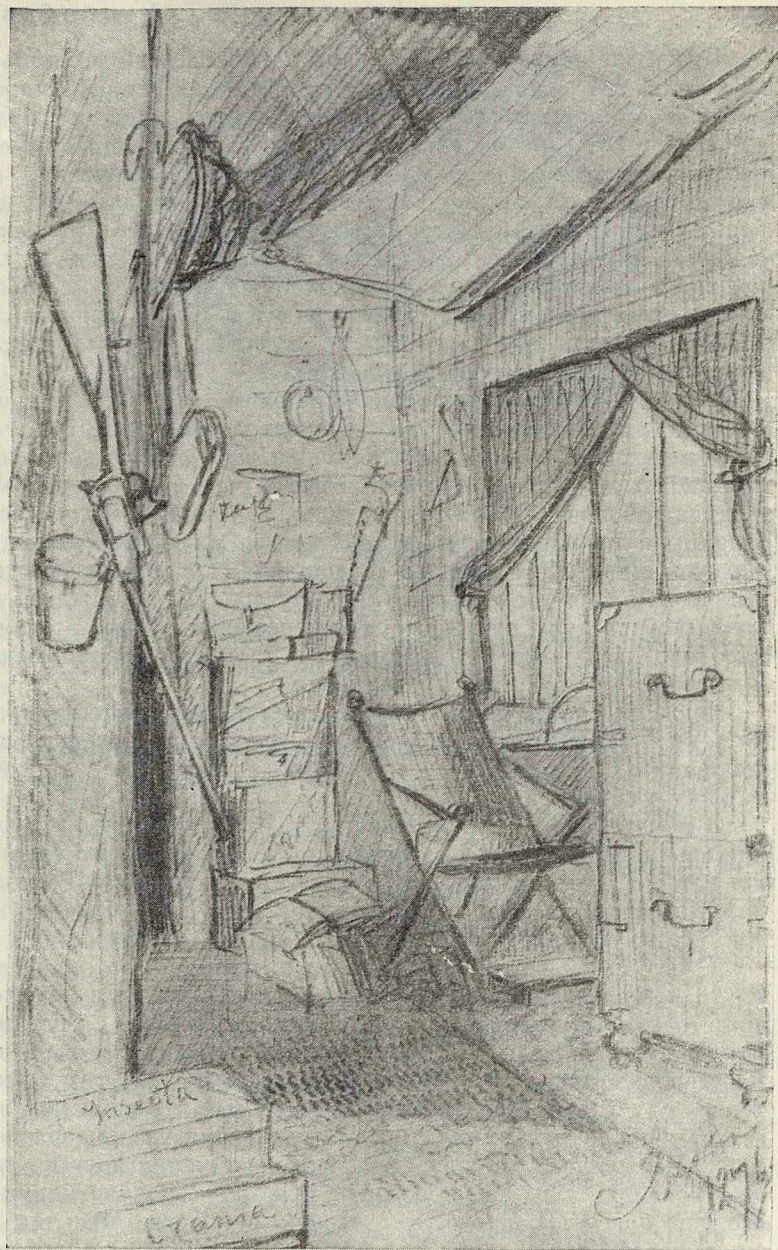
великолепие растительности, красота местности заставляют совершенно забывать прошлое, не думать о будущем и только любоваться настоящим. Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель.

Чего мне больше? Море с коралловыми рифами, с одной стороны, лес с тропической растительностью с другой, — оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над которыми клубятся облака не менее фантастических форм. Я лежал, думая обо всем этом, на толстом стволе повалившегося дерева и был доволен, что добрался до цели, или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести к цели...

Пришел Туй, у которого я взял урок папуасского языка. Прибавив несколько слов к моему лексикону, я точным образом записал их и, оставшись доволен учителем, подарил ему ящик от сигар, а Ульсон дал ему старую шляпу. Туй был в восторге и быстро удалился, как бы боясь, чтобы мы не раздумали и не взяли данных вещей назад, или желая скорей показать свои новые подарки соплеменникам.

Около часу спустя показалась вереница туземцев, человек около 25; впереди двое несли на плечах привешенного к бамбуковой палке поросенка, шедшие за ними несли на головах посуду и, наконец, остальные — кокосовые орехи. Туй и много других знакомых были в толпе. Все свои дары туземцы положили на землю передо мною; потом каждый отдельно передал свой подарок мне в руки. Часть толпы отделилась от тех, которые расположились около меня. Туй объяснял им, что успел узнать об употреблении каждой моей вещи; те с большим интересом рассматривали каждую вещь, быстро переходя от одного предмета к другому. Мало говорили и вообще не шумели. К лестнице, т. е. к дверям моего дома, они не подходили, из деликатности или просто боязни — не знаю. Все знали мое имя и, обращаясь ко мне, называли по имени. Около Боя собрался кружок послушать его игру на маленьком железном инструменте — губной гармонике, которая в большом ходу на о-вах Самоа и на которой Бой играл с большим искусством. Музыка произвела необычайный эффект: папуасы обступили Боя и с видимым любопытством и удовольствием прислушивались к этой детской музыке. Они очень обрадовались, когда я им подарил несколько подобных гармоний, и тотчас же начали упражняться на новом инструменте. Просидев около часу, папуасы ушли; при прощанье они протягивали левую руку. У весьма многих я заметил сильно развитый элефантиазис.

Часов в десять вечера разразилась над нами сильная гроза; дождь лил ливнем, но крыша, к нашему общему удовольствию, не промокла.

Внутренность хижины П. Н. Миклухо-Маклая

Проснувшись до рассвета, решил идти в одну из деревень, — мне очень хочется познакомиться с туземцами ближе. Отправляясь, я остановился перед дилеммой — брать или не брать револьвер? Я, разумеется, не знал, какого рода прием меня ожидает в деревне, но, подумав, пришел к заключению, что этого рода инструмент никак не может принести значительной пользы моему предприятию. Употребив его в дело при кажущейся крайней необходимости даже с полнейшим успехом, т. е. положи я на месте шесть человек, очень вероятно, что в первое время после такой удачи страх оградит меня, но надолго ли? Желание мести, многочисленность туземцев в конце концов превозмогут страх перед револьвером.

Затем размышления совершенно иного рода укрепили мое решение идти в деревню невооруженным. Мне кажется, что заранее человек не может быть уверен, как он поступит в каком-нибудь дотоле не испытанном им случае. Я не уверен, как я, имея револьвер у пояса, поступлю, например, сегодня, если туземцы в деревне начнут обращаться со мною неподходящим образом, смогу ли я остаться совершенно спокойным и индифферентным ко всем любезностям папуасов. Но я убежден, что какая-нибудь пуля, пущенная некстати, может сделать достижение доверия туземцев невозможным, т. е. совершенно разрушит все шансы на успех предприятия.

Чем более я обдумывал свое положение, тем яснее становилось мне, что моя сила должна заключаться в спокойствии и терпении. Я оставил револьвер дома, но не забыл записную книжку и карандаш.

Я намеревался идти в Горенду, т. е. ближайшую от моей хижины деревню, но в лесу нечаянно попал на другую тропинку, которая, как я полагал, приведет меня все-таки в Горенду. Заметив, что я ошибся, я решил продолжать путь, будучи уверен, что тропа приведет меня в какое-нибудь селение.

Я был так погружен в раздумье о туземцах, которых еще почти что не знал, о предстоящей встрече, что был изумлен, когда очутился, наконец, около деревни, но какой — я не имел понятия. Слышалось несколько голосов мужских и женских. Я остановился для того, чтобы сообразить, где я и что должно теперь случиться. Пока я стоял в раздумье, в нескольких шагах от меня появился мальчик лет четырнадцати или пятнадцати. Мы молча с секунду глядели в недоумении друг на друга... Говорить я не умел, подойти к нему — значило напугать его еще более. Я продолжал стоять на месте. Мальчик же стремглав бросился назад в деревню. Несколько громких возгласов, женский визг, и затем — полнейшая тишина.

Деревня Вонга

Я вошел на площадку. Группа вооруженных копьями людей стояла посередине, разговаривая оживленно, но вполголоса между собою. Другие, все вооруженные, стояли поодаль; ни женщин, ни детей не было — они, вероятно, попрятались. Увидев меня, несколько копий были подняты, и некоторые из туземцев приняли очень воинственную позу, как бы готовясь пустить копье. Несколько восклицаний и коротких фраз с разных концов площадки имели результатом, что копья были опущены. Усталый, отчасти неприятно удивленный встречей, я продолжал медленно подвигаться, смотря кругом и надеясь увидеть знакомое лицо. Такого не нашлось. Я остановился около «барлы», и ко мне подошло несколько туземцев. Вдруг пролетели, не знаю, нарочно ли или без умысла, одна за другой две стрелы, очень близко от меня. Стоявшие около меня туземцы громко заговорили, обращаясь, вероятно, к пустившим стрелы, а затем, обратившись ко мне, показали на дерево, как бы желая объяснить, что стрелы были пущены с целью убить птицу на дереве. Но птицы там не оказалось, и мне подумалось, что туземцам хочется знать, каким образом я отнесусь к сюрпризу вроде очень близко мимо меня пролетевших стрел. Я мог заметить, что как только пролетела первая стрела, много глаз обратилось в мою сторону, как бы изучая мою физиономию, но кроме выражения усталости и, может быть, некоторого любопытства, вероятно, ничего не открыли в ней. Я в свою очередь стал глядеть кругом — все угрюмые, встревоженные, недовольные физиономии и взгляды, как будто говорящие, зачем я пришел нарушать их спокойную жизнь. Мне самому как-то стало неловко, зачем при-

хожу я стеснять этих людей? Никто не покидал оружия, за исключением двух или трех стариков. Число туземцев стало прибывать; кажется, другая деревня была недалеко, и тревога, вызванная моим приходом, дошла и туда. Небольшая толпа окружила меня; двое или трое говорили очень громко, как-то враждебно поглядывая на меня. При этом, как бы в подкрепление своих слов, они размахивали копьями, которые держали в руках.

Один из них был даже так нахален, что кошем при какой-то фразе, которую я, разумеется, не понял, вдруг размахнулся и еле-еле не попал мне в глаз или в нос. Движение было замечательно быстро, и, конечно, не я был причиной того, что не был ранен, — я не успел двинуться с места, где стоял, — а ловкость и верность руки туземца, успевшего остановить конец своего копья в нескольких сантиметрах от моего лица. Я отошел шага на два в сторону и мог расслышать несколько голосов, которые неодобрительно (как мне, может быть, показалось) отнеслись к этой бесцеремонности.

В эту минуту я был доволен, что оставил револьвер дома, не будучи уверен, так же ли хладнокровно отнесся бы я ко второму опыту, если бы мой противник вздумал его повторить.

Мое положение было глупое: не умея говорить, лучше было бы уйти, но мне страшно захотелось спать. Домой идти далеко. Отчего же не спать здесь? Все равно я не могу говорить с туземцами и они не могут меня понять.

Недолго думая, я высмотрел место в тени, притаился туда новую циновку (вид которой, кажется, подал мне первую мысль — спать здесь) и с громадным удовольствием растянулся на ней. Закрывать глаза, утомленные солнечным светом, было очень приятно. Пришлось, однако, полукругом раскрыть их, чтобы развязать шнурки башмаков, расстегнуть штиблеты, распустил пояс и найти что-нибудь подложить под голову. Я увидел, что туземцы стали полукругом, в некотором отдалении от меня, вероятно, удивляясь и делая предположения о том, что будет дальше.

Одна из фигур, которую я видел перед тем, как снова закрыл глаза, оказалась тем самым туземцем, который чуть не ранил меня. Он стоял недалеко и разглядывал мои башмаки. Я припомнил все происшедшее и подумал, что все это могло бы кончиться очень серьезно, и в то же время промелькнула мысль, что, может быть, это только начало, а конец еще впереди. Но если уж суждено быть убитым, то все равно, будет ли это стоя, сидя, лежа на циновке или же во сне. Далее я подумал, что если бы пришлось умирать, то сознание, что при этом 2, 3 или даже 6 диких также поплатились жизнью, было

бы весьма небольшим удовольствием. Был снова доволен, что не взял с собою револьвера.

Когда я засыпал, голоса птиц заняли меня; резкий крик быстро летающих лори несколько раз заставлял меня очнуться; оригинальная жалобная песня «коки» (*Chlamydodera*), напротив, наводила сон; треск цикад также нисколько не мешал, а способствовал сну. Мне кажется, я заснул скоро, так как встал очень рано и, пройдя часа два, почти все по солнцу, с непривычки чувствовал большую усталость, в особенности усталость глаз от яркого дневного света.

Проснулся, чувствуя себя очень освеженным. Судя по положению солнца, должен был быть по крайней мере третий час. Значит, я проспал два часа с лишком. Открыв глаза, я увидел нескольких туземцев, сидящих вокруг циновки шагах в двух от нее; они разговаривали вполголоса, жуя бетель. Они были без оружия и смотрели на меня уже не так упрямом. Я очень пожалел, что не умею еще говорить с ними. Я решил идти домой и стал приводить свой костюм в порядок. Эта операция очень заняла окружающих меня папуасов. Затем я встал, кивнул головой в разные стороны и направился по той же тропинке в обратный путь, показавшийся мне теперь короче, чем утром.

После 6 часов вечера поднялся довольно сильный ветер с севера, со шквалами и дождем; температура быстро понизилась. Темно делается здесь уже в 7 часов; в безлунные ночи темень страшная — шагах в четырех от дома трудно его отличить. Всю ночь дождь лил ливнем. Утро пасмурное, и опять идет мелкий дождь.

Муравьи здесь выводят из терпения, ползают по голове, забираются в бороду и очень больно кусаются. Бой до того искусан и так расчесал укушенные места, что ноги его распухли, а одна рука покрыта ранами. Обмыв раны разведенным нашатырным спиртом, я перевязал более глубокие из них. Вечером зашел ко мне Туй, вооруженный копьем, и выпросил топор (ему необходимо перерубить что-то), обещая скоро возвратиться; я поспешил исполнить его просьбу, интересуясь знать, что выйдет из этого опыта моей доверчивости. Курьезнее всего, что, все еще не зная языка, мы понимали друг друга.

Утром бродил при отливе по колено в воде, но ничего интересного не попалось. Папуасы притащили мне 4—5 длинных бамбуковых палок, футов в 20, для веранды. Туй также принес мне бамбук, но о топоре ни слова. Нашел, что книги и рисунки кажутся туземцам чем-то особенно страшным; многие встали и хотели уйти, когда я им показал рисунок (портрет) из какой-то иллюстрации. Они просили меня унести скорее его в дом и, только когда я это сделал, успокоились.

Я напрасно усомнился в честности Туя: сегодня не было еще 6 часов, как он явился и принес топор. Довольный этой чертой характера моего приятеля, я подарил ему зеркало, с которым он немедленно и убежал в деревню, вероятно, похвастать подарком.

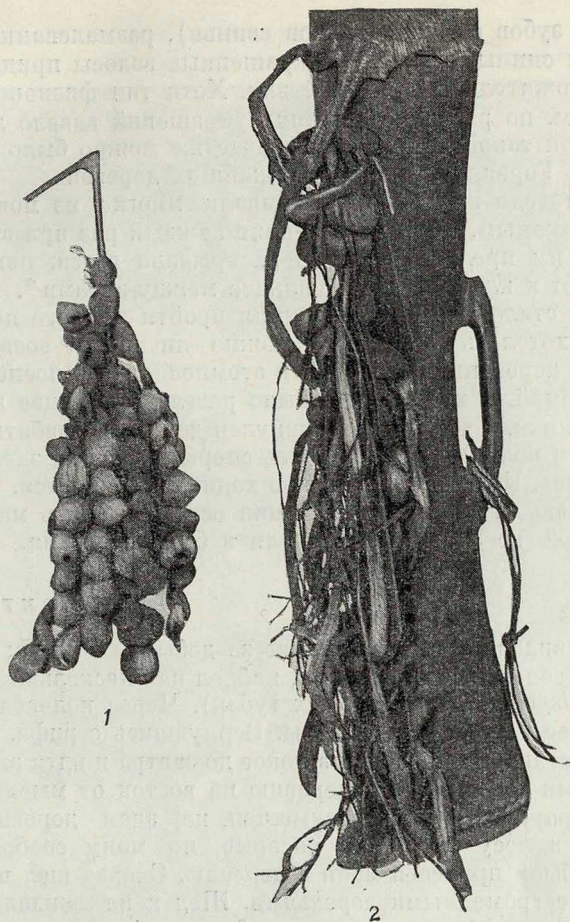
Этот подарок побудил, вероятно, и других туземцев посетить меня. Они принесли мне кокосов и сахарного тростнику, на что я ответил пустой коробкой и гвоздями средней величины. Немного погодя, еще явилось несколько человек, также с подарками; я дал каждому по два гвоздя средней величины.

Надо заметить, что в этом обмене нельзя видеть продажу и куплю, а обмен подарками: то, чего у кого много, он дарит, не ожидая непременно вознаграждения. Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отношении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесенные ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад.

Я сделал еще другое замечание: моя хижина и я сам производят на туземцев какое-то особенное впечатление — им у меня не сидится, они осматриваются, точно каждую минуту ждут появления чего-то особенного. Весьма немногие смотрят мне в глаза, а отворачиваются или нагибаются, когда я взгляну на них. Некоторые смотрят на мою хижину и на вещи в ней как-то завистливо (хотя я не могу описать точного выражения таких лиц, но почему-то мне кажется, что в их лице выражается зависть). Раза два или три приходили ко мне люди, смотревшие на меня очень злобным, враждебным взглядом. Брови у них были сильно пахмурены и верхняя губа как-то поднята вверх; каждую минуту я ожидал, что она поднимется выше и что я увижу их сжатые зубы.

Следы «Витязя» видны кругом моего мыса; по лесу трудно пройти, везде срубленные деревья, сучья, висящие на спутанных лианах, заграждают путь. Старые тропинки завалены во многих местах. Понятно, все это приводит папуасов в изумление; своими каменными топорами они не нарубили бы в целый год столько деревьев, сколько матросы в несколько дней.

Всю ночь была слышна у моих соседей в Горенду музыка: дудка и барабан. Дудка состоит из просверленной сверху и сбоку скорлупы кокосового ореха, особенно малой величины; есть также дудки из бамбука. Барабан же представляет большой выдолбленный ствол от 2 до 3 м длины и от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ м ширины; он имеет вид корыта, поддерживается двумя брусками; когда ударяют по бокам его большими палками, то удары слышатся на расстоянии нескольких миль. У моих соседей сегодня, вероятно, праздник: приходившие ко мне имели физиономию, окрашенную красной охрой, и на спине разные узоры; почти у

Погремушка (1) и барабан (2) с берега Маклая

всех в волосах воткнуты гребни с перьями. Туй прислал с одним из своих сыновей свинины, плодов хлебного дерева, бананов и таро, все хорошо сваренное и аккуратно завернутое в большие листья *Arthocarpus incisa*.

2 октября

Приходили и сегодня мои соседи из Горенду с несколькими гостями, жителями островка Били-Били (на русской карте назван островом Витязь). Большое число разных украшений (из

раковин, зубов собак и клыков свиньи), размалеванные физиономии и спины, взбитые, выкрашенные волосы придавали гостям положительно парадный вид. Хотя тип физиономии был неотличим, но различие внешних украшений давало людям из Били-Били такой вид, что их сейчас же можно было отличить от людей Горенду и других ближайших деревень.

Мои соседи из Бонгу показывали многие из моих вещей своим знакомым, причем последние каждый раз при виде неизвестного им предмета широко раскрывали глаза, немного разевали рот и клали один из пальцев между зубами*.

Когда стало темнеть, я вздумал пройти немного по тропинке. Мне хотелось убедиться, можно ли будет возвращаться ночью из деревень; но вдруг так стемнело, что я поспешил вернуться домой, и хотя можно было разглядеть общее направление тропинки, но, однако, я вернулся домой с разбитым лбом и больным коленом, наткнувшись сперва на сук, а затем на какой-то пенёк. Итак, по лесу ночью ходить не придется.

Замечаю, что в бутылке чернил осталось очень мало, и положительно не знаю, найдется ли в багаже другая.

3 октября

Отправился утром при отливе за добычей на риф; гуляя по колену в воде, сверх ожидания, набрел на несколько интересных *Calcispongia* (известковых губок). Через полчаса у меня было более чем на день работы. Вернувшись с рифа, я решил, однако, оставить микроскоп в покое до завтра и идти знакомиться с моими соседями — в деревню на восток от мыса Обсервации. Отправился я туда, разумеется, не зная дороги, просто выбирая в лесу тропинки, которые, по моим соображениям, должны были привести меня в деревню. Сперва шел по лесу — густому, с громадными деревьями. Шел и наслаждался разнообразием и роскошью тропической растительности, новизной всего окружающего...

Из леса вышел к морю. Следуя морским берегом, нетрудно было добраться до деревни. Так как я не встретил никого дорогой, то некому было дать знать жителям Гумбу о моем приближении. Свернув с морского берега на хорошо утоптанную тропинку и сделав несколько шагов, я услышал голоса мужчин и женщин. Скоро показались из-за зелени крыши хижин. Пройдя около одной из них, я очутился на первой площадке деревни, где увидел довольно многочисленную и оживленную сцену. Двое мужчин работали над исправлением крыши одной из хижин и казались очень занятыми; несколько молодых девушек и

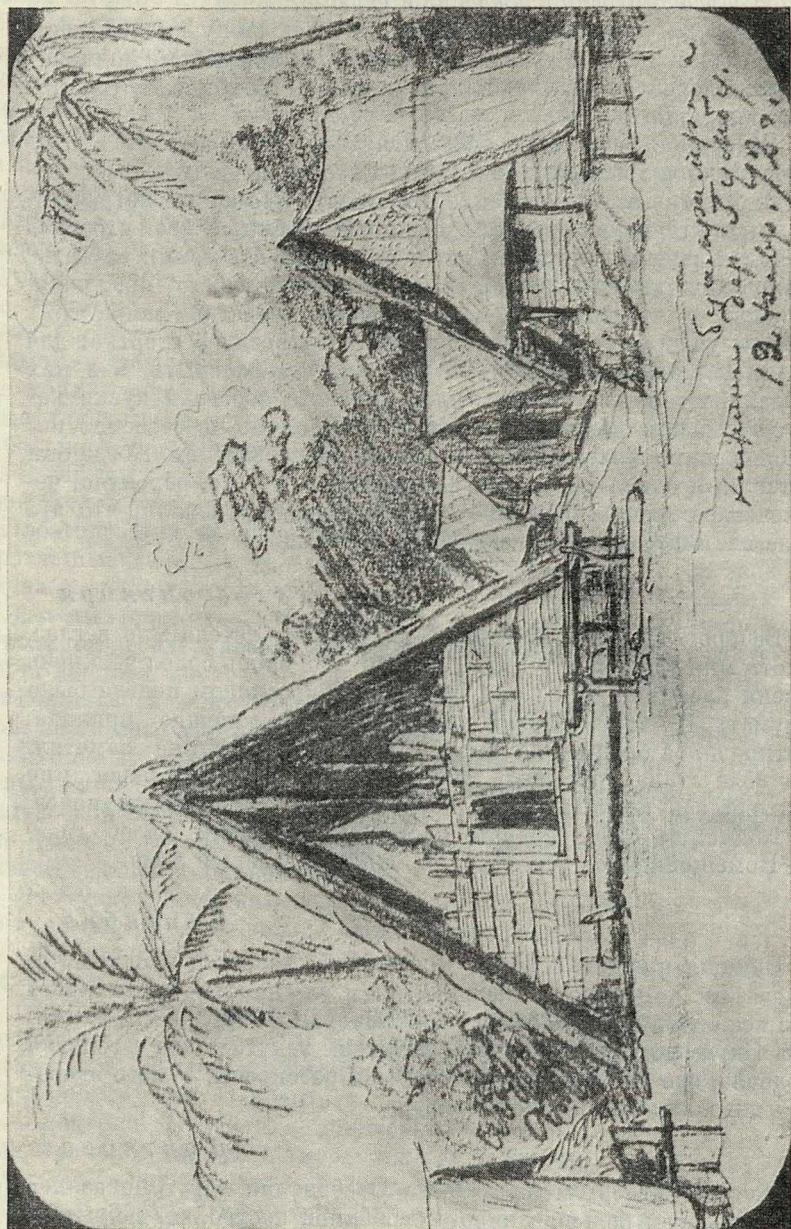
* Это вкладывание пальца, иногда и двух, в рот оказалось очень характерным и общим выражением удивления у туземцев.

Марамай, папуас с о. Били-Били

мальчишек плели, сидя на земле, циновки из листьев кокосовой пальмы и подавали их людям, поправлявшим крышу; две или три женщины возились с детьми разного возраста; две громадные свиньи с поросятами доедали остатки завтрака. Хотя солнце было уже высоко, но тени на площадке было много, и жар вовсе не чувствовался. Разговор был общий и казался очень оживленным. Картина эта по своей новизне имела для меня громадный интерес. Вдруг пронзительный крик — разговор оборвался, и наступила страшная суматоха. Женщины и девушки с криками и воплями бросили свои занятия и стали хватать грудных детей, которые, разбуженные внезапно, плакали и ревели; подростки, приведенные в недоумение испугом матерей, завизжали и заголосили; таща детей с собою, боясь оглянуться, женщины кинулись в лес; за ними последовали девушки и подростки; даже собаки с воем и свиньи с сердитым хрюканьем побежали за ними.

Встревоженные воплями женщин, сбегались мужчины со всей деревни, по общей части вооруженные чем попало, и обступили меня со всех сторон. Я стоял спокойно посреди площадки, удивляясь этой тревоге, недоумевая, почему мой приход мог произвести такую кутерьму. Я очень желал успокоить туземцев словами, но пока я таковых не знал, и приходилось довольствоваться лишь жестами, что было вовсе не легко. Они стояли вокруг меня, нахмурившись, и перекидывались словами, которых я не понимал. Устав от утренней прогулки, я отправился к одной из высоких платформ, взобрался на нее, расположился довольно удобно и знаками пригласил туземцев последовать моему примеру. Некоторые поняли, кажется, что я не имею намерения повредить им, заговорили между собою уже спокойнее и даже отложили в сторону оружие, между тем как другие, все еще подозрительно оглядываясь на меня, не выпускали своих копий из рук. Группа туземцев вокруг меня была очень интересна, но мне нетрудно было заметить, что мой приход был им крайне неприятен. Большинство посматривало на меня боязливо, и все как будто томительно ожидали, чтобы я удалился. Я вынул мой альбом, сделал несколько набросков хижин, расположенных вокруг площадки, высоких платформ, подобных той, на которой я сидел, и перешел затем к записыванию некоторых замечаний о самих туземцах, оглядывая каждого с ног до головы очень внимательно. Мне стало ясно, что мое поведение начинает смущать туземцев; особенно не нравился им мой внимательный осмотр. Многие, чтобы избавиться от моего пристального взгляда, встали и ушли, что-то ворча. Мне очень хотелось пить. Меня соблазняли кокосовые орехи, но никто не подумал предложить мне даже один из валявшихся на земле свежих кокосов, чтобы утолить жажду. Никто из

туземцев не подошел ближе и не постарался заговорить со мною, а все смотрели враждебно и упрямю.

Понимая, что, оставаясь долее, я не подвину вперед моего дела — знакомства с туземцами, я встал и при общем молчании прошел через площадку, направляясь по тропинке, которая и привела меня к морю.

Возвращаясь домой и обдумывая виденное, я пришел к заключению, что сегодняшняя моя экскурсия доказывает, как нелегко будет одолеть недоверие туземцев, и что на это потребуются немало терпения и такта в обращении с ними с моей стороны. Придя к закату солнца домой, я был встречен моими слугами, которые начинали беспокоиться по случаю моего продолжительного отсутствия; они, между прочим, известили меня, что в мою отлучку двое жителей Горенду принесли 3 свертка: для меня, для Ульсона и Боя. Я приказал их раскрыть, и в них оказались вареные бананы, плод хлебного дерева и куски какого-то мяса, похожего на свинину. Мясо мне не особенно понравилось, но Ульсон и Бой ели его с удовольствием. Когда они кончили, я очень смутил их замечанием, что это, вероятно, человеческое мясо. Оба очень сконфузились и уверяли, что это была свинина; однако я остался в сомнении.

4 октября

Вечером какое-то маленькое насекомое влетело мне в глаз, и хотя мне удалось его вытащить, но глаз очень болел всю ночь и веки распухли, так что о работе с микроскопом нельзя было и думать. По этому случаю утром, при самом начале прилива, я отправился бродить на риф и так увлекся, что не заметил, как вода стала прибывать. Возвращаясь с рифа на берег, мне приходилось несколько раз погружаться в воду выше пояса.

Кончили крышу веранды и возились с уборкой своего гнезда. Помещение мое всего в 1 кв. сажень, а вещей тьма.

5 октября

Очищал площадку перед хижинкой от хвороста и сухих листьев. Мое помещение с **каждым** днем улучшается и начинает мне все более и более нравиться. Вечером слышу — кто-то стонет. Иду в дом и застаю Боя, который, закутавшись с головой в одеяло, еле-еле мог ответить на мои расспросы. У него оказалась довольно высокая температура.

6 октября

Часу в четвертом из-за мыса Обсервации вдруг показался парус, а затем большая пирога особенной постройки, с крытым помещением наверху, в котором сидели люди, и один только

стоял на руле и управлял парусом. Подойдя ближе к моему мыску, рулевой, повернувшись в нашу сторону, начал что-то кричать и махать руками. Такой большой пироги я здесь по соседству еще не видал. Пирого направилась в Горенду, но через пять минут показалась другая, еще больше первой; на ней стоял целый домик, или, вернее, большая клеть, в которой помещалось человек 6 или 7 туземцев, защищенных крышей от жарких лучей солнца. На обеих пирогах было по две мачты, из которых одна была наклонена вперед, другая назад. Я догадался, что мои соседи захотят показать своим гостям такой курьез, как белого человека, и приготовился поэтому к встрече. Действительно, через четверть часа с двух сторон, из деревень Горенду и Гумбу, показались туземцы. С гостями, при бывшими, как я узнал, с островка Били-Били, пришло несколько моих соседей туземцев, чтобы объяснить своим гостям разные диковинные вещи у хижины белого. Люди из Били-Били с большим удивлением и интересом рассматривали все: кастрюли и чайник в кухне, мое складное кресло на площадке, небольшой столик там же. Мои башмаки и полосатые носки возбудили их восторг. Они не переставали открывать рот, приговаривая протяжные «а-а-а»... «е-е-е»..., чмокать губами, а в крайних случаях вкладывать палец в рот. Гвозди им также понравились. Я дал им, кроме гвоздей, несколько бус и по красной тряпке, к великой досаде Ульсона, которому не нравилось, что я раздаю вещи даром и что гости пришли без подарков. У людей из Били-Били часть волос была тщательно выкрашена красной охрой; лоб и нос были раскрашены той же краской, а у некоторых даже спины были размазаны. У многих на шее висело ожерелье, которое спускалось на грудь и состояло из двух клыков папуасской свиньи (*Sus papuensis*), связанных таким образом, что, вися на груди, они представляли лежащую цифру 3 с равной верхней и нижней частью.

Это украшение, называемое жителями Горенду «буль-ра», по-видимому, очень ценится ими. Я предлагал им взамен буль-ра нож, но они не согласились на такой обмен, хотя и очень желали добыть нож.

Они были очень довольны моими подарками и ушли в отличном настроении духа. Я был, однакоже, удивлен, увидев их снова через полчаса, на этот раз нагруженными кокосами и бананами; они успели сходить к своим пирогам и принести мне свои подарки. Церемония поднесения подарков имеет здесь свои правила: так, например, каждый приносит свой подарок отдельно от других и передает его прямо в руки лицу, которому хочет дарить. Так случилось и сегодня: каждый передал свой подарок сперва мне, затем Ульсону — значительно менее, а затем Бою — еще меньше. Люди Били-Били долго оставались

у хижины и, уходя, когда стало темнеть, знаками указывая на меня и мою шлюпку, а затем на свой островок, который виднелся вдаль, показывали жестами, что не убьют и не съедят меня и что там много кокосов и бананов. Прощаясь, они пожимали мне руку выше локтя. Двое, которым я больше почему-то подарил безделушек, обнимали меня левой рукой и, прижимая одну сторону моей груди к своей, повторяли: «О Маклай! О Маклай!» Когда они отошли на несколько шагов, то, полуобернувшись и остановившись, согнули руку в локте и, сжимая кулак, разгибали ее; это был их последний прощальный привет, после которого они быстро скрылись.

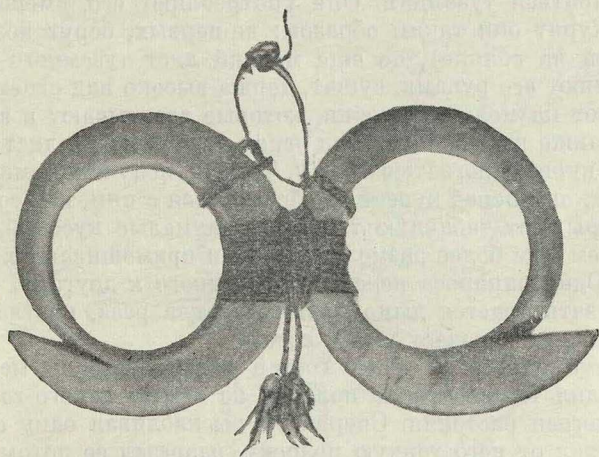
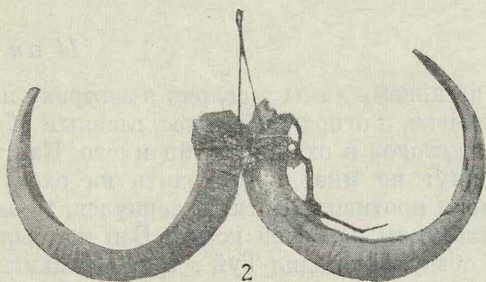
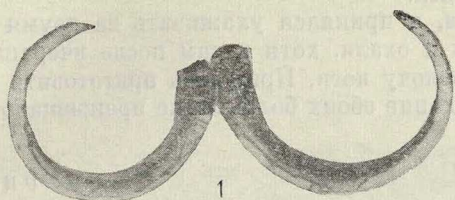
11 октября

Меня свалил сегодня первый пароксизм лихорадки. Как ни крепился, пришлось лечь и весь день пролежать... Было скверно.

12 октября

Сегодня наступила очередь Ульсона. Когда я встал, ноги у меня дрожали и подгибались. Бой тоже уверяет, что нездоров. Моя хижина теперь — настоящий лазарет. Узнал сегодня от Туя имена разных деревень, виднеющихся с моего мыска. Я удивлялся числу имен: каждый ничтожный мысок и ручеек имеет специальное туземное название; так, напр., небольшой мысок, на котором стоит моя хижина, где никогда до меня никто не жил, называется Гарагасси; мыс Обсервации напротив — Габина и т. д. Деревня, которая была посещена мной вечером в день прихода «Витязя» в порт Константина, называется, как я уже упоминал несколько раз, Горенду. Затем идет Бонгу, дальше Мале, еще дальше (отличающаяся несколькими светло-желтоватыми кустами (*Coleus*) и лежащая у самого берега деревня, которую я посетил с офицерами «Витязя») Богатим. Еще далее у мыска, недалеко уже от островка Били-Били, — дер. Горима; на восток от Гарагасси деревня, к которой мне не удалось пристать в первый день, называется Гумбу, затем далее Маратум, еще далее дер. Рай.

При расспросах Туя я не мог не подивиться его смелости, с одной стороны, и некоторой тупости или медленности мышления — с другой. Слушая названия, я, разумеется, записывал их и на той же бумаге сделал набросок всей бухты, намечая относительное положение деревень. Туй это понимал, и я несколько раз проверял произношение названий деревень, прочитывая их громко, причем Туй поправил не только два названия, но даже и самый набросок карты. В то же время мое записывание имен и черчение на бумаге несколько не заинтересо-

Нагрудные украшения папуасов из кабаньих клыков (1, 2)
и раковин (3)

вали его; он как будто и не замечал их. Мне казалось странным, что он не удивлялся.

Отпустив Туя, я принялся ухаживать за двумя больными, которые стонали и охали, хотя и сам после вчерашнего пароксизма еле-еле волочу ноги. Пришлось приготовить обед самому. Весь вечер охание обоих больных не прекращалось.

13 октября

У меня пароксизм повторился. Все больны... Скверно, а когда начнется дождливое время года, будет, вероятно, еще сквернее.

14 октября

Дав людям по приему хины и сварив к завтраку по две порции риса на человека, я отправился в лес, главным образом чтобы отделаться от стонов и оханий. Птиц много. Как только туземцы попривыкнут ко мне, буду ходить на охоту, так как консервы для меня противны. Когда я вернулся, то застал Ульсона все еще охающим на своей койке, Бой же был на ногах и варил бобы к обеду. Приходил Туй с тремя людьми из Гумбу. Привезенный мною табак (американский в табличках) начинает нравиться туземцам. Они употребляют его, смешивая со своим. Курят они таким образом: во-первых, берут полусухой (сушеный на солнце), но еще мягкий лист туземного табаку, расправляют его руками, сушат, держа высоко над огнем, затем разрывают на мелкие кусочки, которые свертывают в виде сигары в также высушенный над огнем специальный лист *, а затем уже курят, проглатывая дым. Теперь, получая от меня иногда табак, они перед курением обращаются с ним, как со своим, т. е. разрывают табачную табличку на малые кусочки, сушат их, а затем еще более размельчают их и примешивают к своему табаку. Одна папироса переходит от одного к другому, причем каждый затягивается дымом один или два раза, проглатывает его медленно и передает сигару соседу.

Занятие одного из моих гостей заинтересовало меня. Он приготовлял тонкие, узкие полоски из ствола какого-то гибкого, выщегося растения. Сперва он выскабливал одну сторону его, отдирав от него тонкую полоску, разрезал ее потом осколками раковины, которые он менял или обламывал, чтобы получить острый край, служивший ему ножом. Эти полоски назначались для плетения браслетов «сагю», носимых туземцами на

* Я постоянно замечаю, что для отыскания подходящего листа туземцы уходят в лес и возвращаются с каким-нибудь листом, но не всегда одинаковым.

руках выше бицепса и на ногах у колен. Туземец так ловко и быстро работал своим примитивным инструментом, что, казалось, никакой другой не может служить лучше для этой цели.

Единственным лакомством является здесь для меня кокосовая вода. Кроме нее и чаю, я ничего не пью. Обыкновенно выпиваю два кокосовых ореха в день.

15 октября

Из вчерашнего моего разговора с Туем оказывается, что горы вокруг залива Астролябии весьма населены. Он называл множество имен деревень, прибавляя к каждому имени слово «мана», т. е. гора.

После трех дней лежания цвет лица Боя заметно посветлел — побледнел.

16 октября

Вчера вечером — сильнейшая гроза. Дождь шел ливнем и пробил мою крышу. На столе моем был настоящий потоп; пришлось убирать бумаги и книги, и ночь я провел в большой сырости.

Сегодня в продолжение дня перебивало в моей хижине более 40 человек из разных деревень, что мне порядком надоело; умей я говорить — дело было бы иное; но изучение языка идет вперед все еще туго.

17 октября

У Боя, только что оправившегося от лихорадки, явилась новая болезнь — сильная опухоль лимфатических желез в паху, отчего он движется еще медленнее прежнего. Ульсон тоже плох. Еле-еле шевелит языком, словно умирающий, валяется весь день, ночью вздыхает и охает; вечером же, при заходе солнца, выползает и прохлаждается с непокрытой головой, разумеется, украдкой от меня, так как я ему запретил выходить куда-либо без шляпы, особенно при свежем береговом ветре.

Последнюю неделю мне часто приходилось стряпать на нас троих.

Я привязан к этим двум субъектам и не могу никуда уйти из дому на несколько дней. Туземцы их несколько не слушаются, между тем как я взглядом заставляю моих соседей останавливаться и повиноваться мне. Замечательно, как они не любят, когда я на них смотрю, а если нахмурюсь и посмотрю пристально — бегут.

18 октября

Начали разводить огород, сделали гряды. Работа была не-легкая, так как слой земли очень незначителен, и, покопав немного, натыкаешься на коралл. Кроме того, множество корней так перепутано, что приходится работать топором столько же, сколько и лопатой. Посеяли бобы, семена тыквы с Таити и кукурузу; не знаю еще, что взойдет, так как семена, кажется, плохи (т. е. лежали слишком долго). Был несколько часов в лесу, дивясь громадному разнообразию растительных форм; сожалел на каждом шагу, что смыслю так мало в ботанике.

19 октября

Погода меняется. Кажется, что скоро начнутся дожди, а моя крыша протекает. Чувствуются последствия лихорадки: усталость во всем теле и нежелание чем-либо заняться.

К ночи собралась гроза. Беспреданно сверкала яркая молния, но грома почти что не было слышно.

20 октября

Сегодня визит тринадцати человек с Ямбомбы, островка близ Били-Били, которые, должно быть, много слышали обо мне от обитателей последнего. Из моих подарков они ценили всего более гвозди.

Наблюдал долго, как сын Туя, мальчик лет 15, стрелял из лука в рыбу, но очень неуспешно: не попал ни в одну. Стрелы исчезали на секунду в воде, а затем выплывали на поверхность, стоя в воде перпендикулярно. Затем они снова были собраны охотником. Стрелы эти отличаются от обыкновенных тем, что имеют вместо одного острия несколько — четыре, пять, иногда и более. Острие сделано из твердого дерева и всажено в длинный, тонкий тростник.

Я решил увеличить мое помещение — заменить высокое крыльцо верандой, т. е. переставить трап и закрыть полустеной (из кокосовых листьев) переднюю часть веранды.

Задумано — сделано. Отправился в лес с Боем. У каждого из нас было по топору. Мы нарубили разного материала для постройки, и к обеду, т. е. к 4 часам, веранда была готова. Она имеет 4 фута ширины и 7 футов длины. Из высокого ящика, поставленного на другой, устроил я род стола. Это будет мое обычное место для работы днем, так как здесь светло и можно будет говорить с туземцами, не двигаясь с места. Кроме того, отсюда прелестный вид на море.

Расскажу сегодня, как проводил до сих пор большинство дней.

Вставал я ранее моих слуг, еще в полутемноте, часов в пять; отправлялся кругом дома посмотреть, не случилось ли чего нового за ночь, затем спускался к ручью мыться, причем очень часто забывал взять с собою мыло. Придешь вниз, вспомнишь, что мыло забыл, ну и лень подняться за ним в хижину, особенно когда я нашел прекраснейший суррогат мыла в мелком песке на дне ручья. Захватишь немного этого песка, потрешь им руки, которые делаются немного красными, но зато совершенно чистыми, затем, крепко зажмурясь, вытрешь им лицо. Одно неудобство: много песка остается в бороде. Возвращаюсь к дому около 5 час. 45 мин. Уже светло. Бой разводит огонь и греет воду для чая. Я отправляюсь на веранду и жду там чая, который мне подают с сухарями или печеными бананами, очень приятными на вкус. Около 7 часов записываю температуру воздуха, воды в ручье и в море, высоту прилива, высоту барометра, направление и силу ветра, количество истратившейся воды в эзапорометре; вынимаю из земли зарытый на 1 м глубины термометр и записываю его показание.

Окончив метеорологические наблюдения, отправляюсь или на коралловый риф за морскими животными, или в лес за насекомыми. С добычей сажусь за микроскоп, или кладу в спирт, собранных насекомых, или же принимаюсь за какую-нибудь другую работу до 11 часов. В 11 завтракаю. Завтрак состоит из отваренного рису с кэрри. После завтрака ложусь в повешенный на веранде гамак и качаюсь в нем до часа, причем часто засыпаю. В час те же метеорологические наблюдения, как в 7 часов. Затем опять принимаюсь за какую-нибудь работу, как, напр., приведение в порядок наблюдений, записанных в карманной книжке, реже за чтение.

Приход папуасов часто прерывает мои занятия, так как я спешу к ним, не желая упустить случая прибавить несколько слов к моему папуасскому словарю. После пяти отправляюсь погулять в лес до обеда, который подает мне Бой около 6 часов и который состоит из тарелки отваренных чилийских бобов с небольшим куском «чарки» * и одной или двух чашек чаю. Тарелка рису утром, тарелка бобов вечером, несколько чашек чаю в день — вот моя ежедневная пища. Привезенные мною несколько банок мясных и рыбных консервов я вполне предоставил моим слугам. Самый вид их мне противен.

* Чарки — чилийское название сушеной говядины, привезенной мною из Вальпарайсо.

Время после обеда я посвящаю на разные домашние работы, как то: чистку ружей, уборку своей кельи, а затем, сменив мой костюм, сделанный из бумажной материи, на фланелевый, когда темнеет, сажусь на пенё, у берега, слежу за приливом и отливом, рассматриваю далекий горизонт, облака и т. д. Иногда ложусь снова в гамак и прислушиваюсь к раздающемуся кругом меня в лесу крику птиц и трескотне десятков разноголосых цикад. В 8 часов иду в комнату и, зажегши свою небольшую лампочку (более похожую на ночник, чем на лампу), записываю происшествия дня в дневник. В 9 часов опять метеорологические наблюдения и, наконец, предпоследний акт дня — очищаю кокосовый орех и выпиваю его прохладительную воду. Вернувшись в комнату, осматриваю заряженные ружья и ложусь на жесткую постель, состоящую из двух корзин, покрытых одеялом вместо тюфяка и простынь. Засыпаю обыкновенно очень скоро. Визиты туземцев и заболевание Ульсона и Боя нарушают немного ход этой с виду однообразной, но в действительности для меня очень интересной жизни.

23 октября

Приходил Туй с двумя другими туземцами. Все были вооружены копьями, луками со стрелами, и у каждого было по топору на плече. Я выразил желание, чтобы гости показали мне употребление лука и стрел, что они сейчас же и исполнили. Стрела пролетела около 65 шагов, но при этом было заметно, что даже легкий ветер имеет большое влияние на полет ее. На таком расстоянии она навряд ли могла бы причинить серьезную рану; шагов на 20 или на 30 — иное дело, и Туй, может быть, прав, показывая, что стрела может пронзить руку насквозь.

Затем Туй показал целый маневр боя. Держа лук и стрелы на левом плече, а копьё в правой руке, он отбежал шагов 10, кидаясь в разные стороны, сопровождая каждое движение коротким, резким криком. Он то натягивал тетиву лука и пускал стрелу, то наступал с копьём, как будто стараясь ранить неприятеля, то прятался за деревьями, иногда нагибался или быстро отпрыгивал в сторону, избегая воображаемой стрелы. Другой туземец, соблазнившись примером, присоединился к нему и стал представлять противника; этот турнир был интересен и довольно характерен.

24 октября

Сегодня утром я был удивлен внезапным появлением грибов различных форм, которых я прежде не видел. Они выросли решительно повсюду: на стволах деревьев, на земле, на камнях

и даже на перилах моей веранды. Вчера вечером их положительно не было. Очевидно, они выросли за ночь. Чему приписать это появление, не знаю.

Думая об этом, мне пришло на ум внезапное и трудно объяснимое появление разных эпидемических болезней, которые также, вероятно, происходят от внезапного развития микроскопических грибов и тому подобных организмов. Один из более курьезных грибов, выросший в продолжение нескольких часов и удививший меня своею величиной и формой, я тщательно нарисовал.

Сегодня я обратил внимание еще на то обстоятельство, что в этих странах носовой платок делается почти ненужной вещью. В продолжение месяца у меня в кармане пролежали почти без употребления только два платка. Причина тому — отсутствие или большая редкость катара носовой полости, который в Северной Европе почти что постоянен.

Лунная ночь сегодня великолепна. В лесу фантастически хорошо. Качаясь в своем гамаке, подвешенном между деревьями, прислушиваясь к ночной музыке и созерцая разнообразие растительных форм, облитых лунным светом... *verlor mich ganz in der Contemplation der prachtvollen geheimnisvoll-fantastischen Umgebung* *... Да простят мне русские патриоты и реалисты эти строки!

25 октября

Лежание в гамаке вечером не прошло мне даром. Ночью чувствовал озноб и проснулся весь в испарине и каким-то расслабленным. Все утро одолевала такая лень, что почти ничего не делал. Лень было даже и читать, так как держать книгу, лежа в гамаке, показалось мне слишком утомительным. После обеда рисовал, но вскоре стемнело, — не успел кончить. Снова идет дождь; приходится переносить вещи с одного места на другое. Бой все еще лежит, Ульсон еле-еле двигается.

Удобный у меня характер — живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, напр., в настоящую минуту, когда крыша протекает, на голову падают крупные капли холодного дождя и когда все бумаги, рисунки и книги на столе, перед которым я сижу, могут вымокнуть.

* — я растворяюсь в созерцании великолепных таинственно-фантастических окрестностей. — *Ред.*

26 октября

Я и Ульсон работали целый день в лесу, а затем в хижине, стараясь поправить крышу. Бой, все еще страдающий от своей опухоли, охает, или, вернее, мычит, как теленок. Этот концерт мне был так невыносим, что выгнал меня из дому. Дав больному небольшой прием морфия, я вышел на площадку. Ночь была великолепная, и долетавшие стоны больного представляли резкий диссонанс с невыразимой прелестью природы.

27 октября

Стон Боя продолжался всю ночь, часто будил меня, и благодаря ему я проснулся, когда уже было совсем светло и когда Ульсон принес мой завтрак на веранду, сказав при этом, что Туй уже давно сидит в кухне. Выпив чай, я отправился в кухню (в шалаш) и, действительно, увидел там пауаса, но совершенно мне незнакомого. Я принялся рассматривать его, но все-таки не мог припомнить, где и когда я его видел. Я предположил, что незнакомец пришел вместе с Туем, а последний уже ушел. Каково же было мое удивление, когда Ульсон спросил меня, неужели я не узнаю Туя. Я снова взглянул на туземца, который, улыбаясь, показывал на осколки стекла и на свою верхнюю губу; тут я заметил, что он выбрил усы и часть бороды. Это так изменило лицо моего старого знакомого, что я его сперва вовсе не узнал. Губы и подбородок были отлично выбриты; он так искусно совершил эту операцию, что нигде не было ни царапины.

Открытие, что стеклом удобно бриться (на островах Полинезии этот способ очень в ходу), до которого Туй дошел совершенно самостоятельно, сильно повысит ценность разбитых бутылок, в чем я сейчас же убедился, видя с каким выражением удовольствия Туй получил в подарок от Ульсона несколько осколков стекла. Сходство разбитого стекла с отбитыми осколками кремня или кусочками разбитых раковин — инструменты, употребляемые пауасами для резания, — легко объясняет открытие Туя, но вместе с тем доказывает наблюдательность и желание туземцев знакомиться опытом с новыми для них предметами.

Войдя на мою веранду, я сделал неприятное открытие: крыша, над которой я трудился часов пять, снова протекает, чего я никак не мог ожидать, накладывая сплетенные кокосовые листья очень часто. Обдумывая причину течи, я пришел к заключению, что виной тому не материалы и не кладка листьев, а слишком малая покатость крыши. Таким образом объясняется высота крыш хижин на островах Тихого океана. Эта-то

высота и крутизна главным образом и делают крыши непромокаемыми.

Чувствуя себя плохо, я принял хины (прием в полграмма), и хорошо сделал, потому что к часу я чувствовал лихорадку во всех членах, но благодаря приему хины предупредил пароксизм. Ульсон тоже плох: ходит и говорит как больной. Бой не встает. Опять лазарет. Бываю в доме только по вечерам и ночью. Целый день на площадке около дома и нередко на веранде. Приходится зажигать лампу в половине седьмого. Не проходит вечера или ночи без отдаленного прома и очень яркой молнии. Сегодня опять гроза, опять течет на стол, на книги... Везде мокро.

28 октября

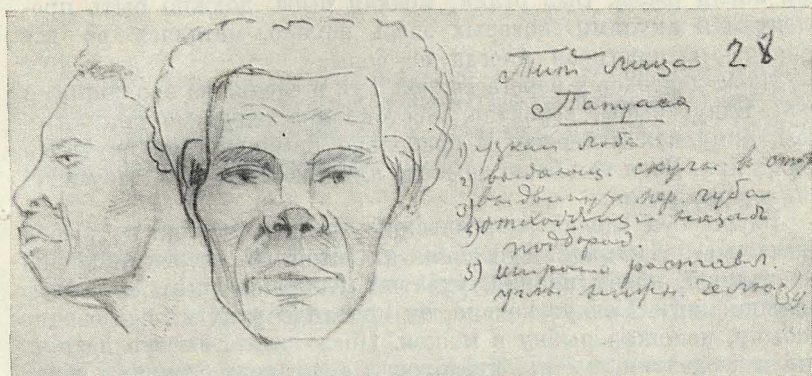
Приходил опять Туй, опять я его вначале не узнал — так изменилось выражение его лица. Его физиономия, казалось мне, отличалась от других своею симпатичностью; теперь она производит на меня неприятное впечатление. Причина тому — выражение рта. Линия рта вообще имеет значительное влияние на выражение лица, но такого разительного доказательства верности этого замечания я еще не встречал. Усы и борода, действительно, хорошая маска.

Опять часу во втором вдаль показались парусные пироги. Думал, что придут гости, но никто не явился.

Бой стонет ужаснейшим, раздирающим голосом; дал ему небольшой прием морфия, который его скоро успокоил. В 8 часов пошел дождь. В 9 часов, окончив мои метеорологические наблюдения, я уже хотел лечь спать. Вдруг опять слышу стоны. Что такое? У Ульсона опять пароксизм. Очень сожалею, что поселился под одной крышей с другими. Это будет в последний раз.

29 октября

Несмотря на стоны Ульсона, я заснул. Но не успел проспать и получаса, как снова был разбужен странным воем, который, казалось, то приближался, то опять удалялся. Спросонья я не мог дать себе отчета, что это может быть. Вышел на веранду. Дождь перестал, и было не слишком темно. Я оделся, вышел, сошел к ручью, и мне пришла фантазия пойти по тропинке в Горенду и послушать вблизи пение папуасов, так как вышеупомянутый вой не мог быть ничем иным, как пением туземцев. Надо было сказать Ульсону, что я уйду. Ему моя фантазия очень не понравилась. Он уверял меня, что если папуасы вдруг придут, то непременно убьют его и Боя, так как оба

Тип лица папуаса

они больны и защищаться не могут. В утешение я поставил мое двухствольное ружье около его койки и уверил, что при первом выстреле вернусь немедленно в Гарагасси. Хотя дождь и прошел, но было пасмурно; однако благодаря взоспешей, хотя и скрытой облаками луне я мог пробираться осторожно по тропинке. Пение слышалось все громче, по мере того как я приближался к Горенду. Очень утомившись от этой прогулки в полутемноте, я сел на пенё и стал вслушиваться. Пение, или вой, несшийся мне навстречу, был очень прост, и напев постоянно повторялся. Кроме того, этот примитивный мотив еще поднимался и опускался неправильными волнами, то неожиданно совсем обрывался, чтобы начаться через полминуты. От времени до времени слышались удары барума.

Иногда тот же напев, начинаясь медленно, тихо протяжно, постепенно рос, делался все громче и громче, такт все учащался; наконец, пение переходило в какой-то почти что нечеловеческий крик, который, внезапно обрываясь, замирал.

Сидя на пне, я раза два чуть было не свалился. Мне казалось, что я вижу какой-то страшный сон. Очнувшись во второй раз и чувствуя большое желание спать, я переменял намерение: вместо того чтобы идти вперед, я пошел назад и не помню, как добрался до моей хижины, где тотчас же лег, даже не раздеваясь. Несколько раз еще впросонках слышал отрывки папуасского концерта.

30 октября

Сегодня утром шел в первый раз в это время дня дождь. Не наступает ли дождливое время года? Когда дождь перестал, я был свидетелем, сидя на пне у моего флагштока, оригиналь-

ной ловли рыбы. Был отлив; мелкая рыба, должно быть преследуемая акулами, которых здесь немало, металась во все стороны, выпрыгивая иногда из воды.

Из-за деревьев у берега вышел Туй и следил за эволюциями рыб. Вдруг рыбы, вероятно, жестоко преследуемые неприятелем, кинулись к берегу. В несколько прыжков Туй очутился около них. Вода там была немного ниже колен, и дно, разумеется, хорошо видно.

Вдруг Туй сделал энергический прыжок, и одна из рыбок оказалась пойманной. Туй ловил их ногой. Он сперва придавил ее ступней, потом поднял, ухватив между большим и вторым пальцем ноги. Согнув колено, он протянул руку и, высвободив добычу, положил рыбку в мешок. После этого, быстро нагнувшись и схватив камень, Туй бросил его в воду с значительной силой; потом, подойдя к тому месту, куда был брошен камень, он, стоя на одной ноге, поднял другую, убитую камнем рыбку. Все было сделано не только очень искусно, но даже и весьма грациозно. Туй, однакоже, человек далеко не молодой; мне он кажется лет около 45 или более.

Увидев меня на моем мыске, он пришел в Гарагасси. Я бросил на землю четвертушку бумаги и сказал, чтобы он поднял ее ногой. Я хотел знать, может ли он так плотно прижать большой палец ко второму, чтобы удержать бумагу. Бумага была мигом поднята и, перейдя у него за спиной в руку, была передана мне. Он то же сделал с небольшим камнем, который поднял с земли, не останавливаясь ни секунды.

Каждый день вижу новых бабочек, но мало приходится ловить их — не искусен я, притом с двух сторон море, а с других двух лес, свободного места вокруг дома немного. Сегодня видел особенно много больших и красивых бабочек, но словил только одну.

Не могу сказать, что совершенно здоров: голова очень тяжела, спина болит и ноги слабы. Ночью Бою было значительно лучше, так как я ему почти насильно прорезал большой нарыв — это было необходимо. Я приказал Ульсону держать его, и мигом было все сделано. Ночью, проснувшись около 11 часов, слышу опять стоны: у Ульсона пароксизм. Ходит, качаясь, со стеклянными глазами и осунувшимся лицом.

Состояние Боя начинает меня беспокоить: лихорадка, по видимому, прошла, но все-таки температура тела гораздо выше нормальной; кашель, который, по его словам, беспокоит его уже несколько лет, кажется, стал сильнее за последние недели вследствие опухоли, которая кончилась нарывом. Вот уже недели две, как он лежит и почти что не ест; это происходит отчасти вследствие поверья, что больному следует очень мало есть.

31 октября

Приходило несколько жителей Бонгу со своими гостями с ближайших гор, которые отличаются от береговых папуасов более небрежной прической и, как мне показалось, немного более светлым цветом кожи.

1 ноября

Видел снова несколько туземцев, живущих в горах. Они носят меньше украшений, чем береговые папуасы. Вдали показались две парусные пироги, идущие от деревни Богати, направляясь, кажется, сюда.

У папуасов нет обычая здороваться или прощаться между близкими соседями; они делают это только в экстренных случаях. Туй, бывающий в Гарагасси чаще других туземцев, приходит и уходит, не говоря ни слова и не делая никакого жеста. Я не ошибся: две партии туземцев, человек около двадцати, приходили ко мне. Так как я желал от них отделаться поскорее, то промолчал почти все время, не переставая наблюдать за моими гостями, расположившимися вокруг моего кресла.

Я не открыл пока у папуасов какой-нибудь любимой позы; они часто меняют свое положение: то сидят на корточках, то, опускаясь на колени, сидят на своих икрах, то, почти не изменяя этого положения, раздвигают ноги так, что их ступни приходятся по обеим сторонам ягодиц. Иногда они ложатся, подпирая подбородок рукой, и продолжают, переменив положение, говорить или есть.

Ульсон принес свою гармонику и стал играть; при первых звуках папуасы вскочили все разом и отодвинулись назад. Через несколько времени некоторые из них стали нерешительно подходить. В общем музыка, раздравшая мне уши (Ульсон играл какую-то матросскую песню), очень понравилась гостям; они выражали свое изумление и одобрение легким свистом и покачиванием из стороны в сторону. Чтобы отделаться от гостей, я роздал каждому по полоске красной материи, которой они повязали себе головы.

Вообще молодые люди здесь очень падки до всевозможных украшений. Для полного туалета папуасского денди требуется, вероятно, немало времени.

2 ноября

Ночью решил, что отправлюсь один в шлюпке посмотреть на конфигурацию ближайших холмов. Встав еще до света и выпив холодного чаю, так как завтрака ждать мне не хотелось, я отправился на шлюпке сперва к мыску Габина (мыс

Обсервации), а затем вдоль берега, по направлению к дер. Малё. За береговым лесом поднималось несколько холмов, футов в 300 высоты, склоны которых были не везде лесисты и покрыты высокой травой. В нескольких местах в горах, поднимавшихся над холмами, вились дымки костров. Вероятно, там расположены деревни.

В это же утро я занялся ловлей морских животных на поверхности, и скоро моя банка наполнилась несколькими небольшими медузами, сифонофорами и множеством ракообразных. Во всяком случае, сегодняшняя экскурсия показала мне богатство здешней морской фауны.

Немало утомившись, голодный, вернулся в Гарагасси к завтраку, после которого провел несколько часов за микроскопом, рассматривая более внимательно свою добычу.

После дневных трудов я лежал вечером спокойно в гамаке на веранде. Хотя не было поздно (всего 6 час. 45 мин.), но было уже очень темно. Черные облака приближающейся грозы надвигались все более и более. Я спокойно любовался молнией, внезапно озарявшей облака, как вдруг почувствовал, что мой гамак закачался, затем последовал другой толчок, но на этот раз покачнулся и заходил не только гамак, но вместе с ним и крыша, и стены, и столбы моего дома. Прибежавший из кухни Ульсон стал меня настойчиво спрашивать, будет ли еще землетрясение и будет ли оно сильнее или нет.

Часа через два я сидел в хижине и только что принялся отсчитывать деления анероида, как снова почувствовал, что земля заколебалась, но сильнее первого раза и продолжительнее. Записав случившееся в метеорологический журнал, я лег спать, прося Ульсона разбудить меня, если почувствует ночью что-нибудь подобное. Я боялся проспать землетрясение, как это уже случилось со мною в Мессине в 1869 г., когда я проспал отлично всю ночь и узнал только на другое утро, что большинство жителей не могло сомкнуть глаз всю ночь. Действительно, ночью я был разбужен, когда подо мною койка и пол снова запатались. Все уже успокоилось, когда я услышал голос Ульсона, звавшего меня. Собиравшаяся всю ночь гроза совсем рассеялась к утру, и при восходе солнца небо было почти совсем безоблачно.

3 ноября

Надо было мне вырубить в лесу несколько шестов, и я только что вернулся домой, как Ульсон пришел с известием, что земля все еще не успокоилась. «Как так?», — спросил я. Ульсон очень удивился, что я ничего не заметил, уверяя, что много раз он чувствовал незначительные толчки. «Это колебание не зем-

ли, а ваших колен,— сказал я Ульсону,— так как часа через полтора у вас будет опять пароксизм лихорадки». Ответом моим Ульсон остался очень недоволен, заявляя, что он не ошибается. Оказалось, действительно, что он был прав, так как в продолжение следующего часа я и сам почувствовал 2 или 3 незначительных, хотя и явственных колебания.

Необходимо было укоротить канат якоря моей шлюпки, так как при бывшем ночью сильном прибое ее подрейфовало, и киль ее терся о рифы. Пришлось бродить по пояс в воде, так как Ульсон, действительно, принужден был лечь по случаю лихорадки. Барометр, который весь месяц не поднимался выше 410 делений, оба эти дня стоял очень высоко и поднялся сегодня до 464. После обеда пришел Туй. Он выбрил себе еще часть бороды и брови. Я долго внимательно рассматривал его волосистой покров. Тело мало покрыто волосами; на руках их вовсе незаметно, на груди и спине также немного, но положительно нигде нет и признака распределения волос пучками.

4 ноября

Вот скоро шесть недель, как я познакомился с папуасами, а они не видели еще у меня никакого оружия. Дома оно у меня, разумеется, есть, но, даже уходя в лес, я редко беру с собою револьвер; отправляясь же в туземные деревни, не беру его положительно никогда. Эта безоружность кажется туземцам весьма странной. Они уже не раз старались разузнать, не имею ли я в доме копья, лука или стрелы. Предлагали даже взять у них, но я отвечал на это только смехом и с очень презрительным жестом отодвинул от себя их оружие, показав, что я в нем не нуждаюсь. Их было человек 20 и все вооружены. Мой поступок их очень озадачил; они поглядели на свое оружие, на дом, на меня и долго толковали между собою. Я их оставляю в неведении, пока это возможно.

5 ноября

Комары и муравьи не давали мне покоя. Спал скверно. Около двух часов утра опять дом заходил и закачался. Землетрясение длилось не более полуминуты, но оно было сильнее, чем два дня тому назад. Под влиянием этих колебаний земли является какое-то любопытство; спрашиваешь себя: «Что дальше будет?» Долго не мог заснуть, ожидая продолжения. Барометр поднимается выше и выше; ночью, во время землетрясения, поднялся до 515. Не знаю, чему приписать это. Утром был дождь, но затем прояснилось.

6 ноября

Ночью была сильнейшая гроза; трудно, не быв на месте, представить себе те раскаты грома и почти беспрерывную молнию, которые в продолжение трех или четырех часов оглушали и ослепляли нас. Дождь падал не каплями, а лил тонкими струйками. После такой ночи утро было свежее, воздух прозрачный. День простоял великолепный, и я без особенных поисков наловил порядочно насекомых, которые после дождя выползли просохнуть. Удалось мне также поймать длиннохвостую ящерицу с длиннейшими задними ногами.

7 ноября

Ульсона сегодня опять схватила лихорадка, сопровождаемая рвотой и бредом. Успел сделать портрет одного из пришедших туземцев. Трудно заниматься, когда оба слуги больны, — приходится самому готовить кушанье, быть медиком и сиделкой, принимать непрошенных любопытных, подчас назойливых гостей, а главное, сознавать, что связан и должен сидеть дома... В такие дни, даже и в том случае, когда чувствую себя крайне нехорошо, я принужден оставаться на ногах.

8 ноября

Снова разразилась гроза; в хижине было повсюду мокро и сыро. Вставал ночью давать лекарство больным, которые стонали и охали весь вечер и всю ночь. Около 12 часов почувствовал легкое землетрясение, не толчками, а род дрожания земли. Чувствовалось, что горы, весь лес, дом и рифы дрожат под влиянием могучей силы. Все еще сильная гроза с беспрерывной молнией и сильными раскатами грома. Потоки дождя и порывы ветра дополняли картину.

9 ноября

Утро было сырое и свежее (всего 22° Ц). Тепло одетый, я пил чай на веранде, когда увидел перед собою Туя, который, также чувствуя свежесть утра и не имея подходящего температур костюма, принес с собою примитивную, но довольно удобопереносимую печь, именно — толстое тлеющее полено. Подойдя ближе, он сел у веранды. Курьезно было смотреть, как он, желая согреться, переносил тлеющее полено от одной стороны тела к другой и то держал его у груди, то клал сперва у одного, а затем у другого бока, то помещал его между ногами, смотря по тому, какая часть тела казалась ему более озябшей.

Маргарит. Н. Папуз. (13,0 - 14,2).

Папуз. В.В.

Деревянные
бусы

Папуз из деревни Марагум-Мана

Скоро пришло еще несколько жителей Бонгу; среди них находился человек низкого роста с диким и робким выражением лица. Так как он не решался подойти ко мне, то я сам пошел к нему. Он хотел было бежать, но был остановлен другими. Посмотрев на меня, он долго смеялся, затем стал прыгать, стоя на месте; очевидно, вид первого белого человека привел его в такое странное состояние. Люди из Бонгу постарались объяснить мне, что этот человек пришел из очень далекой деревни, лежащей в горах и называемой Марагум. Он явился с целью посмотреть на меня и на мой дом.

Все пришедшие имели при себе по случаю холодного утра свои «согреватели»; у некоторых вместо полена был аккуратно связанный пук тростника. Присев перед моим креслом, они сложили свои головни и тростник в виде костра и принялись греться около огня. Я уже не раз замечал, что туземцы носят с собою головни с целью иметь возможность во время перехода из одного места в другое зажигать свои сигары.

Немного позже другая партия туземцев явилась из Гумбу, также со своими гостями из Марагум-Мана, которые заинтересовали меня как жители гор. Тип их был положительно одинаков с приморскими жителями, но цвет кожи гораздо светлее, чем у моих соседей. Он не казался темнее цвета кожи многих жителей Самоа, что мне сразу бросилось в глаза. Особенно у одного из пришедших кожа на лице была гораздо светлее, чем на теле. Жители Марагум-Мана были приземисты, но хорошо сложены; ноги крепкие с развитыми икрами. Я им сделал несколько подарков, и они ушли весьма довольные, не переставая удивляться дому, креслу и моему платью.

У Ульсона опять лихорадка, скверная тем, что пароксизмы наступают совершенно неправильно. В 5 часов опять гроза, дождь, сырость, так что я принужден сидеть дома и кутаться.

Дождливые дни для меня очень неприятны. Так как моя келья очень мала, то она служит мне и спальней и складочным местом. Когда дождя нет, я провожу целые дни вне ее; разные углы площадки вокруг дома составляют собственно мой дом. Здесь моя приемная с несколькими бревнами и пнями, на которых могут располагаться гости; там, в тени, с далеким видом на море, мой кабинет с покойным креслом и со складным столом; было также специальное место, предназначенное мною для столовой. Вообще я был очень доволен моим помещением.

10 ноября

Нахожу, что туземцы здесь — народ практичный, предпочитающий вещи полезные разным безделкам. Ножи, топоры, гвозди, бутылки и т. п. они ценят гораздо более, чем бусы, зер-

кала и тряпки, которые они хотя и берут с удовольствием, но никогда не выпрашивают, в противоположность вещам, упомянутым раньше.

Недоверчивость моих соседей доходит до смешного. Они рассматривали мой нож с большим интересом. Я показал им два больших ножа, фута в 1,5 длиной, и, шутя и смеясь, объяснил им, что дам эти два больших ножа, если они оставят жить у меня, в Гарагасси, маленького папуасенка, который пришел с ними. Они переглянулись с встревоженным видом, быстро переговорили между собою и затем сказали что-то мальчику, после чего тот бегом бросился в лес. Туземцев было более десятка и все вооруженные. Они, кажется, очень боялись, что я захвачу ребенка. И это были люди, которые уже раз двадцать или более посещали меня в Гарагасси.

Другой пример. Приходят ко мне человека три или четыре, невооруженные. Я уже знаю наперед, что недалеко, в кустах, они оставили человека или двух с оружием, чтобы подоспеть к ним на помощь в случае нужды.

Обыкновенно туземцы стараются скрыть, что они приходят вооруженными.

О женщинах и говорить нечего. Я не видал еще ни одной вблизи, а только издали, в то время, когда они убегали от меня, как от дикого зверя. Самцы у папуасов очень берегут своих самок. Эта черта, встречающаяся у большинства диких, объясняется тем, что они не знают никаких удовольствий, кроме половых. Это отношение к женщинам отличает их от полинезийцев, которые нередко предлагают самым бессовестным образом женщин всем желающим.

11 ноября

Сегодня опять пришла моя очередь болеть. Хотя пароксизм был утром, но он на весь день лишил меня возможности чем-либо заняться.

Ульсона я снова поставил на ноги с помощью хины. Бой все еще болеет. Я ему регулярно даю хину и уговариваю, чтобы он ел, но он питается почти исключительно бананами и сахарным тростником. Тайком от меня, как я узнал от Ульсона, он выпивает большое количество воды, хотя я ему каждый день повторяю, чтобы он не пил ничего другого, кроме горячего или холодного чаю.

По вечерам Ульсон надоедает мне постоянными рассказами о своей прошлой жизни. У некоторых людей положительная потребность говорить, без болтовни им жить невозможно. А для меня именно с такими людьми и трудно жить. Сегодня поутру мне удалось сделать довольно удачный портрет Туя.

12 ноября

По ночам здесь гораздо шумнее, чем днем. С полудня до 3 или 4 часов, исключая кузнечиков и весьма немногих птиц, ничего не слышно; с заходом же солнца начинается самый разноголосый концерт; кричат лягушки, цикады, ночные птицы, к ним примешиваются также голоса разных животных, которых мне еще не удавалось видеть. Почти каждый вечер аккомпанементом к этому концерту являются раскаты грома, который днем раздается редко. Ночью и прибой на рифах слышится яснее; ко всему этому присоединяется еще назойливый писк комаров, а подчас издали долетает завывание папуасов, заменяющее у них песни. Несмотря на всю эту музыку, мне вообще спится хорошо.

Сегодня целый день чувствую утомление во всем теле после вчерашнего пароксизма.

13 ноября

У здешних туземцев существует только одно обозначение для выражения понятий «писать» и «рисовать», что очень понятно, так как до изобретения письмен они еще не дошли. Когда я записываю что-нибудь, они говорят: «Маклай негрэнгва». Если я рисовал кого-нибудь из них, они также говорили: «негрэнгва». Показываю им печатную бумагу — снова: «негрэнгва». Объясняя друг другу пользу маленького гвоздя при черчении узора на бамбуковом футляре для извести, они опять употребляли слово «негрэнгва».

Опять приходили ко мне жители Бонгу со своими гостями с гор. Я старался узнать, как они добывают огонь, но не мог добиться, не зная еще достаточно языка. Туземцы очень приставали, чтобы я пожевал с ними бетель, на что я, однакож, не согласился, вспомнив, что раз пробовал, но обжег себе язык негашеной известью, которой я применял слишком много*.

15 ноября

Во время прилива (около 4 часов) я и Ульсон принялись за нелегкую работу втаскивать на берег четверку, чтобы просушить ее и выкрасить. Шлюпка оказалась очень тяжелой для двух человек, но, несмотря на это, мы ее одолели, причем нам очень помогли железный лом и система блоков, полученные

* Обычай жевать листья бетеля, смешанные с известью и орехом арековой пальмы, широко распространен у папуасов. Жевание бетеля — возбуждающее средство, излюбленное занятие мужчин, особенно на празднествах и пирах. — *Ред.*

мною от П. П. Новосильского. После более чем часовой работы мы, наконец, втащили шлюпку на берег до такого места, куда вода никогда не доходит, даже при самом высоком приливе. Устали порядком.

16 ноября

После утреннего чая опять принялись за работу: надо было установить шлюпку для очистки и окраски. Тяжелая работа эта продолжалась, однако, не более часа. Пришлось напрячь все усилия, чтобы достигнуть удовлетворительного результата. В другом месте, где можно было бы легко найти помощь, мы оба объявили бы нашу вчерашнюю и сегодняшнюю работу невозможной и прибегли бы к чужой помощи. Здесь же, где не на кого надеяться, сам принимаешься за все и пробуешь таким образом свои силы. Это полное напряжение способностей и сил во всех отношениях возможно при нашей цивилизации только в исключительном положении и то редко, и чем далее, тем реже оно будет встречаться. Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо; не проповедую возврата на первые ступени человеческого развития; но вместе с тем я убедился на опыте, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно бы было идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного.

17 ноября

Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, врач, аптекарь, маляр, портной и даже прачка и т. д. и т. д. Одним словом, на все руки, и всем рукам дела много. Хотя очень терпеливо учусь туземному языку, но все еще понимаю очень мало; более догадываюсь, что туземцы хотят сказать, а говорю еще меньше.

Папуасы соседних деревень начинают, кажется, меньше чуждаться меня.... Дело идет на лад; моя политика терпения и ненавязчивости оказалась совсем верной. Не я к ним хожу, а они ко мне; не я их прошу о чем-нибудь, а они меня, и даже начинают ухаживать за мною. Они делаются все более и более ручными: приходят, сидят долго, а не стараются, как прежде, выпросить что-нибудь и затем улизнуть поскорее со своей добычей.

Одно досадно, что я еще так мало знаю их язык. Знание языка, я убежден, — единственное средство для удаления недоверия, которое все еще держится, а также единственный путь к ознакомлению с туземными обычаями, по всей вероятности очень интересными. Учиться языку мне удобнее дома, чем посещая деревни, где туземцы при моих посещениях бывают обыкновенно так возбуждены и беспокойны, что трудно заставить их усидеть на месте. В Гарагасси малейшие признаки нахальства у них пропадают; они терпеливо отвечают на вопросы, позволяют рассматривать, мерить и рисовать себя. К тому же в Гарагасси у меня все под рукой, и инструменты для антропологических измерений и аппараты для рисования.

Не лишним является также и большой выбор подарков для вознаграждения их терпения или для обмена на какие-нибудь безделки, украшения или вообще различные мелочи, которые папуасы носят с собою всюду под мышкой в особых мешках. Я не упускаю случая при посещении горных жителей измерять их головы, делать разные антропологические наблюдения и между прочим собирать образчики для моей коллекции волос. Как известно, изучение качества волос представителей разных рас имеет большое значение в антропологии, поэтому я никогда не пренебрегаю случаями пополнять свою коллекцию новыми образчиками. Здесь это собирание представляло сперва некоторую трудность. Уморительно было смотреть, с каким страхом отскочил Туй при виде ножниц, которые я поднес к его волосам. Он готов был бежать и не подходил ко мне все время, пока я держал ножницы. Отказаться от собирания волос в этой местности я не мог, но как победить нежелание Туя, который между всеми моими новыми знакомыми становился самым ручным? Если уж он не соглашается на это, то что же будут делать другие, более дикие? Я подумал, не примет ли он в обмен на свои волосы несколько моих, и, отрезав пучок своих волос, предложил ему взять их, конечно, в обмен. Это удалось, я выбрал несколько локонов, отрезал их и отдал ему свои.

Пока я завертывал образчик волос в бумагу и надписывал пол, приблизительный возраст и то место на голове, откуда они были срезаны, Туй также завернул тщательно мои волосы в лист, который он сорвал недалеко. Таким образом, т. е. способом обмена на собственные волосы, моя коллекция волос туземцев значительно увеличилась. Но в один прекрасный день Ульсон заметил мне, что я выстриг себе всю левую сторону головы. Это произошло оттого, что, держа ножницы в правой руке, мне было легче срезать волосы на левой стороне головы. Тогда я стал резать волосы с другой стороны.

Раз, гуляя по лесу, я забрел так далеко, что чуть-чуть не заблудился; но, к счастью, наконец, набрел на тропу, которая

привела меня к морю, где я сейчас же мог ориентироваться. Это случилось около дер. Мале, куда я, однакож, не пошел, а направился в Бонгу, по дороге домой. Но дойти до Бонгу мне не удалось: было уже почти темно, когда я добрался до Горенду, где я решил переночевать, к великому удивлению туземцев. Придя в деревню на площадку, я прямо направился в большую «буамрамру» * Туя, желая как можно менее стеснять туземцев и зная очень хорошо, что мое посещение встревожило всех жителей деревни. Действительно, слышались возгласы женщин и плач детей.

Пришедшему Туя я объяснил, что хочу спать у него. Он что-то много мне говорил, кажется, хотел проводить меня при свете факела в Гарагасси, говорил что-то о женщинах и детях. Я почти что не понял его и, чтобы отделаться, лег на барлу — род длинных нар с большими бамбуками вместо подушек — и, закрыв глаза, повторял: «Няварь, няварь» (спать, спать). У меня часов не было, и хотя было не поздно, но, утомленный моей многочасовой прогулкой, я вскоре задремал и затем заснул. Проснулся я, вероятно, от холода, так как я спал ничем не покрытый, а ночной ветер продувал насквозь ввиду отсутствия у этих хижин стен спереди и сзади.

Не ев ничего с 11 часов утра, я чувствовал также большой аппетит. Я был один в буамрамре, где царил полумрак. Встав, я направился на площадку, к костру, вокруг которого сидело несколько человек туземцев. Между ними был и Туй. Я обратился к нему, указывая на рот и повторяя слово «уяр» (есть), которое он сейчас же понял и принес мне небольшой табир (овальное неглубокое блюдо) с холодным таро и вареными бананами. Несмотря на недостаток соли, я съел несколько кусков таро с удовольствием; бананы я также попробовал, но они показались мне очень безвкусными. Я чувствовал себя настолько освеженным получасовой дремотой и затем подкрепленным пищей, что предложил двум молодым туземцам проводить меня с факелами до Гарагасси.

В ночной темноте попасть домой без огня было совершенно невозможно. Туземцы поняли мое желание и были, кажется, даже довольны, что я не остаюсь ночевать. Мигом добыли они несколько факелов из сухих пальмовых листьев, которые связываются для этой цели особнным образом; взяли каждый по копью, и мы отправились. Лес, освещенный ярким светом горящих сухих листьев, представлялся еще красивее и фантастичнее, чем днем. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьем отстраняли нависшие ветви лиан, местами

* Буамрамрами называются большие хижины, особнным образом построенные и назначенные исключительно для мужчин.

преграждавшие нам путь. Один из туземцев шел за мной; оглянувшись на него, я невольно подумал, как бы легко ему было сзади проткнуть меня копьем. Я был не вооружен по обыкновению, и туземцам это обстоятельство было хорошо известно. Я дошел, однакож, цел и невредим до Гарагасси, где был встречен крайне встревоженным Ульсоном, почти уже потерявшим надежду видеть меня в живых.

22 ноября

На днях я убил голубя (*Carpophaga*) у самой хижины, и так как подобного экземпляра я еще никогда не видел, то отпрепарировал аккуратно скелет и повесил его сушиться на дерево довольно высоко. Не прошло и двух часов, как скелет среди белого дня пропал с дерева, в трех шагах от дома. Сидя на веранде и чем-то занимаясь, я видел мельком быстро скрывающуюся в кустах собаку, но не думал, что она уносит скелет, над которым я работал около часа. Сегодня утром мне удалось убить другого голубя, но он упал в море. Не чувствуя охоты купаться и не желая тревожить Ульсона, который занимался приготовлением чая, я стал ждать, чтобы наступающий прилив прибил мою добычу к берегу. Сидя за чаем на веранде, я следил за медленным движением убитой птицы, которую волны подвигали к берегу. Однако это продолжалось недолго: мелькнул один плавник, затем другой, и тело птицы вдруг скрылось в воде, оставив после себя только несколько водяных кругов. В некотором расстоянии появилось на секунду несколько плавников акул, которые, вероятно, сражались из-за добычи.

Вчера вечером Туй хотел выказать мне свое доверие и попросил позволения ночевать у меня. Я согласился. Уходя, он сказал, что придет позднее. Предполагая, что он не вернется, я уже лег на койку, когда услышал голос его, зовущий меня. Я вышел — действительно, это был Туй. Вид его при лунном свете был очень характерен и даже эффектен; темное, но хорошо сложенное тело красиво рисовалось на еще более темном фоне зелени. Он одной рукой опирался на копье, в другой, опущенной, держал догорающее полено, которое освещало его с одной стороны красноватым отблеском. Плащ или накидка из грубой тапы спускалась с плеч до земли. Стоя таким образом, он сиранивал, где ему лечь. Я указал на веранду, где он может провести ночь, и дал ему циновку и одеяло, которыми он остался очень доволен. Туй улегся. Это было часов около десяти. В половине двенадцатого я встал, чтобы посмотреть на термометр. Луна еще ярко светила; я взглянул на веранду, но Туя там не было, а на его месте лежали только свернутая циновка и одеяло. Видно, голые нары его хижины ему более по вкусу, чем моя веранда с циновкой и одеялом.

23 ноября

Пристрелил одну из птичек, которые так кричат на высоких деревьях около дома. Туземное имя ее «коко». Это имя — не что иное, как звукоподражание ее крику «коконииу-кай». Когда она кричит, звук «коко» выделяется очень ясно.

Сегодня я сделал неожиданное, но весьма неприятное открытие: все собранные мною бабочки съедены муравьями; в коробке остались только кусочки крыльев некоторых из них.

У Ульсона снова лихорадка, мне опять пришлось колоть дрова, варить бобы и кипятить воду для чая. Вечер иногда провожу над приготовлением серег, которые режу для туземцев из жестяных ящичков от консервов. Я подражаю форме черепаховых серег, носимых туземцами. Первую пару сделал я ради шутки и подарил Туу, после чего множество туземцев перебывало у меня, прося сделать им такие же. Серьги из жести положительно вошли в моду, и спрос на них растет.

24 ноября

Застрелил белого какаду, который упал с дерева в море. Я только что перед этим встал и собирался идти к ручью мыться, поэтому тотчас же разделся и сошел в воду, чтобы достать птицу и выкупаться. Огливом она была отнесена от берега, но я направился к ней, несмотря на глубину, и был уже саженьях в двух, как вдруг большая акула схватила птицу. Близость таких соседей не особенно приятна, когда купаешься.

У Ульсона снова лихорадка и даже более сильная, чем в прошлый раз. Глаза, губы и язык сильно опухли, и я снова принужден исполнять все домашние обязанности.

25 ноября

Несмотря на значительный прием хины (1—5 гран), у Ульсона опять пароксизм с бредом и с сильной опухолью не только лица, но и рук. Опять приходится рубить дрова, стряпать кушанье, уговаривать и удерживать Ульсона, который вдруг вскакивает, хочет купаться и т. д. Особенно надоедает мне эта стряпня. Если бы приходилось делать это каждый день, то я отправлялся бы в деревню и предоставлял туземцам варить таро и ямс за меня.

Дни проходят, а мое изучение туземного языка подвигается очень туго вперед. Самые употребительные слова остаются неизвестными, и я не могу придумать, как бы узнать их. Я даже не знаю, как по-папуасски такие слова: «да», «нет», «дурно», «хочу», «холодно», «отец», «мать»... Просто смешно, но

что я не могу добиться и узнать их — это остается фактом. Начнешь спрашивать, объяснять — не понимают или не хотят понять. Все, на что нельзя указать пальцем, остается мне неизвестным, если только не узнаешь случайно то или другое слово. Между другими словами, узнанными от Туя, который пришел отдохнуть в Гарагасси, возвращаясь откуда-то, я узнал совершенно случайно название звезды: «нири». Оригинально то, что папуасы называют (но не всегда) солнце не просто «синг», а «синг-нири»; луну — «каарам-нири», т. е. звезда-солнце, звезда-луна.

27 ноября

Ульсон объявил мне утром, что, вероятно, более не встанет; он едва мог приоткрыть глаза (так опухли его веки) и шевелить языком, который, по его словам, был вдвое толще против обыкновенного. На его опасения смерти я возразил, что стыдно ему трусить и что, вероятно, он встанет завтра поутру, после чего я его заставил проглотить раствор около грамма хины в подкисленной жидкости, которую он запил несколькими глотками крепкого чая. Дозу эту я снова повторил часа через четыре после первой. Хотя он сильно ворчал, глотая невкусное лекарство, но пароксизма сегодня не было, и к вечеру он встал, немного глухой, но с сильнейшим аппетитом. Зато у меня был ночью пароксизм, трясло очень сильно, зубы щелкали, и я не мог согреться. Когда явилась испарина, я заснул часа на два. Утром встал, еле-еле волоча ноги, но все-таки встал и даже отправился в лес, так как сухих дров в кухне почти что не осталось. Когда я пробирался через чащу, в одном месте на меня напали осы. Я бросился бежать, оставив дрова и даже топор. Боль от укусов была очень сильная. Прибежав домой, я сейчас же помочил ужаленные места на руках, груди и лице нашатырным спиртом, отчего боль моментально исчезла.

Сегодня полнолуние, и двое молодых людей из Горенду, Асел и Буанвум, сейчас (около 9 часов вечера) заходили сюда раскрашенные красной и белой краской, убранные зеленью и цветами, по дороге в Гумбу, где они проведут ночь. У туземцев, как я заметил, с полнолунием сопряжены особенные собрания; они делают друг другу визиты, т. е. жители одной деревни посещают жителей другой, ходят всегда более разукрашенными, и песни их долетают обыкновенно в такие ночи (т. е. во время полнолуния) в форме пронзительного и протяжного воя до Гарагасси.

Так случилось и в прошлую ночь. Я был разбужен Ульсоном, спрашивавшим, слышал ли я крики и заряжены ли у меня все ружья. Я не успел ответить, как из леса, по направлению к Го-

ренду, слышался громкий пронзительный крик, в котором, однакож, можно было признать человеческий голос. Крик был очень странный и принадлежал, вероятно, многим голосам. Ульсон сказал мне, что последние 5 минут он слышал уже несколько подобных звуков. Первый из них был так громок и пронзителен и показался ему до того страшным, что он решился разбудить меня, полагая, что это, может быть, сигнал нападения на нас. Я встал и вышел на площадку. Из многих деревень слылись однообразные удары барума.

Полная луна только что показывалась величественно из-за деревьев, и я сейчас же подумал, что слышанные крики произведены были в честь восхода луны, припомнив, что при появлении луны туземцы вскрикивали каким-то особенным образом, как бы приветствуя ее восход. Это объяснение показалось мне совсем удовлетворительным и, посоветовав Ульсону не ожидать нападения на нас, а просто спать, сам заснул немедленно.

29 ноября

Спустили опять на воду вычищенную и выкрашенную шлюпку. Я очень устал; главная работа выпала в этот раз на меня, так как Ульсон, по слабости после лихорадки, мало что мог делать.

30 ноября

Солнце становится у нас редкостью, проглядывая лишь ненадолго из-за туч.

Большое удобство моего помещения в этом уединенном месте заключается в том, что можно оставлять все около дома и быть уверенным, что ничто не пропадет, за исключением съестного, так как за собаками усмотреть трудно.

Туземцы пока еще ничего не трогали. В цивилизованном крае такое удобство немыслимо; там замки и полиция часто оказываются недостаточными.

3 декабря

Ходил в дер. Горенду за кокосами. По обыкновению предупредил о своем приближении громким свистом, чтобы дать жителям время попрятаться. На меня эта деревня всегда производит приятное впечатление: так в ней все чисто, зелено, уютно. Людей немного; они не кричат и не производят разных шумных демонстраций при моем появлении, как прежде. Только птицы, летая с дерева на дерево или быстро пролетая между ними, нарушают благотворный покой. На высоких барлах важно

восседают на корточках двое или трое туземцев, редко перекидываясь словами и молча разжевывая кокосовый орех или очищая горячий «дегарголь» (сладкий картофель); иные заняты в своих хижинах, другие около них, многие, ничего не делая, греются на солнце или расщипывают свои волосы.

Придя в Горенду, я также сел на барлу и также занялся свежее испеченным дегарголем. Человек 8 собралось скоро около барлы, на которой я сидел, и поочередно стали высказывать свои желания: одному хотелось иметь большой гвоздь, другому — кусок красной тряпки; у этого болела нога, и он просил пластыря и башмак. Я слушал молча. Когда они кончили, я сказал, что хочу несколько зеленых кокосов. Двое мальчиков, накинув петлю себе на ноги, быстро поднялись на кокосовую пальму и стали бросать кокосы вниз. Я пальцами показал, сколько кокосов хочу взять, и предложил отнести их в «таль Маклай», т. е. дом Маклая, что и было исполнено. Довольные моими подарками, они убрались все через полчаса. С двоих я успел снять довольно удачный портрет.

Вечером опять дождь, гром и молния. Ветер много раз задувал лампу. Иногда поневоле приходится ложиться спать, так как писание дневника и приведение в порядок заметок постоянно прерываются необходимостью зажигать потухающую от ветра лампу. Скважин, щелей и отверстий всякого рода в моем помещении так много, что зачитаться от сквозняка нечего и думать. Теперь с 8 или 9 часов вечера идет дождь, который начался при заходе солнца и будет идти, вероятно, часов до трех или четырех утра.

В октябре было еще сносно, но в ноябре дождь шел чаще. В декабре он имеет, кажется, намерение идти каждый день. Дождь барабанит по крыше; вода протекает во многих местах, даже на стол и на кровать, но так как поверх одеяла я закрыт еще непромокаемым плащом, то по ночам мне до дождя нет дела. Я убежден, что мне было бы комфортабельнее, если бы я жил совершенно один, не имея слуг, за которыми до сих пор я ухаживал более, чем они за мною. Про Боя уже и говорить нечего: он лежит, не вставая, второй месяц, но и Ульсон болеет втрое чаще меня; правда, последний, чувствуя самое легкое нездоровье, готов валяться весь день. Так, например, сегодня он пролежал весь день, почему вечером я должен был приготовить чай для нас троих, не позволив ему выйти по случаю дождя.

Делать чай в Гарагасси в темные дождливые ночи, как сегодня, не так просто. Пришлось при сильном дожде пройти в шалаш, набрать там по возможности сухих ветвей, наколоть их, зажечь потухнувший от дождя костер, долго раздувать его, потом, так как не оказалось достаточно воды в чайнике, надо

было в темноте и под дождем спуститься к ручью. При этом было так темно, что, зная наизусть дорогу, я чуть было два раза не упал, сбившись с дороги; приходилось ожидать молнии, благодаря которой я снова попадал на знакомую тропу. При этом дожде и порывах ветра брать с собой фонарь было бы бесполезно.

Когда я вернулся промокшим до костей, мое крохотное помещение показалось мне очень удобным; я поспешил переодеться и пишу эти строки, наслаждаясь чаем, который именно сегодня кажется мне очень вкусным.

Надо заметить, что вот уже второй месяц, как у нас нет сахара, и недель 5 как были выброшены последние сухари, которые изъели за нас черви. Мы долго боролись с ними, старались высушить сухари сперва на солнце, а потом на огне, но черви все-таки одолели и остались живы. Я заменяю сухари печеными бананами или, когда нет бананов, ломтиками печеного таро. Я, действительно, нисколько не чувствую этой перемены, хотя Ульсон и даже Бой ворчали, когда сахар кончился. Остальная наша пища та же, что и прежде: вареный рис с кэрри и бобы с солью.

Но довольно о пище. Она несложна, и ее однообразие даже нравится мне; кроме того, все эти неудобства и мелочи вполне сглаживаются кое-какими научными наблюдениями и природой, которая так хороша здесь... Да, впрочем, она хороша везде, умей ею только наслаждаться...

Вот пример. Полчаса тому назад, когда мне пришлось отправиться к ручью за водой, я был в самом мерзком настроении духа, утомленный 10-минутным раздуванием костра, дым которого разъедал мне до слез глаза. Когда огонь был сделан, оказалось, что воды не было достаточно в чайнике.

Отправляюсь к ручью. Совершенно темно, мокро, ноги скользят, то и дело оступаешься; дождь, уже проникший через две фланелевые рубашки, течет по спине, делается холодно; снова оступаешься, хватаешься за куст, колешься. Вдруг сверкает яркая молния, освещает своим голубоватым блеском и далекий горизонт, и белый прибой берега, капли дождя, весь лес, каждый листок, даже шип, который сейчас уколол руку. Только одна секунда — и опять все черно, и мокро, и неудобно; но этой секунды достаточно, чтобы красотой окружающего возвратить мне мое обыкновенное хорошее расположение духа, которое меня редко покидает, если я нахожусь среди красивой местности и если около меня нет надоедающих мне людей.

Однако уже 9 часов. Лампа догорает. Чай допит, и от капающей везде воды становится очень сыро в моей келье, — надо завернуться скорей в одеяло и продолжать свое дальнейшее существование во сне.

5 декабря

После дождя собрал множество насекомых и нашел также очень красивый и курьезный гриб.

Бой так слаб, что почти не держится на ногах. Сегодня бедняга упал, сходя с лестницы. Ульсон лежал и охал, закрывшись с головой одеялом. Когда я заметил упавшего Боя у лестницы, я кое-как втащил его обратно в комнату. Он был в каком-то забытье и не узнавал меня.

Сегодня опять пошел дождь с 4 часов. Везде все сыро.

6 декабря

Бой очень страдает. Я не думаю, что он проживет долго. Другой инвалид сидит, тоже повеся нос.

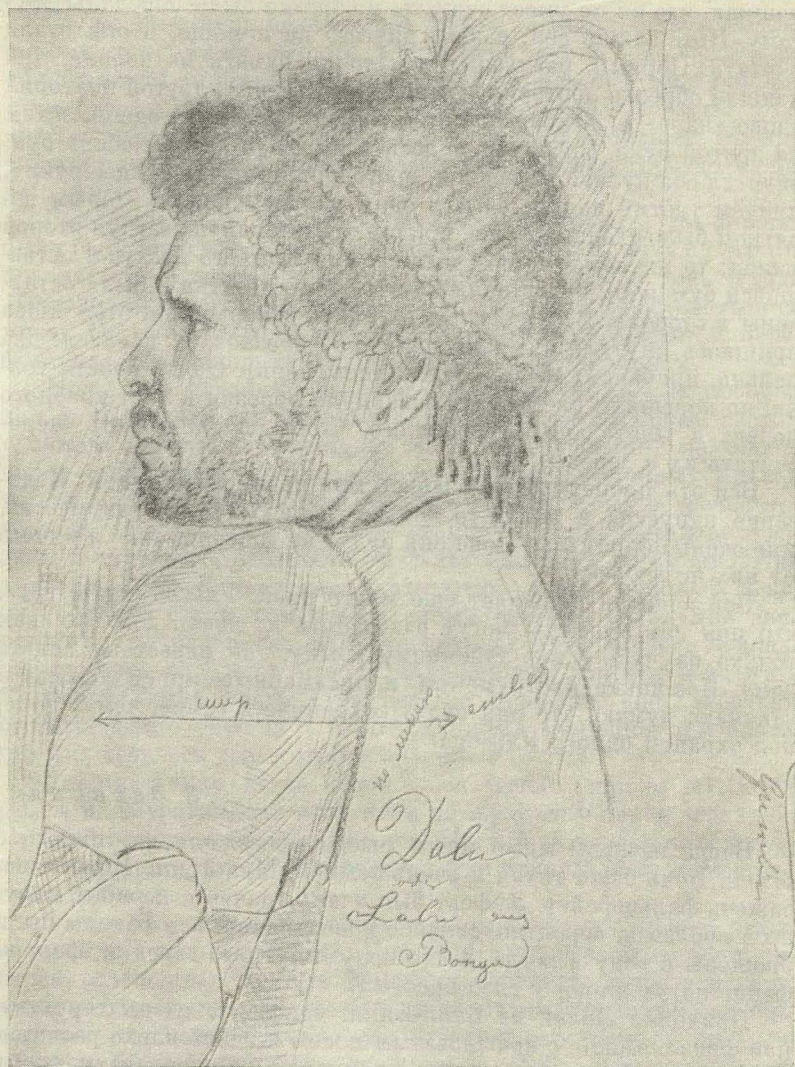
Приходил Туй и, сидя у меня на веранде, между прочим, сообщил с очень серьезным видом, что Бой скоро умрет, что Виль (туземцы так называют Ульсона) болен и что Маклай останется один; при этом он поднял один палец, потом, показывая на обе стороны, продолжал: «Придут люди из Бонгу и Гумбу,— при этом он указывал на все пальцы рук и ног, т. е. много людей,— придут и убьют Маклая». Тут он даже показывал, как мне проколют копьем шею, грудь и живот, и нараспев печально приговаривал: «О Маклай! О Маклай!»

Я сделал вид, что отношусь к этим словам, как к шутке (сам же был убежден в возможности такого обстоятельства), и сказал, что ни Бой, ни Виль, ни Маклай не умрут; на что Туй, поглядывая на меня как-то недоверчиво, продолжал тянуть самым жалостным голосом: «О Маклай! О Маклай!»

Этот разговор мне кажется тем более интересен, что, во-первых, это может действительно случиться, а во-вторых, по всей вероятности, мои соседи толковали об этом на днях, иначе Туй не поднял бы старого вопроса о моем убиении.

Скучно то, что вечно нужно быть настороже: впрочем, это не мешает спать. Пришло человек 8 туземцев из Горенду и Мале. Будучи в хорошем расположении духа, я каждому гостю из Мале дал по подарку, хотя они сами ничего не принесли.

Туй и Лали спросили меня вдруг: «Придет ли когда-нибудь корвет?» Разумеется, определенного ответа я не мог дать. Сказать же: «Придет, но когда, не знаю», я не сумел. Не умею также выразить большое число по-папуасски. Думая, что нашел случай поглядеть, как мои соседи считают, я взял несколько полосок бумаги и стал резать их поперек. Нарезал, сам не знаю сколько, и передал целую пригоршню одному из туземцев Мале, сказав, что каждая бумажка означает 2 дня. Вся толпа

Папуас из деревни Бонгу

немедленно его обступила. Мой папуас стал считать по пальцам, но должно быть неладно, по крайней мере другие папуасы решили, что он не умеет считать, и обрезки были переданы другому. Этот важно сел, позвал другого на помощь, и они стали считать. Первый, раскладывая кусочки бумаги на колене, при каждом обрезке повторял: «наре, наре» (один); другой повторял слово «наре» и загибал при этом палец, прежде на одной, затем на другой руке. Насчитав до десяти и согнув пальцы обеих рук, опустил оба кулака на колени, проговорив: [пропуск] «две руки», причем третий папуас загнул один палец руки. Со вторым десятком было сделано то же, причем третий папуас загнул второй палец; то же самое было сделано для третьего десятка; оставшиеся бумажки не составляли четвертого десятка и были оставлены в стороне. Все, кажется, остались довольными. Мне снова пришлось смутить их: взяв один из обрезков, я показал два пальца, прибавив: «бум — бум» (день, день). Опять пошли толки, но порешили на том, что завернули обрезки в лист хлебного дерева и тщательно обвязали его, чтобы, должно быть, пересчитать их в деревне.

Вся эта процедура показалась мне очень интересной. Недоверие папуасов и какая-то боязнь передо мною, разумеется, мне очень неприятны. Пока они будут не доверять мне, я ничего от них не добьюсь.

Бой вряд ли проживет еще много дней. Ульсон такой трус, что при нем туземцы могут разграбить и сжечь дом. Но как только научусь более туземному языку, так перестану сидеть дома. Кое-какие инструменты и письменные принадлежности закопаю; думаю, что они будут сохраннее в земле, чем в доме, под охраной одного Ульсона.

8 декабря

Вчера вечером мимо моего мыска проезжали две пироги с огнем. Ночь была тихая и очень темная. Мне пришла фантазия зажечь фальшфейер. Эффект был очень удачен и на моих папуасов произвел, вероятно, сильное впечатление: все факелы были брошены в воду и когда, после полуминутного горения, фальшфейер потух, пирог и след простыл.

Приходил Лалай из Били-Били, человек с очень характерной физиономией, с крючковатым носом и очень плохо развитыми икрами. Было бы, однако, неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака. Брат этого человека имеет нос вовсе не крючковатый, совершенно сходный с носами других туземцев, а что ноги его представляются такими худощавыми, это также неудивительно, имея в виду жизнь на маленьком острове или в пироге, в поездках по деревням. У гор-

ных жителей икры прекрасно развиты, как я это заметил у приходивших туземцев-горцев.

Затем нагрянула целая толпа людей из Бонгу с двумя мальчиками, лет семи или восьми. У этих ребят очень ясно выдавался африканский тип: широкий нос, большой, немного выдающийся вперед рот с толстыми губами, курчавые черные волосы. Животы у них очень выступали и казались туго набитыми. Между детьми такие негроподобные особи встречаются гораздо чаще, чем между взрослыми.

Бой очень плох. Ульсон начинает поговаривать, что хорошо было бы выбраться отсюда, а я отвечаю, что я не просил его отправляться со мною на Новую Гвинею и даже в день ухода «Витязя» предлагал ему вернуться на корвет, а не оставаться со мною. Он каждую ночь ожидает, что туземцы придут и перебьют нас, и ненавидит Туя, которого считает шпионом.

Недавно в начале ночи, часу в двенадцатом, я был пробужден от глубокого сна многими голосами, а затем ярким светом у самого спуска от площадки к морю. Вероятно, несколько пирог приближались или уже приблизились к нам. Ульсон завопил: «Идут, идут!» Я вышел на веранду и был встречен ярким светом факелов и шестью туземцами, вооруженными стрелами и копьями и беспрестанно звавшими меня по имени. Я не двигался с места, недоумевая, что им от меня нужно. Ульсон же, подойдя сзади, сам вооруженный ружьем, совал мне двустволку, приговаривая: «Не пускайте их идти далее». Я знал, что выстрел из одного ствола, заряженного дробью, обратит в бегство большую толпу туземцев, не знающих еще действия огнестрельного оружия*, и поэтому ждал спокойно, тем более, что мне казалось, что я узнаю знакомые голоса.

Действительно, когда после слова «гена» (иди сюда), которым я их встретил, они высыпали на площадку перед верандой, каждый из них, придерживая левой рукой свое оружие и факел и вопя: «Ники, ники!», протягивал мне правую руку с несколькими рыбками.

Я поручил несколько пристыженному Ульсону собрать рыбу, которой ему давно хотелось. При этом группа вооруженных дикарей, освещенных яркими факелами, заставила меня пожалеть, что я не художник: так она была живописна. Спускаясь к своим пирогам, они долго кричали мне на прощанье: «Эме-ме-эме-ме», а затем быстро скрылись за мыском. Рыба оказалась очень вкусной.

* Я до сих пор не стрелял из ружья или револьвера в присутствии туземцев. Звуки выстрелов, когда я убиваю птиц в лесу, они не соединяют с понятием о смертоносном оружии.

Несмотря на большое утомление, хочу записать еще сегодня происшествия дня, так как нахожу, что рассказ выйдет более реален, пока ощущения еще не ступевались несколькими часами сна.

Теперь ровно 11 час. 50 мин. вечера, и я удобно сижу в моем зеленом кресле и записываю при свете очень неровно горящей лампы происшествия дня.

Встав утром, я счел сообразным с моим настоящим положением приготовить все, чтобы зарыть в землю при первой необходимости мои бумаги, не только исписанные, т. е. дневники, метеорологический журнал, заметки и рисунки, но и чистую бумагу на случай, если я упелею, а хижина будет разграблена или сожжена туземцами. Пришедший Туй показался мне сегодня действительно подозрительным. Поведение его как-то смахивало на шпионство. Он обходил, внимательно смотря кругом, нашу хижину, посматривал с большим интересом в комнату Ульсона, причем несколько раз повторял: «О Бой! О Бой!». Затем, подойдя ко мне, пристал, чтобы я отпустил Боя в Гумбу, чем мне так надоел, что я ушел в комнату и этим заставил уйти и его. К полудню я почувствовал легкий пароксизм, выразившийся в очень томительной зевоте и чувстве холода и подергивания во всем теле. Я оставался на ногах все утро, находя лучшим при таких условиях лечь только в случае самой крайней необходимости.

Приехало трое туземцев из Горенду. Один из них, заглянув в комнату Ульсона и не слыша стонов Боя, спросил, жив ли он, на что я ему ответил утвердительно. Туземцы стали снова предлагать взять Боя с собою. На что он им — не понимаю; бояться его, как противника, они не могут; может быть, желают приобрести в нем союзника? Теперь уже поздно.

Пообедав спокойно, я указал Ульсону на громадный ствол, принесенный приливом, угрожавший нашей плюшке, и послал его сделать что-нибудь, чтобы ствол не придавил ее. Сам же вернулся в дом заняться письменной работой, но стоны Боя заставили меня заглянуть в его комнату. Несчастный катался по полу, скорчившись от боли. Подоспев к нему, я взял его на руки, как ребенка, — так он похудел в последнюю неделю — и положил на койку. Холодные, потные, костлявые руки, охватившие мою шею, совершенно холодное дыхание, ввалившиеся глаза и побелевшие губы и нос убедили меня, что недолго остается ему стоять. Боль брюшной полости, очень увеличившаяся, подтвердила мое предположение, что к другим недугам присоединилось еще peritonitis (воспаление брюшины). Я вернулся к своим занятиям.

Во второй раз что-то рухнуло на пол, и послышались стоны. Я снова поднял Боя на постель; его холодные руки удерживали мои; он как будто желал мне что-то сказать, но не смог. Пульс был слаб, иногда прерывался, и конечности заметно холодели. Снова уложив его, я сошел к берегу, где Ульсон возился со шлюпкой, и сказал ему, что Бой умрет часа через полтора или два. Это очень подействовало на Ульсона, хотя мы ожидали эту смерть уже недели две и не раз говорили о ней. Мы вместе вошли в комнату. Бой метался на полу, ломая себе руки. Жалко было смотреть на него, так он страдал. Я достал из аптеки склянку с хлороформом и, налив несколько капель на вату, поднес ее к носу умирающего. Минут через пять он стал успокаиваться и даже пробормотал что-то; ему, видимо, было лучше. Я отнял вату.

Ульсон стоял совершенно растерянный и спрашивал, что теперь делать. Я коротко сказал ему, что тело мы бросим сегодня ночью в море, а теперь он должен набрать несколько камней и положить их в шлюпку, и чем больше, тем лучше, для того, чтобы тело сейчас же пошло ко дну. Ульсону это поручение не особенно понравилось, и мне пришлось добавить несколько доводов: что нам невозможно нянчиться с разлагающимся телом, так как гниение в этом климате начнется сейчас же после смерти; что хоронить его днем, при туземцах, я не намерен и что вырыть глубокую яму в коралловом грунте слишком трудно, недостаточно же глубокую могилу туземные собаки разыщут и разроют. Последние два довода поддерживали немного падающий дух Ульсона. Чтобы быть уверенным, что все будет сделано, а главное, что камней будет достаточно, я отправился сам к шлюпке. Поднявшись затем к дому, я зашел к Бою посмотреть, в каком он положении.

В комнате было совсем темно, стонов не было слышно. Я ощупью добрался до его руки. Пульса более не было. Нагнувшись и приложив одну руку к сердцу, другую ко рту, я не почувствовал ни биения, ни дыхания. Пока мы ходили к ручью за камнями, он умер так же молча, как и лежал во все время своей болезни. Я зажег свечу и посмотрел на тело. Оно лежало в том положении, как Бой обыкновенно спал и сидел, т. е. поджавши ноги и скрестив руки. Ульсон, стоявший за мною, не смотря на то, что при жизни Боя он постоянно бранил его и дурно отзывался о нем, был очень тронут и стал говорить о боге и об исполнении воли его. Не имея на то никакого основания, мы оба говорили очень тихо, как будто боясь разбудить умершего. Когда я выразил Ульсону свое давнишнее намерение, именно — распилить череп Боя и сохранить мозг его для исследования, Ульсон совсем осовел и умильно упрашивал меня этого не делать.

Соображая, каким образом удобнее совершить эту операцию, я к досаде своей открыл, что у меня не имеется достаточно большой склянки для помещения целого мозга. Ожидая, что каждый час могут явиться туземцы, и, пожалуй, с серьезными намерениями, я отказался, не без сожаления, от намерения сохранить мозг полинезийца, но не от возможности добыть препарат гортани со всеми мускулами, языком и т. д., вспомнив обещание, данное мною моему прежнему учителю проф. Г., живущему ныне в Страсбурге, прислать ему гортань темнокожего человека со всей мускулатурой ее. Достав анатомические инструменты и приготовив склянку со спиртом, я вернулся в комнату Боя и вырезал гортань с языком и всей мускулатурой. Кусок кожи со лба и головы с волосами пошел в мою коллекцию. Ульсон, дрожа от страха перед покойником, держал свечку и голову Боя. Когда же при перерезании *plexus brachialis* рука Боя сделала небольшое движение, Ульсон так испугался, что я режу живого человека, что уронил свечку, и мы остались в темноте. Наконец, все было кончено, и надо было отправить труп Боя в его сырую могилу, но так осторожно, чтобы соседи наши ничего не знали о случившемся.

Не стану описывать подробно, как мы вложили покойника в два больших мешка; как зашнуровали их, оставив отверстие для камней; как в темноте несли его вниз, к шлюпке; как при спуске к морю благодаря той же темноте Ульсон оступился и упал, покойник на него, а за покойником и я; как мы не могли сейчас же найти нашу ношу, так как она скатилась удачнее нашего, прямо на песок. Отыскав, мы опустили труп, наконец, в шлюпку и вложили пуда два камня в мешок. Все это было очень неудобно делать в темноте. Был отлив, как на зло. Нам опять стоило больших усилий стащить по камням тяжелую шлюпку в воду.

Не успели мы взяться за весла, как перед нами, в $\frac{1}{4}$ мили, из-за мыса Габина (мыса Обсервации на карте) мелькнул один, затем второй, третий..., десятый огонек. То было 11 пирог, приближавшихся в нашу сторону. Туземцы непременно заедут к нам или, увидя шлюпку, подъедут близко к ней. Их ярко горящие факелы осветят длинный мешок, который возбудит их любопытство.

Одним словом, то, чего я не желал, т. е. чтобы туземцы узнали о смерти Боя, казалось, сейчас наступит. «Нельзя ли Боя спрятать в лес?», предложил Ульсон. Но теперь, с камнями и телом, мешок был слишком тяжел для того, чтобы тащить его между деревьями, и потом туземцы будут скоро здесь. «Будем грести сильнее,— сказал я,— может быть, ускользнем». Последовали два, три сильных взмаха веслами, но что это? Шлюпка не подвигается: мы на рифе или на мели. Папуасы все ближе.

Мы изо всех сил принялись отпихиваться веслами, но безуспешно.

Наше глупое положение было для меня очень досадно; я готов был прыгнуть в воду, чтобы удобнее спихнуть шлюпку с мели. Я хотел сделать это даже, несмотря на присутствие многочисленных акул.

Мне пришла в голову счастливая мысль осмотреть наш борт; моя рука наткнулась тогда на препятствие. Оказалось, что второпях и в темноте отданный, но не выбранный конец, которым шлюпка с кормы прикреплялась к берегу, застрял между камнями и запутался между сучьями, валявшимися у берега, и что именно он-то и не пускает нас. С большим удовольствием схватил я нож и, перерезав веревку, освободил шлюпку.

Мы снова взялись за весла и стали сильно грести. Туземцы выехали на рыбную ловлю, как и вчера; их огни сверкали все ближе и ближе. Можно было расслышать голоса. Я направил шлюпку поперек их пути, и мы старались как можно тише окунать весла в воду, чтобы не возбудить внимания туземцев. «Если они увидят Боя с перерезанным горлом, они скажут, что мы убили его, и, пожалуй, убьют нас», — заметил Ульсон. Я наполовину разделял это мнение и не особенно желал встретиться в эту минуту с туземцами. Всех туземцев на пирогах было 33, по 3 человека на пироге. Они были хорошо вооружены стрелами и копьями и, сознавая превосходство своих сил, могли очень хорошо воспользоваться обстоятельствами. Но и у нас были шансы: 2 револьвера могли, очень может быть, обратить всю толпу в бегство. Мы гребли молча, и отсутствие огня на шлюпке было, вероятно, причиной того, что нас не заметили, так как факелы на пирогах освещали ярко только ближайшие предметы вокруг них.

Туземцы были усердно заняты рыбной ловлей. Ночь была тихая и очень темная. От огней на пирогах шли длинные столбы отблесков на спокойной поверхности моря. От каждого взмаха весел вода светилась тысячами искр. При таком спокойном море поверхностные слои его полны очень богатой и разнообразной жизнью.

Я пожалел, что нечем было зачерпнуть воды, чтобы посмотреть завтра, нет ли чего нового между этими животными, и совсем забыл о присутствии покойника в шлюпке и о необходимости схоронить его.

Любуясь картиной, я думал, как скоро в человеке одно чувство сменяется совершенно другим.

Ульсон прервал мои думы, радостно заметив, что пироги удаляются от нас и что никто нас не видел. Мы спокойно продолжали путь и, отойдя, наконец, на милю приблизительно от мыска Габины, опустили мешок с трупом за борт. Он быстро

пошел ко дну; но я убежден, что десятки акул уничтожат его, вероятно, в эту же ночь. Вернулись домой, гребя на этот раз очень медленно. Пришлось опять благодаря темноте и отливу долго возиться со шлюпкой. В кухонном шалаше нашелся огонь, и Ульсон пошел приготовить чай, который теперь, кажется, готов и который я с удовольствием выпью. дописав это последнее слово.

14 декабря

Встав, я приказал Ульсону оставить все в его отделении хижины, как было при Бое, и в случае прихода туземцев не заикаться о смерти его. Туй не замедлил явиться с двумя другими, которых я не знал; один из них вздумал подняться на первую ступеньку лестницы, но когда я ему указал, что его место — площадка перед домом, а не лестница, он быстро соскочил с нее и сел на площадке.

Туй снова заговорил о Бое и с жаром стал рассуждать, что, если я отпущу Боя в Гумбу, тот человек, который пришел за ним, непременно его вылечит. Я ему отвечал отрицательно. Чтобы отвлечь их мысли от Боя, я вздумал сделать опыт над их впечатлительностью.

Я взял блюдечко из-под чашки чаю, которую я допивал: вытерев его досуха и налив туда немного спирта, я поставил блюдечко на веранду и позвал своих гостей. Взяв затем стакан воды, сам отпил немного и дал попробовать одному из туземцев, который также убедился, что это была вода. Присутствующие с величайшим интересом следили за каждым моим движением. Я прилил к спирту на блюдечке несколько капель воды и зажег спирт. Туземцы полуоткрыли рот и, со свистом втянув воздух, подняли брови и отступили шага на два. Я брызнул тогда горящий спирт из блюдечка, который продолжал гореть, на лестницу и на землю. Туземцы отскочили, боясь, что я на них брызну огнем, и, казалось, были так поражены, что убрались немедленно, как бы опасаясь увидеть что-нибудь еще страшнее. Но минут через десять они показались снова и на этот раз уже целой толпой. То были жители Бонгу, Били-Били и о. Кар-Кар. Толпа была очень интересна, представляла людей всех возрастов; на всех было праздничное убранство, но особенно гости мои отличались украшениями, материал которых совершенно определялся местом их жительства. Так, мои соседи, мало занимающиеся рыбной ловлей, имели украшения преимущественно из цветов, листьев и семян; между тем как на жителях Били-Били и Кар-Кара, живущих у открытого моря и занимающихся ловлей морских животных, были навшпаны украшения из раковин, костей рыб, щитов черепах и т. п.

Дюгу, папуас из деревни Горенду

Жители Кар-Кара представляли еще ту особенность, что все тело их, преимущественно голова, было вымазано черной землей и так основательно, что при первом взгляде можно было подумать, что цвет их кожи действительно такой черный, но при виде тех, у которых одна только голова была окрашена, легко можно было убедиться, что и у первых черный цвет был искусственный и что тело жителей о. Кар-Кара в действительности только немногим темнее жителей этого берега.

Жители Бонгу были сегодня, как бы в контраст своим черным гостям, вымазаны красной охрой; и в волосах, за перевязями рук, и под коленями у них были воткнуты красные цветы *Hibiscus*. Всех пришедших было не менее сорока человек, и три-четыре между ними отличались положительно красивым лицом. Прическа каждого из них представляла какое-нибудь отличие от остальных. Кроме того, что волосы были окрашены самым различным образом, частью черной, частью красной краской, в них были воткнуты гребни, украшенные цветными перьями (какаду, разных попугаев, казуаров, голубей и белых петухов). У многих гостей из Кар-Кара мочка уха была оттянута в виде петли значительных размеров, как на о-вах Ново-Гебридских и Соломоновых.

Гости оставались более двух часов. Пришедшие знали от Туя о горящей воде, и всем хотелось видеть ее. Туй упрашивал показать всем, «как вода горит».

Когда я исполнил эту просьбу, эффект был неописуемый: большинство бросилось бежать, прося меня «не зажечь моря». Многие остались стоять, будучи так изумлены и, кажется, испуганы, что ноги, вероятно, изменили бы им, если бы они двинулись.

Они стояли, как вкопанные, озираясь кругом с выражением крайнего удивления. Уходя, все наперерыв приглашали меня к себе, кто в Кар-Кар, кто в Сегу, в Рио и в Били-Били, и мы расстались друзьями. Не ушло только несколько туземцев из Кар-Кара и Били-Били, которые стали просить «гаре» (кожа), чтобы покрыть раны, гной которых привлекал целые стаи мух; они летали за ними и, конечно, очень надоедали и мучили их, облепляя раны, как только пациент переставал их отгонять. Я не мог помочь им серьезно, но значительно облегчил их мучения, обмыв раны карболовой водой, перевязав и тем освободив, хотя и временно, от мух.

Из одной раны я вынул сотни личинок, и, разумеется, этот туземец имел основание быть мне благодарным. Я особенно тщательно обмыл и перевязал раны на ноге ребенка лет пяти, который был принесен отцом. Последний так расчувствовался, что, желая показать все свою благодарность, снял с шеи ожерелье из раковин и захотел непременно надеть его на меня.

15 декабря

Снова больные из Били-Били. Один страдает сильной лихорадкой. Я хотел дать ему хины, разумеется, не во время пароксизма, и показал ему, что приду потом и дам выпить «оним» (т. е. лекарство); но он усиленно замахал головой, приговаривая, что умрет от моего лекарства. Принимать что-либо туземцы боятся, хотя очень ценят наружные средства. У Боя осталась бутылка с кокосовым маслом, настоенным на каких-то душистых травах. Один туземец из Били-Били жаловался очень на боль в спине и плечах (вероятно, ревматизм). Я ему предложил эту бутылку с маслом, объяснив, что надо им натираться, за что он сейчас же и принялся. Сперва он делал это с видимым удовольствием, но вдруг остановился, как будто соображая что-то, а затем, вероятно, подумав, что, употребляя незнакомый «оним», он, пожалуй, умрет, пришел в большое волнение, бросился на своего соседа и стал усердно тереть ему спину, а потом, вскочив на ноги, как сумасшедший, стал перебегать от одного к другому, стараясь мазнуть их маслом. Вероятно, он думал при этом, что если с ним случится что-нибудь неладное, так то же самое должно случиться и с другими. Его товарищи, очень озадаченные таким поведением, не знали, как отнестись к этому, сердиться ли им или смеяться.

Сегодня я убедился, что наречие Били-Били отличается от здешнего (диалекта Бонгу, Горенду и Гумбу), и даже записал несколько слов, несколько не схожих с диалектом Бонгу. Приходил опять отец с детьми, которые показались мне не темнее жителей Самоа.

16 декабря

Занимался уборкой в моем палаццо, что всегда отнимает много времени, и вполне согласился с верностью индусского афоризма [пропуск в оригинале.]. Если это случается даже с высокомудрыми людьми, то подавно может случиться со мною, вовсе не претендующим на такую мудрость. Я положительно не имел времени на научные исследования за последние недели.

18 декабря

Туземцев не видать. Очень часто думаю, как хорошо я сделал, устроившись так, чтобы не иметь слишком близких соседей.

Сегодня я случайно обратил внимание на состояние моего белья, упакованного в одной из корзин, служащих мне койкой. Оно оказалось покрытым во многих местах черными пятнами,

и места, где были эти пятна, можно было без затруднения про ткнуть пальцем. Это, разумеется, была моя вина: я ни разу в продолжение трех месяцев не подумал проветрить белье. Я поручил Ульсону вывесить все на солнце. Многие оказались негодным.

Сегодня туземцы спрашивали меня, где Бой. Я отвечал им: «Бой арен» (Боя нет). «Где же он?» — был новый вопрос. Не желая говорить неправду, не желая также показать ни на землю, ни на море, я просто махнул рукой и отошел. Они, должно быть, поняли, что я указал на горизонт, где далеко-далеко находится Россия. Они стали рассуждать и, кажется, под конец пришли к заключению, что Бой улетел в Россию. Но что они действительно думают и что понимают под словом «улетел», я не имею возможности спросить, не зная достаточно туземного языка.

Сделал сегодня интересное приобретение: выменял несколько костяных инструментов, которые туземцы употребляют при еде, — род ножа и две ложки. Нож, называемый туземцами «донган», сделан из заостренной кости свиньи, между тем как «шелюпа» — из костей кенгуру. Она обточена так, что один конец ее очень расширен и тонок.

20 декабря

Наша хижина приняла жилой вид, и обстановка в ней очень удобна при хорошей погоде. Когда льет дождь, то течь в разных местах крыши очень неудобна. Приходили туземцы из Бопгу. Они, кажется, серьезно думают, что Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда. Я прихожу к мысли, что туземцы считают меня и в некоторой степени Ульсона какими-то сверхъестественными существами.

25 декабря

Три дня лихорадка. Ложился только на несколько часов каждый день, когда уже буквально не мог стоять на ногах. Положительно ем хину; приходится по грамму в день. Сегодня лучше, пароксизма не было, но все-таки чувствую большую слабость. Ноги как бы налиты свинцом и частые головокружения. Ульсон очень скучает. Для него одиночество особенно ощутительно, потому что он очень любит говорить. Он придумал говорить сам с собою, но этого ему кажется мало.

Замечательно, как одиночество действует различно на людей. Я только вполне отдыхаю и доволен, когда бываю один, и среди этой роскошной природы я чувствую себя, за исключением дней, когда у меня бывает лихорадка, вполне хорошо во всех отношениях. Сожалею только, когда натываюсь на вопро-

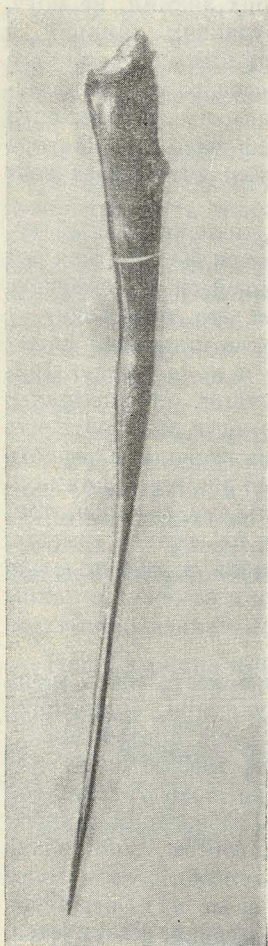
сы, которые, вследствие недостаточности моих знаний, не могу объяснить. Бедняга Ульсон совсем обескуражен: хандрит и охает постоянно; ворчит, что здесь нет людей и что здесь ничего не достанешь. Из предупредительного и веселого он стал раздражительным, ворчливым и мало заботящимся о работе: спит около одиннадцати часов ночью, даже еще час или полтора после завтрака и находит, что здесь все-таки «das Leben sehr miserabel» *.

В чем я начинаю чувствовать, однако, положительный недостаток — это в животной пище. Вот уже три месяца, как мы питаемся исключительно растительной пищей, и я замечаю, что силы мои слабеют. Отчасти, разумеется, это происходит от лихорадки, но главным образом от недостатка животной пищи. Есть все консервы мне так противно, что я и не думаю приниматься за них. Как только я буду в лучших отношениях с туземцами, то займусь охотой, чтобы немного разнообразить стол. Свинину, которой я мог бы иметь здесь вдоволь, я терпеть не могу. Вчера Туй принес мне и Ульсону по значительной порции свинины. Я, разумеется, отдал свою Ульсону, который принялся за нее сейчас же и съел обе порции, не вставая с места. Он не только обглодал кости, но съел также и всю толстую кожу (свинья была старая). Смотря на него и замечая, с каким удовольствием он ел, я подумал, что никак нельзя ошибиться в том, что человек — животное плотоядное.

Со шлюпкой много дела, так как якорное место здесь очень плохо. При рисовании мелких объектов руки мои, привыкшие уже к топорной работе, к напряжению больших систем мускулов, плохо слушаются, в особенности когда требуются от них движения отдельных мускулов. Вообще при моей теперешней жизни, т. е. когда приходится быть часто и дровосеком, и поваром, и плотником, а иногда и прачкой, и матросом, а не только барином, занимающимся естественными науками, рукам моим приходится очень плохо. Не только кожа на них огрубела, но даже сами руки увеличились, особенно правая. Разумеется, не скелет руки, а мускулатура ее, отчего пальцы стали толще и рука шире.

Руки мои и прежде не отличались особенной нежностью, но теперь они положительно покрыты мозолями, порезами и ожогами; каждый день старые подживают, а новые появляются. Я заметил также, что ногти мои, которые были всегда достаточно крепки для моих обыкновенных занятий, теперь оказываются слишком слабыми и надламываются. На днях я сравнил их с ногтями моих соседей-папуасов, которым, как не имеющим разнообразных инструментов, приходится работать руками гораздо

* — жизнь очень плохая.— *Ред.*

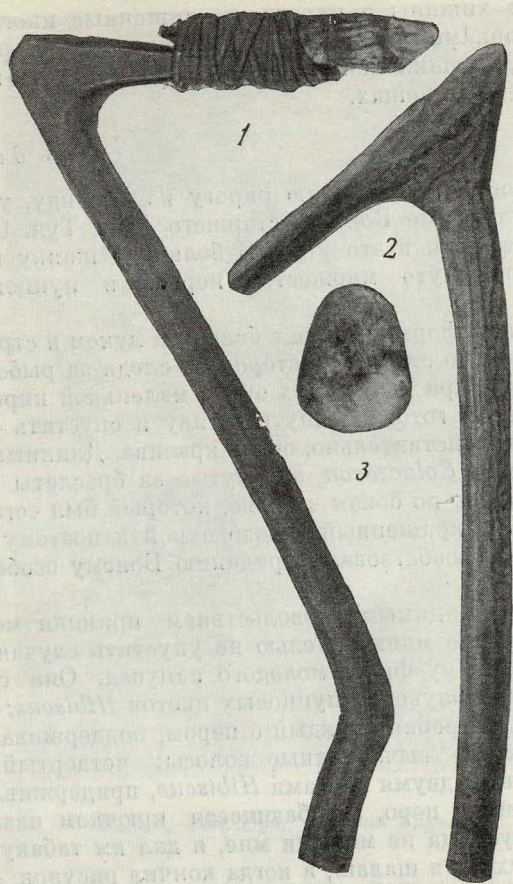
Донган — кинжал
из кости казуара

больше моего. Оказалось, что у них ногти замечательные: по крайней мере в три раза толще моих (я срезал их и мой ноготь для сравнения). Особенно толсты у них ногти больших пальцев, причем средняя часть ногтя толще, чем по бокам. Вследствие этого, по сторонам ногти легче обламываются, чем в середине, и нередко можно встретить у туземцев ногти, совершенно уподобляющиеся когтям.

27 декабря

Пока пришедшие туземцы разглядывали в выпрошенных у меня зеркалах свои физиономии и выщипывали себе лишние, по их мнению, волосы, я осматривал содержимое одной из сумок («гун»), носимых мужчинами на перевязи через левое плечо и болтающихся у них под мышкой. Я нашел в ней много интересного. Кроме двух больших донганов, тут были кости, отточенные на одном конце, служащие как рычаг или нож; в небольшом бамбуковом футляре нашлись четыре заостренные кости, очевидно, инструменты, способные заменить ланцет, иглу или шило, затем «ярур», раковину (*Cardium*), имеющую зубчатый нижний край и служащую у туземцев для выскребывания кокосов. Был также удлиненный кусок скорлупы молодого кокосового ореха, заменяющий ложку; наконец, данный мною когда-то большой гвоздь был тщательно отточен на камне и обернут очень аккуратно корой (разбитой подобно тапе

полинезийцев); это могло служить очень удобным шилом. Эти инструменты были очень хорошо приспособлены к своей цели. Туземцы хорошо плетут разные украшения, как, например, браслеты («сагю») или повязки для придерживания волос («дью») из различных растительных волокон. Но странно, они не плетут циновки, материал для которых (листья пандануса) у них в изобилии. Я не знаю, чему приписать это обстоятельство: отсутствию ли надобности или недостатку терпения.

*Папуасский топор с клинком из раковины (1), топориче (2)
и клинок (3) каменного топора*

Корзины, сплетенные из кокосовых листьев, чрезвычайно схожи с полинезийскими. Туземцы их очень берегут; правда, при примитивных инструментах из камней и костей каждая работа не очень легка; так, например, над деревцом сантиметров 14 в диаметре двум папуасам приходится проработать со своими каменными топорами, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Все украшения им приходится делать камнем, обточенным в виде топора, костями, также обточенными осколками раковин или кремнем, и можно только удивляться, как с помощью таких первобытных инструментов они строят

порядочные хижины и пироги, не лишенные иногда довольно красивого орнамента. Заметив оригинальность и разнообразие последнего, я решил скопировать все орнаменты, которые встречаю на туземных вещах.

28 декабря

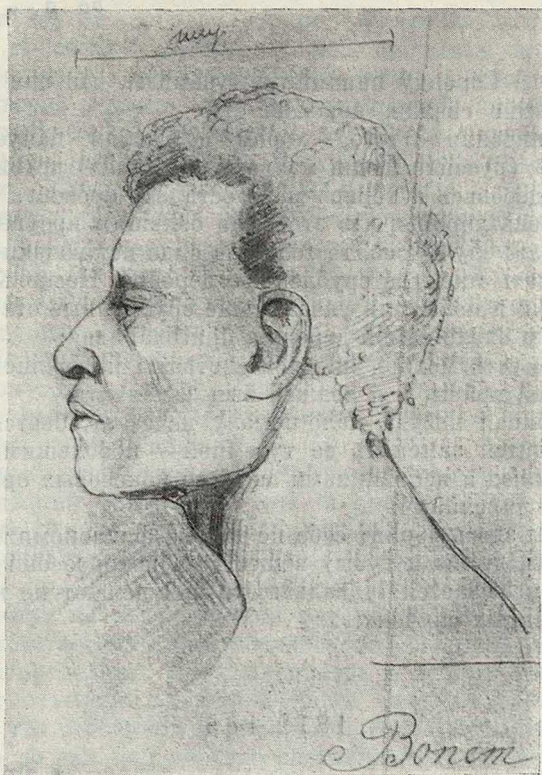
Я остановил проходящую пирогу из Горенду, узнав стоявшего на платформе Бонема, старшего сына Туя. Он был особенно разукрашен в это утро. В большую шапку взбитых волос было воткнуто множество перьев и пунцовых цветов *Hibiscus*.

Стоя на платформе пироги с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотря по сторонам, следя за рыбой, грациозно балансируя при движениях очень маленькой пироги, он был каждую минуту готов натянуть тетиву и спустить стрелу; его фигура была, действительно, очень красива. Длинные зеленые и красные листья *Colodracon*, заткнутые за браслеты на руках и у колен, а также по бокам за пояс, который был сегодня совершенно новый, окрашенный заново охрой и поэтому ярко-красный, немало способствовали приданию Бонему особенно праздничного вида.

Туземцы с видимым удовольствием приняли мое приглашение, сделанное мною с целью не упустить случая снять рисунок красивой куафюры молодого папуаса. Она состояла из гирлянды или полувенка пунцовых цветов *Hibiscus*; спереди — три небольших гребня, каждый с пером, поддерживали гирлянды и тщательно вычерненные волосы; четвертый, большой гребень, также с двумя цветами *Hibiscus*, придерживал длинное белое петушиное перо, загибающееся крючком назад. Чтобы другие два туземца не мешали мне, я дал им табак и отослал курить на кухню, в шалаш, и когда кончил рисунок, согласился исполнить их просьбу — дать им зеркало, после чего каждый по очереди принялся за подновление прически.

Бонем вытащил все гребни и цветы из волос и принялся большим из гребней взбивать слежавшиеся в некоторых местах, как войлок, волосы. После этого волосная шапка его увеличилась раза в три против первоначального; он подергал локоны на затылке («гатесси»), которые тоже удлинились. Затем снова воткнул цветы и гребни в свой черный «парик», посмотрел в зеркало, улыбнулся от удовольствия и передал зеркало соседу, который в свою очередь принялся за свою куафюру.

Я рассказываю эти мелочи потому, что они объясняют, после каких манипуляций волосы папуасов принимают разнообразный вид, который побудил некоторых путешественников, заглядывавших в разные местности Новой Гвинеи на очень

Бонем, сын Туя. Деревня Горенду

короткое время, своими сообщениями подать повод к значительной разногласице, встречающейся в разных учебниках по антропологии.

Из плотно прилегающей к голове мелкокурчавой куафюры обоих туземцев, сопровождавших Бонема, она превратилась минут через 5 раздергивания и взбивания в эластичную шапку папуасских волос, так часто описывавшуюся путешественниками, которые видели в ней что-то характерное для некоторых «разновидностей» папуасской расы.

Налюбовавшись своими физиономиями и прическами, мои гости вернулись в свою пирогу, прокричав мне «Эме-ме» (не знаю все еще, что это значит).

У Ульсона сегодня лихорадка. Не успеваю я немного опривиться, как он заболевает.

Заходил в Горенду напомнить туземцам, что они давно не приносили мне свежих кокосов.

«Не приносили оттого,— хором возразили папуасы,— что «тамо русс» (русские люди, матросы «Витязя») срубили много кокосовых деревьев и теперь мало осталось орехов».

Зная очень хорошо, что это было большим преувеличением и что если это случилось, то только в виде исключения, я предложил указать мне, где срубленные деревья. Несколько туземцев вскочили и побежали указать мне срубленные стволы кокосовых пальм около самой деревни, приговаривая:

«Кокосы есть можно, но рубить стволы нехорошо».

Они были правы, и я должен был замолчать.

Привезенная посуда мало-помалу исчезает, бьется, почему мне приходится заменять ее туземной — небольшими табирами вместо блюд и половинками скорлуп кокосовых орехов, служащих мне тарелками.

Туземцы здесь чернят себе не только физиономии, но и рот (язык, зубы, десны и губы) веществом, которое они разжевывают; оно называется «таваль». Это они делают не постоянно, а при особенных случаях.

1872 год

1 января

Ночью была сильная гроза. Проливной дождь шел несколько раз ночью и днем.

Ветер был также силен. Лианы, подрубленные у корня при расчистке площадки и висевшие до сих пор во многих местах над крышей, падали, и одна из них, около 7 м длиной и 3—4 см толщиной, свалилась с большим шумом, пробила крышу и разбила один из термометров, которым я обыкновенно измерял температуру воды.

2 января

Ночью свалилось с шумом большое, надрубленное у корня дерево и легло поперек ручья.

Потребовалось много работы, чтобы очистить последний от сучьев и листьев.

Туй, возвращаясь с плантации, принес сегодня очень маленького поросенка, которого собака загрызла, но не успела съесть. Большая редкость животной пищи и постоянное хныканье Ульсона о куске мяса были причиной, почему я сейчас же взял подарок Туя. Маленькое, очень худое животное оказалось для меня интересным, представляя новую, полосатую, разновидность. Темнобурые полосы сменялись светлорыжими, грудь, брюхо и ноги были белые. Я отпрепарировал голову, сделал эскиз, а затем передал поросенка Ульсону, который принялся его чистить, скоблить и варить. Смотри на Ульсона, занятого приготовлением, а потом едой, можно было видеть, насколько люди — животные плотоядные. Да, кусок говядины — важная вещь! Мне не кажется особенно странным, что люди, прежде имевшие животную пищу, переселяясь в местность, где не было таковой, стали есть человеческое мясо, которое к тому же очень вкусно, как уверяют знатоки.

Несколько дней тому назад, занимаясь рассматриванием моей коллекции волос папуасов, я констатировал несколько интересных фактов. Особое распределение волос на голове считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось неверным положение, что волосы папуасов растут на теле пучками или группами. Но громадный «парик» моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно волосы распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части шеи у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось еще видеть. После завтрака, лежа в своем гамаке, я скоро заснул, так как свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущих, тотчас же вскочил. Это был Коллэ из Бонгу с мальчиком лет девяти, очень коротко обстриженным.

С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти. Я с удовольствием подарил им вдвое больше, чем обыкновенно даю, и дал бы в двадцать раз более, если бы они позволили вырезать небольшой кусочек кожи с головы. Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, как это можно прочесть во многих учебниках по антропологии, а совершенно так же, как и у нас. Это, на взгляд многих, может быть, очень незначительное наблюдение разогнало

мой сон и привело в приятное настроение духа. Несколько человек, пришедших из Горенду, снова подали мне повод к наблюдениям.

Лалу попросил у меня зеркало и, получив его, стал выщипывать себе волосы из усов, те, которые росли близко у губ, а также все волосы из бровей; он особенно старательно выщипывал седые волосы. Желая пополнить свою коллекцию, я принес щипчики и предложил ему свои услуги, на что, разумеется, он сейчас же согласился. Я стал выщипывать по одному волоску, чтобы видеть их корни.

Замечу здесь, что волосы папуасов значительно тоньше европейских и с очень маленькими корнями. Рассматривая распределение волос на теле, я заметил на ноге Бонема совершенно белое пятно, происшедшее, вероятно, от глубокой раны. Легкие поверхностные раны оставляют на коже папуасов темные шрамы, а глубокие остаются долгое время, может быть навсегда, без пигмента. Кстати, ноги Бонема очень широки — около пальцев от 12 до 15 см; затем пальцы ног кривы; у многих нет ногтей (старые раны); большой палец отстоит значительно от второго.

У Дигу лицо носит следы оспы. Он объяснил мне, что болезнь пришла с северо-запада и что от нее многие умерли. Когда это случилось и случилось ли это раз или больше, я не сумел спросить. Между прочим, я убедился, что язык Бонгу, деревни, отстоящей от Горенду всего на 10 минут ходьбы, имеет много других слов; так, напр., камень называется в Горенду «убу», в Бонгу — «гитан», в Били-Били — «пат». У Лалу очень типический анфас по узкости лба (115 мм) и ширине лица между скулами (150 мм).

4 января

Последние две недели дули довольно свежие ветры, преимущественно от 10 часов утра до 5 часов пополудни (здесь они являются редкостью в октябре и ноябре), почему днем теперь гораздо свежее.

Ульсон уговорил меня ехать удить рыбу, но, как я и ожидал, мы ничего не поймали. Жители Горенду и Бонгу занимались также рыбной ловлей. Я направил шлюпку к трем ближайшим огонькам посмотреть, как они это делают. Подъехав довольно близко, я окликнул их; на пирогах произошло смятение. Огни сейчас же потухли, и пироги скрылись в темноте по направлению к берегу. Причиной бегства туземцев и внезапной темноты было присутствие на пирогах женщин, которые при моем появлении поспешно высадили на берег. Я узнал об этом по донесшимся до меня женским голосам.

$$+1-(2)$$

107

24th

11. Также показать узлы и
та справочники по
тематике сержантам.

Lary. Topenig, Exp. Makura

31 Trans 1872

Дигу, папуас из деревни Горенду

Пироги, однако, вернулись, и минуты через две шлюпка была окружена десятком пирог, и почти что каждый из туземцев подал мне по одной или по две рыбки, а затем они отъехали и продолжали ловлю. На платформе каждой пироги лежал целый ворох связанной в пучки длинной сухой травы (*Imp-rata*). Стоящий впереди пироги туземец зажигал один за другим эти пучки и освещал поверхность воды. На платформе помещался другой туземец с «юр» (острогой), футов 8 или 9 длины, который он метал в воду и почти каждый раз сбрасывал ногой с юра две или три рыбки. Часто ему приходилось выпускать юр из рук, и когда это случалось, то пирога подъезжала к юру, который плавал стоя, погруженный в воду только на четверть. Юр так устроен, что, погрузившись в воду и захватив добычу (рыбки остаются между зубьями), поднимается из воды сам и плавает, стоя почти перпендикулярно в воде. Наконец, третий папуас управлял пирогой, сидя на корме.

11 января

Целых пять дней подряд надоедала мне лихорадка. Не стану подробно описывать свое состояние, но это полезно знать тем, которым вздумается забраться сюда. Эти пять дней голова не-сносно болела, и я был очень слаб, но вместе с тем, не желая звать Ульсона, сам осторожно спускался с постели на пол, боясь упасть, если встану на ноги. Глаза и лоб заметно опухали во время пароксизма. Все эти дни я находился в каком-то забытьи и принимал хину, вероятно, не во-время; это и было главной причиной того, что лихорадка так затянулась.

Около 12 часов пришло несколько человек из Бонгу с приглашением прийти к ним. Один из посетителей сказал мне, что очень хочет есть. Я ему отдал тот самый кокос, который он принес мне в подарок. Сперва топором, а затем донганом (костяной нож) он отделил зеленую скорлупу ореха и попросил у меня «табир» (деревянное блюдо). Не имея такого, я принес ему глубокую тарелку. Держа кокос в левой руке, он ударил по нему камнем, отчего орех треснул как раз посередине. Придерживая его над тарелкой, он разломил его на две почти равные части, причем вода вылилась в тарелку. К нему подсел его товарищ, и оба, достав из своих мешков по «яруру» (*Cardium*), стали выскребывать ими свежее зерно ореха и выскребленную длинными ленточками массу опускать в кокосовую воду. В короткое время вся тарелка наполнилась белой кашей; начисто выскребленные половинки скорлупы превратились в чашки, а те же яруры — в ложки. Кушанье это было приготовлено так опрятно и инструменты так просты и целесообразны, что я должен был отдать предпочтение этому способу еды кокосового ореха перед

1

2

Мужская сумка для ношения мелких предметов; (1) и женская сумка для ношения грудных детей, а также таро и ямса (2)

всеми другими, виденными мною. Туземцы называют это кушанье «монки-ля», и оно играет значительную роль при их угощениях.

Несмотря на накрапывающий дождь, я принял приглашение туземцев Бонгу отправиться к ним, надеясь, что мне удастся осмотреть обстоятельно деревню и что мое знание языка уже подвинулось достаточно для того, чтобы понять объяснение многих мне еще непонятных вещей. Я предпочел отправиться в Бонгу в шлюпке. Берег около Бонгу совершенно открытый, и при значительном прибое было рискованно оставить шлюпку вытасченной на берег, так как был прилив и ее не замедлило бы выкинуть на берег. Нашлось, однакоже, большое, свесившееся над водой дерево, называемое туземцами «субари» (*Caïophyllum inophyllum*), к которому мы прикрепили шлюпку. Подъезжая к дереву, я бросил с кормы заменявший якорь большой камень; затем, привязав шлюпку к дереву с носа и таким образом оставив ее в полной безопасности, я мог отправиться в деревню. Несколько туземцев, стоявших по пояс в воде, ожидали меня у борта для переноски на берег. Когда я собрался идти в деревню, один из мальчиков побежал туда возвестить, что я приближаюсь. За мною следовало человек 25 туземцев. От песчаного берега шла довольно хорошо утоптанная тропинка к деревне, которая с моря не была видна. Шагов за пять до первых хижин не было видно и слышно признаков обитаемого места, и только у крутого поворота я увидел первую крышу, которая стояла у самой тропинки. Пройдя около нее, я вышел на площадку, окруженную десятком хижин.

В начале дневника я уже описал в общих чертах хижины папуасов. Они почти целиком состоят из крыши, имеют очень низкие стены и небольшие двери. За неимением окон они темны внутри, и единственная мебель их состоит из нар. Но, кроме этих жилых частных хижин, в которых живут отдельные семьи, в деревнях встречаются еще и другие постройки — для общественных целей. Эти последние представляют большие сараеобразные здания, гораздо больше и выше остальных. Они обыкновенно не имеют передней и задней стен, а иногда и боковых, и состоят тогда из одной только высокой крыши, стоящей на столбах и доходящей почти до земли. Под этой крышей по одной стороне устроены нары для сидения или сна. Здесь же хранится посуда, размещенная разным образом под крышей, для общественных праздников. Таких общественных домов, нечто вроде клубов*, было в Бонгу 5 или 6, по одному почти на каждой площадке.

* Доступных единственно для мужчин, как я узнал впоследствии.

Буамрамра в деревне Бонгу

Меня сперва повели к первому из них, а затем поочередно ко всем другим. В каждом ожидала меня группа папуасов, и в каждом я оставлял по нескольку кусков табаку и гвоздей для мужчин и полоски красной бумажной материи для женщин, которых даже и сегодня туземцы куда-то попрятали, по крайней мере я не видел ни одной. Деревня Бонгу была значительнее Горенду; раза в три по крайней мере больше последней. Как в Горенду, так и здесь хижины стояли под кокосовыми пальмами и бананами и были расположены вокруг небольших площадок, соединенных одна с другой короткими тропинками.

Обойдя, наконец, всю деревню и раздав все мои подарки, я уселся на нарах большой барлы; вокруг меня собралось около сорока человек туземцев. Это строение имело 24 фута ширины, 42 фута длины и в середине футов 20 высоты. Крыша только на 1 фут не доходила до земли и поддерживалась посередине тремя здоровыми столбами. По сторонам, по 3 с каждой, были вкопаны также столбы в 1 м высоты, к которым была привязана или прикреплена тем или иным образом крыша и на которые опирались главным образом стропила. Крыша была немного выгнута наружу и сделана капитально, представляя изнутри чашую, тщательно связанную решетку. Можно было положительно надеяться, что она может устоять против любого ливня и

Резной идол — «телум» —
с о. Вили-Вили

нар, другая (метра полтора) — около входа, третья, как очень ветхая, негодная, валялась на земле. Я расположился рисовать и снял копии со всех трех, разговаривая с туземцами, которые расспрашивали, есть ли такие «телумы» в России и как они там называются. В одной барле, укрепленное довольно высоко, так что я не мог удобно его рассмотреть, висело бревно, вырезанное

продержится около десятка лет. Над нарами, как уже я сказал, было подвешено разного рода оружие; посуда, глиняная и деревянная, стояла на полках; старые кокосовые орехи были сучены под нарами. Все казалось солидным и удобным.

Отдохнув немного, осмотрев все кругом и расспросив, насколько мог, о том, чего не понимал, я направился далее, чтобы поискать, не найду ли чего-нибудь интересного. Я оставил Ульсона и одного из папуасов принимать за меня ответные подарки туземцев, которые они постепенно сносили из своих хижин в барлу и передавали Ульсону. То были сладкий картофель, бананы, кокосы, печеная и копченая рыба, сахарный тростник и т. п. У одной барлы верхняя часть задней стенки, сделанная из какой-то коры*, была разрисована белой, черной и красной краской. К несчастью, шел дождь, и я не мог срисовать этих первобытных изображений рыб, солнца, звезд, кажется и людей и т. п.

В одной барле я нашел, наконец, то, чего искал уже давно, а именно несколько фигур, вырезанных из дерева; самая большая из них (более 2 м) стояла посередине барлы около

* Которая оказалась *vagina foliorum* (влагалищем листа) арековой и других пальм.

в виде ряда человекоподобных фигур. Эта барла была такая же, как и другие, и не представляла, кроме телумов, ничего особенного, что бы давало право считать эту постройку за храм, как были описаны аналогичные постройки в Дорэ и в бухте Гумбольдта на Новой Гвинее разными путешественниками.

Мне захотелось приобрести один из виденных телумов. Я вынул нож и показал, что дам их два или три за небольшой телум. Мне сейчас же принесли какой-то обгорелый и сломанный, которого я, однакоже, не взял, ожидая, что получу лучший.

Солнце уже было низко, когда я направился к шлюпке, провожаемый рукопожатиями и возгласами «Эме-ме». Когда мы добрались домой и выбрали все подарки из шлюпки, оказалось, что Ульсон очень разочарован поездкой. «Мало дают; кокосы старые, рыба жестка как дерево, бананы зеленые, да и ни одной еще женщины не видали», — ворчал он, отправляясь в кухню доваривать бобы к обеду.

15 января

Ночью была гроза и ветер, юго-западный, порывистый и очень сильный. Лес кругом стонал под его напором; по временам слышался треск падающих деревьев, и я раза два думал, что наша крыша слетит в море. В такие ночи спится особенно хорошо; почти что нет комаров и чувствуется прохлада. Около часа я был разбужен страшным треском и тяжелым падением, после которого что-то посыпалось на нашу крышу. Я выглянул за дверь, но темь была такая, что решительно ничего нельзя было разобрать, почему я снова лег и скоро заснул. Был разбужен, однако, очень рано шумом сильного прибоя.

Было 5 часов. Начинало только что светать, и в полумраке я разглядел, что площадка перед крыльцом была покрыта черной массой, выше человеческого роста; оказалось, что большое дерево было сломано ночью ветром и упало перед самой хижиной. Когда здесь падает дерево, то оно не валится одно, а влечет за собою массу лиан и других паразитных растений, ломает иногда ближайшия деревья или по крайней мере сучья их, опутанные лианами упавшего дерева. Чтобы пробраться к ручью, надо было топором прочистить себе дорогу через зелень. Весь день прошел в очень пустых, но необходимых работах; у Ульсона была лихорадка, и он не мог подняться. Пришлось поэтому отправиться за водой, разложить костер и сварить чай, потом очистить немного площадку от поломанных ветвей, чтобы свободно ходить около дома.

Сделав метеорологические наблюдения и дав лекарство Ульсону, часа на два я освободился и мог приняться за кое-какие анатомические работы. К 10 часам я принужден был,

однако, оставить их, вспомнив, что нет дров для приготовления завтрака и обеда. Нарубив достаточно дров, я отправился к ручью вымыть рис, который затем сварил, испекши в то же время в золе сладкий картофель. После завтрака я прилег отдохнуть, но моя сиеста была прервана приходом нескольких туземцев, которые надоедали мне до 3 часов.

Один из них указал мне на глубоко сидящую шлюпку; она была полна воды вследствие дождя, и нельзя было оставить ее до следующего дня в этом положении, так как ночью мог быть снова дождь, и тогда шлюпка могла затонуть. Нехотя полуразделся, добрался до шлюпки и вычерпал на менее 23½ ведер воды. Занятие это с непривычки очень утомительное. Сбросив мокрое платье, я посмотрел на часы. Было около 5 часов. Пришлось идти снова на кухню и готовить обед; варить бобы я, разумеется, и не подумал, так как на варку их требуется около четырех часов. Сварил поэтому снова рису, приготовил кэрри, испек картофель и сделал чай. Провозился с этой стряпней, которая наводит на меня хандру, до 6 часов. Пообедал, да и то беспокойно: пришлось идти снять сушившееся белье, так как стал накрапывать дождь, приготовить лампу и т. д.

Даже питье чая не обходится без работы; не имею сахара уже несколько месяцев, а один чай не приходится мне по вкусу; я придумал пить его с сахарным тростником. Вооружившись ножом, я откалываю кору тростника, режу его на мелкие пластинки, кусаю их и постепенно высасываю сладкий сок, запивая чаем. Около 8 часов принялся за дневник. В 9 запишу температуру воздуха, сойду к морю, запишу температуру воды ручья и моря, посмотрю на высоту прилива, замечу направление ветра, занесу все это в журнал и с удовольствием засну. Я описал сегодняшний день, как пример многих других, на тот случай, когда, позабыв подробности своей жизни здесь, буду к досаде своей находить, что мало сделал в научном отношении на Новой Гвинее.

17 января

Вздумал отправиться в Бонгу закончить рисунки телумов и изображений на стене одной барлы. Встретив Туя, который шел ко мне, я предложил ему идти со мною. Он согласился. Когда мы проходили через Горенду, к нам присоединились Бонем и Дигу. Выйдя из леса к морю, мы пошли по отлогому песчаному берегу. Был прилив, и волны набегали на отлогий берег почти что выше линии прилива, где лес образовал густую стену зелени. Не желая замочить обувь, я должен был выбирать моменты, когда волна откатывалась, и перебегать с одного места на другое.

Туземцы очень обрадовались случаю побегать или, может быть, пожелали узнать, могу ли я бегать, и пустились вдогонку. Желая сам сравнить наши силы в этом отношении, я поравнялся с ними, и мы пустились бежать. Туземцы поняли сейчас же, в чем дело, и мало отставали; к моему удивлению, мои ноги оказались крепче, я обогнал всех. Их было человек пять, все они были здоровы, молоды и, кроме пояса, совершенно голы; на мне же, кроме обыкновенного платья, были надеты башмаки и гамаши. Придя в Бонгу, я направился прямо к барле снимать рисунки, находящиеся на фронтоне ее. Кончив рисунки, я роздал туземцам несколько кусков табаку, который им все более и более нравится, и отправился походить по деревне. Хотя мое присутствие было известно всей деревне, на этот раз (кажется, первый) и женщины не убежали в лес, а только при моем приближении прятались в хижину. Лиц их я не мог разглядеть, фигура же их походит на мужскую. Костюм отличается от костюма мужчин тем, что, вместо пояса, спереди и сзади на них болтаются какие-то толстые фартуки.

Когда я собрался уйти, мне принесли несколько бананов и два куска мяса, вероятно испеченных на углях и аккуратно защемленных между расщепленными палочками; один из этих кусков, назначенный для меня, оказался свиной, а другой — собачьим мясом, которое просили передать Ульсону.

Вернувшись домой и почувствовав хороший аппетит, я передал свинину Ульсону, а сам принялся за собачье мясо, оставив ему половину; оно оказалось очень темным, волокнистым, но съедобным. Ульсон сперва ужаснулся, когда я ему предложил собачье мясо, но кончил тем, что съел его. Новогвинейская собака, вероятно, не так вкусна, как полинезийская, о чем свидетельствует Кук, находивший собачье мясо лучше свинины.

25 января

Дней шесть страдал от лихорадки; один пароксизм сменялся другим. Шел много раз дождь.

Ходил в Горенду за сахарным тростником. Пока туземцы сходили за ним на плантации, я сделал несколько рисунков хижин и в первый раз увидел, каким образом туземцы хранят для себя воду, а именно — в больших бамбуках, как это делается и во многих местах Малайского архипелага. Узнал только сегодня, т. е. на 5-й месяц своего пребывания здесь, папуасские слова, означающие «утро», «вечер»; слова «ночь» еще не добился. Смешно и досадно сказать, что только сегодня мне удалось узнать наверное, как сказать по-папуасски слово «хорошо» или «хорошее». До сих пор я уже два раза был в заблуждении, предполагая, что знаю это слово, и, разумеется, употреблял его. Оче-

видно, папуасы не понимали, что я этим словом хочу сказать «хорошо». Очень трудно заставить себя понять, если слово, которое хочешь знать, не просто название предмета. Например, как объяснить, что желаешь знать слово «хорошо»?

Туземец, стоящий перед вами, понимает, что вы хотите знать какое-то слово. Берешь какой-нибудь предмет, о котором знаешь, что он туземцу нравится, а затем другой в другую руку, который, по вашему мнению, не имеет для него никакой цены, показываешь ему первый предмет и говоришь «хорошо», стараясь при этом сделать довольную физиономию. Туземец знает, что, услышав русское слово, он должен сказать свое, и говорит какое-нибудь. Потом показываешь другой предмет, делаешь кислую физиономию и бросаешь его с пренебрежением. На слово «дурно» туземец тоже говорит свое. Пробираешь несколько раз с разными туземцами — слова выходят различные. Наконец, после многих попыток и сомнений, я наткнулся на одного туземца, который, как я был убежден, меня понял. Оказалось слово «хорошо» по-папуасски — «казь». Я его записал, запомнил и употреблял месяца два, называя что-нибудь «казь», и имел удовольствие видеть, что при этом туземцы делали довольную физиономию и повторяли: «казь», «казь».

Однако я заметил, что как будто не все понимают, что я желаю сказать «хорошо». Это случилось, однако, только на 3-й месяц; я стал искать поэтому случая проверить это слово. Я наткнулся, как мне казалось, в Бонгу на очень сметливого человека, который сообщил мне уже много мудреных слов. Перед нами, около хижины, стоял хороший горшок и недалеко валялись черепки другого. Я взял то и другое и повторил вышеописанную процедуру. Туземец меня понял, кажется, подумал немного и сказал два слова. Я стал проверять, показывая на разные предметы, как то: целый и разорванный башмак, плод, годный для пищи, и другой, негодный, и спрашиваю: «ваб?» (слово, которое он мне сказал). Он повторял «ваб» каждый раз. Наконец, думаю, узнал. Снова употреблял слово «ваб» около месяца и опять заметил, что это слово не годится, и даже открыл, что «казь» — туземное название табака, а «ваб» означает большой горшок. К тому же у дикарей вообще есть обыкновение повторять ваши слова.

Вы говорите, указывая на хороший предмет: «казь»; туземец вторит вам: «казь». И вы думаете, что он понял вас, а папуасы думают, что вы говорите на своем языке, и стараются запомнить, что вы такую-то вещь называете «казь». Узнанное теперь, кажется, окончательно, слово для «хорошо» — «ауе» я приобрел окольными путями, на что употребил ровно 10 дней. Видя, что первый способ не выдерживает критики, я стал вслушиваться в разговор папуасов между собою и, чтобы узнать слово «хо-

рошо», стал добиваться значения «дурно», зная, что человек склонен чаще употреблять слово «дурно», чем «хорошо». Это мне удалось, но все же я не был вполне уверен, что нашел его, почему и прибегнул к хитрости, которая помогла: я стал давать пробовать разные соленые, горькие, кислые вещества и прислушиваться, что говорят пробуящие. Я узнал, что «дурно», «скверно», одним словом «нехорошо», называется «борле». С помощью слова «борле», которое оказалось понятным для всех, я добился от Туя значения противоположного «ауе».

Еще комичнее история слова «киринга», которое туземцы употребляли очень часто в разговоре со мною и которое, я полагал, означает «женщина». Только на днях, т. е. по прошествии четырех месяцев, я узнал, что это слово не папуасское, а Туй и другие туземцы убедились, что оно не русское, за которое они его считали. Как оно появилось и каким образом произошло это недоразумение, я не знаю.

Вот почему мой лексикон папуасских слов так туго пополняется и вряд ли когда будет обширным.

Зубы начинают болеть от жевания и сосания сахарного тростника, а без него чай невкусен. Странно, что чувствую по временам какую-то потребность съесть что-нибудь сладкое.

7 февраля

По уговору зашел ко мне Туй часов в 6, чтобы вместе идти в Бонгу. Туй решил сегодня съесть тарелку вареного рису, и мы отправились.

От Горенду в Бонгу приходится идти у самого берега, и во время прилива, как я уже упоминал, вода обдаёт ноги.

В Бонгу я открыл еще один большой телум, который и не замедлил срисовать. В левой руке большой телум держал маленького, из глины и весьма неискусной работы. Я приобрел последний за 3 куска табаку.

Я добивался, чтобы мне принесли черепа, но туземцы уверяли меня, что русские забрали все, показывая мне разный хлам, который они получили за них. Один из туземцев Бонгу показал мне, наконец, куст, под которым должен был находиться череп. Но ни он и никто другой из туземцев не хотели достать его. Тогда я сам направился к кусту и отыскал череп, лежащий на земле и окруженный костями свиней и собак. Туземцы отступили на несколько шагов, говоря, что это нехорошо и чтобы я его выбросил. Этот случай, как и обстоятельство, что туземцы за разные пустяки расставались с черепами своих земляков, казался мне доказательством, что черепа у них не в особенном почете. Я подумал, что приобретенный мною череп принадлежит какому-нибудь неприятелю и что поэтому его мало

ценят, и спросил об этом туземцев, на что, с удивлением, услышал, что это был «тамо Бонгу».

Я приступил затем к закупке съестных припасов. Рыбы достал много, потом выменял ветку созревающих бананов, которую взвалил на плечи. Наконец, с обоими телумами в карманах и с черепом в руках я направился домой. От тяжести и скорой ходьбы мне стало очень жарко, но затем, когда высокая вода обдавала ноги, уже раньше совершенно вымокшие, я почувствовал сильный холод, дрожь и головокружение. В Горенду я предложил Дигу донести бананы и пару кокосов.

Наконец, я добрался домой. Едва успел я сбросить вымокшую одежду, как принужден был лечь, так как пароксизм сегодня был очень силен. Мои челюсти под влиянием лихорадки так тряслись, зубы так стучали, что мне невозможно было сказать несколько слов Ульсону, который до того испугался, думая, что я умираю, что бросился к койке и зарыдал, сокрушаясь о своей участи в случае моей смерти. Не запомню я подобного пароксизма и такой высокой температуры, не понижавшейся в продолжение почти шести часов.

При этом я был немало удивлен странным ощущением. При переходе от озноба к жару я почувствовал вдруг очень странный обман чувств. Я положительно чувствовал, что мое тело растет, голова увеличивается все более и более, достает почти до потолка, руки делаются громадными, пальцы на руках становятся так толсты и велики, как мои руки, и т. д. Я ощущал при этом чувство громадной тяжести разрастающегося тела. Странно, что при этом я не спал, это не был бред, а положительное ощущение, которое продолжалось около часу и которое очень утомило меня. Пароксизм был так силен и ощущения так странны, что я долго не забуду их. Мои промокшие ноги и ощущение холода во время утренней прогулки не прошли мне даром.

8 февраля

Я принял 0,8 г хины ночью и ту же дозу перед завтраком, и, хотя в ушах страшно звенело и я был глух весь день, пароксизма не было. Сегодня погода была особенно приятна: слегка пасмурно, тепло (29° Ц), совершеннейший штиль. Полная тишина прерывалась только криком птиц и почти постоянной песней цикад. Монотонность освещения сменялась проглядывающим по временам лучом солнца. Освеженная ночным дождем зелень в такие минуты блестела и оживляла стены моего палаццо. Далекие горы казались более голубыми, и серебристое море блестело заманчиво между зелеными рамами. Потом опять мало-помалу все тускнело и успокаивалось. Глаз также отдыхал. Одним словом, было спокойно, хорошо...

Крикливые люди также не мешали сегодня: никто не приходил. Я думал при этом, что в состоянии большого покоя (правда, трудно достижимого) человек может чувствовать себя вполне счастливым. Это, вероятно, думают миллионы людей, хотя другие миллионы ищут счастья в противоположном.

Я так доволен в своем одиночестве. Встреча с людьми для меня хотя не тягость, но они для меня почти что лишние; даже общество (если это можно назвать обществом) Ульсона мне часто кажется назойливым, почему я и отстранил его от совместной еды. Каждый из нас ест на своей половине. Мне кажется, что, если бы не болезнь, я здесь не прочь был бы остаться навсегда, т. е. не возвращаться никогда в Европу.

В то время, когда я прогуливался между кустами, мое внимание было обращено на одно дерево, почти все листья которого были изъедены насекомыми и покрыты разными грибами. Притом в умеренных странах я никогда не встречал таких различных форм листьев на одном и том же дереве. Рассматривая их, трудно поверить, что они все выросли на одной ветке. Здешняя растительность отличается от растительности умеренных зон громадным разнообразием паразитных растений и лиан, которые опутывают стволы и ветви деревьев, теряющих по удалении всех этих паразитов свой роскошный вид и кажущихся тогда очень мизерными. Те же деревья, которые растут свободно, отдельно, как, напр., у берега моря, представляют великолепные образчики растительного мира.

Я каждый день наблюдаю движение листьев, положительно замечательное. У одного растения из семейства лилий листья гордо поднимаются по утрам и после каждого дождя и уныло опускаются вдоль ствола, касаясь земли, в жаркие солнечные дни. Жалеешь, что не хватает глаз, чтобы все замечать и видеть кругом, и что мозг недостаточно силен, чтобы все понимать...

9 февраля

Забрел утром довольно далеко. Вышел из леса по тропинке; она привела меня к забору, за которым я увидел головы нескольких знакомых жителей Горенду. Между ними были и женщины; они работали, сняв лишнюю одежду: вместо длинных фартуков из бахромы спереди и сзади, на них, как и на мужчинах, был надет только пояс, но гораздо более узкий, чем у последних; перевязь его проходила между ногами. Как только я показался, они не замедлили скрыться за группами сахарного тростника и не показывались, пока я был на плантации.

Плантация была недавнего происхождения. Забор в рост человека, совсем новый, был сделан весьма прочно. Он состоял из очень близко одна к другой воткнутых в землю палок,

собственно стволов сахарного тростника: они были посажены в два ряда, отстоящие друг от друга на 20 см. Этот промежуток был наполнен всевозможными обрубками стволов, сучьев, кусками расколотого дерева; а затем очень часто тростники, прихлывшиеся один против другого, были связаны и придерживали всю эту массу хвороста. Главным образом придавало забору крепость то обстоятельство, что в непродолжительном времени после его насаждения тростник пускал корни, начинал расти и с каждым месяцем и годом становился все крепче. Калитка или ворота заменялись вырезом в заборе, так что приходилось переступать порог фута в 2 вышины. Это — мера предосторожности против диких свиней, которые могли бы забраться на плантацию.

Несколько перекрещивающихся дорожек разделяли большое огороженное пространство на участки, на которых возвышались очень аккуратно расположенные, довольно высокие полукруглые клумбы. Они имели около 75 см в диаметре; земля, из которой они состояли, была очень тщательно измельчена. В каждой клумбе были посажены различные растения, как то: сладкий картофель, сахарный тростник, табак и много другой зелени, мне неизвестной. Замечательно хорошая обработка земли заставила меня обратить внимание на орудия, служащие для этой цели; но, кроме простых длинных кольев и узких коротких лопаток, я ничего не мог найти.

У забора дымился небольшой костер, который главным образом служил туземцам для закуривания сигар. До сих пор я не мог открыть у папуасов никакого способа добывать огонь и всегда видел, что они носят его с собою и, придя на место, раскладывают небольшой костер для того, чтобы огонь не потух. Вечером я узнал от Туя много слов, но не мог добиться слова «говорить». Туй, кажется, начинает очень интересоваться географией; он повторял за мной имена частей света и стран, которые я ему показывал на карте. Но очень вероятно, что он считает Россию немного больше Бонгу или Били-Били.

12 февраля

Сегодня был счастливый день для меня. Добыл 6 хорошо сохранившихся, цельных черепов папуасов, и вот каким образом. Узнав случайно, что в Гумбу много черепов, я отправился туда и приступил сейчас же к рисованию телумов, что, однако, оказалось неудобным по случаю темноты в хижине. В других, однакоже, тоже нашлись телумы, которые были вынесены на площадку, где я их и нарисовал, после чего, раскрыв связку с подарками — гвоздями, табаком и полосками красной материи, я объявил, что желаю «тамо-гате».

Послышались голоса, что черепов больше нет, что русские забрали все. Я остался при своем, настаивая, что есть, и показал еще раз на кусок табаку, три больших гвоздя и длинную полоску красного ситца; это была назначенная мною плата за каждый череп. Скоро принесли один череп, немного погодя два других, затем еще три. С большим удовольствием роздал я туземцам обещанное да еще дал каждому, вместо одной, две полоски красной материи. Я связал добытые черепа, прикрепив их к палке, и, несмотря на массу муравьев, взвалил добычу на плечи. Я очень жалею, что ни к одному черепу не была дана мне нижняя челюсть, которую туземцы здесь хранят у себя и нелегко с нею расстаются. Она служит им памятью по умершим.

14 февраля

Сегодня в первый раз Туй принес мне испеченное таро. Только что я расположился рисовать пятый череп, явились гости из дальней горной деревни. Ни физиономией, ни цветом кожи, ни украшениями они не отличаются от моих соседей. Когда я им показал их физиономии в зеркале, надо было видеть их глуповато изумленные и озадаченные лица. Некоторые отворачивались, а потом снова осторожно заглядывали в зеркало, но под конец заморская штука им так понравилась, что они почти вырывали ее друг у друга из рук. Я выменял у одного из гостей футляр для хранения извести с весьма оригинальным орнаментом на несколько железных безделушек.

По их уходе Ульсон заметил, что из нашей кухни пропал нож, и сказал, что он подозревает одного из приходивших жителей Горенду. Это первая кража, сделанная туземцами, и именно вследствие этого я не могу оставить ее без внимания и должен принять меры против повторения подобных оказий. Сегодня, однако, я не мог пойти в деревню для обличения вора. Пришлось заняться шлюпкой, которая стала сильно течь: во многих местах оказались проточины червей. Я решил, очистив низ шлюпки, покрыть его тонким слоем смолы; для этого надо было шлюпку опрокинуть или поставить набок, что для двоих было тяжелой работой. Мы, однако, одолели ее.

16 февраля

Я был занят около шлюпки, когда пришел впопыхах один из жителей Горенду и объявил, что послан позвать меня Туем, на которого обрушилось дерево. Туй его рубил, и при падении оно сильно ранило Туя в голову, и теперь он лежит и умирает. Собрав все необходимое для перевязки, я поспешил в деревню; раненый полулежал на циновке и был, кажется, очень обрадо-

ван моим приходом. Видя, что я принес с собою разные вещи для перевязки, он охотно снял ту, которая была у него на голове и состояла из трав и листьев.

Рана была немного выше виска, с довольно длинными разорванными краями. Я забыл захватить с собою кривые ножницы, которые оказались необходимыми, чтобы обрезать волосы около раны; большими же, бывшими со мною, я только раздражал рану. Мелкокурчавые волосы, слепленные кровью, представляли плотную кору.

Сделав, что мог, я рассказал Тую и старику Буа, который пришел посмотреть на перевязку, о вчерашней краже и сказал, что подозреваю одного из жителей Горенду. Оба заговорили с жаром, что это дурно, но что подозреваемый отдаст нож. Вернувшись позавтракать в Гарагасси и на этот раз захватив ножницы, корпию и т. д., я возвратился в Горенду. Около меня и Туя, которому я обмывал рану, собралось целое общество. Между прочим, здесь находился также и предполагаемый вор. Кончив перевязку, я прямо обратился к этому человеку (Макине) и сказал: «Принеси мне мой нож». Он очень спокойно, как ни в чем не бывало вытащил требуемый нож и подал мне его. Как я узнал впоследствии, это случилось по требованию всех жителей Горенду.

Туя я объяснил, чтобы он лежал, не ходил по солнцу и не снимал повязки. Бледность была заметна, несмотря на темный цвет лица; она выражалась в более холодном тоне цвета кожи. Когда я уходил, Туй указал мне на большой сверток «ауся» и сахарного тростника, приготовленного для меня; это должен был, кажется, быть гонорар за лечение. Туй не хотел взять за это табаку, который я, однако, ему оставил, не желая, чтобы он думал, что я ради гонорара помог ему. Многие жители Горенду, приходившие ко мне вечером, указывая на деревья, стоящие около дома и угрожающие падением, прибавляли, что крыша моего дома нехороша, что она протекает, и предлагали переселиться к ним в Горенду, говоря, что все люди в Горенду очень скоро построят мне дом.

Что крыша плоха — это правда, так как в двух местах я могу видеть луну, просвечивающую между листьями.

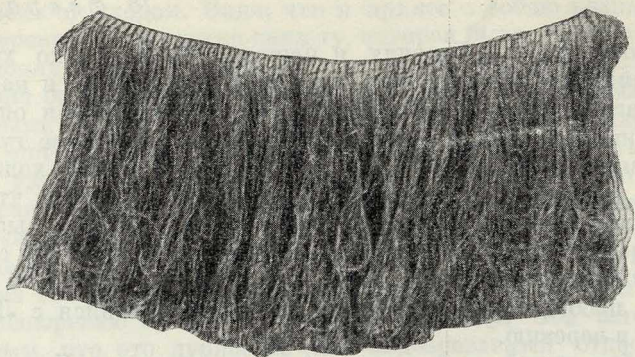
17 февраля

Кончил рисование черепов; они все оказались *hyspi-stenoccephali* (по Велькеру), т. е. длинно-высокоголовые. Был в Горенду; хотел перевязать рану Туя, но во всей деревне не нашел никого, за исключением трех или четырех собак: все люди были на работе или в лесу. Туй, чувствуя себя, вероятно, лучше, также ушел.

Утром, придя в Горенду, я нашел Туя в гораздо худшем состоянии, чем третьего дня; рана сильно гноилась, и над глазом и даже под ним распространилась значительная опухоль. Побранив раненого за его легкомысленное вчерашнее гулянье, я перевязал рану, сказал, что он умрет, если будет ходить по солнцу, и прибавил, что увижу его вечером. Я только что расположился обедать, как прибежал Лялай, младший сын Туя, с приглашением от отца прийти обедать в Горенду; он сказал, что для меня готова рыба, таро, аусь, кокосы и сахарный тростник. Я пообедал, однако, дома, а затем отправился с Лялаем и Лалу в деревню.

Пройдя ручей, я услышал вдруг восклицание Лалу; обернувшись и спросив, что такое, я узнал, что Лалу наступил на змею, очень «борле» (дурную), от укушения которой человек умирает. Немедля я вернулся к тому месту, где Лалу указал мне на змею, спокойно лежавшую поперек тропинки. Видя, что я приближаюсь к змее, оба туземца подняли крик: «Борле, борле, ака, Маклай моен!» (дурно, дурно, нехорошо, Маклай умрет!). Чтобы овладеть животным, мне пришлось почти что отделить голову ножом, потом, подняв змею за хвост, я позвал Ульсона и отправил мою добычу домой, а сам скорым шагом (солнце уже садилось) пошел в деревню. По обыкновению мой свисток предупредил жителей Горенду о моем приближении; я это делал, как уже заметил ранее, чтобы женщины имели время спрятаться, зная, что мои соседи не желают показывать их мне. Не желая стеснять их, я предупреждал свистком о моем присутствии, чтобы показать, что я не подкрадываюсь и не стараюсь подсмотреть их образ жизни. Я много раз замечал, что туземцам очень нравился мой образ действий. Они видели, что я поступаю с ними открыто и не желаю видеть больше, чем они хотят мне показать. При моем свистке все женщины, от мала до велика, прятались в кусты или хижины. Сегодня было то же самое. Пользуясь последними лучами солнца я перевязал рану Туя и расположился около больного, вокруг которого собралось уже большое общество соседей, а также и жителей Бонгу и Гумбу.

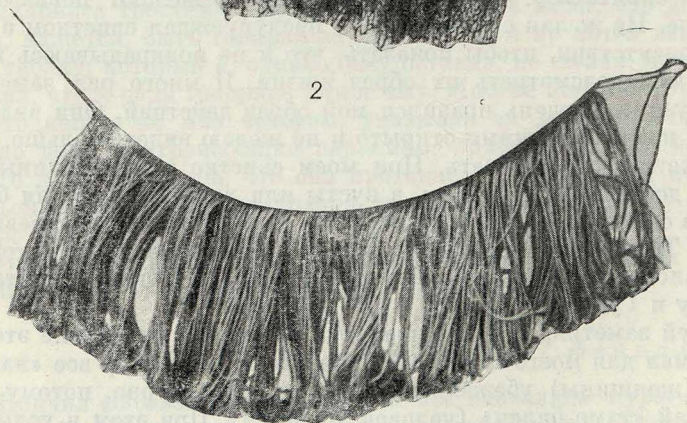
Туя заметил, что при моем «кин-кан-кан» (название это он выдумал для моего свистка и произносил его в нос) все «нангели» (женщины) убежали, но что это очень дурно, потому что Маклай «тамо билен» (человек хороший). При этом я услышал за собою женский голос, как будто опровергающий слова Туя, и, обернувшись, увидел старую женщину, которая добродушно улыбалась, — это была жена Туя, старая, очень некрасивая женщина, с отвислыми, плоскими, длинными грудями, морщинистым

1

2

3

*Папуасские юбки из волокон листа саговой пальмы (1, 2)
и белых растительных волокон (3)*

телом, одетая в юбку из каких-то грязных, желто-серых волокон, которая закрывала ее от пояса до колен. Волосы ее висели намасленными пучками вокруг головы, спускаясь и на лоб. Она так добродушно улыбалась, что я подошел к ней и пожал ей руку, что ей и окружающим туземцам очень понравилось. При этом из-за хижины и кустов появились женщины разных возрастов и небольшие девочки. Каждый из мужчин представил мне свою жену, причем последняя протягивала мне свою руку. Только молодые девушки, в очень коротких костюмах, хихикали, толкали друг друга и прятались одна за другую.

Каждая женщина принесла мне сахарного тростника и по пучку ауся. Все, кажется, были довольны знакомством или тем, что избавились, наконец, от обязанности прятать своих жен при моем приходе. Мужчины образовали группу около лежащего Туя, курили и разговаривали, беспрестанно обращаясь ко мне (я теперь уже много понимаю, хотя еще не много говорю). Женщины расположились в некотором расстоянии около жены Туя, занимавшейся чисткой таро. Многие из молодых женщин, как, напр., жена старшего сына Туя, Бонема, были недурны собою. Лицо и тело имели довольно округлые формы, и небольшие стоячие груди напомнили мне конические груди девушек Самоа.

Здесь, как и там, девочки рано развиваются; почти что дети, они уже начинали иметь вид маленьких женщин. У девушек длинные юбки из бахромы заменялись другим костюмом, который можно сравнить с двумя фартуками, из коих один закрывал заднюю, а другой — переднюю часть тела. По сторонам верхние части ног от пояса остаются непокрытыми. Передний фартук короче заднего. У девочек моложе двенадцати лет фартуки принимают вид кисточек, из которых задняя гораздо длиннее передней и похожа на хвостик. Подарков от женщин было так много, что двое туземцев должны были снести их в Гарагасси, куда я поспешил, потому что темнота уже наступала. Не успел я дойти домой, как меня захватил ливень.

19 февраля

Нашел рану Туя в худшем состоянии вследствие того, что он не может усидеть на одном месте и ходит много по солнцу. Он захотел угостить меня таро, но костер в его хижине потух. Лялай был послан за огнем, но, вернувшись минут через 10, объявил отцу, что огня нигде нет. Так как в деревне никого, кроме нас троих, не было и хижины все были плотно заложены бамбуком, то Туй приказал сыну осмотреть все хижины, не найдет ли он в них где огня. Прибежало несколько девочек, и они вместе с Лялаем стали осматривать хижины, но огня нигде

не оказалось. Туй очень досадовал, желая сварить таро, а также и покурить. Он утешил себя, говоря, что люди с поля скоро принесут огонь. Я убедился таким образом, что у моих соседей пока еще нет средств добывать огонь.

Пришедшие женщины расположились около нас и с большим любопытством осматривали меня и мой костюм. Это любопытство было довольно натурально, так как до сих пор они никогда не видели меня вблизи. Я и сам осматривал их внимательно. У некоторых девочек волосы были совсем острижены, у многих смазаны золой или известью: первое — для уничтожения насекомых, второе — чтобы сделать волосы светлыми. Старухи носят их длинными, и «гатесси» (локоны на затылке), густо смазанные черной землей, висят вокруг всей головы. Пришедшие с плантации женщины и девочки принесли на спине большие мешки, перевязь которых охватывала верхнюю часть лба. Когда мешок был полон и тяжел, они сильно нагибались, чтобы сохранить равновесие.

Как и у мужчин, носовая перегородка у женщин продырявлена. В ушах, кроме обыкновенной дырочки для больших серег, есть еще отверстие в верхней части ушей. Через них проходит шнурок, средняя часть которого перехватывает голову как раз от одного уха к другому, а на обоих свободных концах, висящих до плеч, нанизаны попарно клыки собак. Под крышей над входом в одну хижину я заметил большого жука, энергично старавшегося освободиться из петли, которая стягивала его поперек. Лялай, семилетний сын Туя, заявил, что это его жук, которого он принес, чтобы съесть, но если я хочу, то могу взять его. Жук оказался новым видом и совершенно целым, почему я и воспользовался предложением мальчика. Пока я отвязывал жука, Туй указал мне на большого паука и сказал, что жители Горенду, Бонгу и Гумбу едят также и «кобум» (т. е. пауков). Итак, к мясной пище папуасов следует причислить личинки бабочек, жуков, пауков и т. п.

20 февраля

Подходя поутру к хижине Туя, я издали увидел целую сходку мужчин и женщин. Последнее обстоятельство — присутствие женщин — особенно удивило меня, так как обыкновенно к этому часу все женщины уже работают на плантациях.

Приблизившись к Тую, я догадался, в чем дело: весь лоб, щеки и верхняя часть шеи образовали у него сплошную подушку; веки так опухли, что он еле мог открыть глаза. Туй едва говорил. Туземцы сутились около него, думая, что он, пожалуй, умрет. Осмотрев больного и найдя, что вся масса флюктуировала, я решил пойти в Гарагасси за всем необходимым, чтобы

делать припарки. Захватив с собою ланцет, я вернулся в Горенду, где был встречен всеми с выражениями радости. Приготовив припарки из льняного семени, я стал прикладывать их очень усердно, так что скоро без надреза значительное количество жидкой материи вылилось через ранку на виске. Я продолжал припарки в продолжение нескольких часов, сменяя их очень добросовестно.

Большое общество окружило нас в почтительном расстоянии: все расселись и разлеглись в самых разнообразных позах, описывать которые при всем желании было бы очень нелегко, и это все равно не дало бы ясного представления. Главное занятие женщин и девочек было искать в куафюрах мужчин вшей, которых они раскусывали зубами и, вероятно, глотали. Я роздал сегодня женщинам по несколько полосок красной материи и по некоторому количеству бисера, который я отмеривал чайной ложкой, давая каждой по две ложки. Раздача женщинам шла гораздо спокойнее, чем раздача чего-нибудь мужчинам. Каждая получала свое и уходила, не прося прибавки, и только улыбкой и хихиканьем выражала удовольствие. Табак, кажется, понравился женщинам больше, чем все другое. За болезнью Туя, жена его с женой сына приготавливали ужин для семьи и меня. Следя внимательно за приготовлением пищи, распределением и уничтожением ее туземцами, я удивлялся массе, которую папуасам приходится пожирать для существования. Не жадность, а положительная необходимость заставляет их есть так много в странах с недостаточной животной пищей. Туземцы, особенно дети, наедаются до того, что им положительно трудно двигаться.

21 февраля

Чувствовал себя очень скверно, но опасение за здоровье Туя заставило меня отправиться в Горенду. Благодаря вчерашним припаркам опухоль была меньше и еще уменьшилась, когда я придавил ее пальцами, причем из раны вылилось большое количество материи. Вернувшись домой, я вынужден был пролежать весь день.

Сегодня, когда я пришел в Горенду, женщин не было. Убедившись, что Туя лучше, они отправились работать на плантации, куда уходят обыкновенно на весь день. Для дикарей женщины более необходимы, мне кажется, чем в нашем цивилизованном мире. У диких женщины более работают для мужчин, у нас — наоборот: с этим обстоятельством связано отсутствие незамужних женщин между дикими и значительное число старых дев у нас. Здесь каждая девушка знает, что будет иметь мужа; они сравнительно мало заботятся о своей внешности.

22 февраля

Сегодня сделал интересное открытие. Проходя мимо хижины одного туземца, я обратил внимание на его занятие. Перед ним стояла чаша из большого кокосового ореха; другая, с отверстием посередине, тоже скорлупа ореха, имела дно, покрытое слоем тонкой травы. Поставив вторую чашу на первую, он из третьей налил на траву какую-то темно-зеленую густую жидкость, которая профильтровывалась в нижнюю. Когда я спросил, что это такое, он мне ответил, подавая кусок корня: «кеу», и показал мне, что, выпив эту жидкость, он заснет.

Хотя я не видал листьев этого «кеу», но я думаю, что это не что иное, как *Piper methysticum*, или полинезийская кава. Насколько я знаю, употребление кавы туземцами Новой Гвинеи до сих пор было неизвестно.

24 февраля

Не найдя Туя в Горенду, я отправился на плантации, предполагая найти его там, и не ошибся. Он сидел, несмотря на палящее солнце, около работавших членов семьи. Отправив его в деревню, я остался несколько времени на плантации посмотреть на способ обработки земли. Я уже говорил, что плантации папуасов очень хорошо обработаны и что круглые высокие клумбы состоят из тщательно измельченной земли. Все это достигается, как я увидел, весьма просто, но с большим трудом, с помощью двух самых примитивных орудий: простого заостренного кола, более 2 м длины, называемого туземцами «удя», и узкой лопаты в 1 м длины. Вот в чем заключается процесс обработки. Двое, трое или более мужчин становятся в ряд и вместе разом втыкают свои колья, по возможности глубже, в землю, потом, тоже разом, поднимают продолговатую глыбу земли, затем идут далее и выворачивают целые ряды таких глыб. Несколько человек, также при помощи кольев, разбивают эти глыбы на более мелкие; за ними следуют женщины, вооруженные «удя-сабами» — узкими лопатами, разбивают большие комья земли, делают клумбы и даже растирают землю руками.

26 февраля

Достал из Гумбу еще череп, и на этот раз с нижней челюстью.

Видел несколько жителей Колику-Мана, которые приглашали прийти к ним; с ними была молодая женщина, сравнительно с другими очень красивая.

Встал до света. Запасся провизией — вареными бобами и таро — на целый день и отправился в Горенду, где, по уговору, я должен был найти Бонема и Дигу готовыми сопроводить меня. Перевязав рану Туя, которому гораздо лучше, я спросил о Бонеме. Ответ — ушел в Теньгум-Мана. Где Дигу? — ушел с Бонемом. «Тамо борле», — сказал я. Мне было тем досаднее, что я не знал дороги в Колику-Мана. Направление было мне известно по компасу, но тропинки здесь такие капризные, что, желая попасть на юг, идешь часто на север, затем, идя большими извилинами то на запад, то на восток, добираешься, наконец, до настоящего направления. Бывают также такие случаи: тропинка вдруг кончается, перед тобою узкий, но глубокий овраг, внизу ручей, на другой стороне сплошная стена зелени. Куда идти, чтобы попасть далее? Тропинка хорошо протоптана, много людей ею прошло, но здесь ей конец. Что же оказывается? Надо при помощи свесившегося над оврагом дерева спуститься к ручью, там найти другое дерево, взобраться на один сук, почти что скрытый в зелени, перейти на другое дерево и затем пройти до известного поворота и спрыгнуть на пеня, уже по другой стороне оврага. Перейдя, наконец, через этот секретный и сложный мост, тропа продолжается. Или случается, что надо подняться или спуститься по течению ручья, идя в воде, шагов на 100 или 200, чтобы выйти на продолжение тропинки. Подобные загадки, встречающиеся на дорогах, заставили меня еще более досадовать на изменников.

Не желая подать виду, что меня можно водить за нос, я объявил, что сам найду дорогу. Вынул компас; туземцы отступили шага на два, но все же могли видеть движущуюся стрелку компаса. Я посмотрел на него (более для эффекта) и очень самоуверенно выбрал дорогу, к великому удивлению папуасов, и отправился. Я решил идти в Бонгу и там найти себе спутника. Пройдя уже полдороги, я услышал за собою голоса знакомых, зовущих меня. Жители Горенду одумались, побоялись рассердить меня и прислали двух человек. Но эти люди пришли более для того, чтобы уговорить меня не идти в Колику-Мана, а не для указания дороги. После длинных разговоров они вернулись в Горенду, а я пошел вперед. Снова послышались шаги. Это был Лако, вооруженный копьем и топором; он сказал мне просто, что пойдет со мною в Колику-Мана.

Более я ничего не желал и весело отправился по тропинке. Часто сворачивал я в сторону. Лако, шедший за мною (папуасы так недоверчивы, что не допускают, чтобы я шел за ними), указывал мне настоящую тропинку. Будь я один, я бы уже много раз сбился с пути.

Из леса вышли мы, наконец, к обрывистому морскому берегу. Внизу, футов на 30 или 40 ниже, была хорошенькая бухточка. Надо было сойти вниз. Эта бухточка оказалась бы для меня задачей, подобно вышеописанным. Тропинка, подойдя к обрыву, сворачивала и шла на юг, в глубь леса, а мне надо было идти на юго-запад. Лако подошел к дереву и махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Когда я приблизился, он указал мне путь и сам быстро, но осторожно стал спускаться по корням дерева к морскому берегу. Я последовал за ним по этой воздушной лестнице, которая хотя и казалась головоломной, но в действительности была не особенно трудной. Приходилось, разумеется, держаться на руках и, вися в пространстве, искать ногами следующую опору; в случае, если бы я оборвался, то, вероятно, раздробил бы себе череп. Внизу, пройдя минут 5 по берегу, мы опять вошли в лес. Послышался снова вдали крик. То были те же люди из Горенду. Мы подождали немного, пока они присоединились к нам с заявлением, что пойдут со мною в Колику-Мана. Сначала шли лесом, затем в брод, через два ручья, потом через небольшую речку Теньгум, по которой спустились к морскому берегу; затем перешли еще две речки. Вода речек была сравнительно очень холодной (25,5° Ц) и контрастировала очень неприятно с температурой горячего берегового песка, уже накаленного солнцем до 39° Ц, хотя было всего 8 час. 30 мин. утра.

Пройдя еще с полчаса берегом, мы остановились у двух больших деревьев, откуда тропинка вела в лес; это место, оказалось, служит постоянным привалом путников, идущих в Колику-Мана. Скоро, однако, мы вышли на поляну, покрытую высокой травой в рост человека. Эта трава покрывает все плоские и отлогие места в окрестностях и называется туземцами «унан»; она так густа и жестка, что без тропинки почти невозможно пробраться, даже на короткое расстояние.

Солнце давало себя чувствовать. Пересекавшие иногда поляны участки леса приятно оживляли своею прохладой. Мы незаметно поднимались в гору, но затем пришлось опять спуститься в глубокий овраг, внизу которого стремительно бежала речка. Нависшие с обеих сторон деревья образовали над нею свод; она напоминала мне сицилианские фьюмары. Дно ее было как бы вымощено камнями, и вода, не более фута глубиной, со своеобразным рокотом неслась к морю. Все речки этого берега имеют горный характер, с очень крутым падением, что объясняет их стремительность; при дожде в несколько часов они делаются совершенно непроходимыми, катят с шумом и пеной большие камни, роют берега и несут оторванные или поломанные деревья. Поднявшись на другую сторону, тропинка вела все в гору и почти все время лесом. У последнего дерева Лако

показал мне первые хижины Колику-Мана. Ряд открытых холмов тянулся к главному хребту. По ним в некоторых местах можно было различить черную линию тропинки, которая вела выше и выше. Тропинка оказалась крутой, скользкой от бывших недавно дождей. Солнце сильно пекло, но виды по обе стороны были очень хороши.

Мы прошли вдоль забора обширной плантации, расположенной на скате холма. Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, взглянув на величину ее и тщательную обработку земли. У забора рос сахарный тростник, и моим спутникам захотелось потешиться. Мы остановились. Сопровождавшие меня туземцы прокричали что-то; им ответил женский голос, который скоро приблизился. Тогда мои спутники стали передо мною на возвышенном крае тропинки и совсем закрыли меня. Из-за тростника я увидел скоро приближавшуюся молодую женщину. Когда она подошла к забору, говорившие с ней туземцы быстро расступились, и перед нею стоял я. Сильнейший ужас изобразился на лице папуаски, никогда еще не видавшей белого. Полуоткрытый рот испустил протяжное выдыхание, глаза широко раскрылись и потом редко и конвульсивно заморгали, руки ухватили судорожно тростник и удерживали откинутую назад верхнюю часть туловища, между тем как ноги отказывались служить ей. Спутники мои, довольные эффектом своей шутки, стали объяснять ей, кто я. Бросив ей кусок красной материи, я пошел далее.

Тропинка становилась все круче. Наконец, показалась первая кокосовая пальма, а затем крыша туземной хижины. Минуты через две я был на площадке, окруженной шестью или семью хижинами. Меня приняли двое мужчин и мальчик, к которому присоединилась старая, очень некрасивая женщина. Мои спутники очень заботились о том, чтобы жители Колику-Мана получили хорошее впечатление обо мне. Насколько я мог понять, они расхваливали мои качества: исцеление раны Туя, говорили о разных диковинных вещах в моем «талъ» и т. п.

Отдохнув и раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки, я принялся рассматривать окружающую местность и хижины. Площадка, на которой мы расположились, была вершиной одной из возвышенностей хребта и была окружена густой растительностью и десятком кокосовых пальм, так что только в двух или трех местах можно было видеть окрестную местность. Вид на север был особенно хорош: зеленые холмы на первом плане, цепь зеленых гор, а за ними оригинальный контур пика Константина; внизу блестящее море с островами. На юг и юго-восток виднелся целый лабиринт гор и холмов, покрытых лесом. Некоторые скаты были зеленого цвета, именно те, которые были покрыты не лесом, а унаном (*Imperata*).

Хижины не особенно отличались по своему характеру от хижин береговых деревень; они были, однакоже, меньше, вероятно вследствие небольшого пространства на вершине и трудности переноски строительного материала.

Собравшиеся вокруг меня туземцы не представляли различий от берегового населения; по внешности они отличались тем, что носили гораздо меньше украшений. В буамрамре я нашел телум, который нарисовал; потом пошел к следующей группе хижин, а затем к третьей, которая стояла отдельно, выше двух остальных, и куда пришлось лезть по крутой тропинке. Пока для меня и моих спутников готовили обед, я стал расспрашивать о «маб» (вид кускуса), который, по уверениям береговых жителей, очень часто встречается в горах. Мне принесли только обломанный череп одного и нижние челюсти двух других мабов.

Нам подали, наконец, два табира: один для меня, другой для моих спутников. После прогулки все показалось мне отлично сваренным. Когда мы принялись за еду, все туземцы вышли на площадку и оставили меня и моих спутников одних. Некоторые из туземцев занялись приготовлением кеу. Поданное мне блюдо было промадно, и я, разумеется, не съел и четверти содержимого. Несмотря на мое возражение, все оставшееся было завернуто в банановые листья, чтобы кушать это «мондон» (потом), а пока повешено в буамрамре.

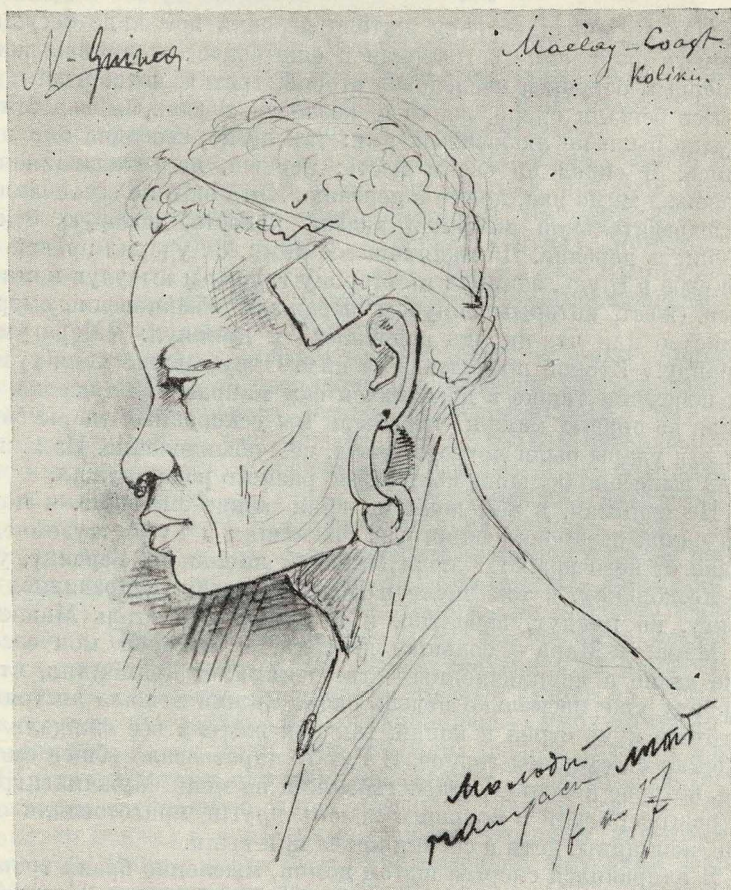
В одном месте, где деревья расступались, можно было видеть окрестности, где мне между прочим указали положение деревень Энглам- и Теньгум-Мана, куда я собираюсь отправиться. Все туземцы были очень предупредительны, и, когда я собрался идти, из каждой хижины хозяйкой было вынесено по несколько «аян» (*Dioscorea*), которые были положены к моим ногам*.

Уходя, я пригласил туземцев в Гарагасси.

Был четвертый час, и солнце все еще сильно пекло. Особенно утомительна была дорога вниз, по открытым холмам; в тени же леса было очень сыро и прохладно. Когда я вышел к морю, где меня охватил ветер, мне показалось очень холодно, почему я, несмотря на усталость, прибавил шаг, но все-таки от пароксизма лихорадки не увернулся.

Придя в Бонгу, я, не говоря ни слова, отправился в одну из больших хижин, стащил мокрую обувь, растянулся на барле и скоро заснул. Проснувшись ночью и чувствуя себя вполне здоровым, я решил идти домой, что оказалось возможно по случаю прекрасной лунной ночи.

* Аян — туземное название ямса, выходящегося травянистого тропического растения, клубни которого (до 1 м длиной и до 40 кг весом) употребляются в пищу. — *Ред.*

Молодой папуас из деревни Колику-Мана

28 февраля

Отправился в Гумбу, надеясь набрать там еще несколько черепов. Я не спешил, чувствуя еще некоторую усталость от вчерашней прогулки. Добравшись до тропинки, направлявшейся в деревню, я присел отдохнуть и полюбоваться морем. Мое раздумье было прервано появлением туземца, который бежал по берегу. Держа в левой руке над головой лук и стрелы, с каменным топором, висевшим на плече, он бежал весьма быстро и по временам правой рукой делал какие-то знаки. Вы-

шедшие ко мне навстречу жители деревни при виде бегущего о чем-то оживленно заговорили и еще более оживились, когда за первым бегущим последовал второй, третий, четвертый.

Все бежали скоро, ровно и, казалось, с важным известием. Трудно было не любоваться ими: так легко, свободно они двигались. Я сидел на своем месте; первый, не останавливаясь, пробежал мимо нас, прямо в деревню. Хотя он и не остановился, но выразительной мимикой сказал новость, которую бежал сообщить деревне. Поравнявшись с нами, он ударил правой рукой себе в грудь, закинув на сторону голову и высунув немного язык (жест, которым пауасы выражают обыкновенно смерть, убийство или что-нибудь подобное), и крикнул: «Марагум — Горенду!» Второй последовал за ним. Окружавшие меня туземцы побежали также в деревню; я сам направился туда же. Не дойдя до первых хижин, услышали мы ускоренные удары барума; эти удары были другого темпа, чем обыкновенно. Из хижин было вынесено большое количество разного рода оружия.

Не понимая, в чем дело, но видя общее смятение, я почти что силой остановил одного из бежавших в Гумбу туземцев и узнал от него новость: люди Марагум напали на Горенду, убили нескольких, в том числе и Бонема, затем отправились на Бонгу, но придут, вероятно, и в Гумбу и в «тал Маклай».

Марагум-Мана — большая деревня, с которой мои соседи уже давно в неприязненных отношениях. Я припомнил, что в Горенду уже несколько недель около хижин лежала постоянно наготове куча стрел и копий, так как жители все ожидали нападения со стороны горцев. В Гумбу царствовало общее смятение, которое невольно действовало и на меня. Мужчины громко разговаривали с большим жаром, другие приготавливали оружие, женщины, дети и собаки кричали и выли.

Я направился скорым шагом домой, мысленно браня тревогу и глупых людей, мешающих моей спокойной жизни. Несколько слов о происшедшем, сказанных Ульсону, привели его в сильную тревогу. Он попросил приготовить шлюпку, на случай если бы «Марагум-Мана тамо» оказались слишком многочисленными, и сказал, что если нам не удастся отстоять хижину, мы можем перебраться в Били-Били. Чтобы успокоить его, я согласился, но сказал, что переносить что-либо в шлюпку еще слишком рано и что первый выстрел так озадачит туземцев, что навряд ли они сунутся, чтобы испытать действие дробы, которая почти наверное разгонит их. Я, однако, зарядил свои ружья и решил ожидать их прихода, спокойно растянувшись на койке. Скоро я уснул, зная очень хорошо, что Ульсон, будучи сильно возбужден, не проспит прихода гостей. Знаю, что заснул очень крепко и спал хорошо. Был разбужен криками и шумом в лесу. При этом я услышал изменившийся голос Ульсона: «Вон они! Пусть

господин теперь приказывает, я все буду делать, что он скажет, а то я не буду знать, что делать,— говорил он на своем ломаном шведско-немецком языке. Я приказал ему загородить ящиками дверь, самому же оставаться в доме и заряжать ружья и револьверы, которые я ему буду передавать по мере надобности, при этом постараться, чтобы руки его не так тряслись.

Пока мы приводили все в осадное положение, крики и шум в лесу приближались. Я вышел на веранду, положив перед собою два револьвера и ружье-револьвер. Двустольное ружье, заряженное мелкой дробью, я держал в руках. Между деревьями, за ручьем, показались головы. Но что это? Вместо копий и стрел, я вижу кокосы и бананы в руках приближающихся. Это не могут быть люди из Марагума.

Действительно, то были жители Бонгу, которые пришли мне сказать, чтобы я не беспокоился о Марагум тамо, и рассказали мне о причине тревоги. Утром сегодня женщины Бонгу, выйдя на работу далеко в поле, заметили на холмах несколько незнакомых вооруженных людей; им показалось, что эти люди стараются окружить их, и некоторым из женщин почудилось, что вооруженные люди направляются в их сторону. Они с криком бросились бежать; те, которые были впереди, услышав шаги бегущих за собой, убедились, что за ними гонятся, стали еще более кричать и направились к плантации, где работало несколько мужчин. Последние, увидав скоро, что все это была ложная тревога, стали бить своих жен, чтобы заставить их замолчать, но достигли, однакоже, противного. Жены и дочери их подняли такой гвалт, что вдалеке проходившие люди Гумбу не могли более сомневаться, что люди Марагум-Мана бьют и убивают жителей Горенду. Поэтому они кинулись бежать к Гумбу, где уже рассказали слышанную мною повесть о нападении на Горенду, смерти Бонема и т. п. Они прибавили, что люди, виденные женщинами Бонгу, могли быть действительно жителями Марагум-Мана, и поэтому они все-таки опасаются нападения.

Моим соседям очень понравилось то обстоятельство, что и я приготовился принять как следует неприятеля, и просили позволения прислать своих женщин под мое покровительство, когда будут ожидать нападения горцев. Я думал, что это удобный случай познакомить моих соседей с огнестрельным оружием. До сих пор я этого не делал, не желая еще более возбуждать подозрительность и недоверие туземцев; теперь же я мог им показать, что в состоянии действительно защитить себя и тех, кого возьму под свое покровительство.

Я приказал Ульсону принести ружье и выстрелил. Туземцы схватились за уши, оглушенные выстрелом, кинулись было бежать, но остановились, прося спрятать ружье скорее в дом и стрелять только тогда, когда придут Марагум тамо. Ружье тузем-

цы называли сегодня «табу», вследствие того, кажется, что с первого дня моего пребывания здесь все недозволенное, все, до чего я не желал, чтобы туземцы дотрагивались или брали в руки, я называл «табу», употребляя полинезийское слово, которое таким образом вошло в употребление и здесь.

1 марта

Приходили люди Гумбу просить меня идти с ними и жителями Горенду и Бонгу на Марагум, говоря, что будут делать все, что я прикажу, и прибавляя, что, услышав о приближении Маклая, жители деревни Марагум убегут дальше в горы.

Пришли также жители Колику-Мана, а с ними Туй и Лялу. Все говорили о Марагум и хором прибавляли, что теперь, когда Маклай будет с ними, Марагум тамо будет плохо. Такое расстраивающее мнение о моем могуществе мне не только не лестно, но в высшей степени неприятно. Чего доброго, придется вмешаться в чужие дела; к тому же такие штуки нарушают мою покойную жизнь лишним шумом и тревогой.

Последний вечером дождь заставил меня опять отложить поездку в Били-Били. Сидя в шалаше у костра, я занимался печением на углях ауся и бананов себе на ужин и наслаждался тишиной ночи, когда мой слух внезапно был поражен сильными и учащенными ударами барума в Горенду. Одна и та же мысль мелькнула в голове у меня и у Ульсона: «Люди Марагум нападают на жителей Бонгу и Горенду», откуда стали доноситься протяжные звуки каких-то нестройных инструментов. Это обстоятельство, как и то, что бессонницей делу не поможешь, заставили меня лечь спокойно спать и не прислушиваться к фантастическим звукам, долетавшим из деревни.

2 марта

Ночью, сквозь сон, несколько раз слышал звуки барума, звуки папуасских музыкальных инструментов и завывания туземцев. Около половины пятого утра послышалось сквозь сон, что кто-то зовет меня. Я вышел на веранду и разглядел в полумраке Бангума из Горенду, который пришел позвать меня от имени всех туземцев, жителей Горенду, Бонгу и Гумбу, на их ночной праздник. Я, конечно, согласился, оделся второпях, и мы пошли, часто спотыкаясь вследствие темноты о корни и лианы.

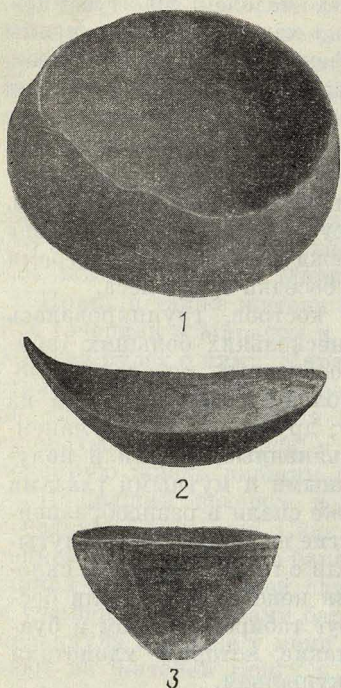
На первой площадке Горенду я был встречен Туем, весьма бледным от бессонной ночи. Он попросил перевязать его рану, которая все еще сильно беспокоила его. Когда я кончил, он указал на тропинку, которая из деревни вела между деревьями к морю, и прибавил: «Вышей кеу и покушай аяна и буам». По тропинке пришел я к площадке, окруженной вековыми де-

ревьями, на которой расположилось человек 50 туземцев. Открывшаяся картина была не только характерна для страны и жителей, но и в высшей степени эффектна. Было, как я сказал, около 5 часов утра. Начинало светать, но лес еще покоился в густом мраке. Площадка была с трех сторон окружена лесом, а переднюю сторону представлял обрывистый морской берег; но и эта сторона была не совершенно открыта. Стволы двух громадных деревьев рисовались на светлой уже поверхности моря. Мелкая растительность и нижние сучья этих двух деревьев были срублены, так что прогалены между ними казались тремя большими окнами громадной зеленой беседки среди леса.

На первом плане, вблизи ряда костров, группировалась на циновках и голой земле, вокруг нескольких больших таборов, толпа туземцев в самых разнообразных позах и положениях. Некоторые, стоя, закинув голову назад, допивали из небольших чаш последние капли кеу; другие, с уже отуманенными мозгами, но еще не совсем опьяненные, сидели и полулежали с вытаращенными, неподвижными и мутными глазами и глотали зеленый напиток; третьи уже спали в разнообразнейших позах (одни лежа на животе, другие на спине, с раскинутыми руками и ногами, третьи полусидели с головами, низко склонившимися на грудь). Между тем как некоторых одолели бессонная ночь и кеу, другие, сидя вокруг таборов с аяном и буа-мом, еще весело болтали. Были и такие, которые хлопотали около больших горшков с варящимся кушаньем.

Несколько, вероятно, отъявленных любителей папуасской музыки, подняв высоко над головой или прислонив к деревьям свои бамбуковые трубы более чем в 2 м длины, издавали протяжные, завывающие, громкие звуки; другие дули в продолговатый просверленный сверху и сбоку орех и производили очень резкие свисткообразные звуки. Кругом к стволам деревьев были прислонены копья; луки и стрелы торчали из-за кустов. Картина была в высшей степени своеобразной, представляя сцену из жизни дикарей во всей ее первобытности, одна из тех, которые вознаграждают путешественника за многие труды и лишения. Но и для художника картина эта могла бы представить значительный интерес разнообразием поз и выражений у толпы здоровых, разного возраста туземцев, странностью освещения первых лучей утра, уже золотивших верхние ветви зеленого свода, и красным отблеском костров.

Я погрузился в рассматривание новой для меня картины. Мой взгляд переходил от одной группы к другой, от окружающей обстановки к спокойному серебрившемуся морю и далеким горам, по которым разливался розоватый свет восхода. Мне жаль было, когда несколько знакомых голосов, приглашавших присесть к ним, оторвали меня от наблюдений и созерцания.

*Миска (1), ложка (2) и чашка
для питья кеу (3) из скорлупы
кокосового ореха*

(Я часто в своих путешествиях желал и желаю быть единственно зрителем, наблюдателем, а не участником происходящего.)

Завтрак должен был быть сейчас готов, о чем возвестили усиленные завывания бамбуковых труб, причем я ощутил всю неприятность этих раздирающих ухо звуков. Скоро собралось значительное число жителей трех деревень — Бонгу, Горенду и Гумбу. Они накиннулись на кушанья, принесенные в табирах очень большого размера. Из одного табира мне было положено в свежееотколотую половину кокосовой скорлупы немного желтовато-белой массы, предложенной мне с уверениями, что это очень вкусно. То был «буам» (саго, приготовленное из саговой пальмы) с наскобленным кокосовым орехом. Это папуасское кушанье имело действительно приятный вкус. Затем меня угостили хорошо сваренным аяном, который надо было есть сегодня с так называемым орланом, но этот кислый соус имел такой острый за-

пах, что я отказался от него. Скатертью служили нам банановые листья, посудой, т. е. тарелками и чашами, — скорлупа кокосовых орехов, вилками — обточенные бамбуковые палочки и заостренные кости, а многие пускали в ход и свои гребни (на папуасском языке вилка и гребень — синонимы); ложками служили яруры. Было оригинально видеть это разнообразие орудий, которые употребляются здесь при еде.

Уже совсем рассвело, и, рассматривая окружающих, я везде встречал знакомые лица из соседних деревень. Когда я поднялся, чтобы уйти, мне был дан целый сверток вареного аяна и послышались приглашения прийти обедать. Уходя, я должен был посторониться, чтобы дать пройти процессии, которая несла припасы для продолжения праздника. Туй с Бонемом принесли на палке большой сверток буама, тщательно обернутый листьями; за ними несколько туземцев несли кокосы, а другие пронесли, также на палке, лежащей на плечах двух носильщиков, большую корзину аяна, за ней другую и третью.

Дальше шесть туземцев несли трех свиней, крепко привязанных к палкам, концы которых лежали у них на плечах. Эта процессия подвигалась с некоторой торжественностью: припасы раскладывались по порядку на известных местах площадки. Гости из других деревень осматривали и считали принесенное, делая свои замечания. Все это должно было быть съедено за обедом, которым заканчивалось угощение, начавшееся накануне вечером.

Не зная наверное, приду ли я к обеду, за мною пришло несколько туземцев, чтобы снова звать меня в Горенду. Пришлось опять вернуться в деревню, что я и сделал, запасшись обещанным табаком. По дороге я был остановлен женщинами из трех деревень: «Дай нам табаку!» Пришлось дать. Женщины не принимают непосредственного участия в этих папуасских пиршествах; они едят отдельно и только служат при чистке съестных припасов; для них, как и для детей, доступ на площадку воспрещен. Так было и в Горенду. Мужчины пировали в лесу, женщины и дети расположились в деревне и чистили аян. На площадке сцена была очень оживленной и имела иной характер, чем утром. На одной стороне, на циновках, лежали куски распластанных свиней; кроме нескольких ножей, обмененных у меня, туземцы резали мясо бамбуковыми ножами и своими костяными донганами; отделяя мясо по мускулам, они затем очень искусно рвали его руками.

Другая сторона площадки была занята двумя рядами бревен, положенных параллельно; на них были поставлены большие горшки, фута 1,5 в диаметре; таких горшков я насчитал 39; далее стояли, также на двух бревнах, 5 горшков, еще большего размера, — в которых варили буам. В середине площадки очищали буам от листьев и грязи и скребли кокосы. Жители Горенду, как хозяева, разносили воду в больших бамбуках и складывали дрова около горшков. Я пришел как раз в то время, когда шел дележ мяса; оно лежало порциями, нарезанное или оторванное руками от костей. Туй громко вызывал каждого гостя, называя его имя и прибавляя «тамо» (человек) такой-то деревни. Названный подходил, получал свою порцию и шел к своему горшку (для каждого из гостей пища варилась в особенном горшке). Не успел я сесть около одной группы, как раздался голос Туя: «Маклай, тамо русс». Я подошел к нему и получил на зеленом листе несколько кусков мяса.

Услужливый знакомый из Бонгу указал мне, где стоял для меня назначенный горшок, и так как я остановился в раздумье перед ним, не особенно довольный перспективой заняться варкой своей порции, как это делали все гости, то мой знакомый, догадавшись, что мне не хочется варить самому, объявил, что он сделает это для меня, и сейчас же принялся за дело. Он

сорвал с соседнего дерева два больших листа и положил их крест-накрест на дно горшка; затем вынул из большой корзины несколько кусков очищенного аяна и положил вниз, а сверху куски свинины. Его сменили двое других туземцев, которые наполняли поочередно все горшки аяном, один — стоя с полной корзиной по одну сторону ряда горшков, другой — по другую, наполняя их, как можно плотнее, аяном.

Когда у всех гостей были приготовлены таким образом горшки, жители Горенду, которые, будучи хозяевами, приняли на себя роль слуг, вооружились большими бамбуками, наполненными морской и пресной водой, и стали разливать воду в каждый горшок, причем морской воды они лили приблизительно одну треть, доливая двумя третями пресной. Каждый горшок был прикрыт сперва листом хлебного дерева, а затем «гамбой» *. Это опять было сделано одним из молодых людей Бонгу, который затем стал разводить огонь под горшками. Все это делалось в большом порядке, как бы по установленному правилу; то же самое происходило и при разведении громадного костра, на котором должно было вариться кушанье. Костер имел не менее 18 м длины и 1 м ширины. Топливо было так хорошо расположено под бревнами, на которых стояли горшки, что оно скоро вспыхнуло.

Я направился к другим группам. В одной несколько туземцев скребли кокосовый орех, усердно работая своими ярурами, сохраняя начисто выскобленные половинки скорлупы. Наскобленный орех назначался для буама, который варился в особенных, больших, горшках. Около другой группы лежали разные музыкальные инструменты, которые без различия называются папуасами «ай». Главный состоит из бамбука, метра два и более длины; он хорошо очищен, и перегородки внутри уничтожены; один конец этих длинных труб папуасы берут в рот, растягивая значительно губы, и, дуя, или, вернее, крича в бамбук, издают пронзительные, протяжные звуки, немного похожие на завывание собак; звук этих труб можно слышать за полмили.

Другой инструмент, называемый «орлан-ай», состоит из ручки, к которой прикреплено много шнурков, с нанизанными на них пустыми скорлупами орлана. Держа ручку и потрясая инструментом, туземцы производят такой звук, как будто кто-то трясет большими деревянными четками. Затем, «монки-ай» — пустая скорлупа кокосового ореха с отверстием наверху и с другим — сбоку, которые попеременно закрываются пальцами. Приложив к губам и дуя в верхнее отверстие (отверстие не вкладывается в рот, а в него дуют сверху), туземцы производят рез-

* Гамба — скорлупа кокосового ореха, заменяющая папуасам тарелки. — Ред.

кий звук, который варьирует вследствие открывания и закрывания бокового отверстия, а также в зависимости от величины кокосового ореха. Было еще несколько других инструментов, но три описанных были главными. Участники этого папуасского пиршества, отрываясь на минуту от работы, принимались за какой-нибудь из описанных инструментов и старались показать свое искусство по возможности более оглушительным образом, чтобы превзойти, если можно, все предшествовавшие, раздиравшие уши звуки.

Я отправился в деревню посмотреть, что там делается. Женщины все еще чистили аян, по временам отщепляя внутренние слои бамбуковой пластинки, которая служила им вместо ножа, вследствие чего край пластинки снова делался более острым. Что эти туземные ножи режут очень хорошо, я убедился сам, вырезав себе накануне, вовсе не желая того, из пальца кусок мяса. В деревне было жарко, гораздо меньше тени, чем в лесу, и уставшие от работы женщины пристали ко мне, прося табаку. Так как мужчин нигде не было видно, то они были гораздо менее церемонны, чем обыкновенно, в присутствии их мужей, отцов и братьев. Доступ женщинам на площадку, где пировали мужчины, как и мальчикам до операции «мулум», после которой они считаются уже мужчинами, строго воспрещен. Я вернулся на площадку, где готовился наш обед. Несколько стариков принялись за приготовление кеу. Несколько раз в продолжение дня я замечал, что туземцы, обращаясь ко мне, называют меня Туй, а Туя — Маклай. На мое замечание, что я Маклай, а не Туй, один из туземцев объяснил мне, что я так заботился о Туе во время болезни, что исцелил его и что поэтому Туй готов решительно все делать для меня; мы теперь такие друзья, что Туй называется Маклай, а Маклай — Туй.

Значит и здесь на Новой Гвинее, существует обычай обмена именами, как и в Полинезии.

Жара, а особенно оглушительная музыка имели результатом сильнейшую головную боль, и я сообщил Туя, что отправляюсь домой. Как раз кушанье в моем горшке было готово, и меня не хотели отпустить, не дав мне его с собою. Его положили в корзину, обложенную внутри свежими листьями хлебного дерева. Моя порция была так велика, что тяжесть ее равнялась той, которую может нести рука человека. Я пожалел тех, кому предстояло набить свои желудки даже половиной того, что я отнес домой.

3 марта

Пришедший Туй, заметя около кухни пустую корзину, в которой вчера я принес свою порцию из Горенду, привязал ее к одной из ветвей дерева около хижины, сказав мне, чтобы,

если кто-нибудь спросит, откуда это, я отвечал: «Буль (свинина) и аян от Туя в Горенду». Таким образом, я узнал значение корзин разной величины, висящих на деревьях в деревнях. Я не раз спрашивал, зачем они там висят, в ответ на что мне называли имя какой-нибудь деревни.

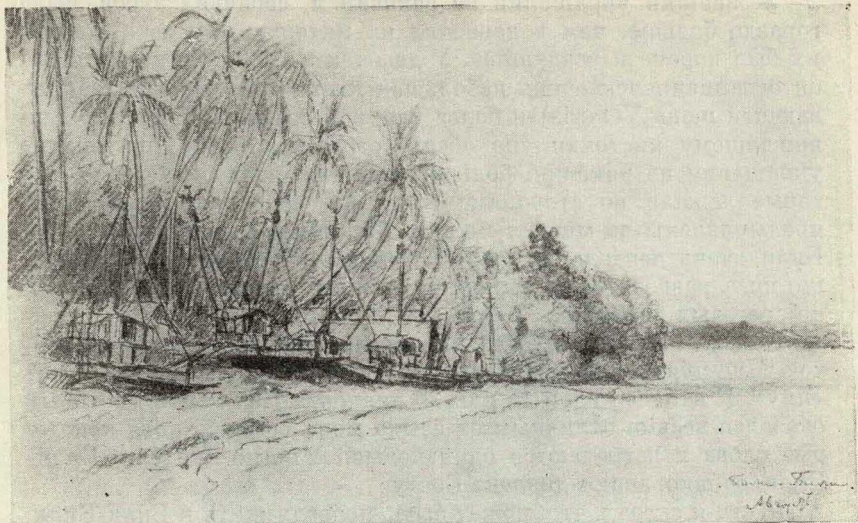
4 марта

Заперев при помощи палок, гвоздей и веревок обе двери моей хижины и укрепив перед каждой пальмовую ветвь, одним словом заперев их совершенно à la rароиа, т. е. так, как делают туземцы, я поднял около 12 часов ночи якорь и направился на Били-Били — островок, отстоящий отсюда миль на пятнадцать.

Я рассчитывал добраться туда при помощи берегового ветра и вернуться, пользуясь обыкновенно дующим днем норд-вестом, к вечеру сегодняшнего же дня. Береговой ветерок действительно потащил нас вперед, хотя и медленно; впрочем, спешить было некуда; перед нами была еще почти вся ночь. К рассвету ветерок посвежел, и мы пошли скорее. Поднявшееся солнце осветило интересную для меня картину гор, которые на этом расстоянии кажутся очень высокими. Я старался рассмотреть конфигурацию хребтов и запомнить, в каких местах можно было с меньшими препятствиями проникнуть далее. За Мале, не доходя Богати, береговой хребет как бы расступается. Солнце совсем поднялось, и ветер стал спадать; наступил, наконец, полный утренний штиль перед норд-вестом, который начинает задувать около 8—9, а иногда только в 10 часов утра. Пришлось грести, что было довольно утомительно после ночи, проведенной без сна.

Наконец, мы приблизились к юго-восточному берегу островка, состоявшего из поднятого кораллового рифа, о который бил прибой. Высыпавшие туземцы, узнав меня, весело бежали по берегу и показывали мне, что следует обогнуть остров. Вскоре открылась и деревня. На песчаный берег были вытащены большие пироги и так высоко, что, казалось, они стояли в самой деревне. Между ними возвышались высокие крыши хижин, за которыми в свою очередь высились ряды кокосовых пальм. светлая зелень которых ярко выдавалась на темно-зеленом фоне остального леса.

Когда мы подошли ближе к песчаному берегу, шлюпка моя была мигом подхвачена десятками рук и скоро вытащена на отлогий берег. Оставив Ульсона в шлюпке при вещах, я отправился в деревню, сопровождаемый почти всем мужским населением. Не видя женщин, желая также познакомиться с ними, а главное желая избавить их от затруднения — прятаться при моем приближении, я настоял, чтобы они сами вышли получить

Деревня Били-Били

подарки, которые я намеревался им дать. Каин, одна из влиятельных личностей деревни, который уже не раз бывал в Гарагасси и знал диалект Бонгу, узнав от меня, что женщины Гумбу, Горенду, Бонгу и других деревень более от меня не прячутся, уговорил и жителей Били-Били согласиться на мое предложение. Тогда на зов мужчин из хижин вылезло несколько старух, почти совсем голых, некрасивых существ. Мне объяснили, что большинство женщин на плантациях, на материке, но что они скоро вернутся.

Раздав мужчинам табак, а женщинам тряпки и бусы, я пожелал посмотреть на их телумы. Меня повели к одной хижине, но в ней было так темно, что пришлось уговорить туземцев вынести телум из хижины. Это был первый телум, изображавший женскую фигуру. Нарисовав его, я направился в довольно обширную буамрамру, стоявшую посередине деревни. Четыре угловых столба были вырезаны в виде телумов. Срисовав и их в мой альбом, я обошел всю деревню. Вышел также на противоположный берег острова. Вид оттуда был великолепный, однако, к сожалению, все вершины гор были покрыты клубами облаков. Когда я вернулся в деревню, меня окружили женщины и девушки, только что вернувшиеся с плантаций. Все они громко просили бус и красных тряпок, которые они видели у старух, получивших их от меня утром.

У женщин украшений из раковин и собачьих зубов было гораздо больше, чем в деревнях на материке, но зато костюм их был короче и воздушнее. У девочек моложе тринадцати лет он ограничивался очень небольшой кисточкой спереди (закрывающей *mons Veneris*) и более длинной сзади. К поясу, придерживавшему кисточки, по обеим сторонам были привешены украшения из раковин, больших черных и красных зерен, которые лежали по сторонам, сзади на ягодицах. Уши были продырявлены во многих местах. Женщины на островке Били-Били очень деятельны; на них лежит приготовление горшков, которые развозятся и вымениваются их отцами или мужьями в береговых деревнях.

Перед отъездом я хотел напиться и спросил кокосовых орехов. Мне принесли несколько таких, которые туземцы называют «ниу». Я записал слов 15 или 20 диалекта Били-Били, который оказался весьма отличным от языка моих соседей, хотя некоторые слова и встречаются одинаковые. Многие жители Били-Били, однако, знают диалект Бонгу.

Шутя я сказал, что, может быть, перееду жить в Били-Били. Эти слова были подхвачены, и жители островка с восторгом (скорее поддельным, чем искренним) стали повторять, что Маклай будет жить в Били-Били, что люди Били-Били лучше, чем люди Бонгу, и т. д. Когда я собрался уезжать, пошел сильный дождь, и я решил остаться ночевать в Били-Били, к видимому удовольствию жителей.

Оставить вещи в шлюпке по случаю дождя нельзя было, поэтому я попросил указать мне место, где я мог бы провести ночь. Мне предложили хижину или какту одной из вытасценных на берег больших пирог. Эти пироги заслуживают внимания своей постройкой. Сама пирога отличается от малых единственно своими размерами. Длина некоторых из них приблизительно около 10 или 12 м, и они (как и малые) выдолблены из одного толстого ствола; но для того, чтобы пирогу не так легко заливало, к обоим краям выдолбленного ствола «пришито» по длинной планке или по две, одна на другой. В борту пироги (в стволе) и в планке сделано по отверстию, через которое проходит гибкий, тонкий ствол, связывающий планку с самой пирогой. Щели и промежуток, оставшиеся в отверстиях, законопачиваются разбитой и вымоченной в воде древесиной какого-то дерева. Нос и корма кончаются высокой, иногда выгнутой доской с различной резьбой. На одной стороне пироги находится вынос, прикрепленный к лодке двумя поперечными перекладами.

На перекладах выноса находится платформа, на которой в больших пирогах Били-Били построена целая хижина, длиной метра в 2, шириной 4 или 5. Стены ее сделаны из раско-

«Телумы» на о. Били-Били

лотого бамбука, крыша из сплетенных листьев саговой пальмы. Мачта разделяла хижину на две части, по обеим сторонам которых находились два длинных сиденья, где лежа могли помещаться двое. Таким образом, считая двух других, которые могут спать на полу, в хижине имелось на ночь или на случай непогоды помещение не менее чем для восьми человек. Верхняя половина хижины имела разборные стены, даже крыша могла

быть разобрана в очень короткое время. Вообще все в пироге было прилажено очень удобно, и нигде в этой хижине не терялось даром место. У самой мачты, на высоте сиденья, был укреплен плоский ящик, наполненный землей, в котором в случае надобности мог быть разложен огонь совершенно безопасно. Я нашел предложенное мне помещение очень удобным, светлее и чище, чем хижина, и мне тотчас же пришла мысль воспользоваться со временем подобной большой пирогой для посещения деревень вдоль берега.

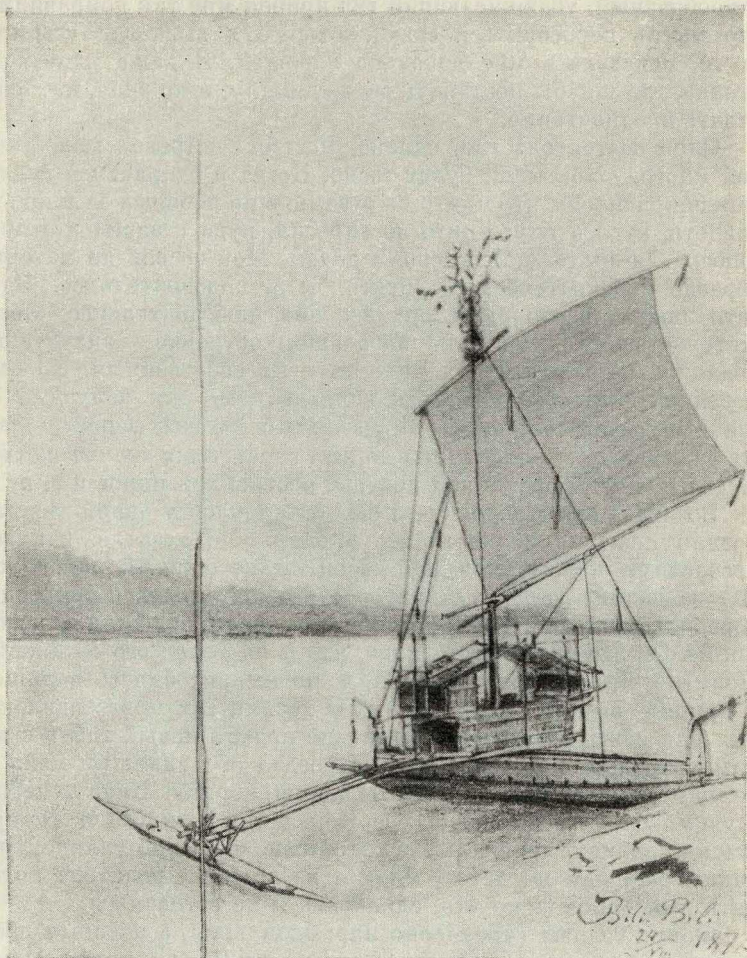
Каин, хозяин пироги, мой хороший приятель, принес скоро большой табир с дымящимся саго и наскобленным кокосовым орехом. Переставший перед заходом солнца дождь позволил мне обойти еще раз деревню, причем в углу одной хижины я открыл череп крокодила, которых, как меня уверяли, очень много в море.

Затем я имел случай видеть производство горшков, которым Били-Били славится по берегу Новой Гвинеи на несколько десятков миль. Неудивительно, что Били-Били доставляет их такое количество, так как выделкой их занимается почти каждая семья, и у каждой хижины, под крышей, стоят ряды готовых и полуготовых горшков. Выделывание горшков выпадает на долю женщин. Я проследил весь процесс, начиная от смешивания глины с мелким песком до обжигания готовых горшков.

Орудия, употребляемые при выделке горшков, ограничиваются двумя или тремя дощечками и парой круглых, немного приплюснутых с обеих сторон камней. Сперва с помощью плоской палочки делается из глины верхний ободок горшка, который оставляется сушиться на солнце. Когда он немного отвердеет, к нему мало-помалу прилепляются по кускам остальные стенки, которые выравниваются. Правильная форма горшку придается тем, что, держа горшок на коленях, женщины просовывают левую руку с круглым или плоским камнем в горшок, подставляя его к внутренней поверхности стенки, а правой рукой ударяют дощечкой по соответствующему месту на внешней стороне и выравнивают при этом как поверхность, так и толщину горшка. Когда горшок готов, его сперва сушат на солнце, а потом обжигают на слое хвороста, обкладывая листьями, тонкими прутьями и т. п. Положив горшки в несколько рядов один на другой и обложив всю кучу мелким, легким хворостом, поджигают костер.

Все горшки приблизительно одной формы, хотя разной величины. Украшений на них мало: иногда ряд точек вокруг горла или род звезды, иногда те же украшения выдавлены ногтем.

При заходе солнца я сделал снова прогулку вокруг острова. Я уже чувствовал себя в Били-Били, как дома, и познако-

Папуасская пирога с о. Били-Били

мился со многими главными тропинками и закоулками островка. Как замечено выше, весь остров покрыт лесом, в котором находятся несколько экземпляров красивых старых деревьев и живописные группы пальм. Самый край берега, который у деревни отлогий и песчаный, здесь обрывист и состоит из поднятого кораллового известняка; в некоторых местах в нем находятся глубокие пещеры, в которые с шумом вливается вода. Вид высоких гор, открытое море, красивые деревья вокруг и даже

однообразный, убаюкивающий гул прибоя мне так понравились, что мысль переселиться сюда, которую я высказал туземцам путя, показалась мне довольно хорошей. Я даже нашел два уголка, где мог бы поставить свою хижину, и не знал, которому отдать предпочтение.

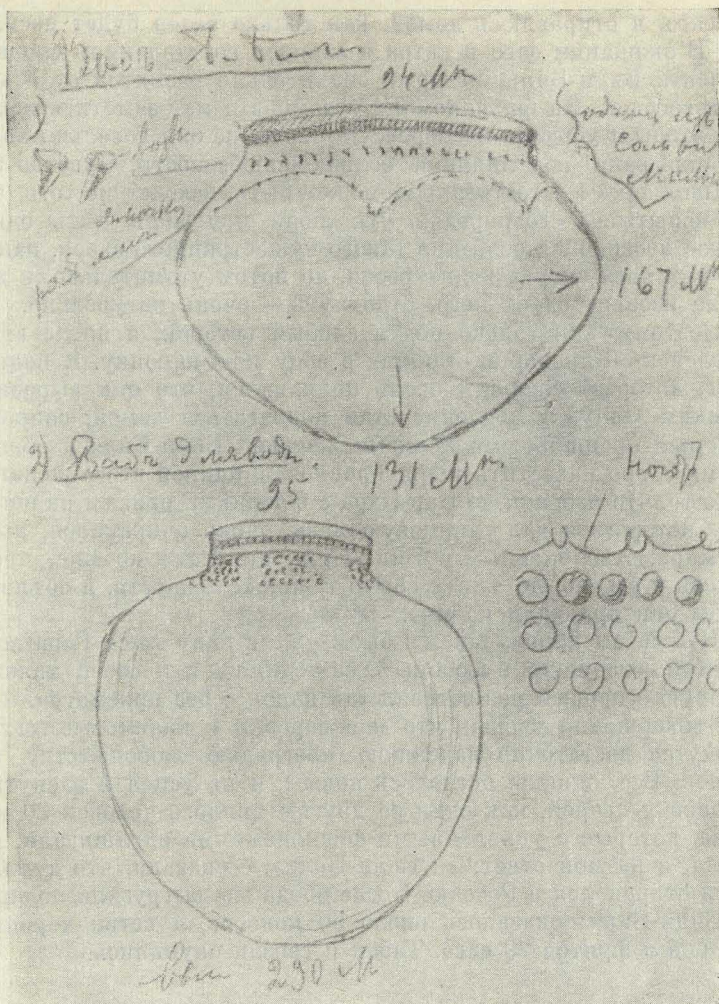
Одно обстоятельство, однако, мешает: островок мал, а людей много, — пожалуй, будет тесно. Когда я отправился гулять, мне понравилось, что никто из туземцев не побежал за мною поглядеть, куда я иду; никто не спросил, куда и зачем я отправляюсь. Все были заняты своим делом. Мои соседи на материке гораздо любопытнее или, может быть, подозрительнее. Здесь зато люди гораздо разговорчивее или любознательнее. Местожительство туземцев — на небольшом островке — значительно повлияло на характер их занятий и их собственный. Не имея места на острове заниматься земледелием, они получают все главные съестные припасы из соседних береговых деревень, сами же занимаются разными ремеслами: горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирога и т. п.

Возвращаясь в деревню, я был остановлен у одной хижины: хозяин пожелал поднести мне подарок и, схватив какую-то несчастную собаку (которая, вероятно, не ожидала такого конца) за задние лапы, ударил ее с размаху головой о соседнее дерево и, разможив ей таким образом череп, положил ее к моим ногам. Он это сделал так скоро, что я не успел его остановить. Понятно, что это был подарок, и, не желая обидеть дарящего, я принял его, но попросил, чтобы хозяин сам приготовил, сварил или изжарил собаку. Когда мне подали целый табир с кусками вареного собачьего мяса, я роздал обступившим меня туземцам по кусочку, оставив большую порцию Каину, небольшую Ульсону и маленькую себе. Перед тем как стало темнеть, все население островка, мужское и женское, было налицо. Было также очень много детей, многим из которых родители хотели дать имя Маклай, но что, однакоже, я не согласился.

Форма головы (чрезмерно пирамидальная, с покатым лбом) одного из прудных детей обратила на себя мое внимание. Можно было подумать, что такая форма была придана голове искусственно, но я положительно не нашел никаких доказательств искусственной деформации черепа. Впрочем, такие конические головы я уже не раз встречал в Полинезии.

5 марта

Прослав отлично ночь, я отправился на восточный берег островка посмотреть на вершины гор Мана-Боро-Боро, как называют туземцы горы Финистер. При восходе солнца горы видны ясно; к 7—8 часам утра собираются облака и ложатся

Вабы — сосуды из глины. Остров Били-Били

на вершины до вечера. Сегодня утро было великолепное, и два прохода в береговой цепи, около дер. Мале и около дер. Богати, так и манили возможностью пробраться внутрь страны.

Я так замечтался, что не заметил, как около меня расположилась целая группа туземцев и молча следила за моими взорами. Подошел также и Каин, которому я сказал, что, поев

его саго, я отправлюсь домой, как только ветер будет по сильнее. В ожидании саго и ветра я занялся составлением словаря диалекта Били-Били, который значительно разнится от языка моих соседей. На физиономиях туземцев я мог заметить желание, чтобы я убрался поскорее. Это желание они довольно хорошо скрывали под личиной большой любезности. Чувство это я нашел таким естественным, может быть, вследствие того, что сам испытывал его нередко. Эти люди привыкли быть одни; всякое посещение, особенно такого чужестранного зверя, как я, для них хотя сперва и интересно, но потом утомительно, и желание избавиться от него, отдохнуть,— очень натурально.

Поэтому, как только подул слабый ветерок, я подал знак, и человек 30 проворно стащили в воду мою шлюпку. Я поднял флаг, который жителям очень понравился, что они выразили громким «ай!», и медленно стал подвигаться домой, сопровождаемый прощальными криками жителей Били-Били и обещаниями скоро навестить меня. Главной причиной этого желания было то, что ребенок из Кар-Кара с большими ранами на ногах, отцу которого я дал свинцовую мазь, очень поправился, почему множество больных в Били-Били пристали ко мне, прося помочь и им, но, не взяв с собою никаких лекарств, я объявил, чтобы они приехали ко мне.

К 2 часам пополудни мы были уже в виду мыса Гарагасси, и не без нетерпения и любопытства поднялся я к своей хижине, которую в первый раз оставил так надолго без присмотра, и не был совершенно уверен, что мои веревки и пальмовые листья окажутся достаточно надежною преградою любопытству папуасов. Все, однако, оказалось целым, и не успел я распутать веревки у дверей, как один за другим явилось человек 20 или более, которые с удивленными физиономиями спрашивали, где я был, и на мой ответ: «в Били-Били»,— сказали, что думали, что я отправился в Россию. После обеда мы выгрузили подарки из Били-Били; оказалось около 50 кокосов, 4 ветви хороших бананов и фунтов 20 саго. Табак и гвозди окупилась.

6 марта

Выйдя утром на веранду, я увидел на своем столе медленно и красиво извивавшуюся змею. Уловив момент, я живо схватил ее за шею, у самой головы, и, опустив ее в банку со спиртом, держал до тех пор, пока она, наглотившись спирту, выпущенная мною, бессильно опустилась на дно банки.

Явился Туй, и я имел с ним долгий разговор о Били-Били, Кар-Каре, Марагум-Мана и т. д. Между прочим он сообщил мне несколько названий предметов на диалектах девяти ближайших деревень.

Каин, папуас из деревни Били-Били

Между кокосами из Били-Били было много таких, которые уже пустили ростки. Выбрав несколько из них, я посадил их перед домом. По этому случаю я спросил Туя о кокосовых пальмах Горенду, все ли принадлежат деревне или отдельным лицам. Туй сообщил мне, что в Горенду есть кокосовые пальмы, принадлежащие отдельным лицам, а другие — всей деревне. Так же и большие хижины: есть буамрамры, принадлежащие отдельным лицам, и другие, принадлежащие всей деревне.

Вечер был очень темен и тих. Я долго оставался у берега, сидя на стволе большого, свесившегося над водой дерева. Поверхность моря была очень спокойна, и, следя за движением тысяч светящихся животных в море, можно было видеть, что они движутся самостоятельно и с различной скоростью. Это зрелище было совершенно иное, чем видимое ночью с судна, движение которого может быть причиной раздражения и испускания света разными морскими животными.

7 марта

Опять хозяйственные занятия. Белые бобы начинают портиться. Пришлось сушить их на солнце, причем сотни толстых червей выползли на подложенный холст. Ульсону пришлось отбирать испорченные бобы, что продолжалось до двух часов. Вечером я отправился в Горенду за аяном и застал Туя опять в лежачем положении: он ходил много по солнцу, вопреки моему запрету, вследствие чего у него появился за ухом нарыв, который причинял сильную боль. Пришлось вернуться за ланцетом и вскрыть нарыв, откуда вытекло много гноя. Туй дал очень скоро понять, что чувствует большое облегчение. Возвращаться пришлось в темноте, но я довольно хорошо пробрался по тропинке, где и днем приходится часто спотыкаться о лианы и корни. Становлюсь немного папуасом: сегодня утром, например, почувствовав голод во время прогулки и увидев большого краба, поймал его и сырого, т. е. живого, съел — съел то, что можно было в нем съесть.

8 марта

Шлюпка опять сильно течет: в день набирается около 23 ведер воды. Почти по ведру в час.

9 марта

Ходил в Горенду, где хорошо позавтракал аяном и саго.

В середине февраля прекратился дегарголь; в начале марта почти что исчез сахарный тростник; скоро, говорят, не будет и

аяна, а вместо него на смену явится «бау» *, а потом еще один род бобов; аусь тоже с каждым днем становится хуже, так как часть его оказывается черной и изъеденной отчасти червями.

14 марта

Встал с сильнейшей головной болью; малейший шум был для меня несносен. Вдруг на большом дереве, к которому прислоняется моя хижина, раздался громкий, резкий, неприятный крик черного какаду (*Microglossus aterrimus* Gm.), этой специально новогвинейской птицы. Я подождал несколько минут, надеясь, что он улетит. Наконец, не вытерпел и вышел с ружьем из хижины. Птица сидела почти прямо над головой, на высоте по крайней мере 100 футов. Ружье было заряжено очень мелкой дробью, так что при такой высоте и густой зелени кругом я сомневался, что выстрел будет иметь эффект, но все-таки выстрелил, главным образом чтобы спугнуть птицу и избавиться от ее несносного крика. Стрелял я почти не целясь, тем не менее птица с пронзительным криком, кружась, упала у самого ствола дерева. Неожиданная редкая добыча заставила меня на время позабыть головную боль и приняться за препарирование какаду. Расстояние между концами растянутых крыльев было более 1 метра.

К 12 часам головная боль так одолела меня, что я принужден был бросить работу и пролежал, почти не двигаясь, без еды, до следующего утра.

15 марта

Отпрепарировал мозг птицы и оставил мой первый экземпляр черного какаду для миологических исследований.

Вечером зашел в Горенду и видел на туземцах результаты большого угощения в Бонгу. Туземцы так наелись, что их животы, сильно выдававшиеся и натянутые, были настолько нагрудны, что им трудно было ходить.

Несмотря на то, каждый нес на спине или в руках порядочную порцию еды, с которой они намеревались покончить сегодня же. Полный желудок мешал им даже говорить и, ожидая приготовления ужина, что было предоставлено сегодня молодежи, большинство мужчин лежало, растянувшись у костров. Я долго не забуду этого зрелища.

* Бау — туземное название таро, многолетнего тропического растения, клубни которого, весом до 4 кг, являются одним из основных продуктов питания для коренного населения Океании. — *Ред.*

16 марта

Несколько пришедших из Колику-Мана людей принесли мне в подарок поросенка, за что получили установившуюся уже цену — небольшое зеркало в деревянной рамке. Так как их пришло человек 10, то пришлось каждому дать что-нибудь; дал по небольшому куску табаку, который здесь начал очень расходоваться, так как при каждой встрече — приходят ли туземцы ко мне, иду ли я в деревню — все пристают: «табак, табак».

Разговоры о нападении со стороны Марагум-Мана тамо продолжаются. Они так мне надоели, что положительно желаю, чтобы эти люди, наконец, действительно пришли.

29 марта

Туземцы настолько привыкли ко мне и настолько убеждены, что я им не причиню никакого вреда, что я перестал стесняться относительно употребления огнестрельного оружия. Хожу почти каждое утро в лес за свежей провизией. Я не пренебрегаю при этом даже мясом попугаев, какаду и других. Попробовал на днях мясо *Corvus senex*, скелет которого я, разумеется, отпрепарировал.

Туземцы очень боятся выстрелов из ружья; несколько раз они просили не стрелять близ деревень, но вместе с тем очень довольны, когда я им дарю перья убитых птиц, которыми они украшают свои гребни.

Вчера часы у меня остановились. Желая встать до света, я лег очень рано и заснул крепким сном. Когда я проснулся, было темно; мне показалось почему-то, что я спал долго и что скоро пора идти. Часы стоят. Я оделся и пошел сам развести огонь. Заварил чай, испек в золе аусь и бананы. Позавтракал и стал дожидаться первых лучей солнца. Сидел, сидел, сидел — все так же темно. Решил, наконец, снять часть охотничьей амуниции и поспать немного. Заснул, несколько раз просыпался — все еще было темно. Наконец, проснувшись, вскочил, так как было уже совсем светло. Полагаю, что я завтракал в 12 часов или в час ночи. Положительно очень неудобно не иметь часов.

В Горенду застал Туя, готового сопровождать меня, и с восходом солнца мы отправились. Влезли сперва на Горенду-Мана (около 300 футов вышины) и прошли лесом на юго-восток. Хребет невысокого кряжа был покрыт не густым, но высоким лесом, и, раз взобравшись туда, идти было удобно. Птиц, однако почти что не было, даже крика их нигде не было слышно. Пройдя около часа, мы вышли из леса к другому скату хребта, покрытому высоким унаном, и отсюда открылась очень красивая

обширная панорама холмов, кряжей и гор, поросших темным лесом, между которыми в немногих местах проглядывали светло-зеленые лужайки и склоны, покрытые унаном. На дальних, высоких вершинах гор клубились уже облака.

Туй не дал мне долго любоваться видом и стал быстро спускаться по крутому скату кряжа, держась за унан и почти что исчезая в нем. Мы сошли к болоту, где высокая трава сменялась тростником и папоротниками. Здесь послышалось далекое журчанье. Туй объяснил мне, что мы приближаемся к большой воде (реке). Снова вошли в лес. Изрытая везде земля указывала на частое посещение этой местности дикими свиньями. Шум воды становился все сильнее. Деревья стали редеть. Мы выходили к опушке леса, когда на одном из деревьев я заметил несколько вырезанных фигур. Они меня очень заинтересовали, и я их срисовал. Спрошенный Туй объяснил, что, вероятно, кто-нибудь из людей Теньгум- или Энглам-Мана вырубил их топором. Я спросил, стало ли это дерево теперь телумом, на что получил отрицательный ответ. Хотя я здесь уже слишком полгода, но знание языка все-таки оказалось недостаточным, и я не мог спросить обстоятельно, зачем сделаны эти фигуры и что они означают.

Мы подошли к самой реке, которая оказалась видной далеко с моря. Она на значительном протяжении отделяет низкий береговой хребет от более высокого внутреннего, течет с юга на север и, наконец, впадает около Гумбу в море. Русло речки очень широкое, но в это время года оно было пересохшим; несколько отдельных рукавов различной ширины образовало множество островков, покрытых преимущественно крупным булыжником. Ложе реки было в этом месте широкое (шире Невы против Петропавловской крепости), и я насчитал не менее пяти рукавов, которые надо было перейти, чтобы попасть на другой берег. В двух или трех средних вода бежит очень стремительно.

Не желая мочить обувь, я снял башмаки, что оказалось ошибкой: так как я не привык ходить босиком, мне было трудно идти по мелкому булыжнику. Течение было здесь также сильное, и только благодаря копыту Туя, которое он мне подал, я перешел благополучно на одну из отмелей. Перейти через 4 остальных рукава мы не рискнули. Туй попробовал было, но в нескольких шагах погрузился выше пояса в воду. Я не настаивал на том, чтобы идти далее, потому что при глубине реки и силе течения, не умея плавать, я не мог бы без чужой помощи добраться до противоположного берега. На силы Туя, не совсем еще оправившегося от раны, я не мог положиться. Когда я переходил в брод через первый рукав, ноги мои были неприятно бомбардированы довольно крупными булыжниками (больше куриного яйца), которые неслись по течению. В средних, более

широких и глубоких рукавах камни эти, разумеется, больше и могут, я полагаю, сшибить человека с ног.

Виды на оба берега были живописны, и я пожалел, что при жарком солнце не было возможности сделать полный рисунок; пришлось удовольствоваться поверхностным наброском. Булыжники на островке, на который мы перешли, были очень крупны (некоторые величиной с детскую голову), что свидетельствовало о силе течения во время дождей. Толстые стволы деревьев, лежавшие там и сям на островках, тоже доказывали, что при дождях масса воды в реке должна быть очень значительной. Туй сказал, что в реке много рыбы и что люди Горенду и Бонгу приходят иногда ловить ее.

Я не захотел возвращаться старой дорогой. Мы поэтому влезли на крутой холм, цепляясь за корни. На вершине опять оказался унан и опять жара от палящего солнца. Снова сошли вниз к реке и опять поднялись по отлогому скату холма, покрытого лесом. Здесь, думал Туй, будет хорошая охота на птиц. Но их нигде кругом не было ни видно, ни слышно. Позавтракав очень рано и не взяв ничего с собою, я почувствовал, что желудок мой очень пуст. Не находя решительно никакой добычи, я направился домой. Туй попросил подождать его, говоря, что он хочет вырезать недалеко несколько бамбуков. Я согласился. Прождав полчаса, я стал его звать, — ответа нет. Употребил в дело свисток — молчание.

Прождав еще четверть часа и думая, что Туй преспокойно возвратился домой, я также направился к дому. Надо было пройти сперва широкий луг унана. Не найдя настоящей тропы, я должен был проложить себе путь сам, что оказалось очень трудно. Жесткий, густой, выше человеческого роста унан представляет упругую массу, раздвинуть которую руками или ногами подчас оказывалось не под силу. Чтобы двигаться дальше в таких местах, я придумал употреблять средство, которое увенчалось успехом. Я во весь рост ложился на унан, который под тяжестью моего тела медленно опускался; вставая, я мог идти далее или должен был снова повторять придуманный маневр. Трава была выше моего роста, почему только при помощи компаса, который, к счастью, я захватил с собою, я мог идти по направлению к дому, а не блуждать по сторонам. Раз пять я отдыхал: так трудно было прокладывать себе дорогу по этому зеленому морю. Отвесные лучи солнца, пустой желудок, вся охотничья сбруя заставили меня даже бояться солнечного удара: несколько раз я чувствовал головокружение. Наконец, я добрался до леса, но и здесь долго пришлось искать тропинку в Гарагасси. Вернувшись домой, я выпил две чашки чаю, хотя не особенно хорошего и очень жиденького и без сахара, тем не менее они значительно освежили меня.

30 марта

Приготовил скелеты серого ворона и красного попугая. Окончив работу, я из обрезанных мускулов сделал себе котлетку, которую сам изжарил, так как Ульсон был занят стиркой белья. Котлетка оказалась очень вкусной. Погода так же хороша, как и вчера: в тени не более 31° Ц, что здесь вообще бывает не часто. Когда стемнело, туземцы из Горенду приехали ловить рыбу перед самой моей хижиной, на что они сперва пришли спросить позволения. Туй и Бугай остались посидеть и покурить около меня, отправив молодежь на ловлю рыбы. По их просьбе Ульсон спел им шведскую песню, которая им очень понравилась. Ловля рыбы с огнем очень живописна, и я долго любовался освещением и сценой ловли. Все конечности ловца заняты при этом: в левой руке он держит факел, которым размахивает по воздуху, как только он начинает гаснуть; правой туземец держит и бросает юр; на правой ноге он стоит, тогда как левой по временам снимает рыбок с юра. Когда ловля кончилась, мне преподнесли несколько рыбок.

31 марта

Я измерил рис и бобы на следующие пять месяцев; порции оказались очень небольшими, но все-таки, имея этот запас, приятно чувствовать, что не завишу от туземцев. К тому же ружье доставляет мне ежедневно свежую провизию, так что с этой стороны наша жизнь вполне обеспечена. Последние недели я замечаю изменение погоды: норд-вест, иногда очень свежий, дувший последние месяцы в продолжение дня, сменился тихим ветерком, и часто, даже днем, наступают штили. В марте выпало меньше дождя, чем в предыдущие месяцы, но последние дни по ночам собираются кругом черные тучи.

По деревьям я замечаю тоже недостаток провизии.

2 апреля

Около 3 часов почувствовал себя скверно — пароксизм, и должен был пролежать весь вечер, не двигаясь, по причине сильнейшей головной боли. Ночью была великолепнейшая гроза. Почти непрерывная молния ярко освещала деревья кругом, море и тучи. Гроза обнимала очень большое пространство: почти одновременно слышались раскаты грома вдали и грохот его почти что над головой. Частые молнии положительно ослепляли, в то же время самый дальний горизонт был так же ясен, как днем. В то же время меня трясла сильная лихорадка; я чувствовал холод во всем теле. Кроме того, холод и сырость,

врывавшиеся с ветром в двери и щели, очень раздражали меня.

Как раз над головой в крыше была небольшая течь, и не успевал я немного успокоиться, как тонкая струйка или крупная капля дождя падала на лицо. Каждый порыв ветра мог сорвать толстые сухие лианы, все еще висевшие над крышей, что имело бы последствием падение тяжелых ящиков, лежавших на чердаке надо мною.

Нуждаясь в нескольких часах сна и отчаиваясь заснуть при всех этих условиях, я принял небольшую дозу морфия и скоро уснул.

3 апреля

После обеда отправился в Бонгу достать проводников для экскурсии в Теньгум-Мана. Я воспользовался отливом, чтобы дойти туда, пока еще сухо. По обыкновению, по приходе гостя туземцы готовят ему угощение, которое сегодня вышло не особенно удачным: вместо аяна сварили «бау», а саго имело сильный запах плесени.

Я сидел у костра, у которого несколько женщин занимались приготовлением ужина, и удивлялся ловкости, с какой они чистили овощи своими первобытными инструментами — обломком раковины и бамбуковым ножом. Одна из женщин пробовала чистить «бау» ножом, данным мною ее мужу, но легко было заметить, что она владела им гораздо хуже, чем своими инструментами. Она беспрестанно зарезала слишком глубоко, вероятно, потому, что, работая своими инструментами, она привыкла прилагать гораздо более силы, чем это требовалось для европейских.

Мне показали сегодня в первый раз род бобов («могар»), которые туземцы поджаривают как мы, например, жарим кофе.

У одной женщины на руках был грудной ребенок, который вдруг раскричался. Я невольно нахмурился, что испугало женщину, которая моментально поднялась и удалилась в хижину. Ребенок не переставал, однако, кричать, почему женщина вышла снова из хижины и положила его в большой мешок, который повесила себе на спину так, чтобы шнурок мешка охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать взад и вперед по площадке между хижинами. Ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк. Мой ужин был готов, и меня повели в буамрамру и пригласили сесть на нары, после чего передо мною поставили табир с дымящимся бау и аусем. У папуасов обычай — оставлять гостя одного во время еды или только сидеть против него и прислуживать ему; хозяин при этом ничего не

ест, а только прислуживает, другие же все отворачиваются или уходят на время.

Я нашел себе двух проводников, и еще третий, по собственному желанию, присоединился к нам. Когда я собрался идти, уже почти что совсем стемнело, и только на берегу моря можно было различать предметы. В лесу же царствовала полная темнота, и только ощупью я мог пробраться по узкой тропинке и не без труда дошел до Горенду, где жители были крайне удивлены моим поздним приходом. Несколько человек сидели около своих хижин и в темноте перекидывались изредка словами; только в буамрамре горел костер и варился ужин для гостя из Гумбу. Мне также предложили ужинать; я отказался и попросил только горящее полено, чтобы добраться до дома. Мне хотели дать проводника, но я отказался, полагая, что мне следует привыкать быть в некоторых отношениях папуасом. Я отправился с пылающим поленом в руках, но огонь скоро погас, а зажечь его снова я не сумел. Тлеющий конец мне вовсе не помогал, почему я и бросил полено на полдороге. Несколько раз я сбивался с тропинки, по которой днем проходил много сотен раз, натыкался на тни и ветви и раза два усомнился, дойду ли я в этой темноте до дома. Я уже примирился с мыслью переночевать в лесу, но все же подвигался вперед и все-таки добрался до дома, где с удивлением убедился, что пришел с целыми глазами и неоцарапанным лицом.

6 апреля

Приготовился совсем идти в Теньгум-Мана. Думал в шлюпке отправиться в Бонгу, переночевать там и рано, с восходом солнца, идти в Теньгум-Мана, но сильная гроза с проливным дождем заставила меня остаться дома.

7 апреля

Теньгум-Мана, горная деревня, лежащая за р. Габенеу, особенно интересует меня как одна из самых высоких деревень этого горного хребта, носящего общее название Мана-Боро-Боро. Хотя многих жителей горных деревень я не раз уже видел в Гарагасси, мне хотелось посмотреть, как они живут у себя. Оставив Ульсона в Гарагасси, я взвалил на плечи небольшой ранец, с которым, еще будучи студентом в Гейдельберге и Иене, я исходил многие части Германии и Швейцарии. Захватив с собою самое легкое одеяло, я направился в Бонгу. Дорогой, однако, ноша моя оказалась слишком тяжелой, почему я в Горенду отобрал некоторые вещи, свернул их в пакет и передал Дигу, который охотно взялся нести мои вещи,

Прилив был еще высок; пришлось разуться и, часто по колено в воде, идти по берегу. Солнце садилось, когда я вошел в Бонгу. Большинство жителей собиралось на рыбную ловлю, но многие по случаю моего прихода остались, чтобы приготовить мне ужин. В Бонгу были также гости из Били-Били, и мы вместе поужинали. Совсем стемнело, но папуасы и не думали зажигать других костров, кроме тех, которые были необходимы для приготовления ужина, да и эти не горели, а догорали. Люди сидели, ели и бродили почти в полной темноте. Это хотя и показалось мне оригинальным, но не совсем удобным. Может быть, это происходит от недостатка сухого леса и значительной трудности рубить свежий каменными топорами. Когда надо было немного более света, папуасы зажигали пук сухих кокосовых листьев, который ярко освещал окружающие предметы на минуту или на две.

Туземцы имеют хорошую привычку не говорить много, особенно при еде — процесс, который совершается молча. Наскучив сидеть впотьмах, я пошел к морю посмотреть на рыбную ловлю. Один из туземцев зажег пук кокосовых листьев, и при свете этого факела мы пришли к берегу, где дюжина ярких огней пылала на пирогах, и отражение их, двигаясь по воде, местами освещало пену прибоя. Весь северный горизонт был покрыт темными тучами. Над Кар-Каром беспрестанно сверкала молния, и по временам слышался далекий гром. Я присоединился к группе сидевших на берегу, на стволе выброшенного прибоем большого дерева. Пироги одна за другой скоро стали приставать к берегу, и рыбаки приступили к разборке добычи. Мальчики лет восьми или десяти стояли у платформ пирог, держа факелы, между тем как взрослые раскладывали в кучки словленных рыбок. При резком освещении профиль мальчиков мне показался типичным, типичнее, чем профиль взрослых, у которых усы, борода и промадная шевелюра, у каждого различная, придавали индивидуальный отпечаток. У мальчиков же безволосая нижняя часть лица и почти у всех выбритая голова представляли очень типичные силуэты.

Три особенности бросились мне в глаза: высокий, убегающий назад череп с покатым лбом, выдающиеся вперед челюсти, так что верхняя губа выдавалась далее вперед, чем конец носа, и, в-третьих, тонкость шеи, особенно верхней части, под подбородком. Каждый рыбак принес мне по нескольку рыбок, а один из них, когда мы вернулись в деревню, испек их для меня в горячей золе. Когда я отправился в буамрамру, где должен был провести ночь, меня сопровождало человек пять туземцев, которым было любопытно посмотреть, как я лягу спать.

Лако, хозяин хижины, сидел у ярко горевшего костра и занимался печением пойманной им рыбы. Внутренность хижины

была довольно обширной и производила, при ярком освещении, позволявшем рассмотреть все до малейшей подробности, странное впечатление своей пустотой. Посередине помещался костер, у правой стены — голые, длинные нары; род широкой полки шел вдоль левой стороны, на ней лежало несколько кокосов, над нарами висели 2—3 копыя, лук и стрелы. От конька крыши спускалась веревка, имевшая четыре конца, прикрепленные к четырем углам небольшой висячей бамбуковой корзины, в которой, завернутые в зеленые листья, лежали вареные съестные припасы. Вот и все, что было в хижине.

Несколько кокосовых орехов, немного печеного аяна и рыбы, 2—3 копыя, лук и стрелы, несколько табиров, 3 или 4 малые составляли единственную движимую собственность Лако, как и большинства папуасов. Хотя у него еще не было жены, но была уже хижина, между тем как у большинства неженатых туземцев хижин не имеется.

Я приготовил себе постель, разостлав одеяло на длинных нарах, подложил под голову ранец и надул каучуковую подушку, к величайшему удивлению туземцев, сбросил башмаки и лег, закрывшись половиной одеяла, между тем как другую половину подостлал под себя. Человек 6 туземцев следили молча, но с большим интересом за каждым моим движением. Когда я закрыл глаза, они присели к костру и стали шептаться, чтобы не мешать мне. Я очень скоро заснул.

8 апреля

Я проснулся ночью, разбуженный движением нар. Лако, спавший на противоположном конце, соскочил с них, чтобы поправить тухнувший костер; на голое тело его, должно быть, неприятно действовал ночной ветерок, пробиравшийся через многочисленные щели хижины. Лако не удовольствовался тем, что раздул костер и подложил дров; он разложил еще другой костер, под нарами, под самым тем местом, где лежал, так что теплый дым, проходя между расколотым бамбуком, из которого был сделан верх нар, согревал одну сторону его непокрытого тела. Я сам нашел, что мое войлочное одеяло было не лишним удобством: ночь была, действительно, прохладная. Несколько раз сквозь сон слышал, как Лако вставал, чтобы поправить огонь.

По временам будил меня также крик детей, раздававшийся из ближайших хижин. Крик петуха и голос Лако, разговаривавшего с соседом, окончательно разбудили меня, так что я встал и оделся. Не найдя ни у хозяина, ни у соседей достаточно воды, чтобы умыться, я отправился к ручью. Было еще совсем темно, и я с горящей головней в руках принужден был искать дорогу к берегу моря, куда впадал ручей. Над Кар-Каром лежали

темные массы облаков, из которых сверкала частая молния; восточный горизонт начинал только что бледнеть.

Умывшись у ручья и наполнив принесенный бамбук водой, я вернулся в деревню и занялся приготовлением чая. Процесс этот очень удивил Лако и пришедших с утренним визитом папуасов, которые все стали хохотать, увидя, что я пью горячую воду и что она может быть «инги» (кушанье, еда) для Маклая. Покончив с чаем и выйдя из хижины, я был неприятно удивлен тем, что еще темно, хотя я уже около часа был на ногах. Не имея с собою часов, я решил снова лечь и дожидаться дня. Проснувшись, когда уже совсем рассвело, и стал собираться в путь. Оказалось затруднение. Люди Бонгу не желали ночевать в Теньгум-Мана, между тем как я хотел провести там ночь. Я решил отпустить людей Бонгу по приходе в деревню сегодня же и вернуться завтра с людьми Теньгум-Мана домой. Дело уладилось, и вместо двух со мной отправились семь человек.

Перейдя через береговой хребет (около 400 футов), мы спустились к р. Габенеу. Спуск был очень крут, так как тропинка шла без всяких зигзагов, прямо вниз. Я спустился благополучно только благодаря копы, которое взял у одного из спутников. Наш караван остановился у берега реки, мутные воды которой шумно неслись мимо, стуча камнями, катившимися по дну. Я разделся, оставшись в одной рубашке, башмаках, которые принес для этой цели, и шляпе; распределив снятые вещи между спутниками, дал один конец линя, который захватил с собою, одному туземцу и сказал другому, дав ему другой конец, чтобы переходил через реку. Течение значительно подвигало его наискось, и он еще не был на другом берегу, когда мой 25-саженный линь оказался недостаточно длинным, почему я приказал первому зайти в воду настолько, чтобы веревки хватило до другого берега. Таким образом, линь был растянут поперек самого стремительного места рукава.

Я сошел в реку, держась одной рукой за линь. Вода показалась мне очень холодной (хотя термометр показывал 22° Ц) и доходила мне выше груди, а в одном месте до плеч. Камни бомбардировали ноги, но течение могло нести только небольшие гальки, которые не в состоянии были сбить человека с ног. Я убедился, что и без линя можно было бы перейти реку, подвигаясь наискось, что я и сделал при переходе через следующие три рукава. Главное неудобство заключалось в неровном, кремнистом дне и в мутности воды, не позволявшей разглядеть дно.

Перейдя на другой берег, я уже хотел одеться, когда мне сказали, что нам придется перейти еще через один рукав, почему я и остался в своем легком, хотя и не совсем удобном костюме. Солнце очень пекло мои голые ноги. Вместо того, чтобы взобраться на правый берег, мы пошли вверх по руслу реки, по

каменистым отмелям, переходя десяток раз рукава реки, вода которой была во многих местах выше пояса. Мы шли, таким образом, около двух часов под палящим солнцем, и, чтобы предупредить возможность пароксизма лихорадки, я принял грана 3 хины. Оба берега реки были высоки, покрыты лесом и в некоторых местах обрывисты, причем можно было видеть пласты серо-черного глинистого сланца. У большого ствола саговой пальмы, принесенного сюда, вероятно, в последнюю высокую воду, Лако сказал мне, что здесь я могу одеться, так как более по воде не придется идти. Пока я одевался, туземцы курили, жевали бетель и разглядывали мои башмаки, носки, шляпу и, рассуждая о них, делали очень смешные замечания.

На пне, где мы сидели, я заметил несколько фигур, вырубленных топором и похожих на те, которые я видел во время последней экскурсии к реке.

Когда мы подошли к правому берегу, мне указали там, где я меньше всего ожидал, узкую тропу вверх; только с помощью корней и ветвей можно было добраться до площадки, откуда тропинка становилась шире и отложе. Не стану описывать наш путь вверх; скажу только, что дорога была очень дурна, крута, и я несколько раз принужден был отдыхать, не будучи в состоянии идти постоянно в гору. Обстоятельство это ухудшилось тем, что, идя впереди всех и имея за собою целый караван, я не мог останавливаться так часто, как если бы я был один. Никто из туземцев не смел или не хотел идти впереди меня.

Наконец, пройдя обширную плантацию сахарного тростника и бананов, мы достигли вершины. Я думал, что сейчас покажется деревня, но ошибся, пришлось идти далее. В ответ на крик моих спутников послышалось несколько голосов, а затем, немного спустя, показалось несколько жителей деревни, из которых, однако, многие бросились назад, увидав меня. Много слов и крику стоило моим спутникам вернуть их. Боязливо приблизились они снова, но, когда я протянул одному из них руку, он опять стремглав бросился в кусты. Было смешно видеть, как эти здоровенные люди дрожали, подавая мне руку, и быстро пятились назад, не смея взглянуть на меня и смотря в сторону.

После этой церемонии мы отправились в деревню: я впереди, а за мною гуськом человек 25. Мое появление в деревне тоже вызвало панический страх: мужчины убегали, женщины быстро ретировались в хижины, закрывая за собою двери, дети кричали, а собаки, поджав хвосты и отбежав в сторону, принялись выть. Не обращая внимания на весь этот переполох, я присел, и через короткое время почти все убежавшие жители стали показываться один за другим снова из-за углов хижин. Мое знание диалекта Бонгу здесь не пригодилось, и только при помощи переводчика я мог объяснить, что я намереваюсь остаться ночевать в

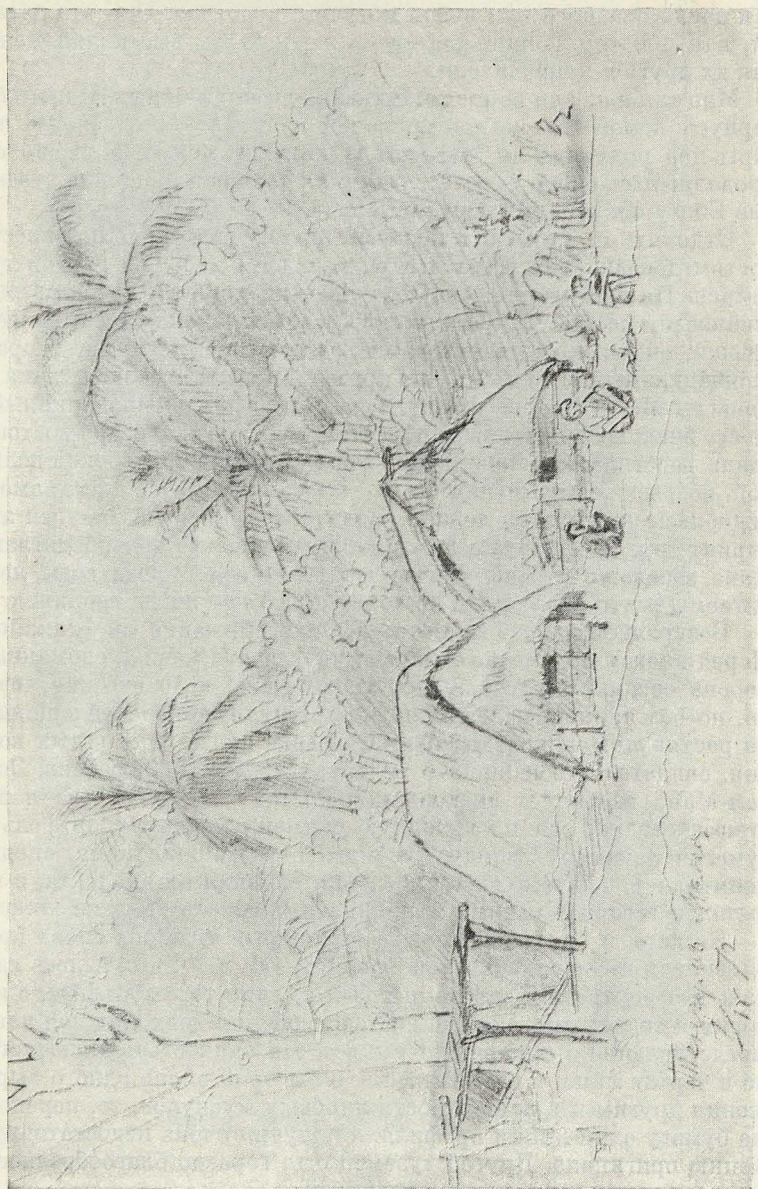
деревне и чтобы мне указали хижину, где я мог бы провести ночь; я прибавил, что желал бы достать в обмен на ножи по одному экземпляру маба * и дюга (казуара).

После некоторых прений меня привели в просторную хижину; оставив там вещи, я отправился, сопровождаемый толпой туземцев, посмотреть деревню. Она была расположена на самом хребте. Посередине тянулась довольно широкая улица; с обеих сторон ее стояли хижины, за которыми спускались вниз крутые скаты, покрытые густой зеленью. Между хижинами и за ними поднимались многочисленные кокосовые пальмы; по скату ниже были насажены арековые пальмы, которые здесь растут в изобилии, к великой зависти всех соседних деревень.

Большинство хижин было значительно меньше, чем в прибрежных деревнях. Все они были построены на один лад: имели овальное основание и состояли почти что из одной крыши, так как стен по сторонам почти не было видно. Перед маленькой дверью имелась полукруглая площадка под такой же крышей, которая опиралась на две стойки. На этой площадке сидели, ели и работали женщины, защищенные от солнца. Пока я занялся рисованием двух телумов, для нас, т. е. гостей, готовилось «инги». Прибежали два мальчика с известием, что инги готово. За ними следовала процессия: четыре туземца, каждый с табиром; в первом находился наскобленный кокосовый орех, смоченный кокосовой водой, в трех остальных — вареный бау. Все четыре были поставлены у моих ног. Взяв по небольшой порции монки-ля и вареного таро, я отдал все остальное моим спутникам, которые жадно принялись есть. Немного поодаль расположились жители Теньгум-Мана, и я имел удобный случай рассмотреть их физиономии, так как они были заняты оживленным разговором с людьми Бонгу. Между ними было несколько таких физиономий, которые вполне соответствовали представлению о дикарях. Вряд ли самое пылкое воображение талантливого художника могло придумать более подходящие!

Мне принесли несколько сломанных черепов маба, но ни одного черепа казуара. По всему было видно, что здешние жители не занимаются правильной охотой, а убивают этих животных при случае. Мои спутники между тем наговорили так много страшного обо мне, т. е. что я могу жечь воду, убивать огнем, что люди могут заболеть от моего взгляда и т. д., что, кажется, жителям Теньгум-Мана стало страшно оставаться в деревне, пока я там нахожусь. Они серьезно спрашивали людей Бонгу, не лучше ли им уйти, пока я у них в деревне. Я очень негодовал на моих спутников за такое застрачивание горных жителей моей личностью, не догадываясь тогда, что это было сделано с целью

* Маб — папуасское название кускусов. — *Ред.*

Деревня Теньгум-Мана

установить между жителями горных деревень мою репутацию как очень опасного или очень могучего человека. Они это делали, как я потом понял, для своей же пользы, выставя меня как их друга и покровителя.

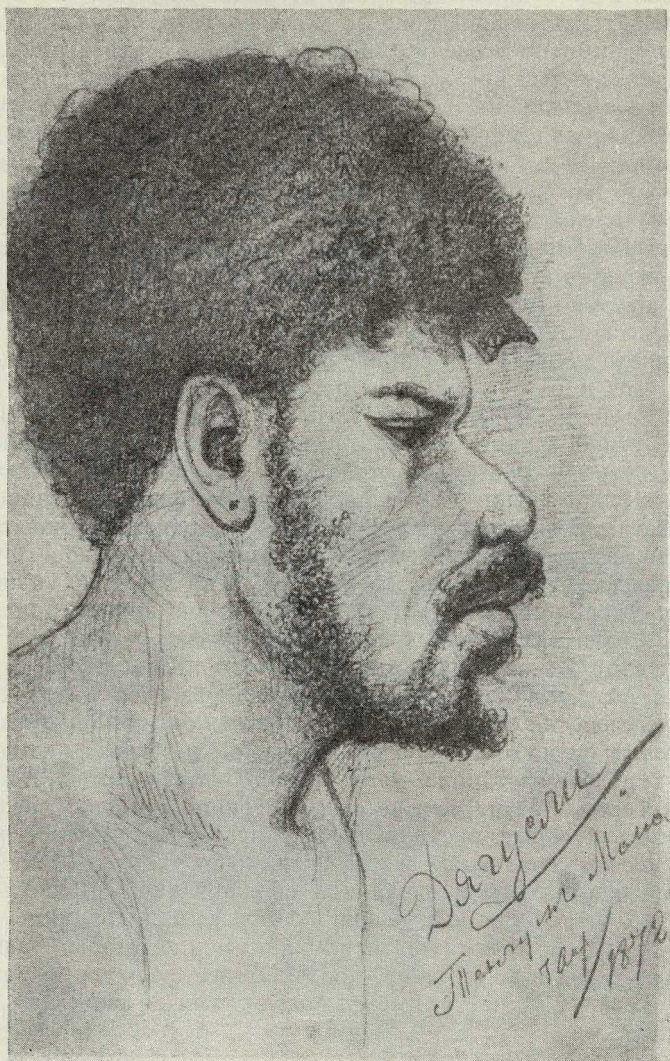
Мне так надоели вопросы, останусь ли я в Теньгум-Мана или вернусь домой, что я повторил мое решение остаться, лег на нары под полукруглым навесом хижины и заснул. Моя сиеста продолжалась более часа. Сквозь сон я слышал прощание туземцев Бонгу с жителями Теньгум-Мана.

Отдохнув от утренней ходьбы, я пошел погулять по окрестностям деревни, разумеется, сопровождаемый целой свитой туземцев. Пять минут ходьбы по тропинке привели нас к возвышенности, откуда слышались голоса. Взбираясь туда, я увидел крыши, окруженные кокосовыми пальмами. Это была вторая площадка; выше ее была еще третья — самая высокая точка в Теньгум-Мана. Вид отсюда должен был быть очень обширный, но его значительно закрывала растительность. На северо-востоке вдали расстиралось море, на востоке, отделенная глубокой долиной, возвышалась Энглам-Мана, на западе, за рядом холмов, виднелось каменистое ложе р. Коли, на юго-западе тянулся лабиринт гор. Расспросы о них убедили меня, что только Энглам-Мана заселена, что все другие видневшиеся отсюда горы необитаемы и что туда никто не ходит и там нет нигде тропинок.

Возвращаясь, я обратил особенное внимание на хижины. Перед входом во многие из них висели кости, перья, сломанные черепа собак, кускусов, у некоторых даже человеческие черепа, но без нижней челюсти. В одном месте, поперек площадки, на растянутой между деревьями веревке висел ряд пустых корзин, свидетельствовавших о подарках из других деревень. Энглам-Мана изобилует арековыми пальмами и кеу. Когда я поставил столик, сел на складную скамейку, вынул портфель с бумагой и камеру-луциду, туземцы, окружавшие меня, сперва шопятились, а затем совсем убежали. Не зная их диалекта, я не пытался говорить с ними и принялся рисовать одну из хижин.

Не видя и не слыша ничего страшного, туземцы снова приблизились и совершенно успокоились, так что мне удалось сделать два портрета: один из них был именно того субъекта, о котором я сказал, что он внешнею особенно подходит под наше представление о дикаре. Но так как эта «дикость» заключается не в чертах лица, а в выражении, в быстрой смене одного выражения другим и в подвижности лицевых мускулов, то, перенеся на бумагу одни линии профиля, я получил очень недостаточную копию оригинала. Другой туземец был гораздо благообразнее и не имел таких выдающихся челюстей.

Обед и ужин, которые мне подали, состояли снова из вареного бау, бананов и наскобленного кокосового ореха. Один из

Дягусли, папуас из деревни Теньгум-Мана

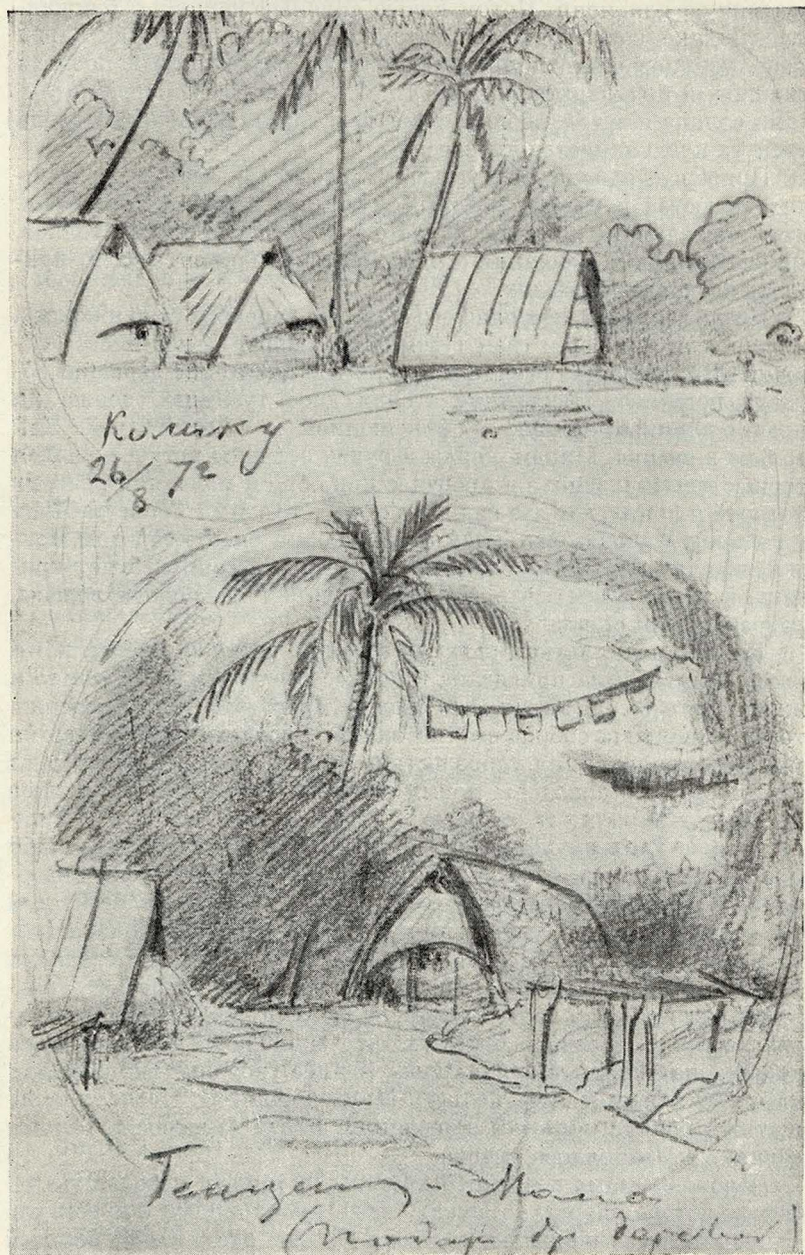
туземцев, знавший немного диалект Бонгу, взялся быть моим чичероне и не отходил все время от меня. Заметив, что принсенный бау так горяч, что я не могу его есть, он счел обязанностью своими не особенно чистыми руками брать каждый кусок таро и дуть на него; поэтому я поспешил взять табир из-под его опеки и предложил ему скушать те кусочки бау, которые он приготавливал для меня. Это, однако, не помешало ему следить пристально за всеми моими движениями. Заметив волосок на куске бау, который я только что подносил ко рту, туземец поспешно полез своей рукой, снял его и, с торжеством показав мне, бросил. Чистотой здешние паузасы, сравнительно с береговыми, не могут похвастать. Это отчасти объясняется недостатком воды, которую им приходится приносить из реки по неудобной горной лесной тропе. Когда я спросил воды, мне налили из бамбука, после долгого совещания, откуда налить, такую грязную бурду, что я отказался даже попробовать ее.

Около 6 часов облака опустились и закрыли заходящее солнце; стало сыро и холодно, и скоро совершенно стемнело. Как и вчера в Бонгу, мы остались в темноте; при тлеющих угольях можно было едва-едва разглядеть фигуры, сидящие в двух шагах. Я спросил огня. Мой чичероне понял, должно быть, что я не желаю сидеть в темноте, и, принеся целый ворох сухих пальмовых листьев, зажег их. Яркое пламя осветило сидящую против меня группу туземцев, которые молча курили и жевали бетель. Среди них, около огня, сидел туземец, которого я уже прежде заметил; он кричал и командовал больше всех, и его слушались; он также вел преимущественно разговор с жителями Бонгу и хлопотал около кушанья. Хотя никакими внешними украшениями он не отличался от прочих, но манера его командовать и кричать заставила меня предположить, что он главное лицо в Теньгум-Мана, и я не ошибся. Такие субъекты, род начальников, которые, насколько мне известно, не имеют особого названия, встречаются во всех деревнях; им часто принадлежат большие буамрамры, и около них обыкновенно группируется известное число туземцев, исполняющих их приказания.

Мне захотелось послушать туземное пение, чтобы сравнить с пением береговых жителей, но никто не решался затянуть «мун» Теньгум-Мана, и я счел поэтому самым рациональным лечь спать.

9 апреля

Толпа перед хижиной, в которой я лежал, еще долго не расходилась; туземцы долго о чем-то рассуждали. Особенно много говорил Минем, которого я принял за начальника. Только что я стал засыпать, как крик свиньи разбудил меня. Несколько зажженных бамбуков освещало группу туземцев, которые

Деревня Колику (сверху) и деревня Тенгум-Мана (снизу)

привязывали к длинной палке довольно большую свинью, назначенную для меня. Потом ночью сильный кашель в ближайшей хижине часто будил меня; также спавшие на других нарах двое туземцев часто поправляли костер, разложенный посреди хижины, и подкладывали уголья под свои нары. С первыми лучами солнца я встал, обошел снова всю деревню, собирая черепа куска и что найдется интересного.

Приобрел, однако, только два человеческих черепа без нижних челюстей и телум, который туземцы называли «Калиа». Этот последний я получил, однако, только после долгих толков, крика Минема и обещания с моей стороны, кроме гвоздей, прислать несколько бутылок.

После завтрака, состоявшего снова из вареного таро и кокоса, я дал нести мои вещи трем туземцам и вышел из-под навеса хижины. На площадке стояло и сидело все население деревни, образуя полукруг: посередине стояли двое туземцев, держа на плечах длинный бамбук с привешенной к нему свиньей. Как только я вышел, Минем, держа в руках зеленую ветку, подошел торжественно к свинье и произнес при общем молчании речь, из которой я понял, что эта свинья дается жителями Теньгум-Мана в подарок Маклаю, что люди этой деревни снесут ее в дом Маклая, что там Маклай ее заколет копьем, что свинья будет кричать, а потом умрет, что Маклай развяжет ее, опалит волосы, разрежет ее и съест.

Кончив речь, Минем заткнул зеленую ветвь за лианы, которыми свинья была привязана к палке. Все хранили молчание и ждали чего-то. Я понял, что ждали моего ответа. Я подошел тогда к свинье и, собрав все мое знание диалекта Бонгу, ответил минему, причем имел удовольствие видеть, что меня понимают и что остаются довольны моими словами. Я сказал, что пришел в Теньгум-Мана не за свиньей, а чтобы видеть людей, их хижины и горы Теньгум-Мана; что хочу достать по экземпляру маба и дюга, за которых я готов дать по хорошему ножу (общее одобрение с прибавлением слова «эси»); что за свинью я также дам в Гарагаси то, что и другим давал, т. е. «ганун» — зеркало (общее одобрение); что когда буду есть свинью, то скажу, что люди Теньгум-Мана — хорошие люди; что если кто из людей Теньгум-Мана придет в таль Маклая, то получит табак, маль (красные тряпки), гвозди и бутылки; что если люди Теньгум-Мана хороши, то и Маклай будет хорош (общее удовольствие и крики: «Маклай хорош и тамо Теньгум-Мана хороши»). После рукопожатий и криков «Эме-ме» я поспешил выйти из деревни, так как солнце уже поднялось высоко.

Проходя мимо последней хижины, я увидел небольшую девочку, которая вертела в руках связанный концами шнурок. Остановившись, я посмотрел, что она делает; она с самодовольной

улыбкой повторила свои фокусы со шнурком, которые оказались теми же, которыми занимаются иногда и дети в Европе.

Сходя с одной возвышенности, я удивился многочисленности проводников, которые все были вооружены копьями, луками и стрелами. Для закуривания многие несли с собою дымящееся обугленное полено, не открыв, по-видимому, до сих пор способа добывания огня. Они повели меня другой дорогой, а не той, по которой я пришел. Зная свои тропинки лучше, чем люди Бонгу, они хотели сократить путь, который оказался круче и неудобнее, чем тот, по которому мы шли вчера. В одном месте, около плантации, вдоль тропинки лежал толстый ствол упавшего дерева, по крайней мере в 1 метр в диаметре. На стороне, обращенной к деревне, было вырублено несколько пероглифических фигур, подобных тем, которые я видел в русле реки на саговом стволе, но гораздо старше последних.

Эти фигуры на деревьях, как и изображения в Бонгу (о которых я говорил) и на пирогах Били-Били, заслуживают внимания, потому что они — не что иное, как начатки письменности, первые шаги в изобретении так называемого идеографического письма. Человек, рисовавший углем или краской или вырубавший топором свои фигуры, хотел выразить какую-нибудь мысль, изобразить какой-нибудь факт. Эти фигуры не служат уже простым орнаментом, а имеют абстрактное значение; так напр., в Били-Били изображение праздничной процессии было сделано в воспоминание об окончании постройки пироги. Знаки на деревьях имеют очень грубые формы, состоят из нескольких линий; их значение, вероятно, понятно только для вырубавшего их и для тех, которым он объяснил смысл своих пероглифов.

Я с удовольствием услышал шум реки, потому что тропинка была утомительна; необходимо было полное внимание, чтобы не задеть ногой за какую-нибудь лиану, не оступиться о камень, не расшибить себе колено о лежащий поперек ствол, скрытый травой, не выколоть себе глаз о сучья и т. п. Все это мешало спокойно рассматривать местность. Мы подошли к тому самому месту, где вчера начали восхождение к Теньгум-Мана. У последнего уступа в несколько десятков футов вышиной оказалась прогалина, и вид на реку был очень живописен.

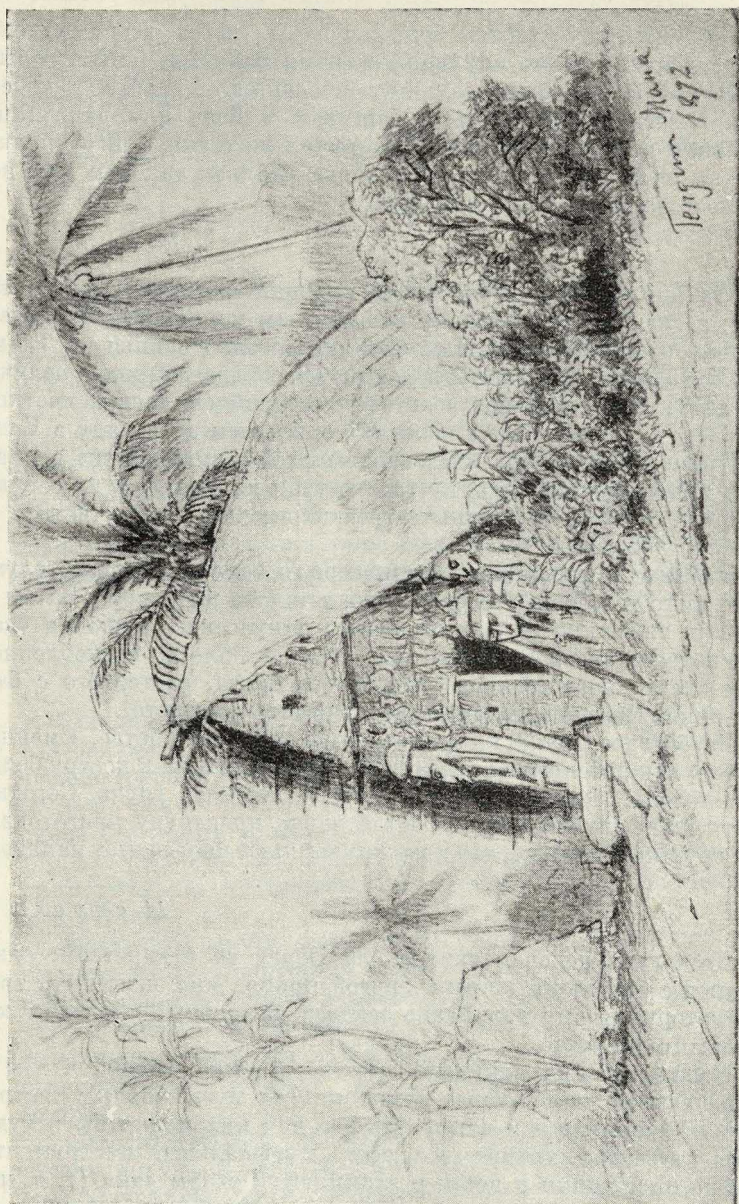
Я остановился, чтобы отдохнуть и сделать набросок местоположения в альбом, сказав людям, чтобы они сошли вниз к реке и там ждали меня. Картина оживилась сошедшими вниз папуасами и приобрела тем туземный колорит. Я насчитал 18 человек. Они расположились отдыхать разнообразными группами. Одни лежали, вытянувшись на теплом песке, другие, сложив принесенные головни, сидели у костра и курили, третьи жевали бетель. Некоторые, наклонившись к реке, пили мутную

воду. Многие, не расставаясь со своим оружием, стояли на больших камнях, опираясь на копья. Они зорко осматривали противоположный берег. Я узнал потом, что жители Теньгум-Мана находятся во вражде и ведут войну с жителями Гадаби-Мана; поэтому они все были вооружены, и несколько человек стояли часовыми во время отдыха товарищей.

Я так загляделся на окружающую меня картину, что позабыл рисовать, притом мой неискусный карандаш мог бы воспроизвести лишь неполную, бледную копию с этой своеобразной местности и ее жителей. Я сошел к реке, как вчера, разделся, и мы отправились вниз по ее руслу. Солнце сильно пекло, и камни, по которым пришлось идти, поранили мне ноги до крови. Две сцены оживили нашу переправу. Один из туземцев, заметив превращающуюся на солнце ящерицу и зная, что я собираю различных животных, подкрался к ней, затем с криком бросился на нее, но она улизнула. Человек 10 пустились преследовать ее; она металась между камнями, туземцы преследовали ее с удивительной ловкостью и проворством, несмотря на все препятствия, ношу и оружие. Наконец, ящерица скрылась между камнями под камышом, но и здесь туземцы отыскивали ее. В один миг камыш был выдернут, камни разбросаны и земля быстро раскопана руками. Один туземец схватил ящерицу за шею и подал ее мне. Кроме платка, у меня не нашлось ничего, чтобы спрятать ее; пока ее завязывали, она успела укусить одного из туземцев так, что показалась кровь, но улизнуть она не могла.

При переходе через один из рукавов реки туземцы заметили множество маленьких рыбок, быстро скользивших между камнями; мои спутники схватили камни, и в один миг десятки их полетели в воду, часто попадая в цель. Убитые и раненые рыбки были собраны, завернуты в листья и сохранены на ужию. Сегодня пришлось идти вниз по реке дольше, чем вчера, так как я хотел попасть прямо домой, а не в Бонгу или Горенду. Придя, наконец, домой часам к четырем, я застал Ульсона бледным и шатающимся вследствие двух пароксизмов, так как он не вовремя принял хину.

Я узнал, что в мое отсутствие Туй ночевал в Гарагасси (вероятно, приглашенный Ульсоном), чем я остался очень недоволен. Пришли еще жители Горенду и их гости из Били-Били. Около моей хижины расположились, болтая, человек 40 туземцев. Раздав табак и по куску красной материи моим проводникам, я дал, согласно обещанию, зеркало одному из них за свинью, две бутылки и несколько больших гвоздей за телум и отпустил их, очень довольных, обратно в Теньгум-Мана. Сам же, не евши в течение десяти часов, с удовольствием выпил чаю без сахара с вареным аяном.

Будамра в деревне Теньсум-Мана

10 апреля

Ночью я почувствовал боль в ноге, и, когда встал утром, она оказалась сильно опухшей, с тремя ранками, наполненными материей. Это был результат вчерашнего перехода через реку. Невозможность надеть башмаки и боль при движении заставили меня сидеть дома. Я поручил жителям Бонгу привязать на свой лад принесенную вчера свинью, так как мне не хотелось зарезать ее немедленно.

12 апреля

Два дня сидения дома имели хороший результат для моей ноги; я оказался в состоянии отнести сам порции свиного мяса в подарок жителям Горенду, так как сегодня свинья из Теньгум-Мана была зарезана Ульсоном. Она была слишком велика для двоих, и я, не желая возиться с солением и следуя местному обычаю, решил отдать половину знакомым в Горенду и Бонгу. Принесенные куски мяса произвели большой эффект в Бонгу, и хотя я принес свинину только трем из жителей, но сейчас же были созваны женщины с трех площадок, чтобы чистить и готовить аян и бау.

Отдыхая в прохладной буамрамре, я заметил старый телум, у которого тело было человеческое, а голова крокодила. Затем я обратил внимание на приготовление папуасского кушанья «кале», которое видел в первый раз. Оно состояло из наскобленного и слегка поджаренного кокосового ореха, растертого с бау или аяном, из чего выходит довольно вкусное тесто.

Детей здесь рано приучают помогать в хозяйстве. Смешно видеть, как ребенок полутора или двух лет тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь. Сегодня опять имел случай видеть обстоятельно процедуру приготовления кеу. Видел также, что и женщины пьют иногда этот напиток.

14 апреля

Несколько человек явилось из Бонгу за лекарством; один пришел с больными ногами, другой принес мне экземпляр трубы, которую я ему уже давно заказал, остальные явились с кокосовыми орехами.

Передавая мне длинный бамбук, туземец сказал, чтобы я не показывал «ай» (общее название всех музыкальных инструментов) женщинам и детям, что это для них может быть худо. Здесь туземцы хранят все свои музыкальные инструменты втайне от женщин и детей и занимаются своим «ай» (т. е. музыкой) всегда вне деревни. Причина устранения женщин от музыки, пения и т. п. мне остается неизвестной.

15 апреля

Погода меняется: частые штили, слабый ветер иногда с юго-востока, пасмурно. Мое помещение так мало, что, если не соблюдать самого строгого порядка и не ставить и не класть каждый день аккуратно все на место, положительно негде было бы сидеть. Эти постоянные уборки сопряжены с значительной скукой и потерей времени.

16 апреля

Придя утром в Горенду, я встретил там двух женщин из другой деревни, которые пришли в гости к женам Туя и Бугая. Большие мешки с подарками (бау и аян) висели у них за спинами, между тем как веревки этих мешков оббивали лоб. Мешки были так тяжелы, что они не могли идти или стоять иначе, как полусогнувшись. Они были очень любезно встречены женщинами Горенду, которые пожимали им руки и гладили по плечу. Женщины, здороваясь между собою, подают одна другой руки или 2—3 пальца. У этих женщин от плеч над грудями, опускаясь к средней линии тела, был выжжен ряд пятен, которые отличались своим более светлым цветом от остальной кожи. Этот род татуировки встречается далеко не у всех.

17 апреля

Сегодня видел в Гумбу, как при помощи простой раковины и нескольких осколков кремня выделяваются из бамбука папуасские гребни. Верхняя часть этих гребней украшается орнаментом, выцарапанным очень искусно осколками кремня. Бордюры эти очень разнообразны, я нарисовал несколько из них (сделал факсимиле). Чтобы сделать подобный гребень своими примитивными инструментами, туземцу требуется почти полдня работы.

Последнее время приходилось серьезно заниматься охотой, так как наша ежедневная пища (стакан кофе утром с небольшим количеством таро, вареного или печеного, и немного бобов, таро и чашка чаю за обедом) становилась недостаточной. Охота здесь нетрудна, так как птицы, еще не знакомые с действием огнестрельного оружия, не боязливы и подпускают очень близко.

Мне вздумалось испытать на себе действие кеу. Наскреб ножом корень и стебель *Piper methysticum*, нарезал листья и на полученную массу, составившую около двух полных столовых ложек, налил воды в обыкновенный стакан, почти до края. Дал настояться около часу, после чего выжал размокшую массу

(корень, стебель и листья) через полотно несколько раз, постоянно смачивая ее той же жидкостью. Выжатая жидкость была зелено-коричневого цвета и имела горький, но не неприятный вкус. Запах был сильный, характерный, но не неприятный. Выпив около стакана этой горькой жидкости так, как пьют лекарство, т. е. не обращая внимания на не особенно хороший вкус, я не почувствовал никакого особенного действия. Не думаю, чтобы виной этому была слабость настоя, а скорее отсутствие слюны, которая производит брожение жидкости и делает напиток кеу одуряющим.

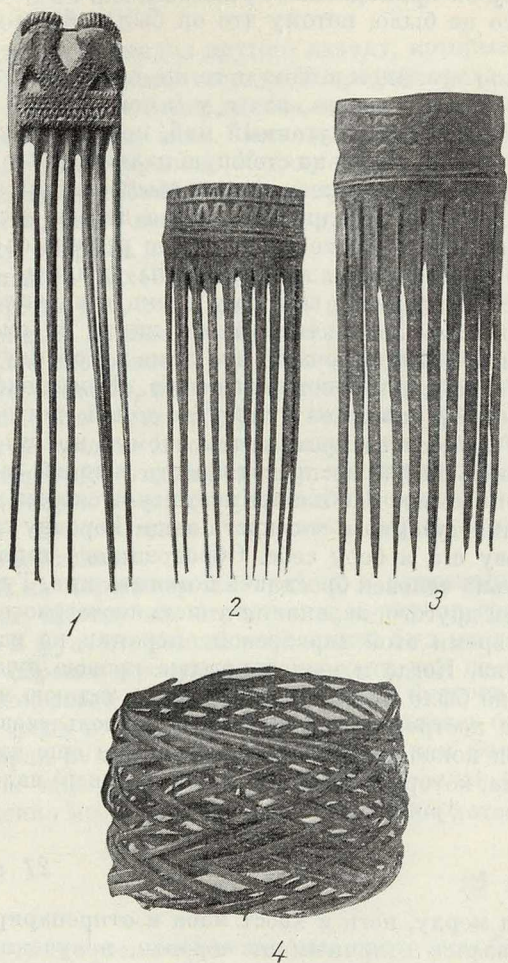
19 апреля

Дождь лил всю ночь и все утро и наполнил 480 делений моего дождемера.

20 апреля

Зайдя в Горенду, я сидел в ожидании ужина на барле. От нечего делать взял в руки лежавшую на земле стрелу и, заметя обломанный конец, вынул нож, чтобы заострить его, так как для туземцев эта операция, производимая кремнем, не очень легка и отнимает много времени. Стоящий около меня Вангум объяснил, что стрела сломалась, будучи пущена в маба. Когда я спросил, убит ли маб, он ответил, что нет, что маб находится в соседней хижине. Я отправился, или, вернее, влез в хижину (так высоки пороги и так малы двери) и в полумраке рассмотрел белую, висящую у потолка массу, которая и оказалась мабом. Хижина была в два этажа, и животное висело крепко привязанным за хвост головой вниз. Желая рассмотреть маба поближе, я сказал, чтобы его вынесли из хижины. Вангум раковинной перерезал лиану, привязанную к хвосту маба, который при этом ухватился передними лапами [пропуск] и с такой силой, что Вангум, ухвативший его за хвост обеими руками, не мог стащить его с места, так как животное вонзило свои крепкие острые когти в дерево. Прежде чем я мог остановить его, Вангум с силой ударил толстой палкой по передним ногам маба: от боли животное вынуждено было уступить, и его, наконец, стащили вниз. Держа его за хвост, чтобы не быть укушенным, Вангум выбросил его из хижины. Я последовал за ним.

Бедное раненое животное сердито разевало рот и при каждом моем движении показывало свои длинные нижние резцы и серокрасноватый язык, но не пробовало убежать. Оно имело около 50 см длины и было серовато-белого цвета. мех был мягок и густ, но волосы, однакоже, не длинные. Жирное тело не могло держаться на коротких ногах, снабженных длинными

Бамбуковые гребни (1—3) и браслет из расщепленного ротанга (4)

согнутыми когтями. Когда, собравшись с духом, маб вздумал бежать, то это не удалось ему на ровной земле. Он сделал несколько неуклюжих движений, остановился и прилег; может быть, это вызывалось тем, что животное не оправилось еще от сильного удара палкой по передним ногам или от раны стрелой. Желая приобрести маба, я сейчас же предложил за него нож, который для туземцев был бы хорошей ценой за животное, и

спросил, кому он принадлежит. Оказалось, что настоящего владельца у него не было, потому что он был пойман следующим образом.

Утром двое туземцев в одно и то же время заметили зверя, который спускался с дерева, почти у самой деревни. Когда они бросились ловить его, испуганный маб, не видя другого спасения, влез быстро на отдельно стоящую пальму, после чего в ловле приняло участие полдеревни: один выстрелил из лука, ранив животное слегка в шею, другой влез на дерево и сбросил его, остальные поймали его уже внизу. Было решено съесть его сообща и уже готовили костре, чтобы опалить его густую шерсть. Мое предложение поэтому очень озадачило туземцев. Каждому хотелось получить нож, но никто не смел сказать: «животное мое». Мне отвечали, что дети в Горенду будут плакать, если им не дадут поесть мяса маба. Я знал очень хорошо, что если я возьму животное и унесу его домой, никто из жителей Горенду не посмеет воспротивиться этому, но мне противно было совершить такую несправедливость и силой завладеть чужой собственностью. Я объявил поэтому стоящим в ожидании моего решения туземцам, что пусть люди Горенду съедят маба, но что голову его я беру себе. Обрадованные таким оборотом дела, несколько человек бросились помогать мне. Тупым ножом, за неимением другого, перепилил я шею несчастного животного, которое во время этой варварской операции не испустило ни единого звука. Когда я мыл покрытые кровью руки, я вспомнил, что надо было отрезать переднюю и заднюю ноги, но маб был уже на костре, и я должен был удовольствоваться полуобугленными конечностями. Я успел спасти еще часть цепкого голого хвоста, который очень похож на длинный палец и покрыт в разных местах роговыми бородавками.

21 апреля

Срисовал морду, ноги и хвост маба и отпрепарировал череп, который оказался отличным от черепов, полученных в Теньгум-Мана. мех у той разновидности был также черный с желтоватыми пятнами. Вынул мозг, срисовал его и сделал несколько разрезов.

Когда я занимался этим, я услышал легкий шорох. Большая ящерица, по крайней мере метра полтора длиной, собирала под верандой обрезки мускулов маба, которые я выбросил, препарируя череп. Пока я схватил заряженное ружье, ящерица, быстро перебежав площадку перед домом, скрылась в лесу. Я сделал несколько шагов и был остановлен странным звуком над головой. Высоко между зеленью я заметил красивый гребень черного какаду. Он, должно быть, увидел меня и с криком

улетел в лес. В то же время я услышал падение ореха кенгара (*Canarium commune*).

Обойдя дерево, я увидел другого какаду, который сидел еще выше и молча раскусывал твердую скорлупу ореха. Я рискнул выстрелить, и большая птица, махая одним крылом (другое было прострелено), упала вниз. Несколько дробинок пробило череп, глаз был налит кровью. Какаду бился здоровым крылом и рыл клювом землю. Бамбуковая палка в 3 см в диаметре, схваченная клювом, была изгрызена в щепки. Птица упала, наконец, на спину, открыла широко клюв и усиленно дышала. После продолжительного дыхания она могла закрыть мясистым языком все отверстие рта, хотя клюв был раскрыт. Язык, как хорошо прилаженный клапан, прижатый к нёбу, замыкает совершенно рот. Эта способность (вероятно, встречающаяся и у других птиц), несомненно, имеет значение, напр., при полете птиц.

Какаду недолго заставил ждать меня, и я скоро мог начать препарировать скелет. Я смерил расстояние между концами крыльев, осторожно отпрепарировал красивый хохол и выдернул большие перья хвоста, которыми туземцы украшают свои гребни. Они действительно красивы, черно-матового цвета с голубоватым отливом.

Несмотря на пароксизм лихорадки, я отпрепарировал тщательно скелет, причем вес отрезанных мускулов равнялся приблизительно 2 фунтам; вес же всей птицы был около 4,5 фунта. Срубленные обрезки мускулов какаду дали нам по чашке (сделанной из кокосовой скорлупы) хорошего бульона. Я должен сказать, что наша посуда мало-помалу заменилась более примитивной, которая не так бьется, как фарфор или фаянс. Я надеялся с десятка чаш из скорлупы кокосовых орехов, и они заступили постепенно место разбитых тарелок и блюдов.

23 апреля

В Гумбу трое туземцев занимались плетением большой корзины для ловли рыбы. Работа в высшей степени основательная и прочная. Корзина почти вся состоит из бамбука и довольно замысловатой формы. Несколько девочек и женщин проделывало разные фокусы длинным со связанными концами шнурком, при этом они употребляли не только пальцы рук, но и пальцы ног.

Пришлось поспешить вернуться домой, так как я почувствовал приближение пароксизма лихорадки. Еле-еле добрался домой и сейчас же лег, как только пришел. Пароксизм был почему-то сильнее обыкновенного. Он прошел, однако, к 6 часам, оставив после себя большую слабость.

25 апреля

Вчера был опять пароксизм. Днем погода стояла очень хорошая, по обыкновению; ночью же шел сильный дождь. Зюд-оста все еще нет.

26 апреля

Вчера в Бонгу пришла пирога из Били-Били. Сегодня с раннего утра толпа моих знакомых расположилась перед хижиной; между пришедшими были также 4 человека из деревни Рай. Эта деревня лежит на юго-восточной стороне залива, за рекой, и я в первый раз видел перед собою жителей с того берега. Внешностью и украшениями они не отличаются от здешних.

Каин просил отточить ему маленький топор. Я ему как-то прежде дал обломок железа от сломанного ящика. Он очень аккуратно сделал ручку топора по образцу обыкновенных ручек каменных топоров, но вместо камня он вложил кусок данного мною железа и прикрепил его к ручке совершенно так же, как туземцы приклепляют камень. Он пробовал отточить железо на камне, что ему, однако, не совсем удалось, почему он и принес свой новый топор в Гарагасси. Из этого, как и из многих других подобных примеров, видно, что туземцы с радостью примут и будут употреблять европейские орудия при первом представшемся случае.

Мои гости сидели долго, и, наконец, перед уходом люди Били-Били, наслышавшись в Бонгу и в Горенду о моих «табу», которые убивают птиц на высоких деревьях, а также могут убивать людей, попросили меня показать им «табу» и выстрелить, вероятно, чтобы разнести об этом описание и рассказы далее по деревням. Люди из Рай-Мана очень боялись и просили не делать этого, т. е. не стрелять. Другие, однако, их пристыдили, так что все стали упрашивать меня удовлетворить их любопытство, и я согласился.

Когда я вынес ружье, то мои папуасы, как стадо баранов, сгруппировались очень близко один к другому. Многие обхватили соседей рукой в ожидании страшного происшествия. Когда раздался выстрел, они все разом, точно снопы, повалились на землю; ноги их так тряслись, что они даже не могли усидеть на корточках.

Я уже давно опустил ружье и рассматривал группу лежащих, когда некоторые осмелились взглянуть в мою сторону, поднимая немного голову и отнимая руки от ушей, которые они заткнули, как только раздался выстрел. Было интересно видеть выражение страха, написанного на их лицах; рты были полуоткрыты, язык двигался, но еще не мог внятно приносить сло-

ва, глаза также были открыты более обыкновенного. Трясущейся рукой многие из них делали знаки, чтобы я унес страшное оружие.

Выйдя снова из хижины, я застал туземцев в оживленном разговоре. Они передавали друг другу свои впечатления и были очень расположены скорее уйти. Я успокоил их, говоря, что ружье мое может быть опасным только для дурных людей, а для хороших, как они, у меня есть табак, гвозди и т. д. Если бы я не видел сам, то с трудом мог бы себе представить такой страх от ружейного выстрела у крепких, взрослых людей. В то же время я заметил, что страх туземцев непродолжителен и что они скоро привыкают к этому ощущению. Когда они ушли, я отправился с ружьем в лес, где наткнулся на трех туземцев. Один играл на папуасской флейте, состоящей из простой бамбуковой трубки в 25 мм в диаметре, закрытой с двух концов, но с двумя отверстиями по бокам, внизу и сверху; двое других были заняты около толстого гнилого пня, который они прилежно рубили каменными топорами; рыхлая гниль так и летела в разные стороны. Из этой массы вываливались белые жирные личинки, которые сотнями пробуравливали лежащий ствол.

Порубив некоторое время, они останавливались и с большим аппетитом жевали и глотали толстые личинки, иногда обеими руками кладя их в рот. Съев достаточное количество, одни снова принимались за флейту, другие за топоры. Они имели очень веселый вид, лакомясь таким образом и принимаясь за музыку. Оригинально то, что в разные периоды года у туземцев в ходу различные музыкальные инструменты и что это сопряжено как бы с характером употребляемой пищи; так, напр., «тюмбин» они употребляют, когда едят бау; при аяне он лежит у них без употребления; когда едят свинью, то трубят в большие бамбуковые трубы, бьют в барум и т. д.

29 апреля

Подходя к Бонгу, увидел вытащенную на берег большую пирогу, совершенно похожую на те, которые строятся в Били-Били. Она принадлежала жителям Гада-Гада. Увидев меня, они попросили посидеть с ними, и хотя видели меня в первый раз, но все знали мое имя очень твердо. Между ними и жителями Митебог я встретил людей с очень симпатичными физиономиями. Выражение лица некоторых молодых папуасов было так кротко и мягко, что подобные физиономии, помимо цвета кожи, представляли бы исключение даже между так называемыми цивилизованными расами.

Мои соседи имеют вид гораздо более суровый, и обращение их не такое предупредительное; вообще они составляют переход

между островитянами и жителями горных деревень. Украшений у них больше, и сделаны они гораздо тщательнее; вероятно, их образ жизни оставляет им более свободного времени.

Пока в деревне для меня приготавливали ужин, я обратил внимание на выделку большого бамбукового гребня; единственным орудием служила при этом простая раковина. Нельзя было не подивиться терпению и искусству работавшего. Несколько мальчиков и девочек, лет восьми и девяти, совершенно голых, таскали сухие пальмовые ветви, вероятно для кровли. Они возвращались обыкновенно бегом, стараясь перегнать друг друга; бег девочек с их длинными туловищами и короткими ногами невольно обращал на себя внимание сравнительно с легким, свободным бегом длинноногих мальчиков.

Когда гости с островов Гада-Гада и Митебог собрались в путь, я заметил, что между подарками деревни Бонгу, состоявшими из большого количества таро, в корзинах находилась также одна пустая бутылка и три гвоздя как большие драгоценности. Таким образом, вещи европейского происхождения могут странствовать далеко и давать, может быть, повод к неправильным соображениям, предположениям и т. д.

30 апреля

После весьма счастливой охоты (мне удалось убить 6 больших птиц в один час) я направился в Гумбу, желая отдохнуть и напиться воды кокосового ореха; дорогой я заметил несколько деревьев со следами вырезанных фигур и орнаментов, вероятно очень давнего происхождения. Придя в Гумбу, не нашел положительно ни одной души в целой деревне, не заметил даже ни одной собаки. Ульсон очень обрадовался моей добыче, уверяя меня, что часто чувствует голод, чему я не очень удивился, так как частенько сам чувствую, что недостаточно ем.

2 мая

Данные туземцам семена тыквы, посеянные месяца два или три тому назад, принесли первые плоды. Туй и Лалу пришли утром пригласить меня прийти вечером «поесть тыквы». Я был удивлен, что они запомнили это слово, и нашел, что оно вошло в общее употребление.

Отправившись рано в Горенду, я застал Бонема с другим туземцем, делающим парус пироги. Работа была не хитрая. Между двумя шестью были протянуты довольно часто тонкие растительные шнуры; один туземец обломком раковины резал в длину листья пандануса, отдирая колючий край листьев и вырезая среднюю жилу, так что из каждого получались две длин-

ные полоски, которые переплетались между натянутыми шнурами. Я присел к этой группе, и скоро пришло еще несколько человек туземцев из леса с длинными шестами. Шесты были прямые, и все ветви и веточки были тщательно устранены (вероятно, с помощью раковины). Кора была стянута с палок очень искусно, вся зараз, затем снова вывернута, освобождена тщательно от верхней кожицы и разбита на плоском камне ударами толстой короткой палки. Двое воодушевляли работающих заунывными звуками тьюбина.

Оказалось, что Туй пришел пригласить меня, чтобы я показал им, как следует есть тыкву, так как это была первая, которую им случилось видеть. Я разрезал ее и положил в горшок с водой, где она скоро сварилась. Туземцы обступили меня, желая посмотреть, как я буду ее есть. Хотя я и не люблю тыквы, но решил показать, что ем ее с аппетитом, чтобы и туземцы попробовали ее без предубеждения. Но новое кушанье все-таки показалось им чем-то особенным, и, наконец, они порешили есть его с наскобленным кокосовым орехом и в этом виде скоро уничтожили всю тыкву.

4 мая

Слышанные вечером удары барума в Бонгу продолжались время от времени всю ночь. Около полудня пришло несколько туземцев с приглашением итти с ними поест свинью и послушать их пение. Не желая нарушать хорошие отношения, я пошел с ними.

В деревне не было ни одного мужчины — одни женщины и дети; зато на площадке, в лесу, я был встречен продолжительным завыванием со всех сторон, после чего все разом стали звать меня присесть к ним. Я выбрал место, немного в стороне, чтобы лучше видеть происходящее. Человек 10 были заняты приготовлением еды, несколько других образовывали в другом углу группу, усердно занятую жеванием и процеживанием кеу, действие которого уже заметно было на многих физиономиях; большинство сидело, ничего не делая, и вело оживленный разговор, причем я часто слышал имя «Анут» и «тамо Анут» *. Про них мои соседи рассказывали, что они хотят напасть на мою хижину, слышав, что у меня много ножей, топоров и красных маль, а что нас всего двое: я и Ульсон. Будучи уверен, что это может случиться не без согласия моих знакомых из Бонгу или Гумбу, которые будут весьма непрочь разделить с теми людьми добычу, я счел подходящим обратить все это в шутку и приба-

* В точности я не мог определить, где живут эти люди; мне известно только, что где-то за рекой, около Марагум-Мана, и составляют не одну, а много деревень.

вил, что не мне будет худо, а тем, которые придут в Гарагасси, а затем переменял разговор, спросив, не пойдет ли кто-нибудь со мною в Энглам-Мана. Мне ответили, что Бонгу с Энглам-Мана не в хороших отношениях и что если пойдут туда, то будут убиты, но что жителям Гумбу туда идти можно.

Когда кушанье было готово и разложено по порциям, один из туземцев побежал в деревню, и мы скоро слышали удары барума, при этом все бывшие на площадке стали кричать изо всех сил, другие принялись трубить. Шум был оглушающий и доставлял туземцам заметное удовольствие.

На некоторых влияние кеу было хорошо заметно. Они плохо стояли на ногах, язык не слушался их, а руки тряслись. Лицо их выражало состояние, которое немцы называют Katzenjammer. По случаю пира головы и лица туземцев были недавно раскрашены: у одного вся голова была намазана черной, у других — красной краской; у третьих голова была красная с черным бордюром, у иных — черная с красным бордюром; только у стариков ни лица, ни головы не были раскрашены. Вообще старики употребляют только черную краску для волос и лица и почти не носят никаких украшений на шее.

6 мая

Вечером был в Горенду. Инго нарисовал мне в записную книгу фигуры разных животных и людей. Я удивился твердости руки при употреблении такого совершенно нового для него инструмента, как карандаш, и прямизне линий. Узнал, между прочим, что нос и уши туземцев продырявливаются или заостренной бамбуковой палочкой или «дигланом» аяна (шипом *Dioscorea*). Светлые пятна на руках и ногах мужчин, на плечах и грудях женщин производятся не только небольшими кусочками горящей древесной коры, но и раскаленным камнем.

Только сегодня, т. е. в конце 8-го месяца, мог я узнать папуасские слова (диалект Бонгу): отец, мать, сын. Я воспользовался приходом четырех туземцев, чтобы поднять шлюпку еще выше на берег, чем прежде; для этого надо было снести вниз толстое бревно и подложить под киль. Я и Ульсон с большим усилием пронесли его шагов 20, и потом, донеся до берега, я сказал, что теперь его можно катить по песку, но туземцы, очень удивленные нашей силой, хотели показать свою: все четверо приступили к бревну, подняли с большим трудом и, крича и пыхтя, почти бегом донесли его до шлюпки. Так поступают они при каждом случае, где требуется сильное напряжение: они бросаются с криком и азартом, воодушевляя друг друга восклицаниями, и действительно успевают сделать то, что навряд ли могли бы сделать, действуя медленно.

14 мая

Много посетителей: из Энглам-Мана, человек 15 или 20 из Ямбомбы, Тути, Били-Били и др.

Нога очень болит. Маленькие ранки, полученные при экскурсии в Энглам-Мана, слились вследствие небрежного за ними ухода в несколько больших, так что я не могу ходить. Из Горенду принесли мне роскошный ужин: вареное таро, печеный плод хлебного дерева, саго с натертым кокосовым орехом.

22 мая

Нарывы на ноге еще не прошли; не мог с ними нянчиться, так как приходится ежедневно ходить на охоту, чтобы не голодать.

Сегодня в Горенду туземцы серьезно попросили меня прекратить дождь. На мой ответ, что сделать этого я не могу, они все хором заявили, что могу, но не хочу.

23 мая

Пришедший Туй рассказал, что только что вернулся из Богати, где многие жители окрестных деревень собрались по случаю смерти одного из них. Вот почему, объяснил мне Туй, мы слышали много раз в продолжение вчерашнего дня удары барума. Это делается, продолжал он, когда умирает мужчина; при смерти женщины этого не бывает. Буа принес мне экземпляр маба, и я приобрел его за нож. Препарируя скелет, я отдал обрезки мяса Ульсону, который изрубил их для супа, так как вареное и печеное мясо маба вследствие его ароматичности и приторности мне не нравится.

25 мая

При восходе солнца послышался в Горенду барум, но не такой громкий и продолжительный, как обыкновенно. Пришедший Туй сказал мне, что барум был слышен по случаю смерти одного из жителей Гумбу и что жители Горенду и Бонгу отправляются в Гумбу. Я поспешил напиться кофе, чтобы идти туда же. Дорогой встретил целую вереницу туземцев, вооруженных копьями, луками и стрелами. Завидя меня, все они остановились, чтобы пропустить меня вперед. Когда они узнали, что и я иду в Гумбу, было заметно, что они сразу не могли решить, что им делать: отговаривать меня или нет. После общего совещания они предпочли молчать.

Выйдя к морю, мы догнали целую толпу женщин; многие шли с прудными детьми в мешках или на плечах, смотря по возрасту. У входа в деревню наша группа остановилась; мне сказали, что женщины должны пройти вперед; мы пропустили их и скоро слышали их плач и вой, очень похожий на вой здешних собак. Когда я подошел к первым хижинам, меня предупредил один из спутников, чтобы я был осторожнее, так как в меня может попасть стрела или копьё. Не понимая, в чем дело, я отправился далее. Действительно, с площадки, окруженной хижинами, неслись крики, иногда очень громкие речи. Сопутствовавшие мне туземцы, держа в левой руке лук и стрелы, а копьё наперевес в правой, беглым шагом поспешили на площадку и образовали ряд против первой группы уже находившихся там.

Я остановился в таком месте, что мог видеть происходящее в деревне и быть в то же время заслоненным от стрел. Между обеими, одна против другой стоявшими группами или шеренгами нападающих и защищающихся выступил один из жителей Гумбу (кажется, родственник умершего). Он ораторствовал очень громко, подкрепляя свои слова энергичными движениями, кидаясь в разные стороны и угрожая наступавшим своим копьём. Время от времени являлся с другой стороны противник и также действовал более гортанью и языком, чем луком и копьём. Некоторые пускали свои стрелы, очевидно, стараясь не задеть никого. Крик, беготня и суматоха были значительны. Туземцы выступали поочередно, не вместе; навстречу выходил также один противник. Смотря на эту военную игру, я не мог не любоваться красивым сложением папуасов и грациозными движениями их гибкого тела. На меня оглядывались с удивлением как на непрошенного гостя.

Наконец, набежавшись и накричавшись, все воины уселись в несколько рядов на площадке; за ними расположились женщины с детьми. Стали курить и не так громко, как обыкновенно, разговаривать. Несколько человек занялись приготовлением «папуасского гроба»; были принесены отрезки листовых влагилиц разных пальм и спиты лианами, так что образовали два длинных куска. Эти куски были положены крест-накрест и снова скреплены посередине, затем концы загнуты так, что двойная средняя часть образовывала дно в 50 см в квадрате. Загнутые концы образовали стенки большой коробки в 1 м высоты. Чтобы стенки не распадались, коробка была обвязана в нескольких местах лианами. Туземцы не спешили, курили и разговаривали вполголоса. Вой в хижине покойника то усиливался, то стихал. Немного в стороне варился в большом горшке бау, который, еще совсем горячий, был положен на листья, связан в пакет и повешен на сук дерева, около хи-

жины, у дверей которой висела убитая собака. Мне объяснили, что ее потом будут есть гости, присутствующие при погребении.

Несколько человек вошли в хижину умершего, и скоро они показались в дверях, неся покойника, который был уже согнут в сидячее положение, так что подбородок касался колен; лицо смотрело также вниз; рук не было видно: они находились между туловищем и согнутыми ногами. Все тело было обвязано поясом покойника, чтобы удержать члены в желаемом положении. Трое туземцев несли умершего; двое придерживали его по сторонам; третий, обхватив туловище и ноги руками, собственно нес его.

Женщины, из которых одна была мать умершего, а другая — жена, заканчивали процессию, придерживая концы пояса, который обхватывал тело покойника. Обе они были измазаны черной краской, очень небрежно, пятнами. На них не было никаких украшений и даже обыкновенная, весьма приличная по своей длине юбка их была заменена сегодня очень незначительным поясом, от которого висели спереди и сзади обрывки бахромы, также черной, которые едва покрывали тело. Все показывало, что они умышленно нарядились так, чтобы показать, что не имели ни времени, ни желания заняться своим костюмом. Обе они плаксивыми голосами тянули печальную песню.

Когда покойника вынесли из дверей, все присутствующие смолкли, встали и хранили молчание до конца. Покойника опустили в выше описанную коробку, стоявшую посередине площадки; голову покрыли «тельруном» (мешком, в котором женщины носят детей) и потом, пригнув боковые стенки коробки, связали их над головой так, что коробка приняла форму трехгранной пирамиды; затем обвязали очень тщательно лианами и привязали верхний конец к довольно толстому шесту. Во время этой операции несколько туземцев выступили из рядов и положили около коробки с телом несколько сухих кокосовых орехов и новый, недавно выкрашенный пояс. Двое туземцев взяли концы шеста, к которому был привязан сверток с покойником, на плечи и понесли обратно в хижину; третий взял кокосы и пояс и последовал за ними. Этим церемония кончилась. Присутствующие разобрали свое оружие и стали расходиться. Я пошел в хижину посмотреть, куда положат тело — зароят или оставят просто в хижине.

Последнее предположение оправдалось. Шест был поднят на верхние перекладыны под крышей, и пирамидальная коробка закачалась посреди опустевшей хижины. Вдова, уже старая женщина, принялась раскладывать огонь немного в стороне.

Возвращаясь домой, я догнал туземцев; человек 40 зашли ко мне в Гарагасси поболтать о покойнике, покурить, попросить перьев и битого стекла для бритья.

Отправился в Гумбу, чтобы найти спутников, желающих идти со мною в Энглам-Мана. Двое с удовольствием согласились. У одной хижины заметил несколько туземцев, делавших якоря для своих сетей. Якорь состоял из обрубка довольно толстого ствола с четырьмя или пятью ветвями, расходящимися почти в одном и том же месте. Эти ветви, обрубленные и заостренные, образовывали лапы якоря. Вокруг средней части ствола были прикреплены лианами камни, оплетенные таким образом, что, казалось, лежали в корзине. Тяжесть камней предохраняет якорь от всплытия.

Недалеко от нас сидела дочь Бугая, девочка лет десяти. Она держала большой плоский камень почти что между ногами и занималась стачиванием раковины из рода *Copis* в плоские кольца, употребляемые женщинами и девочками в виде ожерелья. Камень был смочен водой, и работа быстро подвигалась вперед.

Несмотря на головную боль и головокружение, я решил не откладывать своей экскурсии в Энглам-Мана и идти вечером в Гумбу, а оттуда на следующее утро направиться в Энглам-Мана. Приняв на всякий случай 0,3 г хины, я отправился в Гумбу, сопровождаемый тремя мальчиками из этой деревни, которым дал нести нужные для экскурсии вещи.

Так как уже темнело, то я отправился вдоль морского берега и таким образом добрался до деревни, при входе в которую ожидала меня молодежь Гумбу. С криками «Маклай гена!» (Маклай идет), «Эме-ме» они выхватили мои вещи у несших их мальчиков и проводили меня до площадки, где я нашел целое собрание, занятое ужином. «Тамо» сидели на барле, «маласи» — на земле около хижины *. Как я узнал, сегодня был ужин в честь или в воспоминание умершего, по случаю чего ели свинью, но одни только тамо; маласи же довольствовались одним бау. Как «тамо боро» (большому человеку) и как гостю передо мной поставили большой табир с таро и с большим куском свинины. Немного в стороне, на циновке около костра, лежал Кум и просил меня помочь ему: он жаловался на сильную боль в боку и в животе. Я дал ему несколько капель *tincturae opii*, и на другой день Кум прославлял мою воду, т. е. лекарство.

После ужина около меня собралась вся деревня. Мы сидели в совершенной темноте. Костра не было, а луна всходила позд-

* Тамо — взрослые мужчины, маласи — несовершеннолетние юноши. Переход юноши из маласи в тамо, обычно в возрасте 13—15 лет, сопровождается обрядами посвящения. — *Ред.*

но. Меня расспрашивали о России, о домах, свиньях, деревьях и т. п. Перешли потом к луне, которую, очевидно, смешивали с понятием о России, и очень хотели знать, есть ли на луне женщины, сколько у меня там жен; спрашивали о звездах и допытывались, на которых именно я был, и т. д.

Каждое мое слово выслушивали с большим вниманием. Стало холодно и сыро, и я пожелал итти спать. Несколько человек проводили меня в обширную буамрамру, принадлежавшую Алуму, одному из туземцев, который должен был итти со мною. Более половины буамрамры в длину было занято широкими нарами, другая — двумя большими барумами, так что для прохода оставалось не много места. Я прозяб, сидя на площадке, и был доволен, что могу напиться чаю, ибо взял с собою все необходимое для этого. На пылающем посередине хижины костре быстро вскипела вода. Так как в буамрамре было недостаточно светло, хотя огонь костра весело пылал, я зажег стеариновую свечку. Отыскал чистую доску и, покрыв ее салфеткой, разложил все вещи, необходимые для чаепития, т. е. небольшой чайник, жестянку с сахаром, другую — с бисквитами, стакан и ложку. Все эти приготовления к ужину до того удивляли туземцев, что они даже не говорили, а молча, с напряженным вниманием, следили за каждым моим движением. Я уже так привык не стесняться десятками глаз, устремленных на меня в упор и следящих за каждым моим движением, что нисколько не стеснялся и поспешил выпить чаю, чтобы отдохнуть. Я постлал на барлу одеяло, красный цвет которого и мягкость возбудили взрыв удивления, и, сняв башмаки, улегся на нары. Человек 5 или 6 оставались в хижине и продолжали болтать, но одного жеста с моей стороны было достаточно, чтобы выслать их всех вон. Скоро все стихло в деревне, и я заснул.

Я был разбужен шорохом, как будто в самой хижине; было, однако, так темно, что нельзя было ничего разобрать. Я повернулся и снова задремал. Во сне я почувствовал легкое сотрясение нар, как будто бы кто лег на них. Недоумевая и удивленный смелостью субъекта, я протянул руку, чтобы убедиться, действительно ли кто-нибудь лег рядом со мною. Я не ошибся; но как только я коснулся тела туземца, его рука схватила мою, и я скоро не мог сомневаться, что рядом со мною лежала женщина. Убежденный, что эта оказия была делом многих и что тут замешаны папаша и братцы и т. д., я решил сейчас же отделаться от непрошенной гостии, которая все еще не выпускала моей руки. Я поднялся с барлы и заявил, что я спать хочу и, не зная все еще достаточно туземный язык, заметил: «Ни гле, Маклай нангели авар арен» (Ты ступай, Маклаю женщин не нужно). Подождав, пока моя ночная посетительница выскользнула из хижины, я снова занял место на барле. Впро-

сонках слышал я шорох, шептанье, тихий говор вне хижины, что подтвердило мое предположение, что в этой проделке участвовала не одна эта незнакомка, но и ее родственники и другие. Было так темно, что, разумеется, лица женщины не было видно. На следующее утро я, разумеется, не считал подходящим собирать справки о вчерашнем ночном эпизоде — такие мелочи не могли интересовать человека с луны. Я мог, однако, заметить, что многие знали о нем и о его результатах. Они, казалось, были так удивлены, что не знали, что и думать.

Хотя я поднялся часов в 5, мы собрались в путь не ранее 7, когда солнце уже поднялось. Мой багаж я разделил между двумя туземцами, и, несмотря на то, что каждый нес не более 18 фунтов или даже менее, оба жаловались на тяжесть ноши.

Сперва лесом, потом между высокими бамбуками и открытым полем, поросшим густым унаном, мы пришли к реке Габенеу, которая в этом месте оказалась широкой и очень быстрой. Вода точно кипела. Я сошел в нее и только с помощью туземцев, которые окружали меня, мог перебраться на другую сторону. Течение было так сильно, что удержаться на ногах не было возможности. Пройдя через песчаную отмель, мы снова должны были идти в воде, чтобы переправиться через другой рукав. Потом я оделся, и мы вошли в лес, прохлада которого была очень приятна после прогулки под солнцем, действие которого я нашел возможным с успехом парализовать, натирая себе затылок, уши, нос и щеки глицериновым желе. Эту операцию я повторяю раза два или три, как только чувствую, что кожа высыхает; без глицерина, какого-нибудь другого масла или жира действие солнечного жара на кожу в этих странах могло бы быть серьезным и по меньшей мере неприятным.

Перейдя невысокий пребень холмов, местами покрытых лесом, местами унаном, часа через два ходьбы от реки Габенеу мы подошли к песчаному берегу небольшой речки Альгумбу, протекавшей между красивыми лесистыми холмами. Берег в одном месте представлял длинную песчаную полосу, и моим спутникам вздумалось попробовать здесь свое искусство стрельбы из лука. Для этого они сняли с плеч свою ношу, и один за другим пустили стрелы, натянув сколько было силы тетиву своих луков. Я смерил шагами расстояние упавших на песок стрел и получил 46, 47, 48 шагов, т. е. от 46 до 50 метров, но на этом крайнем расстоянии стрела уже совсем теряла свою силу и только едва втыкалась в песок. Метрах в 20—25 эти стрелы могут нанести серьезную рану. Замечу, что между моими спутниками не было ни одного тамо, а только молодые люди и мальчики (четырнадцати — двадцати пяти лет). Мы расположились отдохнуть около речки. Я взял с собою остатки от вче-

рашнего ужина, чтобы было чем закусить в дороге, и предложил часть своим спутникам, но они все отказались под предлогом, что с этим таро варилась свинья, которую ели только тамо, почему маласи не могут касаться до него, а если они это сделают, то заболеют. Это мне было сказано вполне серьезно, с полной верой в то, что это так, и я снова убедился, уже не в первый раз, что понятие «табу» существует здесь, как и в Полинезии.

Отсюда началась самая трудная часть дороги: почти все в гору и большей частью вдоль открытых склонов, на которых рос высокий унан, коловший и резавший мое лицо и шею своими верхушками. Туземцы, чтобы защитить свое далеко не нежное тело от царапин унана, держали перед собою ветви в виде щитов. Тропинки не было видно. Одни ноги чувствовали ее, не встречая препятствий для движения. Пропустив человека, унан снова замыкал тропинку. Иногда он представлял значительное затруднение, так что его приходилось поднимать копыями. Солнце давало себя мучительно чувствовать. На значительной высоте, там, где уже начались плантации Энглам-Мана, открылась далекая панорама: было видно несколько островков у мыса Дюпере. Берег от Гумбу далеко простирался на северо-восток и, кроме реки и речки, через которые мы перешли, виднелись еще две — одна небольшая, а другая не меньше реки Габенеу.

Пока я записывал и рисовал виденное, мои спутники усердно кричали, чтобы вызвать кого-нибудь с плантаций. Наконец, в ответ на их зов, послышались женские голоса. Мои спутники обступили меня, так что собиравшимся женщинам меня не было видно.

Когда последние подошли, спутники мои расступились, и женщины, прежде никогда не выдавшие белого, остановились передо мною, как вкопанные. Они не могли ни говорить, ни кричать, наконец, опомнившись, с криком стремглав кинулись вниз при страшном хохоте моих проводников. Младшая из женщин, вздумавшая оглянуться, оступилась при этом и растянулась, к счастью для нее, на мягком унана. Мои спутники сказали ей что-то вслед, что заставило ее взвизгнуть, быстро вскочить и последовать за остальными. Мы поднялись к небольшому леску. Здесь, обменявшись с туземцами несколькими словами, Обор сломал ветку, прошептал что-то над ней и, зайдя за спину каждого из нас, поплевал и ударил раза два веткой по спине, затем, изломав ветку на мелкие кусочки, спрятал их в лесу между хворостом и сухими листьями.

Не умея добывать огонь, туземцы ходят, как я уже не раз говорил, с головнями, особенно отправляясь в более далекие экскурсии. Так было и сегодня; двое из моих спутников запаслись огнем, но, узнав, что я могу добыть его, как только они этого пожелают, очень обрадовались и бросили лишнюю ношу.

При остановках мне, к величайшему удовольствию сопровождавших меня туземцев, уже случалось зажигать спички и давать им возможность разводить маленький огонек, чтобы высушить табак и зеленый лист, в который они его завертывают. Здесь я доставил им в третий раз удовольствие посмотреть на вспыхивающую спичку и покурить. Крики моих проводников были услышаны жителями Энглам-Мана, которые, завидев меня, тотчас же умилили скорость шагов и не без робости подошли к нам. После обычных приветствий, жевания бетеля и курения мы двинулись далее. Тропинка обратилась в лестницу, состоявшую из камней и корней. Местами она была так крута, что даже туземцы сочли нужным вбить между камнями колья, чтобы дать ноге возможность найти опору. В местах, где положительно нельзя было пройти, были построены из бамбука узкие мостики. Вдоль обрывистой стены надо было переставлять одну ногу за другой, чтобы не свалиться. Разрушив немногие искусственные приспособления, деревню можно было в полчаса сделать с этой стороны трудно доступной.

Я был рад добраться, наконец, до деревни. Мои ноги чувствовали 10-часовую ходьбу, и первое требование мое по приходе в деревню было дать мне молодой кокосовый орех, чтобы утолить жажду. К великому неудовольствию оказались только старые орехи, воду которых нельзя пить. Зато меня усердно угощали бетелем, предлагали сделать кеу и т. д. Отдохнув немного, я отправился, сопровождаемый целой процессией, по деревне или по кварталам ее, которых оказалось три. Хижины здесь были так же малы, как в Теньгум- и Колику-Мана, и вообще деревня эта, как и другие горные, грязнее прибрежных. Зная, что я интересуюсь телумами, меня зазывали во многие хижины, и я удивился множеству виденных телумов сравнительно с числом их в береговых деревнях. Я срисовал некоторые из них. Везде, где только я останавливался, мне приносили орехи арековой пальмы, которыми Теньгум- и Энглам-Мана изобилуют. Вернувшись к хижине, где я оставил вещи, я увидел, что для меня готовят ужин.

Солнце уже садилось. Я выбрал место близ огня и принялся за ужин. Скоро все мужское население Энглам-Мана собралось около меня и моих спутников. Последние много рассказывали обо мне и даже такие пустые мелочи, которые я сам давно забыл и припоминал теперь, при рассказе туземцев. Разумеется, все было очень изменено, преувеличено, пройдя целый ряд рассказчиков и пересказчиков. Слушая, что обо мне говорилось, причем упоминалось и о луне, и о воде, которую я мог заставлять гореть, о выстрелах, о птицах, которых я убиваю в лесу, и т. д. и т. д., мне стало ясно, что здесь меня считают совершенно необыкновенным существом.

Богг, папуас из деревни Энглам-Мана

Пожинав и не желая приобрести насморк, от которого страдала большая часть населения деревни, я сказал, что хочу спать. Тогда десяток людей бросился с горящими головнями, чтобы показать мне дорогу в небольшую хижину. По сторонам узкого прохода стояло двое нар — одни небольшие, другие побольше. Пока я развертывал одеяло и устраивался на ночь, в хижину набралось так много туземцев, что передние были понемногу совсем притиснуты к моим нарам. Надеюсь, что они скоро уберутся, я, завернувшись в одеяло, лег, повернув лицо к стене. Жители Гумбу, вероятно, рассказали туземцам, не удержавшись при этом от прибавлений, обо всех диковинных вещах, которые они видели вчера вечером, когда я пил чай, и думали увидеть снова, но ошиблись. Поэтому они уселись у огня, стали говорить, курить, жевать бетель и раздувать костер, увеличивая чад и дым в хижине до того, что глаза стало резать. Мне это очень надоело, и я объявил, что от разговоров Энглам-Мана тамоуши Маклая болят и что Маклай хочет спать. Это подействовало: все замолкли, но только на время; думая, что я заснул, они снова принялись говорить, сначала шопотом, а затем столь же громко, как и прежде.

Так как заснуть мне не удавалось, я вышел из хижины и сказал снова, что хочу спать, что от болтовни Энглам-Мана тамоуши болят и что дым ест мне глаза.

Ночь была звездная. Большая группа туземцев сидела на площадке вокруг костра; когда эти люди узнали, в чем дело, несколько голосов поднялись, по-видимому, с выговором, мешавшим мне туземцам. По крайней мере, последние, один за другим, выбрались из хижины, куда я вернулся, пропустив последнего.

31 мая

Посредственно проспав ночь, я проснулся рано, еще перед рассветом. Вспомнил свою неудачную попытку измерить высоту Теньгум-Мана над уровнем моря с помощью аппарата Ренью и стал придумывать средство, как бы снова не испугать туземцев и сделать наблюдение. Придумав подходящий способ, я постарался заснуть, что мне вполне удалось. Было уже совершенно светло, когда я проснулся. Увидев, что в хижине уже было полное собрание туземцев, я нашел время удобным для опыта. Вставая, я стал хрюкать и потирать себе ногу, и когда туземцы спросили меня, что со мною, я ответил, что нога очень болит. Мои вчерашние спутники стали также охать и повторять: «самба борле» (нога болит). Я посидел, как бы что-то обдумывая; затем встал, говоря: «У Маклая есть хорошая вода: потереть ногу — все пройдет».

Все туземцы поднялись с нар посмотреть, что будет. Я достал мой гипсотермометр, налил из принесенной склянки воды, зажег лампочку, приладил на известной высоте термометр, сделал наблюдение, записал температуру и, сказав, что мне надо еще воды, сделал опять наблюдение и, записав снова температуру в книжке, слил оставшуюся воду в стакан и уложил весь аппарат в мешок.

Видя, что публики набралось очень много, я снял носок и усердно начал натирать ногу, наливая на нее воды; затем я снова улегся, сказав, что скоро боль в ноге пройдет. Все присели, чтобы посмотреть на чудо исцеления, и вполголоса стали говорить о нем. Минут через 10 я начал шевелить ногой, попробовал ступить на нее и, сперва хромя, уложил все вещи, а затем вышел из хижины уже совсем здоровым, к великому удивлению туземцев, видевших чудо и отправившихся рассказывать о нем по деревне. Это скоро привлекло ко мне разных больных, ожидавших быстрого исцеления от моей воды. Я показал им пустую склянку и сказал, что воды больше нет, но что в Гарагасси я могу найти для них лекарство.

Приготовление чая, новые вещи и невиданная процедура отвлекали внимание толпы. Я мог срисовать оригинальную хижину, в которой провел ночь. Она стояла позади других на небольшой возвышенности, состоящей из голой скалы, и не отличалась постройкою от прочих. Фасад ее был метра 3,5 в ширину, и средняя часть ее не превышала 3 или 3,5 м. Длина хижины равнялась 6 м; крыша по сторонам спускалась до самой земли. Размерами своими она была даже меньше многих других хижин; зато по обеим сторонам узкой и низкой двери, походившей более на окно, стояло несколько телумов. Некоторые из них были в рост человека. Над дверью висели кости казуара, черепах, собак, свиней, перья птиц, кожа ящериц, клювы *Buceros*, зубы разных животных и т. п. Все это вместе с телумами, серой старой крышей, обросшей травой, придавало хижине особый характер. Между четырьмя телумами один обратил на себя особенное внимание: он был самый большой, и хотя физиономией он мало отличался от остальных, но держал обеими руками перед прудью длинную доску, покрытую неправильными нарезками, похожими на какие-то иероглифы, почти потерявшие, впрочем, от ветхости свои контуры. Внутренность хижины тоже отличалась от прочих: над нарами был устроен потолок из расщепленного бамбука; там хранились разные музыкальные инструменты, употребляемые только во время «ай». Между прочим, мне показали с таинственностью, говоря при этом шопотом, большую деревянную маску с вырезанными отверстиями для глаз и рта, которая надевалась во время специальных пиршеств; ее название здесь «аин», и это была первая, которую

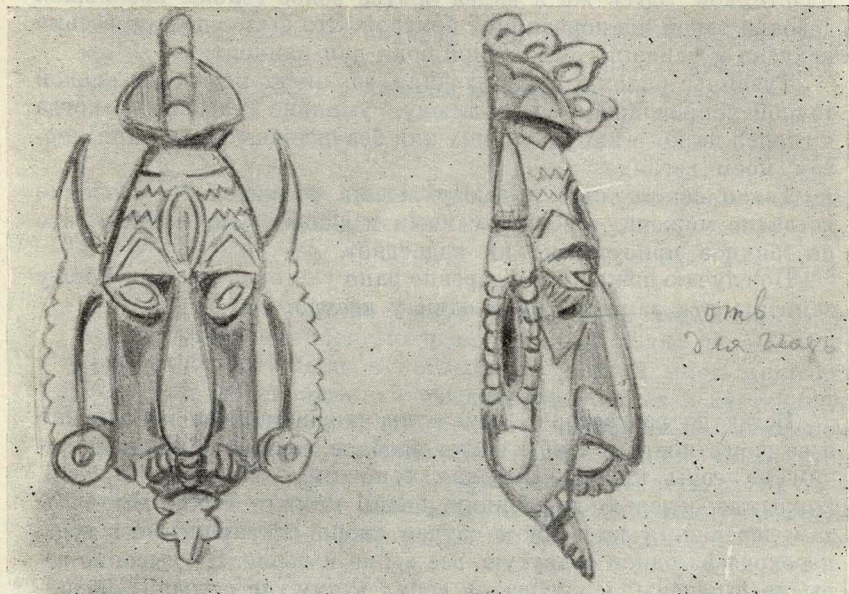
мне пришлось видеть. Задняя часть хижины была занята тремя большими барумами; большие горшки и громадные табиры стояли на полках по стенам рядом с тремя телумами; под крышей висели нанизанные рядами, почерневшие от дыма, кости черепах, птиц, рыб, челюсти кускуса, свиньи и т. п.; все это были воспоминания об угощениях, происходивших в этой хижине.

Не успел я кончить эскиз хижины и выпить чаю, как пошел дождь, который постепенно так усилился, что идти сегодня домой оказалось неудобным. Пришлось вернуться под крышу. Имея достаточно времени, я сделал с помощью камеры-люциды портрет одного из туземцев с очень типичной физиономией. Жители оказались здесь очень различного роста, цветом светлее прибрежных, но зато между ними встречаются чаще некрасивые лица, чем внизу. О женщинах и говорить нечего: уже после первого ребенка они здесь везде делаются одинаково некрасивы. Их толстые животы и груди, имеющие вид длинных, полупустых мешков почти в 1 фут длиной, и неуклюжие ноги исключают всякую претензию на красоту. Между девочками четырнадцати-пятнадцати лет встречаются некоторые, но и то редко, с приятными лицами. Я узнал, что жители соседней деревни, лежащей на северо-восток от Энглам-Мана, называющейся Самбуль-Мана, узнав о моем приходе сюда, явятся познакомиться со мною. Действительно, когда дождь немного перестал, на площадку пришли люди из Самбуль-Мана.

Я вышел к ним, пожал им руки и указал каждому место полукругом около меня. Когда я смотрел на кого-либо из них, он быстро отворачивался или смотрел в сторону до тех пор, пока я не переводил глаз на другое лицо или на другой предмет. Тогда он в свою очередь начинал рассматривать меня, оглядывая с ног до головы. Меня усердно угощали бетелем; я не чувствую отвращения к нему, но не люблю его главным образом потому, что вкус его остается во рту очень долго и изменяет вкус всех других съестных продуктов.

Люди из Самбуль-Мана во всем схожи с жителями Энглам-и Теньгум-Мана. У них также часто встречаются элефантиазис и другие кожные болезни; оспа тоже оставила на многих свои следы. Наречие Энглам-Мана немного отличается от наречия Самбуль- и Теньгум-Мана. Я собрал ряд слов всех трех диалектов.

После непродолжительной сиесты я совершил прогулку в лес; нашел тропинки хуже вчерашних. Видел несколько новых для меня птиц, не встречающихся внизу. После дождя в лесу раздавалось немало птичьих голосов; почти все были мне неизвестны. Я убежден, что орнитологическая фауна гор значительно разнится от береговой. Голод вернул меня в деревню. Один из

Папуасская деревянная маска

первых попавшихся мне навстречу туземцев спросил меня, ем ли я кур. Я ответил утвердительно. Тогда принесли двух кур и при мне размозжили им головы о дерево; затем вместо опищивания опалили или сожгли перья, принесли также несколько связок таро и стали его чистить. Все это были приношения отдельных личностей; меня угощала целая деревня. Один из туземцев, чистивших таро, попросил у меня для этого нож, но он действовал им не только хуже и медленнее, беспрестанно зарезая слишком глубоко, но под конец даже обрезался, после чего двое туземцев принялись за изготовление бамбуковых ножей.

Был принесен кусок старого бамбука, каменным топором обрублены оба конца и затем расколоты на тонкие длинные пластинки, которые, будучи согреты на углях, получили такую твердость, что ими можно было резать не только мягкое таро и ямс, но также мясо и даже волосы. Пример этого я увидел здесь же: один из туземцев, нечаянно попав ногой в лужу, обрызгал грязью волосы другого, после чего первый взял один из бамбуковых ножей и стал отрезать большие пучки волос, забрызганные грязью. Дело не обошлось без примас сидящего, но редким пожом можно резать столько волос зараз, как этой бамбуковой

пластинкой. Здесь же я видел бритье волос головы небольшой девочкой такой же деревянной бритвой. Это было сделано весьма искусно и успешно, без всякой боли для пациентки.

Туземцы положительно ходили за мною по пятам, целой толпой сопровождая меня всюду, умильно улыбаясь, когда я глядел на кого-нибудь из них или без оглядки убегая при первом моем взгляде.

Такая свита везде и всюду весьма утомительна, особенно когда не можешь говорить с ними и сказать им вежливо, что постоянное присутствие их надоедает.

По случаю дождя все в деревне рано улеглись спать, и я могу записать эти заметки, сидя один у костра.

1 и ю н я

Встав до рассвета, я один отправился бродить по деревне и ее окрестностям, чтобы найти удобное место с обширным видом на горы кругом. Высокие цепи их, одна выше другой, покрытые зеленью до вершин, очень манили меня. Были бы там деревни, я во всяком случае скоро отправился бы туда, переходя из одной в другую, все выше и выше. Но высокие горы не населены; я сперва не верил этому, но сегодня убедился: нигде в горах, выше Энглам-Мана, нет и признаков жилья.

Позавтракав, я стал торопить туземцев итти обратно. Человек 12 захотели итти со мною: одни, чтобы нести мои вещи, другие — свинью, подарок туземцев, третьи — ради прогулки. Один из намеревавшихся итти со мною, старик лет под 60, усердно обмахивал себе шею, спину и ноги зеленой веткой, постоянно что-то нашенывая. На мой вопрос, для чего он это делает, он мне объяснил, что дорога длинна и что для этого нужно иметь хорошие ноги и, чтобы иметь их, он и делает это. Отдав ветку одному из моих спутников, он сказал несколько слов, после чего и этот стал делать то же самое. Принесли горшок с вареным таро; когда его содержимое было разложено по табирам для моих проводников из Гумбу и моих новых спутников из Энглам-Мана, то один из последних взял тлеющую головню и, подержав ее над каждым блюдом, проговорил короткую речь, высказав пожелание, чтобы мы благополучно вернулись домой и чтобы с нами не случилось какого-нибудь несчастья.

Вследствие дождя дорога стала очень неудобной, но спускаться все-таки было легче, чем подниматься. Мы часто останавливались, чтобы партия женщин Гумбу, возвращавшаяся вместе с нами из Энглам-Мана, могла следовать за нами. Кроме прудного ребенка, почти у каждой лежал на спине громадный

мешок с провизией, подарок жителей Энлам-Мана; мужья же их несли одно только оружие. Я вернулся в Гарагасси не ранее 5 часов после с лишком восьмичасовой ходьбы.

2 июня

Был рад просидеть весь день дома и не видеть и не слышать с утра до вечера людей около себя.

3 июня

Убил в продолжение двух часов семь различных птиц. Между ними оказался молодой самец райской птицы (*Paradisaea apoda*), а также в первый раз убитый мною *Centropus*, последний редко летает, а обыкновенно бегаёт в кустарниках. Туземцы называют эту птицу «дум», подражая ее заунывному крику. Я много раз слышал этот крик, не зная, какая птица его производит. Перья у нее черно-зеленого цвета, хвост очень длинен сравнительно с небольшими крыльями. Не думаю, однако, чтобы это был новый вид, а не уже описанный *Centropus*.

6 июня

Старый Бугай из Горенду пришел в Гарагасси с людьми из Марагум-Мана, с которыми Горенду и соседние деревни заключили мир. Бугай с жаром рассказывал четырем пришедшим о могуществе моего страшного оружия, называемого туземцами «табу», и о том, как они уже имели случай удостовериться в его действии. Пока мы говорили тихо, прилетел большой черный какаду и стал угощаться орехами кенгара, как раз над моей хижинкой. Раздался выстрел, птица свалилась, а мои туземцы обратились в бегство. Торжествующий Бугай, и сам не мало струхнувший, вернул их, однако, уверяя, что Маклай человек хороший и им дурного ничего не сделает. Какаду оказался мне очень большим; когда я смерил расстояние между концами его крыльев, оказалось 1027 мм. Вернувшиеся туземцы, попросив спрятать «табу» в дом, подошли к птице, заахали и стали очень смешно прицеливать языками. Я им подарил перья из хвоста какаду, которыми они остались очень довольны, и несколько больших гвоздей; с последними они не знали что делать, вертя их в руках, ударяя один о другой и прислушиваясь к звуку, пока Бугай не рассказал им об их значении и о той многосторонней пользе, которую туземцы уже умеют извлекать из железных инструментов. После этих объяснений Марагум-Мана тамо завернули гвозди в старый маль, род папуасской тапы. Прислушиваясь к их разговору, я не мог ничего понять. Диалект был также отличен от языка Самбуль-и Энглам-Мана.

Вздумал пригласить жителей Горенду есть у меня свинью, подаренную мне в Энглам-Мана. Пока мы их ждали, Ульсон стал готовить суп и, отправившись за водой, оставил в кухне несколько кусков мяса. Пока он ходил туда, я заметил большую ящерицу, пробирающуюся с большим куском мяса из кухонного шалаша. Незначительный шорох заставил ее бросить добычу и скрыться. Наконец, мои гости пришли и пробыли до 5 часов. Они даже принесли с собою кеу; одним словом, распоряжались у меня в Гарагасси, как у себя дома. Мы расстались большими друзьями.

8 июня

Полагая, что мне удастся добыть вчерашнюю большую ящерицу, я снова положил несколько кусков мяса в кухню и предупредил Ульсона не входить туда. Действительно, через полчаса ожидания я заметил ящерицу: она осторожно пробиралась между хворостом. Не желая раздробить ей кости дробью, я взял револьвер и убил ее. Длина ее туловища была больше метра. Пришедшие туземцы очень меня упрашивали дать им шкуру легуана. Они обтягивают ею свои «окамы» (небольшие барабаны). Мясо ящерицы также очень ценится.

13 июня

Небольшой кускус, которого я приобрел несколько недель тому назад, живет и растет отлично. Ест все — рис, аян, бау, кокосовые орехи, сладкий картофель и очень любит бананы. В продолжение дня спит обыкновенно свернувшись, но все-таки ест, если ему дадут; ночью же немилосердно прызет дерево ящика, куда я его сажаю.

14 июня

Приходили туземцы с просьбой указать им место, где находятся их три больших «ненира» (корзина для рыбной ловли), которые были снесены в море, несмотря на якоря. Они были крайне разочарованы, услышав, что я не знаю, где они находятся. Зайдя в Горенду, я был окружен женщинами, просившими меня дать имя родившейся день или два тому назад девочке. Я назвал несколько европейских имен, между которыми имя Мария им понравилось более всех. Все повторяли его, и мне была показана маленькая обладательница этого имени. Очень светлый цвет кожи удивил меня; волосы также не были еще курчавыми.

17 июня

Было большое угощение жителей в Горенду, на которое и я был приглашен. Не менее как 8 больших связок таро, из

которых каждую несли по два человека, очень большая свинья, несколько собак и один кускус с разными аксессуарами папуасской кухни были очищены, сварены в сорока и более громадных горшках и, наконец, съедены при звуках разнокалиберных папуасских ай и барума. Это угощение отличалось от других тем, что происходило в деревне и что женщины хотя и отдельно, но участвовали в нем. Музыканты же не переступали порога буамрамры.

18 июня

Встречаясь с туземцами или проходя через деревню, приходится постоянно отвечать на вопросы, как, напр.: «Куда идешь?», «Что сегодня убил?» и т. п. Возвращаясь назад, снова приходится отвечать на вопросы: «Где был?», «Что ел?», «У кого?», «Что несешь?» и т. д. Это любопытство нельзя, однакоже, считать характерным для черного племени; оно не меньше развито и среди образованных европейцев, только вопросы задаются другого рода.

Ульсон жалуется постоянно на нездоровье; работа его ограничивается варкой бобов, бау и едой. Такие субъекты, как он, наводят скуку. Ему сегодня нездоровилось. Он уверял, что чувствует приближение сильного пароксизма. Мне пришлось готовить, но я предпочел бы есть почти сырые бобы и недоваренный бау, чем смотреть за огнем и раздувать его.

20 июня

Туземцы начинают собирать орехи кенгара (*Canarium Comtine*). Несколько человек влезает на дерево и сбрасывают ветки с множеством орехов; под деревом место очищено от мелких кустарников, и женщины и дети собирают сброшенные орехи. Так как черные какаду питаются в это время исключительно кенгаром и уничтожают в день значительное количество его, то месяца уже 3 или 4 как мне приходится частенько слушать крики папуасов, которые ежедневно несколько раз приходят под деревья спугивать какаду. Эти дисгармонические человеческие крики часто в последнее время нарушают тишину леса.

Встал с головной болью, но, несмотря на это, отправился на охоту. Пароксизм захватил меня, и мне пришлось лечь в лесу, так как я был не в состоянии оставаться на ногах по случаю головокружения и сильной головной боли. Несколько часов пролежал я в лесу и, как только стало немного лучше, еле-еле добрался домой. Пришлось лечь, и сильнейшая головная боль промучила меня далеко за полночь.

Последние дни мне не приходилось ходить на охоту. Растущие у самого дома большие *Canarium* были покрыты спелыми орехами.

Разные виды голубей прилетали с утра и доставляли провизию для завтрака или обеда. Эти дни приходил ко мне несколько раз Коды-Боро, брат туземца, которого один из офицеров «Витязя» прозвал диким, похожим на черта. Он приходил с настойчивым приглашением приехать в Богати, уверяя, что там всего много, предлагая, подобно жителям Били-Били, построить мне хижину и прибавляя, что люди Богати дадут мне двух или трех жен, что женщин там гораздо больше, чем в Бонгу, и т. д. Он как-то недоверчиво посмотрел на меня, когда его предложения не произвели желанного эффекта.

Убив голубя и какаду на моем дереве, я позволил Дигу влезть на него за орехами. На высокий, гладкий, толстый ствол Дигу влез так же, как туземцы влезают на кокосовые пальмы, т. е. при помощи связанной веревки, которую надевают себе на ноги. Он взобрался на самый верх и стал кидать оттуда орехи. Я, Ульсон и восьмилетняя дочь Буа подбирали их. В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе: так хороши были ее глаза и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом.

Довольно характерная черта туземцев та, что они очень любят поучать других, т. е., если кто-нибудь делает что-нибудь не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действий. Это заметно даже в детях; много раз маленькие дети, лет шести или семи, показывали мне, как они делают то или другое. Это происходит оттого, что родители очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и даже научились более или менее всем искусствам и действиям взрослых, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту. Дети мало играют; игра мальчиков состоит в метании палок, наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, стараясь попасть из лука в какую-нибудь рыбу. То же самое бывает и с девочками, и даже в большей степени, потому что они раньше начинают заниматься хозяйством и делаются помощницами своих матерей.

Погода великолепная.купаюсь в море несколько раз в день. По вечерам не хочется входить в хижину. Температура, однако, не превышает 31°.

1 июля

Между многочисленными птицами самым заметным после черного какаду является «наренг» (*Buceros*) не только по своей величине, большому, немного загнутому клюву, но и по шуму полета, который слышится уже издали.

Эти птицы летают очень высоко, обыкновенно попарно, садятся на вершины самых высоких деревьев и при малейшем шуме улетают. Несмотря на все старания, мне не удалось пока застрелить ни одного.

Сегодня в продолжение трех часов, по крайней мере, я провозился с одним из них. Ранив его, но очень мелкой дробью и, вероятно, незначительно, я проследил его далее в лесу. Снова выстрелил и, по всему вероятно, опять-таки попал, так как наренг не улетел, только перелетел на соседнее, более высокое дерево. Заметив это место, я вернулся позавтракать и снова возвратился туда, где оставил птицу. Пробираясь в лесу, попал в такую чащу, что был сам не рад. Десятки тонких лиан, гибкие, колючие хвосты *Calamus*, цепляющиеся за платье, царапающие лицо, сбрасывающие шляпу, задержали меня минут около десяти. Это было тем более досадно, что птица оказалась все еще на дереве. Выбравшись, наконец, из чащи, я приблизился к дереву, так что наренг увидел меня, но все-таки остался на месте, стал кричать очень громко, точно протестуя против преследования, и бить одним крылом; другое висело без движения. Он, однако, попытался, продолжая кричать, взлезть выше. Густые листья скрыли его из виду, но я мог слышать иногда его голос. Явился другой наренг и с криком стал летать, описывая большие круги над деревом, где сидел его раненый товарищ.

Исколотые ноги, солнце, особенно же муравьи обратили мое пребывание под деревом в добровольную пытку. Дерево было высокое, и, для того чтобы следить за движениями птицы, приходилось смотреть постоянно вверх; через полчаса шейные мускулы очень устали; глаза, которым приходилось плохо от солнца и от освещенных листьев, почти отказывались служить; но я все-таки сидел и ждал. Наренг не показывался, но откликался на постоянный крик товарища, который в сотне шагов перелетал с дерева на дерево. Головокружение и головная боль заставили меня, наконец, вернуться домой. Проспав около часа, я вернулся обратно. Раненый все еще находился там, но товарищ его улетел при моем приближении.

4 июля

Погода стоит замечательно хорошая. Занимался микроскопическим исследованием волос паусов. Нашел большое разнообразие в толщине и контурах поперечного разреза волос, срезаемых с различных частей тела одного и того же человека. У белой расы не только толщина, но и цвет волос, растущих в разных частях тела, различны.

Проходя недалеко от дерева, где два дня тому назад я оставил раненого наренга сидящим высоко на дереве, а другого — летающим около него, я подошел к тому месту и, к удивлению моему, увидел обеих птиц в том же положении, как и 48 часов тому назад.

10 июля

В Горенду Туй строит новую хижину с помощью людей Горенду, Гумбу, Бонгу, за что угощает их по вечерам. По случаю постройки несколько раз слышался барум.

11 июля

Около 4 часов был довольно сильный шквал с дождем, затем прояснило, ветер спал, и я сидел на веранде, рисуя кое-что. Вдруг мне почудилось, что большое дерево напротив как будто покачнулось. Следующая мысль была, что я, вероятно, дремлю и вижу это во сне. Не успел я додумать, быстрее, чем я теперь это записываю, громадное дерево сначала медленно, затем быстрее, быстрее склонилось, рухнуло и легло не более как шагах в двух от хижины, перпендикулярно к ее фасаду, или веранде. Дерево было совсем зеленое и казалось совершенно здоровым, только в метрах двух от земли (место перелома) оно было почти что проедено личинками разных жуков. Высота дерева оказалась 96 футов, и если бы оно свалилось на хижину, то проломило бы крышу, переломало бы много вещей и, пожалуй, ранило бы одного из нас. Сегодня я поверил предостережению туземцев, что деревья в Гарагасси могут убить меня. Особенно странно было то обстоятельство, что, когда это случилось, ветра уже почти что не было.

12 июля

В последнее время туземцы часто говорили мне: «Завтра будут жечь унан; много будет там диких свиней и других животных. Маклай пойдет со своим «табу» бить свиней, мы же придем с нашими копьями, луками и стрелами». Но это «завтра»

все откладывалось, а сегодня в деревне меня снова уверили, что завтра непременно будут жечь унан, и некоторые заявили, что придут за мною около полудня. Увидим.

13 июля

Не было еще 11 часов, и я не думал собираться на новую для меня охоту, как вдруг послышались приближающиеся голоса, и затем скоро явилось несколько жителей Бонгу в полном воинском убранстве, с туго натянутыми луками и множеством вновь заостренных стрел разного рода. Каждый имел по два копья, концы которых были натерты красной землей, как бы уже покрытые кровью. Кроме развевающихся на голове перьев, в волосах туземцев красовались алые цветы китайской розы; за «сагю» были заткнуты ветки с красно-желтоватыми листьями разных видов *Coleus* или длинные темнокрасные листья *Colodracon*. При каждом движении все эти украшения развевались и производили блестящий своеобразный эффект. Пришедшие за мною объявили, что унан уже горит и что следует идти немедленно. Накинув на себя охотничью сбрую и захватив кое-что на завтрак, я отправился, сопровождаемый пестрой свитой.

Пройдя ближайшей тропинкой лес и подходя к опушке, я услышал шум, похожий на плеск водопада, масса воды которого то увеличивается, то уменьшается. Выйдя из леса, я увидел в сотне шагов, у самой земли, полосу огня, которая удалась от нас, оставляя после себя черные обгорелые следы унана и груды легкого пепла. Столбы дыма поднимались около Горенду, далеко на юго-запад, у самого края около Бонгу, и с другой стороны на восток за Гумбу, около берега реки Габенеу. Пожар только еще начинался, и мы расположились в тени, у опушки леса. Я принялся завтракать, туземцы курить и жевать бетель. Через три четверти часа огонь отодвинулся от опушки приблизительно на полмили, и, благодаря норд-весту, дым шел в противоположную от нас сторону.

Мы пошли по сожженной поляне, которая оказалась далеко не такой ровной, как я себе ее воображал: она вся, насколько я мог обнять глазом, была покрыта кочками футов около 5 высотой, и приблизительно футов 10 или 12 в диаметре у основания. Эти кочки были неравной величины и состояли из земли и мелких камней. Происхождением своим они, вероятно, обязаны земляным постройкам *Maleo*. В лесу находятся подобные же кочки, но реже.

Мы подошли шагов на десять к линии огня, и каждый из нас избрал себе кочку для наблюдения; таким образом, параллельно огневой линии, образовалась цепь охотников, следящих за движением пламени и готовых напасть на добычу. Пожар то

увеличивался, то уменьшался; по временам целая стена буро-белого дыма поднималась к небу, и пламя большими языками несло по ветру; порой же пламя почти потухало, пелена дыма разрывалась, открывая вид на далекие горы и ближайший лес. Вдруг неожиданно дым столбом поднимался вновь, двигался, ложился, и пламя тонкими змейками вилось над почерневшей землей. Туземцы, стоя в воинственных позах, держа луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой — копье, над плечом на перевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти-одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером того, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение. Сухой унан трещал, вспыхивал, падал; иногда порыв юго-восточного ветра гнал массу дыма на нас; легкий пепел травы влетал нам в нос, заставляя чихать и кашлять. Иногда огонь, точно недоумевая, кидался в разные стороны, возвращался назад и прибавлял духоту к жаре уже и без того палящего солнца.

Очень утомившись, я положительно заснул бы стоя, если бы по мере удаления огня голос соседнего часового не напоминал мне, что надо идти вперед. После томительных двух часов мы дошли до противоположной стороны. Наша линия сошлась с встречной линией. Взоры туземцев, внимательно исследуя почерневшую поляну, ничего не находили, и, когда последние стебли вспыхнули и потом мелким дождем пепла разлетелись по воздуху, я услышал от ближайшего охотника неутешительное «буль арен» (свиньи нет). Мы сошли со своих кочек. Несколько жителей Гумбу, образовавших противоположную линию, тоже заявили, что ничего не видели.

Я остановил одного из них, за спиной которого, привязанное к копы, висело новое для меня животное, похожее на большую крысу. Я занялся рассматриванием его: волосы были интересны тем, что походили на плоские иглы, хотя и эластичные. Они были отчасти опалены, так же как и ноги и морда, а высунутый язык немного обуглен. Животное, вероятно, задохлось от дыма.

Я рассматривал его острые зубы, как вдруг крик отошедших в сторону туземцев: «буль, буль!» заставил меня оглянуться. В сотне шагов, лавируя между многочисленными копьями, которые со всех сторон вонзались в землю, бежала большая свинья. Я выхватил двуствольное ружье из рук туземца, который держал его, пока я рассматривал новое для меня животное. Подпустив свинью шагов на 20, я выстрелил. Пуля пробила ей грудь, но ниже сердца. Свинья пошатнулась, однако кинулась в сторону и пробежала мимо меня. Я снова прицелился и раз-

дробил ей заднюю ногу. Свивья остановилась на несколько секунд, но, видя мое наступательное движение, снова отбежала на несколько шагов. Вынув револьвер, я стал подходить. Животное, поднимая верхнюю губу и показывая почтенные клыки, издавало глухое рычание.

С каждым выстрелом я подходил ближе и остановился шагах в шести от свиньи, которая свалилась на сторону, но иногда все еще приподнималась и показывала клыки. Подбежавшие туземцы не дали мне времени выстрелить: один копьем пробил ей бок, другое копьё пролетело мимо, а из трех стрел одна («па-лам», с широким, плоским бамбуковым концом) вонзилась в шею животного. Оно имело еще настолько силы, что несколькими движениями освободилось от копья и стрелы, конец которой остался в ране. Желая покончить с нею, я подошел с противоположной стороны, хотя охотники и кричали мне, чтобы я не подходил, и, выбрав момент, вонзил свой длинный нож по рукоятку ей в бок, немного позади передней конечности. Струя теплой крови покрыла мою руку, и животное окончательно свалилось. Окружившие нас туземцы единогласно объявили свинью моею и стали расхваливать мое «табу» и меня самого.

Далекие крики возвестили о том, что можно рассчитывать еще на добычу. Я снова зарядил ружье. Охотники один за другим удалились, раздраженные первой неудачей. Я же, найдя удобную кочку, сел и стал ждать. Вдали слышались крики: «Буль, буль, буль!» Голоса издали призывали меня. Затем туземцы вернулись и рассказали мне, что там были еще две свиньи, но они ушли, потому что не было меня и моих «табу». Партия людей Бонгу пришла объявить, что они убили одну свинью, но что при этом Саул, которого она повалила, был так ею искусан, что бок, рука, голова и глаз были все в крови, когда его отвели в Бонгу. В свою очередь мои спутники рассказали о наших похождениях, о «табу» и о большом «буль» Маклая. Мы отправились к убитому животному, и на вопрос, куда его нести, я сказал, что беру голову и заднюю ногу себе, а прочее отдаю людям Бонгу, что, оставив ружье дома, я пойду в Бонгу перевязать раненого Саула и что приглашаю всех ко мне покурить моего табаку. Все остались довольны, и мы двинулись вперед длинной процессией.

Туземцев было человек сорок. Когда они расположились, куря, на площадке Гарагасси, я увидел, кроме животного, о котором уже говорили выше, называемого туземцами «габенеу», еще вид мыши и большого серебристо-белого маба. Приобретя его, а также несколько экземпляров других животных для коллекции, я поспешил в Бонгу к раненому. Меня встретили плачущие женщины и сын его. Кроме множества мелких ран, оказались две глубокие на руке, одна сбоку живота, несколько

других около глаза, на лбу, за ухом, на шее, но все это были только царапины. Запекшаяся кровь с пеплом и грязью придавали еще более жалкий вид раненому, который, размахивая здоровой рукой, рассказывал окружающим, как он вонзил свое копьё в смертельно раненую свинью, как та внезапным движением переломила копьё и спибила его самого с ног (обе ноги рассказчика были сильно увеличены в объеме вследствие элифантиазиса), как, поранив его, свинья пробовала бежать, но издохла. Его товарищи, думая, что Саул справится один со свиньей, которая уже была сильно поранена, занялись другой и не видели происшедшей с ним катастрофы. Я потребовал воды, напел ее, обмыл раны, затем перевязал их с карболовым маслом. Присутствующие внимательно следили за моими движениями, повторяя, что я хороший человек.

Солнце стояло низко, когда я пришел в Горенду, где, между тем, борову опалили щетину и ждали меня, чтобы я взял свою часть. Я отрезал голову и заднюю ногу и, несмотря на приглашение почевать, или, вернее, провести с туземцами бессонную ночь, взвалил на плечо добычу сегодняшнего дня и отправился домой. Ноша была, однако, так тяжела, что пришлось отдыхать раза два. В восьмом часу я сел спокойно в свое кресло обедать, очень голодный, так как почти целый день был на ногах и мало ел.

Удары в барум в Горенду возвестили соседним деревням о начале «ай», который должен был продолжаться всю ночь и весь завтрашний день. Лунная ночь была тиха, и звуки труб и других инструментов доносились очень внятно. Отдохнув часа два и не будучи в состоянии заснуть, я вздумал отправиться снова в Горенду, желая вполне познакомиться с папуасским «ай» и взглянуть, что они там делают по ночам во время этих пиршеств. Я взял с собою Ульсона, которому очень хотелось побывать во время «ая» в деревне. Вооружившись фонарем, так как на луну нельзя было надеяться (ее часто закрывали черные тучи), мы отправились. Пришлось идти очень медленно, потому что Ульсон, не привыкший к здешним тропинкам, спотыкался и падал несколько раз. Подходя к площадке «ая», я закрыл свет фонаря и тихо приблизился.

На площадке пылал большой костер, над которым был устроен род большой жаровни (более 1 м высоты, 2 м длины и около 1 м ширины). На ней пеклись куски свинины. Кругом, сидя, лежа, стоя, туземцы занимались своей музыкой. Каждый по обыкновению старался заглушить остальных своим инструментом. Некоторые спали. Жир, в изобилии капавший с жаровни, увеличивал по временам пламя, освещавшее всю картину.

Раздавшийся внезапно звук моего свистка заставил на несколько минут смолкнуть нестройную музыку, потом послы-

шались возгласы: «О Маклай, гена! Анди гена!» и т. п. Я отыскал себе удобное место на цыновке, но оставался недолго, так как замолкнувшая было музыка возобновилась с новой силой.

14 июля

Ходил утром в Бонгу, чтобы перевязать раны Саула. Узнал, что при вчерашней охоте людьми трех деревень были убиты, кроме множества мелких животных, пять больших свиней, не считая той, которую убил я. Я поспешил вернуться в Гарагасси, где занялся рисованием и препарированием купленных мною вчера животных (*Brachymeles Garagassi* McL).

16 июля

Туземцы окрестных деревень снова заняты выжиганием травы и охотой, от которой я сегодня отказался. Хотел сделать портрет Налаа, но он и другие около него стоявшие туземцы заявили, что, если я это сделаю, он скоро умрет. Странное дело, что и в Европе существует подобное поверье.

17 июля

Прибирал и чистил вещи в хижине. Если по временам не делать этого, то трудно было бы войти в мою келью в 7 кв. футов.

Был снова в Бонгу у раненого. Около нас собралось целое общество, но каждый был чем-нибудь занят: один кончал новую «удья-саб» и скреб ее раковиной, другой такой же раковиной заострял концы своего юра, третий уже ножом, полученным от меня, строгал конец своего копья, сломанного во время последней охоты. Женщины искали вшей в головах мужчин, дети (подростки) были заняты тем же. Двое женщин распространяли свою любезность и на собак и ловили у них блох, причем собаки послушно лежали у них на коленях. Когда я собрался итти, Бугай, один из жителей Горенду, также поднялся, чтобы итти со мною. У берега моря Бугай подошел к дымящемуся толстому стволу, прибитому давным-давно приливом. К моему удивлению, он стал с большим аппетитом глотать целые пригоршни золы.

Не понимая, что это за особенное дерево, я также попробовал золу, и она оказалась приятного соленого вкуса. Этот ствол, долго носимый волнами, источенный морскими животными, вообрал в себя такое количество соли, что зола его отчасти может заменить обыкновенную соль. Бугай сказал мне, что золу эту многие едят с бау, аяном и другими кушаньями. Для меня это

очень полезное открытие: моя соль уже совсем на исходе, и я все ем без соли, за исключением мяса. Я обратил внимание на донган, заткнутый за браслет Бугая: он был сделан из кости животного, которого я еще здесь не видел. Оно называется туземцами «тиболь» и водится в лесах, но встречается также на полянах унана. По словам туземцев, тиболь имеет длинный толстый хвост и высоко прыгает.

30 июля

Лихорадка сильно беспокоила меня и заставила потерять несколько дней. Ульсон также хворает, даже чаще меня.

У входа в Горенду, на пригорке, сидела девочка, лет десяти, и бросала вниз кокосовые орехи. Несколько мальчиков, пяти — десяти лет, с заостренными палками стояли по сторонам, стараясь, бросая палку, вонзить ее в упругую скорлупу ореха. Эта сцена представилась мне, когда я пришел сегодня в деревню. Пожалел, что я недостаточно художник, чтобы набросать оживленную картину.

Сахарный тростник, которого не было видно некоторое время, опять появился и опять жуется туземцами в большом количестве.

31 июля

Несколько туземцев приехало в Гарагасси на своих пирогах; некоторые по обыкновению уселись у самой лестницы, ведущей к моей веранде. Болтали об охоте, просили перьев и т. д. Вдруг один из них, точно ужаленный, в два прыжка соскочил с лестницы с криками: «Маклай, гена, гена!» (Маклай, иди, иди сюда!); остальные последовали его примеру. Не понимая, в чем дело, я спросил туземцев, но не успел получить ответа, как над головой, на крыше, услышал сильный удар, и столб пыли ослепил меня. Дождь сучьев разной толщины падал на землю у самой веранды. Некоторые из них были достаточно толсты, чтобы, упав с высоты 70—80 футов, серьезно ранить человека. Оказалось, что Буа, соскочивший первым, услышал над головой легкий треск и, зная, что он мог значить, поднял тревогу. Туземцы очень боятся падения деревьев и сухих сучьев, которые, падая, могут причинить смерть или опасную рану. Уже давно они находят положение моей хижины в Гарагасси небезопасным и весьма часто предлагают или переселиться в Горенду или Бонгу, или построить новую хижину в другом месте. Отчасти они совершенно правы, но возня, сопряженная с постройкой и переселением, так неудобна для меня, что, полагаясь на «авось», продолжаю жить здесь.

В Бонгу, куда я хожу каждый день перевязывать раны Саула, я присоединился к группе курящих, жующих бетель и разговаривающих, надеясь узнать что-нибудь новенькое из разговора с ними. Завел речь о названиях разных народностей и мест. Желал узнать, имеют ли жители этого берега общее название; такового, однако, не оказалось, хотя туземцы хорошо понимали, что я желаю знать. Они называли людей, прибавляя к слову «тамо» название деревни. Рассказывали, что жители деревень в горах на северо-востоке, которых называли «тамо дева», пробуравливают себе ноздри и вставляют в них перья.

Потом разговор зашел о моей хижине, о падении сухих ветвей и т. д. Мне опять предлагали построить новую хижину. Угощение следовало своим обычным порядком: сначала выпили кеу, потом, отплеываясь и делая разные гримасы, вызванные горечью напитка, принялись за наскобленный кокос, затем за груды вареного бау, аяна и каинды; в качестве десерта следовало жевание бетеля, а затем курение. Это обыкновенный порядок туземных угощений. Я не принимал участия ни в первом, ни в обоих последних отделах ужина, поэтому отправился ранее других в обратный путь.

У одной хижины я остановился, чтобы пропустить целую вереницу женщин. Среди них было много гостей из других деревень. Когда я остановился, около меня собралась группа мужчин.

Женщины, выходя из леса и завидя нашу группу, сейчас же весьма заметно изменяли походку и, поровнявшись с нами, потупляли глаза или смотрели в сторону, причем походка их делалась еще более вертлявой, а юбки еще усиленнее двигались из стороны в сторону.

Я так запоздал и было так темно, что мне пришлось ночевать в Горенду. Нары оказались гораздо удобнее моей койки и мягче, и, закрывшись новыми циновками, я проспал недурно, хотя несколько раз просыпался от жесткости толстого бамбука, заменявшего подушку. Когда лежишь на спине, бамбук представляет довольно удобную подушку, но она делается неудобной, как только ляжешь на бок; надо ухитряться спать на спине и не ворочаться.

1 августа

Рассматривая мой метеорологический журнал за 10 месяцев, можно удивиться замечательному постоянству температуры: редко бывает в тени 32° Ц, большей частью 29 или 30°; ночью на 7—8, очень редко 10° холоднее дневного максимума. Притом здесь нет, собственно, дождливого времени года: дождь распре-

делен довольно равномерно на каждый месяц. Несмотря на приятный климат, одно скверно — лихорадка.

4 августа

Четыре или пять пирог пристали к берегу около Гарагасси. Туземцы из Бонгу принялись усердно колоть в щепки ствол, почти в 40 м длины; он был принесен приливом еще в марте и пролежал здесь около пяти месяцев. Мне объяснили, что завтра они собираются в Теньгум-Мана и эти щепки отнесут в подарок горным жителям, которые, сжигая их, получают пепел, употребляемый ими вместо соли. В прибрежных деревнях прибавляют к пресной немного морской воды; горные жители заменяют это пеплом. Нагрузив все пироги, туземцы отправились к себе, обещая вернуться.

7 августа

Почти каждый день лихорадка. Остаюсь на ногах до последней возможности. Хины остается мало. Вчера целый день раздавались в лесу удары топоров. Отправился посмотреть, что там делается. Значительное пространство леса было очищено от кустов и лиан, у больших деревьев обрублены ветви, оставлены только самые толстые сучья; несколько больших деревьев повалено, — и все это в два дня. Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор. Муравьи — желтые, черные, коричневые, белые, большие, малые, — потревоженные или лишенные своих жилищ, заставили меня уйти.

9 августа

Приходили люди Бонгу с гостями из Били-Били. Один из прибывших просил очень послушать гармонику Ульсона. Когда последний пошел за нею, туземцы поспешили окутать голову бывшего с ними пятилетнего мальчика своими пальцами, чтобы он не видел «ай». Когда Ульсон кончил играть и ушел, ребенка освободили.

13 августа

Сидел дома и писал антропологические заметки о туземцах этого берега, которые намерен послать академику Бэру. Пришло очень большое число жителей окрестных деревень, одни только «тамо боро», с весьма странной просьбой: они хотят, чтобы я навсегда остался с ними, взял одну, двух, трех или

сколько пожелаю жен и не думал уехать снова в Россию или куда-нибудь в другое место. Они говорили так серьезно, один после другого, повторяя то же самое, что видно было, что они пришли с этим предложением после долгих общих совещаний. Я им отвечал, что если я и уеду (в чем я нисколько не был, однако, уверен), то вернусь опять, а что жен мне не нужно, так как женщины слишком много говорят и вообще шумливы, и что этого Маклай не любит. Это их не очень удовлетворило, но они остались во всяком случае довольны табаком, который я роздал членам депутации. Вот уже месяцев шесть, как Ульсон и я каждый вечер кладем на костер большое бревно, чтобы поддержать огонь до следующего утра, так как приходится быть экономными со спичками и не дойти до необходимости бегать в Горенду в случае, если костер погаснет. Иногда мы заменяем обыкновенное дерево обрубком, пролежавшим долго в морской воде, и совершенно *à la rароца* * собираем белый пепел, который и употребляем как соль. Чтобы выпаривать морскую воду на огне, нужно слишком много дерева, а для добывания соли посредством испарения на солнце у меня не найдется достаточно большого и плоского сосуда.

Я, впрочем, легко и скоро отвык от соли и не замечаю никакого вредного действия для здоровья от ее недостатка.

15 августа

Утром на охоте, когда я шел по тропинке около плантации, шорох между сухими листьями заставил меня остановиться. Прислушиваясь к шуму, я заметил пагах в двадцати между деревьями, около сухого пня, небольшое животное. Это был небольшой кенгуру рыжевато-серого цвета, которого туземцы называют «тиболь». Я выстрелил и ранил животное, так что его легко было словить. Очень обрадованный своей добычей, я вернулся домой немедленно, забыв, что не застрелил ничего для завтрака или обеда, но мне было не до того, чтобы думать об этом.

Вот уже около года, как я здесь, и это был первый экземпляр тиболя, который мне удалось добыть. До этого времени я ни разу не видел подобного.

16 августа

Пригласили меня в Бонгу специально, чтобы попробовать еще невиданное мною кушанье «таун», приготовление которого довольно сложно. Сперва с этих орехов снимается шелуха,

* — подобно папуасам.— *Ред.*

они складываются в корзины и вымачиваются дней 10 или более в морской воде; затем их растирают и смешивают с наскобленным кокосовым орехом, после чего полученное тесто, разделенное на порции, завертывается аккуратно в банановые листья и варится около трех часов, после чего таун готов и раскладывается небольшими пакетиками на чистые циновки. Таун мне понравился, несмотря на какой-то запах гнили (орех, должно быть, отчасти гниет во время пребывания в морской воде). Принимая во внимание сложность приготовления, трудно догадаться, каким образом туземцы дошли до открытия подобных кушаний. Вся деревня принимает участие в таких экстраординарных угощениях.

Видел сегодня в Бонгу самый большой каменный топор, какой только мне случилось встретить; шириной он был около 12 см и замечательно хорошо отшлифован.

20 августа

Я сидел в Горенду, куда пришел за аяном, и разговаривал с окружавшими меня туземцами, как вдруг раздались пронзительные вопли и причитания, совершенно подобные тем, которые я слышал в Гумбу при похоронах Бото. Голос был женский, и скоро показалась сама плачущая; обеими руками она закрывала глаза или утирала слезы, шла медленно и крикливо, нараспев голосила какие-то слова; немного поодаль за ней следовало несколько женщин и детей, также понуря голову, но молча. Я спросил: «О чем это плачет и кричит Кололь?» (имя женщины). Оказалось, что ночью издохла большая свинья плачущей, желая пробраться между колями забора в огород. Кололь отправилась к себе в хижину и продолжала голосить, как по покойнику. Такая привязанность женщин к свиньям может быть отчасти объяснена тем, что в этих странах, как упоминалось выше, некоторые женщины кормят поросят грудью. Так было и в настоящем случае. Когда я, смеясь, заметил, что свиней много, она отвечала, указывая на груди, что она сама вскормила эту.

Подобные сцены случаются здесь в деревнях нередко. При каждой неудаче, потере, смерти обязанность женщин — кричать, выть, плакать. Мужчины ходят молча, насупясь, а женщины воют. Двое туземцев принесли издохшую свинью. Она была назначена Аселем, которому принадлежала, быть отправленной в Бонгу, куда ее и понесли. Такие обоюдные подарки, от одной деревни другой, здесь общее правило. При отправке свиньи из Горенду ударили в барум. Около получаса спустя послышался барум в Бонгу, обозначающий получение свиньи и начало «ая».

Вчера вечером собрался в Били-Били, завязав обе двери не веревкой, а белой ниткой, которой опутал их, как паутиной. Ночью ветер был слаб, зыбь, однако, значительная; к рассвету, после небольшого шквала с дождем с норд-норд-веста, совсем заштило. Через час гребли, очень утомительной по случаю штиля и солнечного жара, мы подошли близко к Били-Били. Туземцы толпой шли вдоль берега, распевая песни, в которые часто вплетали мое имя. Несколько пирога выехало к нам навстречу, и жители Били-Били, стараясь говорить на диалекте Бонгу, который я понимаю, напереерыв уверяли меня, как они рады моему приезду. Красивый островок с густой растительностью, толпа туземцев у берега, разукрашенных цветами и листьями, пироги вокруг шлюпки, песни, громкий разговор, шутки и крики туземцев — все это живо напоминало мне описание островитян Тихого океана первыми мореплавателями.

Выбрав место у берега, я направил туда мою шлюпку. Когда она врезалась в песок, десятки рук потащили ее выше на отлогий берег. Был уже девятый час, и, выпив воды кокосового ореха, я почувствовал сильное желание заснуть, так как всю ночь не пришлось спать. Это желание нетрудно было исполнить, и я расположился, как и в первый приезд, в одной из указанных мне туземных пирог.

Отдохнув, я занялся рисованием. Рисовал, что приходилось: и хижины, и пироги, делал и портреты, снимал факсимиле с разных папуасских орнаментов, выпарапанных на бамбуке. Обходя деревню, я останавливался около многих хижин. Около одной из них несколько туземцев работали над большим веслом, причем можно было видеть, как железо легко вытесняет из употребления в качестве орудий раковины и камень. Небольшой обломанный гвоздь, тщательно обточенный на камне, в виде долота, в руках искусного туземца оказался превосходным инструментом для вырезания прямолинейных орнаментов. Работа была долгая, но все же гораздо легче и проще резьбы камнем или раковинной.

У многих хижин висели вновь покрашенные белой и красной краской щиты, которые не встречаются у моих соседей, но в большом употреблении у жителей других островов, как, напр., Тиара и Митебог. Они сделаны из одного куска дерева, круглы, имеют от 70 см до 1 м в диаметре и около 2 см толщины. На передней стороне около края вырезано два концентрических круга; фигуры посередине представляют значительное разнообразие. Щиты эти раскрашиваются только в исключительных случаях.

Некоторые из туземцев, желая показать мне свою ловкость, схватили копья, одели щит на левую руку так, чтобы середина его приходилась почти у плеча, и стали производить разные воинственные эволюции, причем щит закрывал голову и грудь и мог очень порядочно защищать их от стрел и копий.

23 августа

Собирался отправиться в Тиару (остров и деревня того же имени), который лежит, сам не знаю где, но так как дует свежий норд-норд-вест и на море сильная зыбь, то туземцы просят подождать хорошей погоды; норд-норд-вест, дуя с открытого моря, сопровождается обычно значительной зыбью и называется у туземцев «карог»; вест-норд-вест также очень обыкновенный здесь ветер, но он не сопровождается сильным волнением, ибо дует с берега; он называется «яварь».

Исходил остров по всем направлениям; на берегу нашел раковину.

24 августа

Ветер все еще силен для туземцев; просят подождать. Мне все равно, так как везде и всегда работа у меня под рукой, только гляди, узнавай, рисуй и записывай; материал неистощим.

С утра почти вся мужская молодежь отправлялась на четырех пирогах на особенный пир, или, вернее, бал в Богати (туда им ветер попутный). Физиономии молодых людей, которых я знал хорошо, были так разрисованы, что я должен был пристально вглядываться в знакомые лица, чтобы распознать их: до такой степени обыкновенное выражение и черты лица были изменены несколькими цветными фигурами. «Сари» различных форм и небольшие барабаны, употребляемые во время пляски, не были забыты. Отправляясь, совсем готовые, к своим пирогам, туземцы в угоду мне произвели на отлогом, сыром (был отлив) песчаном берегу род репетиции пляски, которую должны будут исполнять вечером в Богати. При этом они держали в зубах свои сари, представлявшие курьезно украшенные белыми раковинами языки. В левой руке у них было по небольшому барабану, в который они ударяли правой рукой. При пляске, состоявшей из плавных движений, они не только пели (причем вследствие держания сари в зубах пение их имело странный звук), но и ударяли в барабан, который то опускали к земле, то поднимали над головой. Пляска была в высшей степени оригинальной.

Проснувшись ночью и видя, что погода хорошая, я оделся, зажег фонарь и отправился будить Каина и Гада, с которыми должен был отправиться в Тиару. После нескольких отговорок Каин разбудил Гада. Они достали парус и весла. Я перенес в небольшую пирогу разные вещи для обмена и для подарков и стал ждать у берега своих спутников. Размахивая горящими палками, они принесли мачту, парус и свои подарки. Отправляясь в гости, туземцы всегда берут с собою подарки и вещи для обмена, пользуясь при этом тем, в чем они сами имеют избыток.

Луна вышла из-за туч и таинственно проглядывала между пальмами, освещая живописную картину деревни, спокойного моря и группу работавших у пироги. Я поместился на платформе или на «кубум-барле» по одну сторону мачты со всеми своими вещами; на другой стороне горел небольшой костер в сломанном большом горшке. На носу и на корме в специально устроенных местах поставлены были копья, луки и стрелы обоих туземцев. Один из них поместился впереди платформы, другой на корме, чтобы грести и, кроме того, управлять парусом и рулем. Около 3 часов утра все было готово, и пирога — на диалекте Били-Били «кубум» — была стащена в море. Вскочив в нее, Каин и Гад принялись грести, так как у берегов ветер был слаб; несмотря на это, пирога без шума стала двигаться вперед.

Я решил, что всего рациональнее для меня продолжать прерванный сон, так как этот берег я увижу днем, а ночь была слишком темна и нельзя было разглядеть ничего, кроме силуэтов деревьев, поднимавшихся над общим уровнем леса. Упругая бамбуковая настилка платформы представляла довольно удобную койку, и я отлично проспал более часа. Меня разбудил Гад, предупреждая, что я сожгу свой башмак, так как, потянувшись во сне, я положил одну ногу почти что на костер. Туземцы попросили у меня табаку, закурили свои сигары и стали расспрашивать меня о России, о людях, живущих не только в России, но на луне и на звездах. Между прочим я узнал, что планету Венеру они называют «Бой», созвездие пояса Ориона — «Даманг», Плеяды — «Барасси».

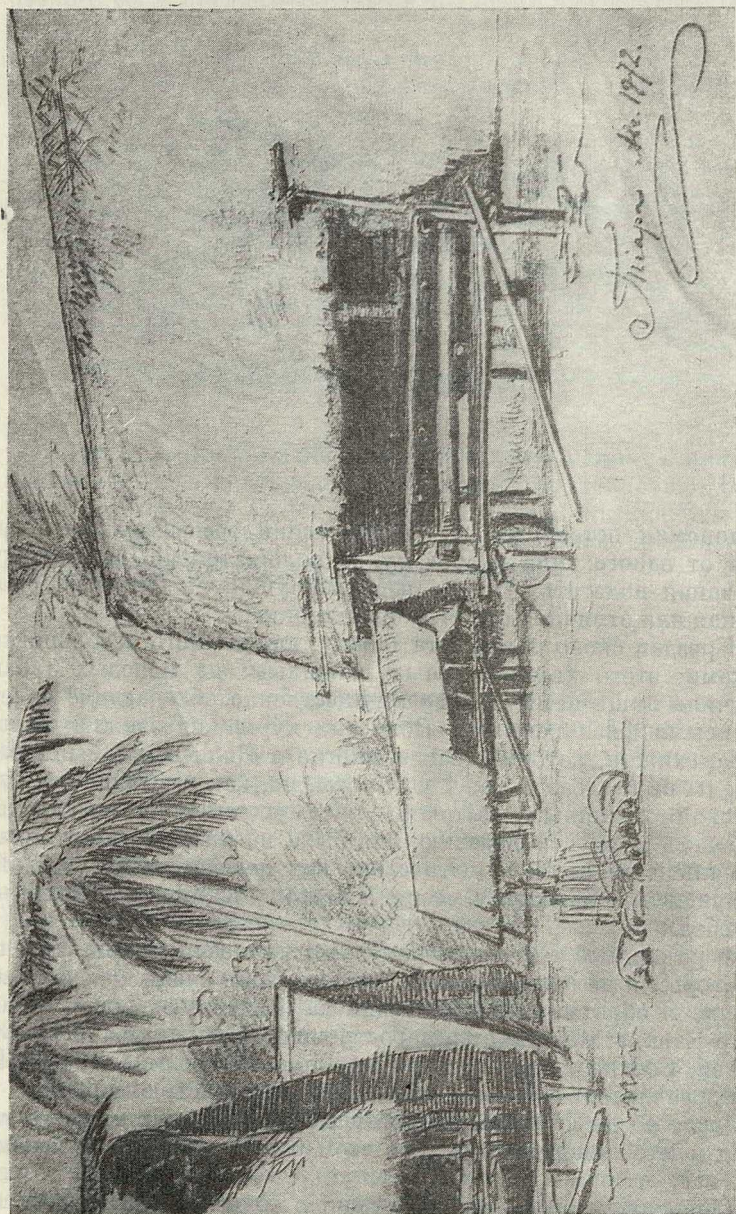
Когда мы прошли островок Ямбамбу, мне показалось, что берег образует в этом месте залив. Рассвет, однако, показал, что предполагаемый залив кончается проливом, и мы скоро очутились в нем. С обеих сторон берег представлял поднятый коралловый риф, покрытый густой растительностью. На юге находилась оконечность материка Новой Гвинеи, которую туземцы называют Бейле, на севере — о. Григер, с деревнями Гада-Гада и Митебог; за ним далее, на северо-западе, два

островка, Багер и другой, имя которого я забыл. Мы вошли в значительную бухту с островками разной величины, образовавшими целый архипелаг: они одинаково образованы поднятым коралловым рифом и покрыты лесом. По мере того как мы подвигались, я записывал имена островков.

Солнце показалось на горизонте и осветило архипелаг, спокойную поверхность бухты и далекие горы. Пролив между материком Новой Гвинеи и Григером совершенно безопасен, и бухта с ее многочисленными островками, огражденная от моря рифом, представляющим, впрочем, несколько проходов, может служить хорошей гаванью. Этой бухте мне надо будет подыскать имя, так как, хотя каждый островок имеет свое название, бухта именуется туземцами просто морем. Мы обогнули три небольших острова; на одном росли кокосовые пальмы и были расположены плантации жителей Гада-Гада; пять или шесть других необитаемы. В глубине, на юг, находится устье значительной речки. Продолжая плыть дальше, мы обогнули средний из трех необитаемых островов и увидели, наконец, цель нашей экскурсии — о. Тиару. Группа кокосовых пальм и вытащенные на берег пироги означали, что здесь пристань деревни. Мои спутники принарядились, надели новые пояса, взбили большими гребнями волосы и принялись усердно грести. Можно было различить толпу собравшихся тиарцев, которые, завидя пирогу из Били-Били, вышли к берегу. Многие громко звали меня по имени. Как только пирога подошла к песчаному берегу, она была разом вытащена высоко на песок целой толпой туземцев. Я сошел с платформы и, раздав окружающим нас жителям Тиары свои вещи, отправился в деревню, где нам указали большую хижину, в которой были поставлены привезенные мною столик и складная скамейка.

Среди обступивших меня туземцев я узнал троих, которые были в Гарагасси месяца два тому назад. Имена их занесены в мою записную книжку. Взяв ее из кармана, я нашел страницу и прочел громко их имена. Очень удивленные и вместе с тем обрадованные, они, один за другим, по мере того как я произносил их имена, подходили ко мне и по моему знаку усаживались у моих ног; потом целый день они почти не отходили от меня, стараясь услужить мне, чем и как могли.

Каин и Гад также почти не покидали меня. Вся толпа жителей Тиары образовала большой полукруг, молча глядя на меня и на привезенные вещи, при этом я мог удобно разглядеть их физиономии. Здесь, как и в других местах, между совсем плоским и выдающимся немного носом имелись десятки переходов, и, выбрав из целой деревни две крайности, можно представить физиономии двух весьма различных типов. Но эти отличия — чисто индивидуальные, в чем можно убедиться, рассмотрев

Дерева Тиара

Остров Кар-Кар

физиономии остальных, представляющие всевозможные переходы от одного типа к другому. Я положительно не нахожу основания полагать, что эта раса, живущая на островах, смешанная или отличная от жителей материка.

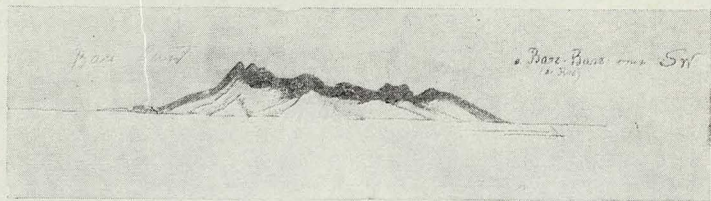
Я роздал около полуфунта табаку, нарезанного небольшими кусками; этого хватило только пожилым; из молодых табак получили лишь немногие, преимущественно обладающие более красивыми физиономиями. Пока они курили, я занялся рисованием хижин, которые, как и многие в Били-Били, были построены на столбах более 1 м высоты, но, как и вообще все папуасские хижины, состояли преимущественно из крыш. Я обошел затем всю деревню; она была не мала, но не отличалась такой чистотой и уютностью, как деревни моих соседей. Вернувшись к прежнему месту, я застал туземцев готовящими нам обед.

За розданный табак жители Тиары принесли мне по стреле, от которых я не отказался, так как они были очень красиво вырезаны. Я обратил здесь внимание на особенную породу собак с Кар-Кара, отличную от распространенной на материке Новой Гвинеи. Собаки с Кар-Кара имеют толстое, удлиненное туловище, сравнительно очень короткие ноги и толстую морду.

После обеда я обошел остров и сделал эскиз архипелага на запад и юго-запад, записав при этом более тридцати названий островов.

Наш «кобум» был уже нагружен и готов в обратный путь. Все население деревни высыпало на берег посмотреть на наш отъезд. Наша пирога оказалась очень нагруженной подарками

разного рода, предназначенными тиарцами для моих спутников. Около Григера навстречу нам выехала пирога, и несколько человек усердно просили меня заехать к ним. Я не согласился, так как было поздно, а на завтра я хотел вернуться в Гарагасси.

Остров Ваг-Ваг

Когда мы вышли из пролива в море, пирогу нашу стало очень неприятно качать благодаря значительному волнению. Остров Кар-Кар был ясно виден, хотелось бы туда, так кажется близко, а оттуда на о. Ваг-Ваг, где, по словам Каина, туземцы даже не строят пироги ввиду своей изолированности.

26 августа

Утром, когда я собирался в путь, вернулась пирога с молодежью из Богати. У всех был очень усталый вид. На прощанье, желая подарить туземцам что-нибудь и не имея уже ни кусочка табаку, я придумал очень простое средство дать каждому что-нибудь для него полезное. Я разбил привезенную с холодным чаем бутылку на кусочки величиной с серебряный четвертак; таких кусочков из одной бутылки вышло несколько сотен. Стекло, будучи для туземцев очень важным материалом (для бритья, шлифования дерева и резьбы украшений), доставило им огромное удовольствие. Вся деревня, даже женщины и дети, собрались около шлюпки, протягивая руки. Хотя ветер был не сильный, но попутный, я вернулся в Гарагасси около 4 часов, т. е. употребил почти 6 часов для переезда; на путь из Гарагасси в Били-Били потребовалось часов двенадцать.

Дома нашел все в порядке, хотя, по разным обстоятельствам, я уверен, что немало туземцев побывало в Гарагасси во время моего отсутствия; но они не могли удовлетворить своего любопытства, найдя двери опутанными веревкой и ниткой. Вероятно, они думают, что если дотронутся до веревки у дверей, на них посыплются со всех сторон выстрелы, или, если прикоснутся к нитке, с ними приключится какое-нибудь несчастье.

Хижина в деревне Богати

30 августа

Отправился в Богати и добрался туда только через 6 часов, так как сначала дул ровный ветер, а потом только порывами. Подходя к берегу, где я был 11 месяцев тому назад с офицерами «Витязя», я увидел толпу туземцев, которые присели, когда шлюпка приставала, и оставались в этом положении до тех пор, пока я не приказал им вытащить ее на берег, что было немедленно исполнено.

Я обошел деревню, которая мне показалась самой большой между всеми расположенными вокруг бухты Астролябии. На большой площадке виднелись еще следы плясок, в которых участвовали жители Били-Били, о чем было сказано выше. Высокая барла была украшена зеленью разного рода, которую еще не успели снять, а кушанья, приготовленные по случаю пиршества, доедались туземцами подогретыми еще и сегодня, т. е. на третий день после праздника. Мне также был подан большой кусок «ай буль» (свиньи, убитой по случаю «ая»). Несмотря на все старания, я не мог достать черепа с нижней челюстью. Были принесены два, но без нее.

Коды-Боро снова заговорил о моем поселении в Богати и, желая подтвердить свои слова положительными доводами, повел меня через всю деревню к хижине, откуда вызвал молодую,

крепкую, довольно красивую девушку. Что он ей сказал, я не понял. Она же поглядела на меня и, улыбнувшись, юркнула назад. Коды-Боро объяснил мне, что я могу взять ее себе в жены, если поселюсь в Богати, и повел меня далее. Выйдя из деревни, минут через 5 ходьбы мы подошли к высокой изгороди плантации, перелезли через высокий порог и направились к группе работающих женщин. Коды снова позвал одну; то была недуренькая девочка, лет четырнадцати-пятнадцати. На этот раз я уже знал, что означало его вызывание, и сейчас же покачал головой. Коды, не теряя надежды найти для меня подходящую невесту, кивнул головой, указывая языком * по направлению нескольких девушек. Этот смотр невест мне надоел, и я вернулся в деревню, не слушая больше Коды. За отсутствием ветра нельзя было и думать о возвращении в Гарагасси. Я остался ночевать.

31 августа

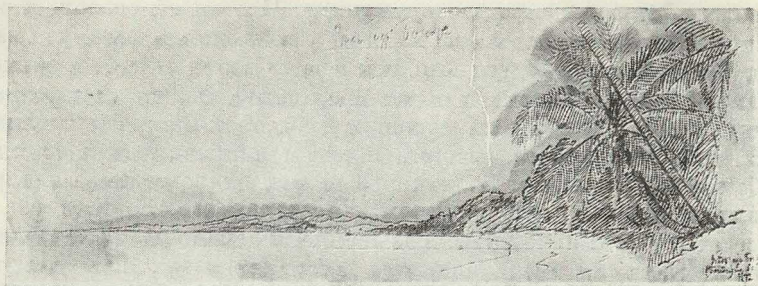
Закрывшись флагом, я провел ночь неплохо. Не обошлось, однако, без попытки со стороны Коды привести в исполнение, пользуясь темнотой ночи, те планы, которые потерпели фиаско днем. Хотя, ложась спать, я был один в хижине, около моей барлы не раз слышались женские голоса. Я решил игнорировать это и спать.

Утром, при восходе солнца, нарисовал панораму гор юго-восточного берега залива. Я приобрел за нож «орлан-ай». Тайно обходя хижины позади, Коды привел меня к небольшой буамрамре, где показал мне «орлан-ай». Когда я согласился дать за него нож, он завернул «ай» в цыновку и с той же заботливостью, чтобы никто нас не видел, повел меня назад к шлюпке, сам неся тщательно завернутый «орлан-ай», и положил его сам под банки в шлюпку, обложив сверток кокосами, которые уже там лежали. Когда шлюпку столкнули в море, все туземцы опять присели, пока Ульсон поднимал парус, а я, сидя у руля, не прокричал им прощального «Э-аба» и «Э-ме-ме». При порядочном ветре я скоро добрался до дома, где все нашел в исправности.

1 сентября

Сильная лихорадка.

* Кроме указания рукой или кивком головы в каком-нибудь определенном направлении, туземцы иногда заменяют эти жесты высыванием кончика языка то направо, то налево, смотря по месту нахождения, указываемого предмета.

Вид из деревни Богати

2 сентября

Топором рассек себе колено и довольно глубоко, работая над кое-какими исправлениями хижины. Придется просидеть дома несколько дней.

3 сентября

Ульсон с десятком жителей Горенду вытащил шлюпку высоко на берег; она стала принимать до 80 ведер воды в сутки.

5 сентября

По случаю больного колена не могу ходить на охоту. Провизия наша почти на исходе, приходится питаться тем, что приносят туземцы. Сегодня было пасмурно, свежий вест-норд-вест и не более как 26° Ц.

9 сентября

К боли в колене присоединилась лихорадка. Провел 3—4 очень неприятных дня, в течение которых пароксизмы сопровождались сильнейшей головной болью. К довершению удовольствия приходилось по целым дням слышать стоны Ульсона и его причитания по поводу того, что мы оба умрем от лихорадки или от голода, и т. п.

Погода в эти дни стояла пасмурная, по временам лил дождь и капал мне на стол и на постель.

13 сентября

Занимался препарированием и рисованием мозга маба, который издох в прошлую ночь, прожив несколько месяцев у меня

на веранде. Я поправился и, так как и погода улучшилась, хожу опять на охоту.

15 сентября

Решил сохранить остатки провизии — бобы и рис — исключительно на те дни, когда не буду в состоянии идти на охоту, а Ульсон, также по случаю нездоровья, не сможет идти за провизией в деревню. Вместо бобов и риса мы питаемся ямсом, сладким картофелем и бананами. Иногда, если нет дичи, приходится голодать, и уже не раз я видел во сне, что роскошно обедаю или ужинаю.

17 сентября

Ульсон жалуется на ревматизм во всем теле и опять лежит почти целый день.

18 сентября

Несколько дней как птиц совсем нет. Черных какаду, которых во всякое время дня можно было застать на деревьях кенгара, болсе не видно. Ходишь по лесу, прислушиваешься, но даже и голубей не слышно. Появление известных птиц связано натурально с созревaniem известных плодов. Это одна из причин малочисленности птиц в настоящее время. Другая причина, вероятно, — рубка леса в местности, где я преимущественно охотился. Жители Бонгу устраивают несколько новых плантаций, для чего вырубают мелкий кустарник и ветви больших деревьев. Когда весь этот хворост достаточно высохнет, его поджигают, а затем сооружается забор из воткнутих в землю стеблей тростника и расщепленного дерева, поваленных стволов.

20 сентября

Отправившись на охоту, я забрался в такую глушь, что даже с помощью ножа еле-еле мог пробраться между лианами и колючим кустарником. В этой трудно проходимой чаще леса я был неожиданно и к немалому удивлению моему остановлен забором плантации. Надо отдать справедливость туземцам в умении находить места для своих огородов в очень глухих, трудно находимых закоулках леса. Перебравшись через забор этой плантации, где росли бананы, сахарный тростник, ямс и сладкий картофель, я отыскал калитку и таким образом нашел тропинку, которая вывела меня из леса к морю. Я был недалеко от Гумбу, но, не желая заходить в деревню, расположился

отдохнуть на стволе повалившегося дерева, недалеко от морского берега. Мимо меня прошло несколько женщин, идущих, вероятно, на плантацию; они несли пустые мешки на спинах и громко болтали. Значительная партия жителей Богати, в полном вооружении, прошла в противоположную сторону, к деревне. Я остановил последнего из них, чтобы узнать, каким образом они пришли сюда, и узнал, что пришли пешком, следуя по морскому берегу, выйдя еще до рассвета из Богати.

Сегодня исполнился ровно год, как я вступил на берег Новой Гвинеи. В этот год я подготовил себе почву для многих лет исследования этого интересного острова, достигнув полного доверия туземцев, и в случае нужды я могу быть уверенным в их помощи. Я готов и рад буду остаться несколько лет на этом берегу. Но три пункта заставляют меня призадуматься относительно того, будет ли это возможно: во-первых, у меня истощается запас хины, во-вторых, я ношу последнюю пару башмаков и, в-третьих, у меня осталось не более как сотни две пистонов.

24 сентября

Коды-Боро, сопровождаемый толпой людей Богати, принес мне поросенка, за что получил установившуюся плату — небольшое зеркало в деревянной оправе, которое из его рук перешло по очереди к каждому из посетителей. Некоторые долго держали его перед собой, делая всевозможные гримасы: высывая язык, надувая щеки, жмуря глаза, то отдаляя, то приближая зеркало, то поднимая его вверх, и при каждом новом появляющемся в зеркале образе произносили: «а!» «э!» «о!». Другие, подержав недолго зеркало в руках и заглянув в него, как бы чего-то испугавшись, отворачивались и сейчас же передавали его следующему.

27 сентября

Заметил, что два бревна, образующие фундамент хижины, перегнили или съедены насекомыми. Мысль, что каждую минуту пол может провалиться, заставила меня немедленно принять меры, чтобы привести хижину в более безопасное положение. Так как Ульсон стонет на своей койке и собирается умирать, то мне пришлось вырубить новые стойки. Вырубил, но не был в состоянии снести их из леса к хижине.

В 2 часа пошел дождь со шквалом. Небо было обложено со всех сторон. Пришлось вернуться в хижину, и, несмотря на перспективу, что хижина может рухнуть, я решил, вместо того чтобы готовить обед, лечь спать, так как не было шансов, чтобы

дождь перестал лить. «Qui dort, dine» *, — говорит пословица, но она верна только на один день, потому что, если и на второй не придется пообедать, навряд ли уже удастся заснуть, ибо при сильном голоде спать невозможно. Я уже был близок ко сну, как струйка холодной воды на моем лице из новой щели в крыше заставила меня подняться и принять меры, чтобы моя постель не была совершенно залита. Я прикрепил с помощью палок и шнурков гуттаперчевую простыню над головой так, что вода будет теперь стекать по ней, а не падать на подушку.

Я упоминаю о всех этих удовольствиях специально для тех людей, которые воображают, что путешествия — ряд приятных впечатлений, и совершенно забывают обратную сторону медали. Не думаю, чтобы эти господа позавидовали мне сегодня: крайняя усталость, головная боль, сырость кругом, перспектива пролежать голодным всю ночь и возможность провалиться. Бывают, однако, положения и хуже.

10 октября

Трудно выразимое состояние овладевает иногда мною. Частая лихорадка и, может быть, преобладающая растительная пища ослабили до того мускульную систему, в особенности ног, что взойти на возвышение, даже весьма незначительное, для меня очень трудно, и часто, даже идя по ровной дороге, я еле еле волочу ноги. Хотя к занятиям охота и есть, но здесь я устаю, как никогда не уставал. Не могу сказать, чтобы при этом я скверно себя чувствовал; изредка только посещают меня головные боли, но они находятся в связи с лихорадкой и проходят, когда прекращаются пароксизмы. Но я так быстро устаю, что никуда не хожу, кроме как в Горенду или в Бонгу за провизией; а то сижу дома, где работы всегда много. Спокойствие и уединение Гарагасси восхитительны. На Ульсона наша уединенная, однообразная жизнь производит заметное впечатление. Он стал угрюм и сердится на каждом шагу. Его вздохи, жалобы, монологи так надоели мне, прерывая мои занятия, что я раз объявил ему: деревьев кругом много, море в двух шагах; если он действительно так тоскует и находит жизнь здесь такой ужасной, то пусть повесится или бросится в море, и что, зная причину, по которой он это делает, я и не подумаю ему помешать.

На днях посетили меня люди Билия, одного из островков архипелага Довольных людей. Двое или трое молодых папуасов имели замечательно приятные и красивые физиономии, положительно не уступающие в этом отношении ни одному из красивейших, виденных мною, полинезийцев. Сыновья Каина, напр.,

* Кто спит, тот обедает. — *Ред.*

хотя и не особенно красивые, очень напоминают мальчиков о-ва Мангаревы и архипелага Паумоту.

Узнал, что между туземцами здесь происходят дуэли из-за женщин.

Расспрашивая Каина о знакомых моих в Били-Били, я спросил о Коре, очень услужливом и понятливом человеке. Каин ответил, что Коре получил рану в ногу при следующих обстоятельствах. Он застал жену свою в хижине другого туземца. Когда Коре отвел ее домой, другой туземец вздумал воспротивиться. Коре схватил лук и пустил несколько стрел в противника, которого и ранил; но последний успел также вооружиться луком, и пущенная им стрела в свою очередь пронзила Коре ляжку. Другой поединок на почве ревности из-за жены произошел месяца два тому назад в Богати. Оба противника оказались ранеными, а один чуть было не умер. Копье вонзилось ему в плечо и переломило ключицу.

Опять каждый день слышатся раскаты грома, как и в прошлом году в это время.

12 октября

Заметил, что при недостаточной пище (когда по временам чувствуешь головокружение вследствие голода) пьешь гораздо больше, чем обыкновенно.

Пароксизмы здешней лихорадки наступают очень скоро после каких-либо вредных причин, иногда в тот же самый день. Напр., если утром ходил в воде по колено и оставался затем долго в мокрой обуви или пробыл несколько времени на солнце с непокрытой головой, — в час или в два часа пополудни наступает пароксизм.

Сегодня Ульсон мыл свое белье в продолжение трех часов, ноги находились при этом в воде, температура которой на 1 или 1.5° ниже температуры воздуха. В 3 часа у него был пароксизм, между тем как в предыдущие дни он был совершенно здоров.

20 октября

Возвращаясь утром с охоты, почти у самого дома я услышал голос незнакомой птицы. Рассмотрев ее в кустах, я взвел курок, но потом раздумал стрелять, жаль было пистона — их у меня остается очень мало. Для завтрака и обеда провизии было довольно. Я раздумал тревожить маленькую птичку и опустил ружье. Мое внимание обратилось на очень курьезного паука с отростками на всем теле. Правой рукой держал я дуло, так что кожа между большим и указательным пальцами перегибалась через край ствола. Я поймал паука и, сделав шаг вперед,

поднял, не изменяя положения руки, ружье. Раздался выстрел, и боль заставила меня выпустить ружье из руки. Боль была незначительная, хотя крови из небольших ранок вытекло немало. Несколько дробинok пробило кожу. Очень сожалею, что пострадала правая рука, так как вследствие ее большего употребления эти незначительные ранки долго не пройдут.

21 октября

Вчера вечером и всю ночь слышен был барум в Богати. В него ударяли изредка и однообразно. От пришедшего Саула узнал, что действительно, в Богати был покойник, которого сегодня утром похоронили. Я спросил, не приходил ли кто-нибудь из Богати и не сказал ли ему об этом? Саул сказал, что нет; он только слышал барум и знает, следовательно, что умер человек, но кто, ему неизвестно. Следя за ударами барума, он понял, что умершего уже похоронили.

25 октября

Проведя ночь в Бонгу, я очень рано собрался в путь в Мале. Солнце еще не всходило, и только весьма немногие из жителей были на ногах и грелись у костров. Один из них нашел, что и ему нужно идти в Мале, и предложил отправиться туда вместе. Пошли. Мы рано пришли в деревню, где меня привели в большую буамрамру и просили остаться непременно ночевать. Один из туземцев пришел ко мне с жалобой на «тамо русс» (офицеров или матросов корвета «Витязь»). Он объяснил, что хижина его была заперта и завязана, что «тамо русс» открыли двери хижины, влезли в нее и забрали его «окам» и что теперь у него окама нет, так как их делают только «тамо Рай-Мана». Он просил меня о возвращении окама или по крайней мере об уплате за него. Другой тоже пристал, уверяя, что «тамо русс» подняли его «ненир» (корзина для ловли рыбы), вынули рыбу, а может быть, взяли и «ненир» или опустили его в нехорошем месте, так как после этого он не мог его найти. Третий заявил, что из его хижины «тамо русс» взяли очень хорошее копье.

Будучи уверен, что это не были выдумки, я счел справедливым удовлетворить их требования и обещал вознаградить за вещи, взятые «тамо русс». Зная, что окамы туземцами очень ценятся, я обещал дать за него топор; за «ненир» я предложил нож, а за копье мне показалось довольно дать три больших гвоздя. Все эти вещи они могут получить, когда хотят, в Гаратасси. Мое решение, которого они, кажется, никак не ожидали, вызвало громадный восторг, и возгласы: «Маклай — хороший,

хороший человек!» — слышались со всех сторон. Меня, однако, не мало удивило, что через 14 месяцев туземцы еще не забыли всего происшедшего во время посещения корвета «Витязь».

Два больших табира с вареным аяном для меня и Калеу были принесены и поставлены перед нами, что послужило знаком, чтобы вся толпа, окружавшая нас, немедленно разошлась, оставив нас одних. Когда мы поели, все вернулись обратно, и некоторые предложили мне приготовить для меня кеу, от чего я отказался.

Несмотря на желание собравшейся публики продолжать общий разговор, я предпочел отдохнуть и, сказав, что хочу спать, растянулся на барле, привыкнув уже давно ничем не стесняться при публике. Туземцы, видя, что я закрыл глаза, продолжали свой разговор шопотом. Многие разбрелись. Отдохнув более часа, я сделал прогулку в лес, сопровождаемый десятком молчаливых туземцев. Я заметил в лесу многих птиц, которые не попадались мне прежде. Вернувшись в деревню, я заявил, что желаю иметь несколько телумов и человеческих черепов. Мне принесли несколько обломанных деревянных длинных фигур. Ни одна никуда не годилась, что очень опечалило хозяев. На палке принесли мне два человеческих черепа. Я спросил, где челюсти. Оказалось, как обыкновенно: «марем арен». Когда я отказался от черепов, туземцы бросили их в кусты, говоря: «Борле, дигор» (нехороший, сор). Это было новое доказательство, как мало уважают туземцы черепа и кости своих родственников, сохраняя только их челюсти.

Несколько молодых папуасов, сидевших против меня, занимались оригинальной операцией, именно «выкручиванием» себе волос из подбородка, щек, губ и бровей с помощью вдвое сложенного, крепкого, тонкого шнурка. Они держали шнурки очень близко к коже, причем попадавшиеся волосы вкручивались между обоими шнурками и небольшим движением руки выдерживались с корнем. Несмотря на вероятную боль при этой операции, туземцы спокойно продолжали ее в течение двух или трех часов. Несколько туземцев усердно ели, облизывая себе пальцы, соленый пепел тлевшего большого ствола.

Очень смешно было видеть, как довольно большой мальчик, лет более трех, съев несколько кусков мяса из табира своей матери, рядом с которой он сидел, переменял положение, положив голову на колени матери, и, схватив толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого), стал сосать. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, насосавшись молока, снова принялся за ямс. Вечером, кроме вареного аяна и бананов, мне сварили зрелый плод пандануса; последнее кушанье не имеет особенного вкуса, и съедобная часть плода незначительна, по оно очень ароматично.

Я записал несколько слов диалекта Мале, который отличается от языка Бонгу. Приобрел здесь два черепа тиболя, но без нижней челюсти, а также один череп небольшого крокодила, которого туземцы недавно съели в один присест.

28 октября

Одиночество производит на Ульсона очень странное действие. Я иногда думаю, смотря на него, что его мозг начинает приходить в беспорядок: он по целым часам что-то бормочет, вдруг к чему-то прислушивается, затем снова заговорит. Нечего мне терять времени, давая ему совет чем-нибудь заняться, так как он убежден, что мы скоро умрем, будем убиты или каким-нибудь другим образом погибнем. Единственно, чем он интересовался и что иногда делал, было приготовление пищи; иногда же он валялся целый день, притворяясь очень больным. Мне этот ленивый трус был противен, я почти не говорил с ним и не устаивал даже приказывать ему; было достаточно с моей стороны, что я переносил его присутствие, кормил и поил его, когда, по лени или болезни, он не хотел или не мог двинуться с места.

Мне много раз случалось очень долго прислушиваться: вдали точно слышались человеческие голоса. Слушаешь, слушаешь, звуки немного приближаются, и что же оказывается? Оказывается, муха жужжит (может быть и не муха, потому что я ее не видел, но жужжит, производя звуки, очень похожие на человеческий голос). Не только я и Ульсон ошибались много раз, но и сами туземцы бывают вводимы в заблуждение.

30 октября

Дождь и снова дождь. Течет на стол, на постель и на книги... Положение мое теперь следующее: провизия вышла, хина совсем на исходе, капсуль остается около сотни, так что ходить на охоту каждый день нерационально; беру по две каждый раз, но не всегда приносишь двух птиц. Многие препараты приходится выбросить, новых нельзя сохранять, так как нет спирту; донашиваю последнюю пару башмаков. Лихорадка сильно истощает. Хижина к тому же приходит в плачевное состояние.

2 ноября

Сегодня ночью с треском обрушилась боковая веранда. Думал, что вся хижина валится. Дождь шел весь день, так что поправлять веранду нельзя было и думать. Птиц не было слышно.

3 ноября

Утром приходил Туй, и, так как шел проливной дождь, я должен был принять его под навесом. Я его поместил на веранде, у самой двери моей комнаты, около которой я сидел. Он пришел просить меня прекратить дождь, уверяя, что люди Горенду и Бонгу все делали, чтобы заговорить дождь, но без успеха. Если Маклай это сделает, то дождь непременно перестанет. Туй просил долго, и я узнал от него множество мелких, но интересных подробностей папуасской жизни. Хотя я порядочно говорю на диалекте Бонгу, но все-таки мне еще потребуются годы, чтобы действительно познакомиться с образом мышления и с образом жизни этих людей. В продолжение пятнадцати месяцев я ни разу не присутствовал при их церемонии бракосочетания, ни разу — при операции «мулум» (обрезание) и не видел много, много другого.

4 ноября

Отправился за ямсом рано поутру, ничего не евши по той простой причине, что в Гарагасси не было ничего съедобного.

Как только пришел, решительно все жители не на шутку пристали ко мне, чтобы я прекратил дождь, потому что он очень вредит их плантациям. Каждый принес мне по несколько провизии и не хотели ничего брать за нее, прося дать им лекарство от дождя.

Желая выведать от них, каким образом они сами заговаривают дождь, я предложил сделать это при мне. Бугай показал мне, как они это делают, но прибавил, что в настоящее время их «оним» не помогает. Туземцы уверены, что я могу, но не хочу согласиться на их просьбу.

18 декабря

Я согласился на просьбы туземцев и отправился на «ай» в Бонгу.

Приготовление кушаний, жевание кеу, раздражающая уши музыка прошли своим чередом, и так как я запоздал, то остался ночевать в буамрампе Саула.

19 декабря

Хотя уже свет утренней зари проник в буамрампу, я еще не поднимался, так как ночью меня много раз будили музыка и крики, которые всегда сопровождают здесь «ай».

«Биа, биа!» (огонь, огонь!), слышалось в некотором расстоянии от буамрамры. Несколько туземцев вошли очень встревоженные и заявили, что около Кар-Кара виден огонь или дым от огня. «Так что же? Люди Кар-Кара жгут унан», — сказал я, потягиваясь, но все еще не вставая. «Нет, это не в Кар-Каре виден дым, а из моря он выходит. Скажи, Маклай, что это такое?» — «Я посмотрю, а потом скажу», — отвечал я. Несколько человек прибежали, крича: «Маклай! О Маклай! Корвета русс гена; биарам боро!» (Маклай! О Маклай! Русский корвет идет; дым большой!). Еще не веря новости, я оделся и отправился к морю. При первом же взгляде всякое сомнение исчезло: дым принадлежал большому пароходу, вероятно военному судну, корпуса которого еще не было видно, но можно было заметить, что судно приближается. Во всяком случае мне надо было отправиться сейчас же в Гарагасси, поднять флаг у хижины, переодеться и отправиться навстречу судну. Какой бы национальности оно ни было, командир его не откажется взять мои письма, уступить мне немного провизии и отвезти больного Ульсона в ближайший порт, посещаемый европейскими судами. Все это я обдумал, сидя на платформе пироги, которая везла меня из Бонгу в Гарагасси.

Ульсон еще лежал на своей койке и по обыкновению охал, когда я ему сказал, что мне надо флаг, что приближается военное судно, я подумал, что этот человек положительно сошел с ума. Он так болтал несвязно и не то смеялся, не то плакал, что я стал опасаться, не случился бы с ним какой-нибудь припадок. Я поспешил поднять русский флаг на флагштоке, сделанном еще матросами корвета «Витязь». Как только флаг был на месте и легкий ветер развернул его, я заметил сейчас же, что судно, бывшее около о. Ямбомбы, переменило курс и направилось прямо к Гарагасси. Я вернулся в свою комнату, хотел переодеться, но нашел это совершенно лишним. Платье, которое я мог бы надеть, было во всех отношениях одинаково с тем, которое уже было на мне. Я сошел вниз, к песчаному берегу, и немало труда стоило мне убедить троих туземцев отправиться со мною навстречу приближающемуся судну. Я уже мог различить русский флаг. Сагам и Дигу гребли очень медленно, следя более за движением судна и беспрестанно прося меня вернуться на берег. Я мог видеть офицеров на мостике, смотрящих на меня в бинокль. Наконец, мы были так близки к судну, которое шло теперь малым ходом, что я невооруженным глазом мог различить несколько знакомых лиц между офицерами. Они также узнали меня.

Мое внимание было отвлечено состоянием моих спутников, Сагама и Дигу. Вид такого большого количества людей привел их в сильное волнение. Когда же по приказанию командира

матросы были посланы по реям и когда они прокричали троекратное «ура», — мои папуасы не выдержали, выпрыгнули из пироги и, вынырнув далеко от нее, стали плыть к берегу. Гребки также были захвачены ими или брошены в море. Я остался один в пироге и без гребков. Пришлось кое-как, гребя руками, приблизиться к клиперу и поймать брошенный мне конец. Наконец, я взобрался на палубу, где общая суматоха и множество людей странно подействовали на меня.

Я был встречен командиром клипера «Изумруд» М. Н. Кумани и офицерами. Все были очень любезны, но говор кругом сильно утомлял меня. Мне было сказано, что клипер был послан генерал-адмиралом и что между прочим г. Р. был переведен с корвета «Витязь» на клипер «Изумруд» специально для того, чтобы указать место, где должны были быть зарыты мои бумаги, так как в Европе распространился слух, что я был убит или умер, и даже многие из офицеров признались, что, увидя человека в европейском платье, выехавшего им навстречу, они думали, что это Ульсон, так как были почти уверены, что не застанут меня в живых. Я попросил командира позволить мне отправиться домой и приехать через несколько часов переговорить с ним.

Приход клипера был так неожидан, что я не составил себе еще плана относительно того, что надо предпринять. Самым подходящим мне казалось с помощью людей клипера поправить мою хижину, достать с клипера новый запас провизии и остаться здесь продолжать мои исследования, отослав в ближайший порт совершенно ненужного мне Ульсона. Я мог также послать мой дневник и метеорологический журнал Географическому обществу и кончить и написать начатое письмо об антропологии папуасов академику К. Э. фон Бэру.

К обеду я вернулся на «Изумруд». Михаил Николаевич сказал мне между прочим, что по случаю моего не слишком хорошего здоровья он желал бы, чтобы я уже с сегодняшнего дня поселился на клипере, а перевозку моих вещей из Гарагасси на клипер предоставил одному из молодых офицеров. Это предложение показалось мне немного странным. «А кто вам, Михаил Николаевич, сказал, что я поеду с вами на клипере? Это далеко еще не решено, и так как я полагаю, что вам возможно будет уделить мне немного провизии, взять с собою Ульсона и мои письма до ближайшего порта, то мне всего лучше будет остаться еще здесь, потому что мне еще предстоит довольно много дела по антропологии и этнологии здешних туземцев. Я попрошу вас позволить мне ответить вам завтра, отправлюсь ли я на «Изумруде» или останусь еще здесь». Михаил Николаевич согласился, но я мог заметить, что мои слова произвели на многих курьезное впечатление. Некоторые подумали (я это знаю от

них самих), что мой мозг от разных лишений и трудной жизни пришел в ненормальное состояние. Я узнал между прочим от командира, что голландское правительство посылает военное судно с ученой целью вокруг о. Новой Гвинеи. Это обстоятельство сильно заинтересовало меня; я мог бы, таким образом, подкрепив свое здоровье морской экскурсией, вернуться с новыми силами и новыми запасами на берег Маклая. Я рано вернулся в Гарагасси и заснул вскоре, как убитый, после утомительного дня, предоставив себе на другое утро решить важный для меня вопрос: ехать или нет?

20 декабря

Желание командира «Изумруда» было остаться здесь по возможности на короткое время, так как на этом месте после непродолжительной стоянки на корвете «Витязь» заболело несколько человек.

Но в два или три дня я буду не в состоянии написать достаточно подробный отчет Географическому обществу; послать же мой дневник в том виде, как я его писал, мне также кажется неудобным. Это было одно.

Другое обстоятельство, важное для меня, было известие, что если я приму необходимые меры, то буду иметь возможность вернуться сюда на голландском судне. Одно мне казалось положительным, это то, что мне необходимо будет вернуться снова сюда, где вследствие знакомства с туземным языком и заслуженного мною полного доверия туземцев дальнейшие исследования по антропологии и этнологии мне будут значительно облегчены.

Таковы были мысли, которые на другое утро привели меня к решению оставить на время берег Маклая, с тем чтобы вернуться сюда при первой возможности.

Когда я объявил капитану М. Н. Кумани свое решение, он спросил меня, сколько мне необходимо будет времени, чтобы собраться. Я ответил, что через три дня после того, как «Изумруд» бросит якорь, он будет в состоянии поднять его и идти, куда пожелает. Остающиеся два дня я предоставил себе на упаковку вещей и на прощанье с туземцами. Михаил Николаевич любезно уступил мне одну из своих кают, и я уже перевез многие вещи из Гарагасси. Вечером пришло ко мне с факелами много людей из Бонгу, Горенду и Гумбу; между ними были также жители Мале и Колику-Мана. Туй, Бугай, Саул, Лако, Сагам и другие, главным образом те, которых я более знал и которые чаще бывали в Гарагасси, особенно сокрушались о моем отъезде и, наконец, пришли к решению: просить меня остаться с ними, не ехать, а поселиться на этом берегу, уверяя, что в каж-

дой деревне по берегу и в горах мне будет построен дом, что для каждого дома я могу выбрать из девушек по жене или даже по две, если одной недостаточно. Я отклонил это предложение, сказав, что вернусь со временем и опять буду жить с ними.

Люди Гумбу пристали ко мне, прося идти в Гумбу, где, кроме всех местных жителей, собрались люди Теньгум-, Энглам- и Самбуль-Мана, которые все желают меня видеть. Не желая отказать им, может быть в последний раз, я пошел, окруженный большой толпой туземцев с факелами в руках.

В Гумбу было повторение сцены, бывшей в Гарагасси. Все просили меня остаться. Мне мало пришлось спать, и когда к утру я хотел подняться, то почувствовал значительную боль в ногах.

Последние два дня я много ходил и не обращал внимания на раны на ногах, которые сильно опухли и очень мешали при ходьбе. Я пошел, однако, по берегу, желая вернуться скорее в Гарагасси. Боль была так сильна, что туземцы, устроив из нескольких перекладин род носилок, перенесли меня на них до мыска Габина, а оттуда перевезли на клипер, где я отдохнул и где раны мои были обмыты и перевязаны.

По приказанию командира, толстая доска красного дерева, на которой была прибита медная с вырезанной надписью:

VITIAZ Sept. 1871. MIKLOUHO-MACLAY. IZOUMROUD. Dec. 1872.

должна была быть прибита к одному из деревьев, около моей хижины в Гарагасси. Я отправился, несмотря на больные ноги, указать сам место, которое для этого будет самым подходящим. Я выбрал большой *Canarium commune* — самое высокое и представительное дерево в Гарагасси. Остаток дня я провел дома, заканчивая упаковку вещей, так как завтра будет последний день моего пребывания в этой местности.

21 декабря

Вечером, засыпая, я думал, что в продолжение 14 месяцев и даже более я не нашел времени устроить свою койку более удобным образом, и что край корзины, на которой помещалась верхняя часть моего тела, будучи дюйма на два выше крышки другой корзины, где лежали мои ноги, мог быть сделан для меня менее чувствительным весьма простым способом: стояло только положить два бруска под более низкую корзину. Ра-

зумеется, я не подумал тревожиться об этом в последнюю ночь, проспав столько ночей и часто пробуждаясь вследствие неудобства койки.

Я вчера уговорил туземцев приехать на клипер осмотреть его, и, действительно, довольно многие явились в Гарагасси, но весьма небольшое число отправилось со мною на клипер, а еще меньше отважилось взобраться на палубу. Но там вид множества людей и разных аппаратов, для них непонятных, так испугал их, что они ухватились со всех сторон за меня, думая быть таким образом в безопасности. Чтобы удовлетворить их и не быть стесненным в своих движениях, я попросил одного из матросов принести мне конец; середину его я обвязал себе вокруг талии, а оба конца веревки представил моим папуасам. Таким образом, я мог идти вперед, а папуасы воображали, что держатся за меня. С таким хвостом, беспрестанно останавливаясь, чтобы отвечать и объяснять туземцам назначение разных предметов, обошел я всю палубу. Пушки пугали туземцев, они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало, — это два небольших бычка, взятых в качестве живой провизии для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя «бик», «бик», «бик». Спустились вниз в кают-компанию; дорогой туда, машина им очень понравилась. Разумеется, они не могли понять, что это

Дерево с мемориальной доской в честь пребывания Н. Н. Миклухо-Маклая в Гарагасси

я всю палубу. Пушки пугали туземцев, они отворачивались и переходили к другим предметам. Что их особенно поразило и вместе с тем заинтересовало, — это два небольших бычка, взятых в качестве живой провизии для команды; они не могли наглядеться на них и просили подарить им одного. Спросив название, они старались не забыть его, повторяя «бик», «бик», «бик». Спустились вниз в кают-компанию; дорогой туда, машина им очень понравилась. Разумеется, они не могли понять, что это

такое. Затем большие зеркала в кают-компании, в которых он могли видеть несколько человек сразу, очень им понравились. Фортепиано, которое я назвал «ай боро русс», не только обратило их внимание, но одному из них захотелось даже самому попробовать его. Я поспешил выпроводить их наверх.

На палубе одному из туземцев захотелось вновь посмотреть быков; он обратился ко мне, но забыв название «бик», стал спрашивать о «большой русской свинье». Не поняв его, я отвечал, что никакой свиньи на корвете нет; тогда, чтобы более точно назвать животное, он прибавил, что хочет видеть «большую русскую свинью с зубами на голове». Один из товарищей полсказал ему «бик», и они все хором затянули: «бик», «бик». «Видя, что они достаточно освоились с палубой, я высвободил ее из петли и предоставил им свободно ходить по ней.

Сегодня же последние мои вещи были привезены из Гарагасси и Ульсон также перевезен на корвет и как больной помещен в лазарет. Перед отъездом Туй просил сказать ему, через сколько месяцев я вернусь в Гарагасси. Даже и теперь, уезжая после 15-месячного пребывания здесь, я не мог сказать «много», так как этого слова я до сих пор не узнал, почему ответил «на валобе», что значит приблизительно: «со временем».

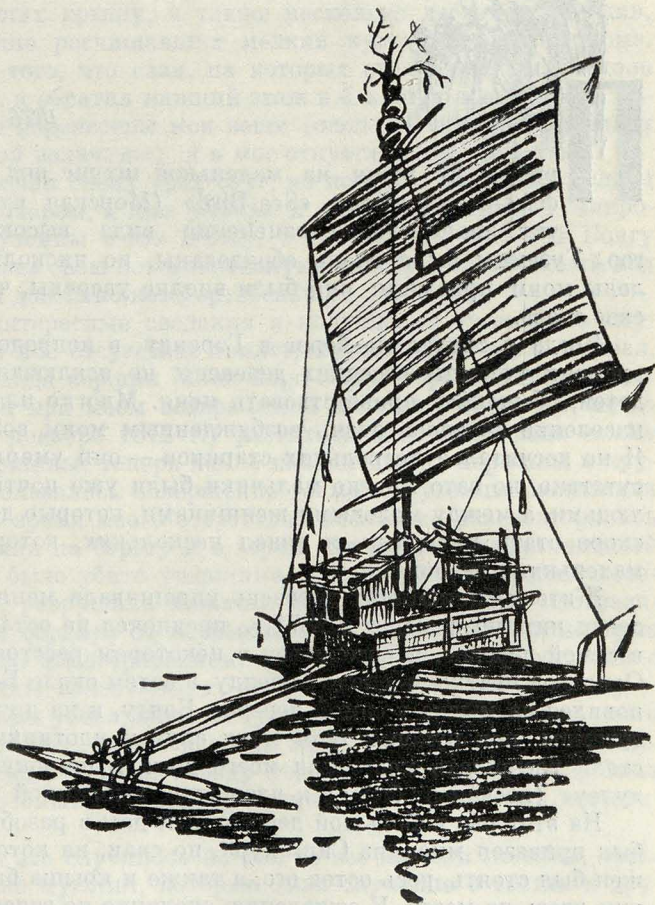
22 декабря

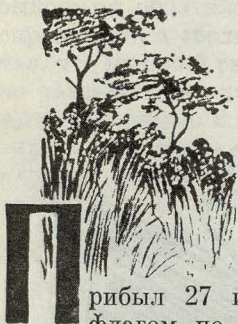
С самого утра несколько пирог окружило клипер, и мне постоянно докладывали, что «черные» хотят видеть меня или зовут меня. Когда я выходил, туземцы начинали кричать, но шум якоря, который стали подымать, и несколько оборотов винта разогнали скоро все пироги, и крики «Эме-ме» и «Эа-ба» стали не так ясно доноситься с берега, как с пирог. Когда клипер стал подвигаться вперед и огибать мысок Габина, раздались удары барума почти одновременно в Горенду и Бонгу; когда же корвет прошел мысок, к этим звукам присоединился барум Гумбу. Отдаляясь, мы еще долго слышали барум. Проходя Били-Били, я мог в бинокль ясно видеть туземцев, которые сидели, стояли и ходили вдоль скалистого берега.

Пройдя архипелаг Довольных людей и порт вел. кн. Алексея, мы обогнули мыс Круазелль и вошли в пролив между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар, который я назвал на моей карте проливом Изумруд.

**ВТОРОЕ
ПРЕБЫВАНИЕ
НА БЕРЕГУ
МАКЛАЯ**

(27/VI 1876 г.— 10/XI 1877 г.)

1876 г. Июнь

Прибыл 27 июня на маленькой шхуне под английским флагом по имени «Sea-Bird» (Морская птица). Заметил значительное изменение вида высоких вершин гор. Туземцы были очень обрадованы, но нисколько не изумлены моим приездом: они были вполне уверены, что я сдержу свое слово.

Когда я съехал на берег в Горенду, в непродолжительном времени туземцы соседних деревень, не исключая женщин и детей, сбегались приветствовать меня. Многие плакали, и все население казалось очень возбужденным моим возвращением. Я не досчитался нескольких стариков — они умерли в мое отсутствие, но зато многие мальчики были уже почти взрослыми людьми, а между молодыми женщинами, которые должны были скоро стать матерями, я узнал нескольких, которых оставил маленькими девочками.

Жители ближайших деревень упрашивали меня поселиться среди них, но я, как и в 1871 г., предпочел не оставаться жить в самой деревне, а поселиться в некотором расстоянии от нее. Осмотрев местность около Горенду, а затем около Бонгу, я остановился на мыске у самой деревни Бонгу, и на другой же день туземцы, под руководством моих слуг и плотника со шхуны, стали расчищать место для моего дома и широкую дорогу от «улеу» (песчаный берег) к площадке, выбранной мною.

На этот раз небольшой деревянный дом в разобранном виде был привезен мною из Сингапура, но сваи, на которых он должен был стоять, весь остов его, а также и крыша были сделаны уже здесь на месте. К сожалению, желание не задержать слишком долго шхуну и вместе с тем воспользоваться услугами плотника принудило меня не обращать достаточно внимания на качество дерева, почему оно очень скоро пришло в негодность,

главным образом от белых муравьев, больших врагов деревянных построек в этой части света. Здесь, на берегу Маклая, имеется, правда, немало видов деревьев, которые противостоят этому насекомому, но достаточного количества их нельзя было бы добыть в короткое время.

Июль

На шестой день дом мой был окончен. В постройке его, кроме меня, принимали участие двое европейцев, двое моих слуг, несколько десятков папуасов, переносивших срубленные стволы и кривших крышу, а также несколько десятков женщин, очень усердно расчищавших мелкий кустарник вокруг дома. Вследствие того, что сваи, на которых стоял дом, были около 2 м высоты, я обратил нижний этаж в большую кладовую, в которую были перенесены мои вещи (около 70 ящиков, корзин и тюков разной величины), и я мог отпустить шхуну 4 июля.

При помощи своих трех слуг, из которых один был малаец и служил поваром, а при случае и портным, а двое — микронезийцы, туземцы о-вов Пелау, и нескольких жителей Бонгу я скоро привел свою новогвинейскую усадьбу в надлежащий вид и устроился довольно комфортабельно.

Очень интересные сведения я получил от туземцев о случившихся в мое отсутствие землетрясениях. Как я уже сказал, изменение вида вершин Мана-Боро-Боро (горы Финистер) поразило меня при моем возвращении на этот берег. До моего отъезда (в декабре 1872 г.) растительность покрывала самые высокие вершины; теперь же во многих местах вершины и крутые скаты оказались совершенно голыми. Туземцы рассказали мне, что во время моего отсутствия несколько раз повторялись землетрясения на берегу и в горах, причем несколько жителей в деревнях было убито упавшими кокосовыми деревьями, которые, падая, разрушали хижины. Береговые деревни пострадали главным образом от необыкновенно больших волн, которые следовали за землетрясением, вырывали деревья и уносили с собою хижины, более близкие к берегу.

При этом я узнал далее от туземцев, что давно, еще до моего приезда в 1871 г., целая деревня Аралу, находившаяся недалеко от морского берега, между реками Габенеу и Коли, была совершенно смыта промадной волной вместе со всеми жителями.

Так как это случилось ночью, то все жители погибли, только несколько мужчин, которые были случайно в гостях в другой деревне, остались в живых, но не захотели вернуться жить на старое место и переселились в Гумбу, которая избежала разрушения, будучи построена далее от берега.

Разрушение этой деревни хорошо помнят даже не очень старые люди, и я полагаю, что это случилось около 1855—1856 гг. * После этой катастрофы случилось много заболеваний и смертных случаев на берегу Маклая. Это последнее обстоятельство произошло, я полагаю, от разложения органических остатков, оставленных на берегу волнами и гнивших на солнце **.

Я приехал как раз в то время, когда туземцы берега Маклая жгут унан. Вместе со множеством экземпляров *Perameles* мне принесли один экземпляр тиболя (*Macropus Tibol* Mcl.), для которого я устроил род клетки, желая сохранить его живым. Туземцы различают здесь два вида тиболя, называя одного «итиболь», а другого — «вальтиболь» (речного и приморского тиболя). Первый из них, т. е. речной, больше ростом и редко достается туземцам. Последние уверяют, что тиболь ест иногда рыбу.

А в г у с т

2 августа собрался идти в Марагум-Мана, а затем 5 — в деревню Рай.

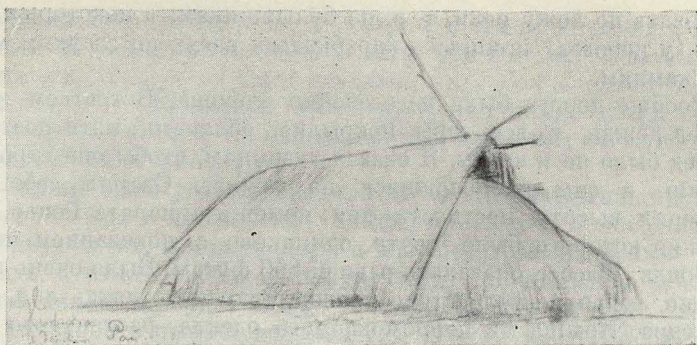
Экспедиция в Марагум-Мана 2 и 3 августа 1876 г. (часов 5 от берега). В шлюпке до устья реки Морель, затем через лес на холмах, покрытых унаном. Общее направление — юго-юго-восток. С холма обширный вид: Самбуль-Мана на запад, Энглам-Мана — юго-запад, Марагум-Мана — юго-юго-восток. Следы землетрясения попадаются по дороге часто в виде длинных трещин и обвалов. Часа через три вышли на дорогу, которая тянется высоким и обрывистым берегом реки Камран; берега этой реки представляют хорошие геологические разрезы. В широком ложе течет несколько рукавов реки, и в некоторых местах видны обработанные поляны. Горные породы, которые здесь везде встречаются, — глинистый сланец и белый известняк.

Деревня сама разделена на несколько деревушек, отделенных одна от другой глубокими оврагами, и не представляет ничего особенного. Хижины вообще низки, покрыты унаном и однообразной постройки. Кокосов мало. Высота над уровнем моря около 750 футов.

Экспедиция в деревню Рай. По случаю противного ветра оставался весь день в бухточке при устье реки Боу, затем остановился в другой бухточке — Леле. Ночью, обогнув

* Мне указали на молодого туземца, который только что родился, когда случилась катастрофа в Аралу; ему не могло быть больше 20 лет.

** Подобный же пример случился на о. Луб в 1875 г. и был сообщен мною в моем письме Русс. геогр. о-ву, напечатанном в Изв. Г. О., т. XV.

Хижина в деревне Рай

скалистый берег мыса Риньи, прибыли к улеу Рай, первой после Гумбу береговой деревне на юго-восток. За деревней — ряд невысоких холмов, состоящих из поднятых коралловых рифов (на несколько сот футов). За ними — более высокий конический холм, высоту которого не удалось определить.

Везде в горах заметны были следы землетрясений в виде длинных, довольно глубоких трещин, расселин и обвалов.

8-го предпринял экскурсию вверх по речке Габенеу. После четырех часов ходьбы русло поднимается приблизительно на 300 футов над ур. м.

Экскурсия на пик Константина. 12 августа. Когда к 9 часам в своей дынге я отправился в Богати, вся гора Тайо с пиком Константина была ясно видна. Нигде ни облачка. При порядочном ветре через полтора часа прибыл в Богати. Встретившие меня туземцы перенесли вещи в хижину Коды-Боро. Они мне сказали, что уже слишком поздно, чтобы идти на гору, и следует подождать до завтра.

13 августа

Поднял людей в 3 часа утра. Напившись кофе и распределив вещи между несколькими носильщиками, отправился при свете неполной луны сперва по лесной тропинке, а затем по высохшему ложу р. Иор. Хотя было темно и дорога неудобна, я, однако, ни разу не споткнулся. Начиная делаться в этом отношении папуасом. Когда рассвело, я записал имена своих спутников, которых оказалось 34 человека.

Так как я не взял провизии, мне пришлось зайти в дер. Ярю (810 футов над ур. м.). Моим спутникам очень не хотелось идти далее в горы, но я не обратил на это внимания, тем более, что людей у меня было раз в пять более, чем нужно. К каравану присоединилось несколько человек из дер. Ярю. Мы продолжали

следовать по ложу реки, т. е. по булыжникам; в некоторых местах (у порогов) пришлось карабкаться вверх по гладким мокрым камням.

Вообще дорога была не особенно хороша. В третьем часу пошел дождь, и все горы покрылись облаками, идти поэтому вперед было не к спеху. Я сказал туземцам, чтобы они строили шалаш, а сам расположился на ночлег. Сварил себе суп и смерил высоту местности при помощи аппарата Реньо, показание которого было почти одинаково с показанием моего анероида. Высота оказалась равной 860 футам. Было очень прохладно, вероятно вследствие дождя. Всю ночь дождь лил, как из ведра. Крыша из непромокаемого одеяла, растянутого над моей койкой, оказалась расположенной удачно: несмотря на ливень, я оказался совершенно сухим, но воздух был весьма сыр, и я не был уверен, что день пройдет без лихорадки.

Я поднялся в 6 часов и, видя, что не все мои люди готовы, не стал их ждать, а объявил, что тамо билен могут следовать за мной, а тамо борле могут оставаться. Это подействовало: почти все последовали за мной.

Вследствие дождя, шедшего ночью, в реке было гораздо больше воды, чем вчера; камни были очень скользкие, и надо было быть весьма осторожным в некоторых местах. Пройдя немного, пришлось лезть по склону направо, без малейшего следа тропинки.

Мои спутники стали уверять, что здесь дороги нет, почему мне пришлось идти, или, вернее, лезть вперед. К великой моей досаде я почувствовал, что вчерашний дождь, от которого я промок, и ночная сырость оказали свое действие и что пароксизма лихорадки мне не миновать. Голова сильно кружилась, и я подвигался как бы в полусне. К счастью, склон был покрыт лесом, так что можно было, придерживаясь и цепляясь за лианы, сучья и корни, подвигаться вперед. В одном крутом месте я протянул руку к лиане, а что произошло после этого, положительно не знаю... Проснулся я как будто от человеческих голосов. Я открыл глаза — вижу кругом лес; не мог ясно представить себе, где я. От общего утомления я снова закрыл глаза и при этом почувствовал значительную боль в разных частях тела, и отдал себе отчет, что нахожусь в очень странном положении: голова лежит низко, между тем как ноги — гораздо выше. Я все-таки не мог уяснить себе, где нахожусь. Когда я опять открыл глаза, то недалеко от меня слышался голос: «А я тебе говорил, что Маклай не умер, а только спит». Несколько туземцев выглянуло из-за деревьев. Вид этих людей возвратил мне память. Я вспомнил, что с ними я лез на гору, вспомнил, как схватился за лиану, чтобы удержаться. Мой вес оказался не соответствующим ее крепости, и вот каким образом

я очутился на десяток шагов ниже и в таком неудобном положении. Я недоверчиво ощупал ноги, бок и спину и затем приподнялся. Ничего не было сломано, хотя бок и спина болели, и кажется, я чувствовал себя бодрее, чем когда упал. Хотел посмотреть на часы, но оказалось, что, вероятно, от толчка при падении они остановились.

Солнце было уже высоко, так что я имел основание думать, что пролежал в не особенно комфортабельном положении более двух часов, а может быть, и дольше. Времени нельзя было терять, а то к 3 часам, пожалуй, опять пойдет дождь, и с вершины ничего не будет видно. К счастью, один из моих анероидов оказался в полной исправности. В этом месте высота горы была 1500 футов. Немного пошатываясь, спустился я в неглубокую долину, а затем взобрался снова на холм, который туземцы называют Гумугуа и высота которого была 1880 футов. За ним следовала опять неширокая долина, а затем возвышенность в 2400 футов. Идя далее, мы пришли к куполообразной вершине горы Тайо, которая с моря придает этому пику такую характерную форму. На небольшой площадке росло много высоких деревьев; высота здесь была 2680 футов.

Мои спутники, чтобы показать жителям окрестных деревень, что мы добрались до вершины, зажгли костер. Двум из них, более ловким, я передал белый флаг из толстой холстины, могущий противостоять некоторое время разрушению и прикрепленный к палке, с приказанием привязать его у вершины самого высокого дерева, обрубив сперва сучья. Когда это было сделано, мы отправились вниз. Я был разочарован этой экскурсией, потому что из-за растительности вокруг площадки на вершине пика панорама была очень ограниченная, а я не подумал взять с собою несколько топоров, чтобы вырубить кругом деревья. Мы сошли вниз до места нашего ночлега благополучно и, пообедав здесь, направились в Богати. Из ближайших деревень сходились люди, так что к вечеру моя свита состояла более чем из 200 человек. Хотя я чувствовал значительную усталость, я не захотел нигде останавливаться, и при свете многих десятков факелов мы вошли в Богати в девять с половиной часов вечера.

23 августа

Отправился на о. Били-Били, где туземцы построили мне хижину, темную, но прохладную, на месте, называемом Айру, и куда я думаю приезжать от времени до времени. Вернувшись в Бонгу, я посетил деревни Энглам-Мана, Сегуана-Мана и Самбуль-Мана.

Все эти деревни не отличаются значительно одна от другой ни характером построек, ни типом и внешним видом жителей.

Собрал при этой экскурсии значительное число черепов, а также разузнал довольно много интересных данных по этнологии горных жителей.

Сентябрь

Экскурсия в Бан-Мана, Сандиаби-Мана, Бурам-Мана, Манимба-Мана и Колику-Мана. Результатом этих экскурсий было прибавление материалов по этнологии, черепов папуасских для коллекции и несколько дней лихорадки.

20 сентября

Был в Гарагасси, где все очень заросло. Из посаженных мною кокосовых пальм принялись только шесть. На большом кенгаре еще крепко держится оставленная клипером «Изумруд» медная доска, хотя красное дерево съедено отчасти муравьями. Я укрепил ее, вбив несколько гвоздей. Все сваи моей хижины были до того изъедены муравьями, что легкого толчка ногой было достаточно, чтобы повалить их. В Гарагасси гораздо больше птиц, чем около моего нового дома близ Бонгу, и знакомые крики их живо напечатались мне мою жизнь в этой местности в 1871—1872 гг.

Распорядился, чтобы Мебли, мой слуга с Пелау, и несколько жителей Горенду расчистили площадку на месте моей бывшей хижины и около растущих там кокосовых пальм.

Октябрь

Благодаря моему теперешнему помещению, гораздо более удобному, чем в Гарагасси, я могу заниматься сравнительно-анатомическими работами. Вообще комфорт (лучшее помещение и трое слуг) благоприятно действует на здоровье. В конце сентября и в начале октября я собрал первый сбор кукурузы, которую посеял в июле. Затем я снова посеял ее и множество семян привезенных в этот раз. Вокруг моей хижины я посадил 22 кокосовых пальмы, которые все растут пока очень хорошо.

Небольшие ранки на ногах вследствие ушибов о камни, трения обуви и т. п. превращаются здесь, мало-помалу, при небрежном обращении с ними, а главное от действия на них морской воды, от которой нельзя уберечься, в значительные, хотя и поверхностные раны, которые долго не заживают и часто очень болят. Они не раз удерживали меня от экскурсий и заставляли частенько сидеть дома.

Кроме письменной работы, я нахожу возможным заниматься антропологическими измерениями. В Гарагасси это было пе-

мыслимо, теперь же туземцы достаточно привыкли ко мне и не видят ничего опасного для себя в этих манипуляциях над ними. Не нахожу, однако, удобным измерять женщин: мужчины здесь ревнивы, а я не желаю с моей стороны подать повод к недоразумениям. К тому же измерения женщин сопряжены с слишком большой возней: уговариваниями, глупыми возражениями и т. д.

Одним словом, в этом случае *«le jeu ne vaut pas la chandelle»*. *

В Бонгу был большой «ай», в котором принимали участие и женщины (что я в первый раз увидал). Возвращение «ай» в деревню представляло очень характерное зрелище, которое стоило бы зарисовать.

Узнал подробности операции «у-равар» или «мулум» (обрезание). Все «улеу тамо» следуют этому обычаю (за исключением обитателей некоторых островов архипелага Довольных людей), но почти все горные жители не признают его.

Н о я б р ь

Часто хворал лихорадкой, и раны на ногах плохо заживают. Когда было возможно, занимался сравнительно-анатомическими работами, а то читал. Боль от ран бывает по ночам так значительна, что приходится принимать хлорал, чтобы спать. Когда температура по утрам опускается до 21°, то я положительно ощущаю холод, совершенно как и туземцы, которые дрожат при этом всем телом.

5 д е к а б р я

После многодневных приготовлений сегодня начался «мун» в Бонгу, самый значительный, какой мне пришлось до сих пор видеть, почему я постараюсь описать его.

Мун в Бонгу 5—6 декабря 1876 г. После долгих приготовлений день муна был, наконец, назначен. Последние дни туземцы соседних деревень почти каждую ночь упражнялись в пляске и пении; барум часто раздавался днем и даже ночью; жители Бонгу ходили в Энглам-Мана за кеу к празднику. Была установлена программа: сперва 5 числа, вечером, должен был плясать мун Горенду, затем на следующий вечер должны были прийти мун Богати и Гумбу. До начала муна ай вышел из Бонгу с хворостом, который был брошен в море, и после церемонии в лесу туземцы Горенду и Бонгу стали одеваться к муну. Главным характерным украшением были громадные 3-этажные султаны (сангин-оле), которые были так велики, что только курчавые куафюры папуасов могли их удер-

* — игра не стоит свеч. — *Ред.*

живать. За пояс были заткнуты три большие ветки *Coleus*, которые при каждом шаге качались за спиной. Такие же ветки, воткнутые за сагю (браслеты), украшали ноги и руки. Султаны состояли: 1-й, большой, нижний,— из казуаровых перьев; 2-й — из перьев какаду, из которых некоторые были прикреплены верхушкой; 3-й — из перьев райской птицы; он был прикреплен к эластичному стеблю и при каждом движении танцора раскачивался. Кроме выбеленных двух дю, некоторые туземцы имели на голове род диадемы из собачьих зубов. На шее, кроме буль-ра, ямби и других мелких украшений из зубов или бус, висели у большинства губо-губо. Европейские тряпки (подарки времени Гарагасси) играли также немалую роль.

Мун-Коромром. Танцоры, попарно, при звуках окамов, покачивая в такт и одновременно своими сангин-оле, плавно вошли в Бонгу и, описав дугу, стали описывать круги вокруг площадки, иногда попарно, иногда, образуя длинную цепь, в одиночку. Перед пляшущими, лицом к ним, один из туземцев Бонгу двигался, постепенно пятясь назад; он не был украшен подобно танцорам, имел только несколько красных цветков в волосах и держал в руке обращенное острием внутрь копьё. На конец копья был насажен кусок скорлупы кокосового ореха из опасения ранить нечаянно своих визави. (Этот как бы встречавший гостей туземец напомнил мне «чекалеле» и встречи в деревнях на Молуккских о-вах.) Пляска и пение были довольно монотонны. Пляска состояла из плавных небольших шагов и незначительного сгибания колен, причем корпус слегка нагибался вперед, и султан также кивал вперед. Мало-помалу присоединялись к группе танцоров и женщины, в новых малях, с множеством ожерелий, а некоторые — украшенные зеленью, заткнутой за сагю на руках. Многие были беременны, другие с грудными детьми на руках. Пляска женщин была еще проще мужской и состояла только в вихлянии задом. Единственная вариация состояла в том, что танцоры останавливались, образуя круг, продолжая петь, бить в окамы и кивать султанами. Женщины тоже останавливались и, расставив немного ноги, еще усерднее вертели задом. Мун продолжался до рассвета; в нем принимала участие молодежь Горенду и Бонгу.

Мун. Я из Богати пошел в Бонгу засветло, часов в пять. Мун был гораздо многочисленнее и группировка была иная, чем в Мун-Коромром. Главных танцоров с сангин-оле и губо-губо окружали женщины, которые держали их луки и стрелы, и, кроме того, несли свои большие мешки на спинах. Было также много вооруженных туземцев, которые пели и в случае неимения окамов били небольшими палочками по связкам стрел, которые они несли в руках. Движения пестрой толпы были не так

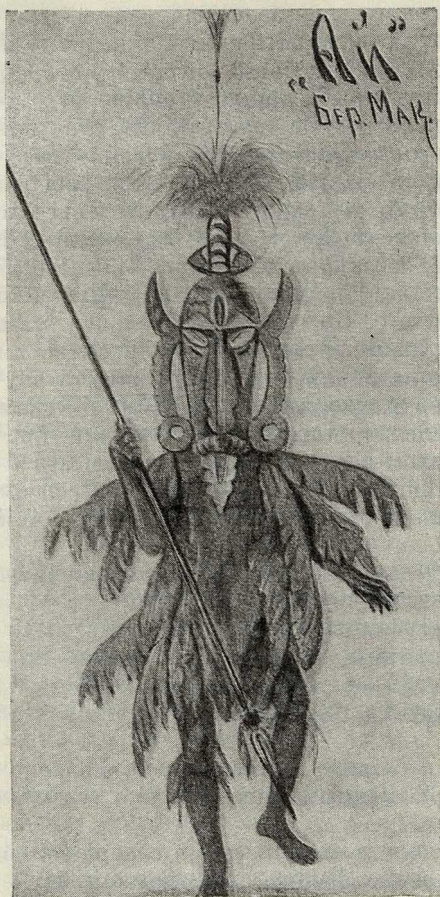
медленны, и двое главных танцоров выделявали довольно замысловатые па (напр., заложив окам за шею и закрыв глаза, выкидывали ногами). Но что особенно мне показалось интересным, — это мимические пляски, при которых танцоры расступались, оставляя между собою свободное пространство, где главные танцоры производили свои эволюции. Мимические представления изображали охоту на свинью, убаюкивание ребенка отцом и матерью, причем один из мужчин надел женскую юбку и мешок и представлял женщину, а окам, положенный в мешок, представлял ребенка. Этот пассаж следовал после сцены, изображавшей, как женщина прячется от преследующего ее поклонника за спиной другого. Но еще замечательнее была карикатура, изображавшая туземного медика и принесение им онима: один из танцоров сел на землю, другой с длинной веткой в руках стал, танцуя вокруг, ударять ею по спине и бокам первого; затем сделал несколько кругов вокруг площадки, прошептал что-то над веткой, потом вернулся к больному и возобновил первую операцию. Танцор представил затем, как совсем запыхавшийся и вспотевший медик отнес ветку в сторону и растоптал ее на земле.

Мужчины и женщины имели однообразно раскрашенные физиономии; во рту все мужчины вертели губо-губо.

Когда я пришел утром (туземцы плясали всю ночь), муи, обойдя вокруг кокосовой пальмы, остановился около нее в то время как один из участников муна, туземец из Богати, влез на дерево и стряс все орехи, которые и послужили угощением для членов муна.

Что мне бросилось вчера в глаза, — это безобразие физиономий — впечатление, которое на меня произвели также туземцы о-вов Адмиралтейства.

Сель-мун (Гумбу). Около восьми часов, в совершенной темноте, при свете одного только факела и негромком звуке окамов вошел Сель-мун на другую площадку Гумбу. Высокими сангин-оле и множеством зелени украшенные танцоры, из коих многие были окрашены черной и белой краской, при слабом свете разгоравшегося костра и при отдаленном громе и частых молниях, имели очень фантастический вид. Из трех сангин-оле самый высокий превышал три человеческих роста и был по крайней мере 5 м вышины. Для того чтобы держать эти громадные бамбуки на головах, бамбук на конце был расщеплен и во многих местах привязан к волосам, которые почти скрывали лицо; спина и грудь были закрыты большим маль; подмышками, почти до колен, висели большие пучки зелени, которой были также украшены руки и ноги. Весь этот наряд почти что скрывал человеческий образ. Эти танцоры двигались почти самостоятельно от прочих, даже когда другие останавливались; напр.,

Танцор во время праздника у папуасов.

когда один из туземцев при общем молчании произносил речь, они, как заведенная машина, продолжали ходить вокруг костра. Сель-мун, который я уже видел в 1872 г. в Гумбу, является ночным; как и при «коромром», туземцы двигались толпой вокруг костра. Мун продолжался до восхода солнца.

Познакомившись с папуасскими танцами, можно заметить: 1) что женщины в них не играют главной роли, 2) что танцы не имеют безнравственного характера. Мужчины являются хорошими танцорами, довольно грациозны и выделывают довольно хитрые штуки. Женщины, как уже сказано, приводят в движение только зад, поэтому обращаются спиной к зрителям.

Морор-мун. Уже вчера были приготовлены пирамидообразные связки кокосовых оре-

хов, которые назначались для туземцев Гумбу, Горенду, Богатим, Колику-Мана. По окончании муна и завтрака туземцы Бонгу принесли большие корзины с аяном, из которых многие едва могли поднять 4 человека, и связки саго. Все корзины были расставлены по группам; к каждой поставили по палке, украшенной веткой *Coleus*. Один из туземцев Бонту сказал речь, держа при этом палку с веткой; затем другая длинная речь была сказана Моте, который говорил долго и весьма взволнованно. Можно было заметить, что речи были не импровизации, а приготовленные заранее; по интонации, жестам и выражению казалось, что оратор

торы не были лишены красноречия. Тон речей, особенно Моте и Эгли, был презрительный, и я предполагаю (речей я не мог понять), что ораторы укоряли сограждан за то, что те принесли мало продуктов для морора. Была и ответная речь туземца из Горенду. Каждый оратор приставил обратно палку с веткой к куче корзин, но, когда ораторы кончили свои речи, один из них собрал все палки и отставил их в сторону; затем ораторы и жители Бонгу удалились. Калун взял метелку, лист пинанга, и, шепча что-то, обмел вокруг корзин. Туземцы вернулись, неся много табиров, гунов, малей, собак, и положили все это около корзин. Особенно большая куча образовалась около Муля, который стоял близ одной кучи с женой и дочерью, между тем как у другой стояли жена и дочь Калуна. Отдавая Мулю табиры или мали, клали их ему на голову. Разложив и передавая вещи, жители Бонгу, покрыв голову табирами, пробежали по площадке, говоря что-то. Принесенным собакам завязали морды и убили их, ударяя изо всех сил головой о землю. Их также положили на кучи малей и табиров. В одной группе Калун передавал принесенные табиры и пр. Мулю из Богатима, в другой Омуль отдавал их Бонему (из Горенду), который, воткнув копьё в землю и поставив табир перед собою, снял суюаль и положил его в табир, накрыв веткой. Омуль, отдавая Бонему один табир за другим, накрывал каждый веткой. Бонем передавал их своему брату. То же было проделано с прочими предметами до последнего, после чего Омуль получил суюаль.

Подобным же образом табиры и другие вещи клали на барум Мало, который в свою очередь роздал их присутствовавшим туземцам Богатима. После этого дошли до пинанга и кокосов; большие пирамиды их были повалены и разобраны. Тем морор и кончился.

Мун вообще много, и все они различны. Различны мелодии, а также и сама пляска варьирует; для плясок, впрочем, не установлено строгой последовательности, и фигуры их зависят от самих танцоров.

Декабрь

Состояние моих ног заставляет сидеть дома.

22 декабря

Курьезная сцена произошла сегодня в Бонгу. Как я уже не раз говорил, днем в деревнях людей обыкновенно не бывает: мужчины или в других деревнях, или на охоте, на рыбной ловле, в лесу, или на плантации; женщины с детьми, большими и

малыми, также на плантациях. Возвращаются они перед заходом солнца. Зная это, а также и то, что мун уже кончился несколько дней назад, мы удивились, услышав несколько громких поспешных ударов в барум, который сзывал людей с плантаций в деревню. Я отправился также туда и был там один из первых.

Подоспевший ко мне Буа рассказывал мне следующее (между тем из хижины Лако неслись крики его жены). Лако, вернувшись раньше обыкновенного в деревню, застал затворенной в своей хижине жену, но не одну, а в обществе Калеу, молодого неженатого человека, лет 22. Туземцы вообще ходят так тихо, что виновные были застигнуты совершенно врасплох. Калеу, побитый или нет — не знаю, выбрался из хижины Лако, который начал тузить жену. Он на минуту оставил ее, чтобы созвать с помощью барума своих друзей. Когда я пришел, Калеу стоял, потупившись, около своей хижины, а Лако продолжал чинить расправу в своей. Наконец, он выскочил, вооруженный луком и стрелами, и, оглядев кругом присутствующих, которых уже набралась целая толпа, увидел Калеу. Тогда он остановился и стал выбирать стрелу для расправы. В то же время один туземец подал и Калеу лук и несколько стрел. Смотри на Лако и на крайнее его возбуждение, я не думал, чтобы он был в состоянии попасть в противника, и, действительно, стрела пролетела далеко от Калеу, который стоял не шевелясь. И другая стрела не попала в цель, так как Калеу во-время отскочил в сторону, после чего он не стал ждать третьей и быстро скрылся.

Стрелял ли он в Лако или нет, я не заметил; я следил за последним. Мне, однако, сказали, что он выстрелил раз и не попал. По уходе Калеу ярость Лако обратилась на хижину первого: он стал рвать крышу и ломать стены ее; но тут туземцы нашли подходящим вмешаться и постарались отвести его в сторону.

На другой же день я застал противников дружелюбно сидевшими у берега моря и курившими одну и ту же сигару. Увидя меня, оба захохотали: «А ты вчера видел?» — спросил меня Лако. «Видел», — отвечал я. «А что же сегодня? Калеу хороший или дурной человек?» — захотел я знать. — «О, хороший, хороший», — заявил Лако. Со своей стороны Калеу то же говорил о своем сопернике.

На тропинке в Бонгу я встретил Унделя и указал ему на сидящих Лако и Калеу.

Ундель сказал мне, что Лако прогнал свою жену, которая живет теперь в хижине Калеу, причем он прибавил известную пантомиму и громко рассмеялся.

Однако такие случаи происходят очень не часто; это всего третий, о котором я узнал.

Январь

Наблюдения по антропологии. Волосы новорожденных не курчавы. До сих пор измерил 102 головы мужчин, 31 — женщин и 14 — детей. Рассматривал также ноги, руки и ногти туземцев.

Февраль

Пребывание в Айру и экскурсия на архипелаг Довольных людей и в деревню Эремпи. Так как Каин не знал дороги в эту деревню, то мы заехали на о. Сегу и забрали там двух людей как проводников. Из бухты мы вошли в речку Аюн-Монгун. Проехав незначительный приток ее, мы очутились в небольшом, почти что круглом, окруженном лесом озерке, называемом Моут-Монгун. Здесь пришлось оставить пирогу и идти по узкой тропинке, очень неудобной по причине множества пересекающего ее ротанга. Замечательно высокий дикий бананик обратил на себя мое внимание; плоды были маленькие, зеленые, полные зерен. Их нельзя было есть. Листья были, сравнительно с другими видами, очень узки. Мы продолжали наш путь на запад и после более чем часовой ходьбы пришли в дер. Эремпи. Жители ее были очень испуганы моим неожиданным появлением и, вероятно, моим видом, так как они до сих пор, как мне сказал Каин, не видали белых.

Несколько протяжных ударов в барум созвали жителей деревни, которые работали на плантациях и в окружающих поселениях. (Люди Эремпи живут в небольших, разбросанных в лесу хижинах, приходя от времени до времени в главную деревню.)

Хижины в Эремпи были почти все на сваях, но люди внешне ничем не отличались от других папуасов берега Маклая. Я смерил несколько голов и записал несколько слов их диалекта.

Хотя люди здесь, как говорят, людоеды, но в своих украшениях не имеют ни одного человеческого зуба или кости, и между орудиями их последние никогда не употребляются. Каин мне сказал, что остатки костей выбрасываются в море. Я здесь видал щиты другой формы, чем на о-вах Довольных людей, — они не круглы, а продолговаты.

Возвращаясь на другой день рано утром, я с удивлением услышал очень громкий голос, который я не мог приписать

никакому мне известному животному; во всяком случае, можно было думать, что животное это должно быть значительных размеров. Я был очень удивлен, узнав, что это был голос взрослого казуара. Каин, уверял, что их здесь, в этом лесу, особенно много и что он часто слышал их.

Тревога людей Бонгу вследствие булу-рибут около моей хижины. Мне как-то не спалось, и я подумал, что хорошо было бы послушать музыку, которая всегда освобождает от различных назойливых размышлений. Я вспомнил, что, путешествуя по Малайскому полуострову, я не раз в селениях и даже в лесу засыпал под звуки своеобразной, заунывной музыки малайских булу-рибут.

Надеясь, что Сале сумеет их сделать, я заснул, очень довольный своей идеей. Узнав на другой день, что Сале действительно умеет делать булу-рибут, я приказал ему сделать мне 4—5 штук различной величины.

Объясню в двух словах, что такое булу-рибут, по крайней мере та форма, которая в употреблении у малайцев Иохора и Явы. Они состоят из стволов бамбука различной длины (до 60 футов и более), внутренние перегородки которых удалены и в которых в разных местах и на различных расстояниях одна от другой сделаны продольные щели, широкие и узкие. Такие бамбуки укрепляются у хижин или на деревьях в деревне, а иногда и в лесу. Ветер, проникая в щели, производит весьма курьезные звуки. Так как отверстия расположены с разных сторон бамбука, то всякий ветер приводит в действие эти оригинальные эоловы арфы. От длины и толщины стенок бамбука, степени сухости его и положения булу-рибут (т. е. находится ли он посередине дерева или на вершине его) зависит характер звуков.

Дня через три Сале показал мне пять штук сделанных им булу-рибут; два из них имели более 40 футов в высоту. С помощью своих людей я распределил их по вершинам стоявших около хижины деревьев, укрепив один из них на самой веранде моего дома. Так как полагается, по объяснению Сале, чтобы булу-рибут стояли отвесно, то нам стоило немало труда прикрепить их к деревьям надлежащим образом, тем более что нужно было привязать их во многих местах для того, чтобы их не сдуло ветром. Я с нетерпением ждал вечера, чтобы убедиться, удались ли Сале его булу-рибут. Днем ветер слишком силен, так что шелест листьев окружающего леса и шум прибоя на рифе вокруг мыска заглушают звуки малайской эоловой арфы. Разные заботы в течение дня совершенно отвлекли меня от мысли о бамбуках, и, только когда я уже лег и стал засыпать, я услышал какие-то протяжные, меланхолические звуки, а затем был озадачен резким свистом, раздавшимся у самого дома; свист

этот повторялся неоднократно. Несколько других, трудно определяемых звуков, не то завыванье, не то плач, слышались близ дома. Я услышал голоса Сале и Мэбли, толкующих о булу-рибут, и вспомнил о нашем утреннем занятии.

В течение ночи меня раза два будил резкий свист на веранде; так же явственно слышались звуки и других бамбуков. Вся окрестность казалась оживленной этими звуками, которые перекликались, как разноголосые часовые на своих постах.

На другой день никто из туземцев не явился ко мне. Когда же и следующий день прошел без посещений, я стал недоумевать и думать, что в Бонгу, вероятно, что-нибудь случилось, раз туземцы целые два дня не показываются около моего дома. Это было совершенно против их обыкновения, так как редко проходил день, чтобы кто-нибудь из жителей окрестных деревень не зашел посидеть и поболтать со мною или с моими слугами. Вследствие этого я отправился в деревню узнать, в чем дело.

Я вышел перед заходом солнца, когда туземцы обыкновенно возвращаются с работ. Я застал всех по обыкновению занятыми приготовлением ужина. Я подошел к группе туземцев, поспешивших очистить для меня место на барле.

— Отчего вчера и сегодня не приходили в таль Маклай?

Туземцы потупились, говоря: «Мы боялись».

— Чего? — с удивлением спросил я.

— Да тамо русс.

— Каких тамо русс? Где? — допрашивал я, озадаченный. — Где вы их видели?

— Да мы их не видели, но слышали.

— Да где же? — недоумевал я.

— Да около таль Маклай. Мы слышали их вчера и сегодня ночью. Их там много, они так громко говорят.

Тут мне стало ясно, что булу-рибут около моей хижины были причиной этого недоразумения, и я невольно улыбнулся. Туземцы, внимательно следившие за выражением моего лица, подумали, что я соглашаюсь с ними, и осыпали меня вопросами: «Когда прибыли тамо русс? Каким образом? Корвета ведь нет? Прилетели они? Что будут делать? Долго ли останутся? Можно ли прийти посмотреть их?» Все это показалось мне до такой степени смешным, что я захохотал. «Никаких тамо русс в таль Маклай нет. Приходите посмотреть сами», — сказал я и вернулся домой в сопровождении полдервни, отправившейся искать тамо русс и оставшейся в большом недоумении, не найдя никого. Туземцы, однакоже, не были совершенно убеждены, что тамо русс не являются, по крайней мере, по ночам, каким-либо образом для совещаний с Маклаем, и положительно боялись приходить ко мне после захода солнца.

Звуки булу-рибут первое время своей пронзительностью будили меня, но потом, привыкнув к ним, я хотя и просыпался, но тотчас же опять засыпал. И когда я засыпал, то эта мягкая заунывная музыка под аккомпанемент шелеста деревьев и плеска прибоя убаюкивала меня.

Ноги все еще сильно болят.

М а р т

С в а д ь б а М у к а у. Несколько мальчиков из Горенду прибежало сказать мне, что невесту уже ведут из Гумбу. Я последовал за ними к песчаному берегу ручья и застал там несколько туземцев из Гумбу, пришедших с невестой. Они сидели и курили, пока двое из молодых людей (лет 17—18) занимались туалетом невесты. Я подошел к ней. Ее звали Ло, и она была довольно стройная и здоровая, но не особенно красивая девочка, лет 16. Около нее вертелись три девочки, 8—12 лет, которые должны были проводить невесту до хижины ее будущего мужа. Но собственно туалетом невесты занимались, как я уже сказал, молодые люди. Они вымазали ее, начиная с волос головы до пальцев ног, положительно всю, за исключением мест, покрытых несложным костюмом папуасок, красной краской — «суру». Пока невесту натирали охрой, туземцы, сидевшие поодаль, подходили к ней, чтобы оплевать ее со всех сторон нажеванной заговоренной массой: это называлось «оним-атар». Последний из них, нажевав какую-то специальную массу, обрызгал ею нижнюю часть живота невесты, отогнув для этого переднюю часть ее костюма. Он проговорил еще что-то, и тем операция оним-атар кончилась. Невесте провели три поперечных линии белой краской (известью) поперек лица, а также линию вдоль спинки пояса и навесили много ожерелий из собачьих зубов, а за браслеты на руках воткнули тонкие и гибкие отрезки пальмового листа, к концу которых прикрепили по разрисованному листику. Невеста подчинялась всем этим манипуляциям с величайшим терпением, выставляя поочередно ту часть тела, которую натирали. Поверх весьма незначительного девичьего пояса, очень короткого спереди, надели на нее новый маль, желтый с красными полосами, доходивший до колен, но по сторонам оставлявший ноги и бедра совершенно открытыми. Остатками суру вымазали девочек, сопровождавших невесту.

Ло положила обе руки на плечи девочек, которые, обнявшись таким же образом, т. е. положив руки на плечи своих спутниц, двинулись по тропинке в деревню. У всех четырех головы были опущены, они не смотрели по сторонам, а в землю, и двигались очень медленно. На головы им был положен большой женский «гун». Их сопровождали гуськом пришедшие с ними

туземцы Гумбу. В процессии, кроме трех девочек, не было других женщин. Чтобы видеть все, я следовал одним из первых за невестой, смешавшись с толпой туземцев Гумбу.

Войдя в деревню, мы застали всех жителей, мужчин и женщин, у дверей хижин. Дойдя, наконец, до площадки Канилю, квартала Бонгу, где находилась хижина жениха, девушки остановились в том же положении, как и шла. Здесь же сидели женщины Бонгу и приготавливали «инги», а мужчины сидели в разных группах.

Прошло несколько минут общего молчания, которое было прервано короткой речью Моте, подошедшего к девочкам и положившего на мешок, закрывавший их головы, совершенно новый маль. Отошедшего в сторону Моте заменил Намуй, вышедший из хижины напротив, который, произнеся краткую речь, беглым шагом приблизился к девушкам и положил на голову Ло новый табир. Из

группы женщин Гумбу выделилась одна, которая сняла с головы невесты табир, маль и гун и положила их около нее. После этого последовал целый ряд жителей Бонгу, привося один за другим разные вещи: табир, большое число мужских и женских малей, мужские и женские гуны и т. д. Двое принесли по новому копы, так называемому «хадга-нангор». При этом некоторые из туземцев говорили короткие речи, другие же молча клали свои приношения около невесты и молча отходили в сторону. Женщины Гумбу поочередно подходили, чтобы снять подарки с головы Ло, и клали их вместе с другими около нее. Подруги Ло занимались в это время разборкой даров, кладя табир к табрам, мали к малям и т. д. Когда последний подарок был положен, подружки невесты отошли и присоединились

Невеста из деревни Бонгу

к группе женщин Гумбу. Воцарилось опять общее молчание. Один из старых туземцев, опираясь на копье, подошел к Ло и, обвив вокруг пальца пук ее волос, начал речь, обращаясь к невесте, сидевшей у его ног. По временам, как бы для того, чтобы подчеркнуть сказанное и обратить ее особенное внимание, он сильно дергал ее за волосы. Было ясно, что он говорил о новых ее обязанностях как жены. Его место занял другой старик, который также, перед тем как начать говорить, навернул себе на палец прядь волос Ло и при некоторых наставлениях дергал их так усердно, что девушка привскакивала на месте, ежилась и тихо всхлипывала. Все шло, как по заученной программе; видно было, что каждый твердо знал свою роль.

Во время всей церемонии присутствовавшие сохраняли глубокое молчание, так что речи, произносившиеся не очень громко, можно было хорошо слышать. Собственно невеста и жених были совершенно на втором плане, до того, что один из главных действующих лиц, старик Гуна, совершенно забыв имя жениха, обратился к присутствовавшим, чтобы узнать его, что было принято однакож не без смеха. Также отец и мать невесты не принимали никакого особенного участия в происходившем.

После того как двое или трое стариков прочли свои инструкции, подкрепляя свои наизидания дерганьем волос бедной Ло, отчего она все более и более всхлипывала, церемония кончилась. Пришедшие с невестой туземцы стали собираться домой. Женщины забрали все дары, сложенные около Ло, распределив их по своим мешкам, и стали прощаться с новобрачной, пожимая ей руку над локтем и гладя ее по спине и вдоль рук. Невеста, все еще всхлипывая, осталась ожидать в том же положении прихода своего будущего мужа.

Я узнал, что все вещи, послужившие для покупки Ло, были даны туземцами Бонгу вообще, а не только родственниками Мукау, и в свою очередь они не пойдут единственно в семью невесты, а будут распределены между всеми жителями Гумбу. Разумеется, при этом распределении родственные отношения к семье невесты будут играть известную роль.

Вернувшись к хижине Мукау, я застал уже будущего супруга Ло, занимающегося приготовлением угощений для гостей. Мукау — лет 14 или 15; Ло годом или двумя старше его. Над первым не была еще совершена операция «мулум», почему многие жители Бонгу изъявили свое неодобрение, другие указывали на то обстоятельство, что Асел, который давно женат и имеет уже детей, не был еще подвержен этой операции. Из этого обстоятельства я увидел, что обычай «мулум» не соблюдается слишком строго на берегу Маклая. На другой день я видел целую толпу молодых людей Бонгу, которые шли вместе с Му-

кау к морю купаться. Они громко говорили и смеялись. Это купанье, очевидно, имело непосредственную связь со свадьбой; провожали ли и мыли ли молодые девушки Ло, я не знаю; во всяком случае это купанье Мукау было последним актом его свадьбы.

20 июня 1877 г. я видел и другой род свадьбы, именно похищение девушки силой, но собственно силой только для вида, по заранее условленному соглашению. Случай этот произошел таким образом. Часа в два или в три дня послышался барум в Бонгу, призывавший к оружию. Прибежал мальчик в деревню с известием, что несколько вооруженных людей из Колику-Мана неожиданно явились на плантацию, где работали две или три женщины Бонгу, и увели с собою одну из девушек. Несколько молодых людей Бонгу отправились в погоню за похитителями. Произошла стычка, но только для вида (так как все было условлено заранее), после чего все отправились в Колику-Мана, где было приготовлено общее угощение. Между людьми, принимавшими участие в погоне, находились отец и дядя увиденной девушки. Все вернулись с подарками из Колику-Мана, и все довольные. Похищенная девушка стала женой одного из похитителей.

А п р е л ь

Я сидел около дома, любуясь вечерним освещением далеких гор и леса кругом. Пришел Саул-боро и сел возле меня, но долго ничего не говорил. Наконец, он собрался и сказал: «Маклай, сколько у тебя жен, детей, внуков и правнуков?» Я посмотрел на него и невольно улыбнулся. Он говорил очень серьезно и смотрел на меня вопросительно. «Где?» — спросил я. — «Я не знаю, — ответил Саул, — в России, на луне», — поправился он. — «У меня ни жены, ни детей, нет», — сказал я. Саул недоверчиво засмеялся. — «Маклай не хочет говорить, — добавил он. — Ну так скажи, помнишь ли ты, когда это дерево было очень маленьким? — спросил он, указывая на громаднейший *Calophyllum inphilum*, росший неподалеку и которому было, наверное, несколько сот лет. — Ты, может быть, посадил его?»

Поглядев на Саула и не доверяя что-то его серьезности, я пожелал знать, почему он думает, что я так стар? «Да ты пикогда не бегаешь, не хочешь плясать, когда все старики у нас пляшут; жен здесь не хочешь брать; седых волос на голове много и ты не хочешь, чтобы тебе их выдернули».

В этот вечер Саул ушел от меня очень недовольный тем, что Маклай ничего не хочет ему сказать.

Экскурсия на о-ва Били-Били, Ямбомбуи и некоторые острова архипелага Довольных

людей. Из Били-Били я отправился на остров Ямбомбу. Дорогой туда остановился у островка Урему, или Урембу, как другие его называют. Здесь собственноручно посадил в разных местах по берегу 12 кокосовых пальм и приказал Каину помнить, что здесь посадил их Маклай, прибавив, что в следующий мой приезд я построю себе дом вместо Айру в Урембу. На этом острове никто никогда не жил; только по вечерам слетается сюда, как и на Били-Били, множество голубей, которые остаются здесь до следующего утра, когда они снова массами летят в леса. Каин называет часто поэтому Урему Мулики-амб (дом голубей; мулики означает на диалекте Били-Били голубь, а амб — дом).

На материке, против о. Урему, в море впадает речка Иогуму, довольно значительная. Небольшое селение находится в верховьях ее. Урему и Ямбомба ограждают небольшую гавань, которая может быть довольно удобной для небольших судов.

В Ямбомбе я встретил очень радушный прием. Все, казалось, были рады моему приезду. Бирамор проводил меня в свой «дарем» (на диалекте Ямбомба буамрамра называется «дарем»). Видел у него топор, ручка которого была образцом папуасской резьбы. Это был первый и единственный экземпляр, виденный мною на берегу Маклая. Заметил также висевший на шнурке, пробуравленный, плоский, круглый камень. На мои вопросы: «Откуда, кто сделал?» — туземцы отвечали: «Из моря», «Не знаем», «Это сделано не людьми». Однако нашелся один, который пояснил, что «наме-наме» (давно, давно) людям Ямбомбы привезли этот камень с о. Корогу, * который находится очень далеко от Ямбомбы, что теперь люди Ямбомбы не только не ездят туда, но не знают даже, где он находится. Люди Ямбомбы не знали, для чего служили эти камни. **

Несколько туземцев работали над новой пирогой, именно — пришивали длинную планку у одного борта ее. Несколько соответственных отверстий было сделано в краях пироги и доски; в них продевалась крепкая лиана, которую туземцы называют «урамер», — много раз, пока отверстия, сантиметров около четырех в диаметре, не были совершенно заполнены оборотами лианы. Одно подобное закрепление отстояло от другого приблизительно на полметра, и все скважины и отверстия были законопачены наскобленными и размоченными внутренними слоями

* Я много раз от других туземцев слышал название Корогу, но не мог добиться, где находится этот остров. Мне кажется, что из теперешних жителей берега Маклая никто там не бывал, а только слышали от отца или от деда это имя.

** Этот камень был не что иное, как каменный наконечник палицы, какие употребляются на южном берегу Новой Гвинеи, а также на некоторых островах архипелага Луизианы.

коры «дым». Работы было немало, но прежде было еще больше, потому что, не имея гвоздей, туземцы должны были делать отверстия каменными орудиями, вследствие чего отверстия были больше; теперь же они обтачивают большие гвозди в виде долот и очень искусно делают небольшие четырехугольные отверстия. Они очень обрадовались, когда я им показал, что, накалив гвоздь на огне, они могут прожигать отверстия разного диаметра, смотря по толщине гвоздя, в бамбуке и не слишком толстых досках. Они очень серьезно просили меня поселиться на о. Урему, надеясь, вероятно, на помощь, которую я могу оказать им своими столярными инструментами. Подаренные мне при отъезде старые кокосовые орехи с ростками я прибавил к тем, которые посадил сегодня утром на о. Урему.

Вернувшись на Били-Били, я сказал Мебли, что подниму его очень рано, чтобы отправиться на о-ва Довольных людей.

10 мая

За неимением часов я пожертвовал свечой с пометками, соответствующими часам и получасам. Проснувшись, когда моя свеча-часы показывала половину первого часа ночи, я встал и разбудил Мебли, но прошло более часа, пока было все готово и мы могли сдвинуть «дынги» в море. Ветер был слаб, и к рассвету мы были не далее как милях в двух на юго-восток от о. Тамб — крайнего острова группы.

Тамб и Матарен имеют улеу, обращенный к лагуне, между тем как о. Певай кругом окаймлен скалами, так что пристать к нему неудобно. Проход между островами Тамб и Матарен чист, между тем как между Певай и Митебог находится риф.

Мы высадились на о. Тамб. Он весь покрыт лесом и не имеет воды. Кроме больших деревьев, здесь встречается один вид пандануса, а также один кустарник, который при положительном отсутствии здесь тропинок очень затрудняет передвижение по острову. После завтрака Гассан очень тщательно собрал все объедки и, свернув их, положив камень в середину и обвязав все гибкой лианой, бросил связку далеко в море, для того чтобы дурные люди, найдя наши объедки, не заговорили их и не причинили нам вреда.

С о. Тамб мы направились к о. Митебог. Везде глубина была значительной, но могла представлять много удобных якорных стоянок. Пролив между материком, мысом Год-Аван и о. Митебог был достаточно глубоким для судов больших размеров. На о. Митебог две деревни: Митебог и Гада-Гада. Жители последней — переселенцы с другого острова, который они покинули вследствие войны с жителями о-вов Тиары. Семейные

хижины все построены на сваях, даремы * же — прямо на земле, как на Били-Били, Тиаре и т. д.

На конце конька, над входом, красовалась большая, из дерева вырезанная рыба. Люди здесь были особенно любезны, упрашивали остаться ночевать у них, на что я не согласился потому, что Гассан предупредил меня, что очень боится остаться ночевать в Митебоге или в Гада-Гада, с которыми жители Били-Били находятся в неприязненных отношениях; он боялся, что во время сна ему отрежут несколько волос, заговорят их и что он от этого заболит.

В Митебоге строят много пирог; в одной полуготовой, т. е. не вполне выдолбленной, была налита вода, как мне объяснили, чтобы размочить дерево и сделать его более мягким для долбления.

Лишившись моих часов, я должен был приискать какое-либо мерило времени. Днем (так как пасмурных дней здесь сравнительно мало) солнечные часы определяют время, но вечером я много раз замечал, что, занимаясь какой-нибудь интересной работой, совершенно теряешь всякое представление о времени. Я придумал следующий способ, который оказался довольно практичным.

Я взял две стеариновые свечи, у которых отрезал верхние конические концы, а затем зажег одну из них. По прошествии часа я отметил на незажженной свече чертой, насколько вторая свеча сгорела, и, заметив время, снова зажег вторую. По прошествии еще часа я сделал то же, т. е. отметил на целой свече, насколько вторая свеча укоротилась вследствие горения в продолжение двух часов. Я сделал то же и для третьего часа. Найдя, что отмеченные отдели были почти равны, я взял среднюю величину и разделил ее на четыре равные части. Таким образом я получил шкалу сгорания свечи. Я, однако, скоро заметил, что сквозной ветер, дующий с разных сторон, делает сгорание свечи неравномерным, почему пришлось придумать какой-нибудь способ для опражнения свечи от сквозного ветра. Такой аппарат я себе устроил очень просто: вырезав одну из стенок большой жестянки от бисквитов, я получил аппарат, предохраняющий свечу от сквозняка и неровного сгорания. К подсвечнику, который был употреблен для этой цели, я прикрепил масштаб из бамбука с делениями. Так как в этой местности почти круглый год солнце поднимается в одно и то же время, то, зажигая свою свечу в 6 часов утра, я мог почти точно определять с помощью ее сгорания часы вечера.

* На диалекте Митебог даремами называются хижины, которые на диалекте Бонгу носят название буамрамра.

29 мая

Болезнь и смерть жены Моте. Утром мне сказали, что жена Моте очень больна, и просили прийти в деревню. В час пополудни один из туземцев пришел с известием, что женщина эта умирает и что муж ее просит меня дать ей лекарство. Я отправился и, услышав жалобный вопль женщин, которые голосили в разных углах площадки перед хижинкой, подумал, что больная уже умерла. Около хижины сидело несколько женщин из Бонгу и Горенду, кормивших грудью детей. Мне указали на хижину умирающей, в которую я вошел. В хижине было очень темно, так что, войдя в нее со света, я сперва не мог ничего разглядеть. На меня набросилось несколько женщин, прося лекарства. Когда глаза мои привыкли к темноте, я разглядел, что умирающая лежала и металась посередине хижины, на голой земле. Около нее расположилось 5 или 6 женщин, державших кто голову, кто спину, кто руки, кто ноги больной. Кроме того, в хижине было еще много других женщин и детей. Добиться толку было невозможно. Умирающая не разжимала зубов и только по временам как-то вздрагивала и старалась подняться. Вне хижины, как и внутри, все толковали о смерти. Сама больная иногда вскрикивала: «Умираю, умираю!»

Не успел я вернуться домой, как Моте пришел за обещанным лекарством. Я повторил, что принесу его. Отвесив небольшую дозу морфия, я вернулся в Бонгу. Меня встречали и провожали, как будто действительно я нес с собою верное исцеление от всяких недугов. В хижине меня ожидала та же картина. Больная не захотела принять лекарство, несмотря на то, что все уговаривали ее и один из туземцев даже предложил разжать ей зубы донганом, чтобы влить лекарство в рот. Больная повторяла по временам: «Умираю, умираю!»

30 мая

Солнце только что взошло, когда несколько коротких ударов барума возвестили, что жена Моте скончалась. Я поспешил в Бонгу. Вой женщин слышался уже издали. Все мужчины в деревне ходили вооруженные. Около хижины Моте я увидел его самого: он то расхаживал, приседая при каждом шаге, то бегал, как бы желая догнать или напасть на кого-то; в руках у него был топор, которым он рубил (только для вида) крыши хижин, кокосовые пальмы, кусты и т. д. Я пробрался в хижину, где лежала покойница, но там было так темно, что я мог разобрать только, что умершая лежит на нарах и кругом нее теснятся с причитаниями и воем женщины. Часа через два Лако и другие

родственники покойницы устроили в переднем отделении хижины род высокого стула из весел и палок. Один из туземцев вынес тело женщины, очень похудевшей в последние дни, на руках, другой принял и посадил его на приготовленный стул. У покойницы ноги были согнуты в коленях и связаны. Их завернули в женские мали, а около головы и по сторонам воткнули ветки *Coleus* с разноцветными листьями.

Между тем на площадку перед хужиной высыпали пришедшие из Горенду и Гумбу туземцы, все вооруженные, с воинственными криками и жестами. При этом говорились речи, но так быстро, что мне трудно было понять сказанное. Моте продолжал свою пантомиму горя и отчаяния; только теперь он был одет в новый маль, а на голове у него был громадный «катазан» (гребень с большим веером из перьев, который носят единственно тамо боро, т. е. отцы семейств); большой гун болтался подмышкой и, как утром, на плече у него был топор. Он расхаживал, как прежде, приседая, т. е. это был род пляски, которую он исполнял в такт под свою плаксивую речь и завывание женщин.

Что все это была комедия, которую действовавшие и присутствовавшие считали необходимым исполнять, было ясно видно и прорывалось по временам; когда Моте среди своих монологов (он хороший оратор), войдя вдруг в азарт, стал неистово рубить топором кокосовую пальму, тогда одна из женщин, кажется, сестра его, которая также выла, вдруг прервала свои отчаянные вопли, подошла к Моте и заметила ему самым деловым тоном, что портить дерево не следует; после чего Моте, ударив еще раза два, но менее сильно, отошел прочь и стал изливать свою горесть, ломая старый, никуда не годный забор. Также, когда стал накрапывать дождь, Моте выбрал себе сейчас же место под деревом, где дождь не мог испортить его нового маля и перьев на голове.

Пришло несколько друзей Моте из Гумбу и принесли, чтобы изъяснить свое сочувствие, подарки (табиры), положив их перед входом в хижину умершей. Табиры были сейчас же разобраны членами семьи.

Весь день продолжалось вытье Моте, и даже вечером он расхаживал и тянул свою песню, начинавшуюся словами «аламо-амо». Насколько я мог понять, он говорил приблизительно: «Уже солнце село, она все еще спит; уже темнеет, а она все еще не приходит; я зову ее, а она не является», и т. д.

Покойницу принесли снова в хижину, и снова множество женщин окружило нары, на которых она лежала, поочередно воя, поддерживая огонь и болтая.

Зайдя в Бонгу ночью, я застал ту же сцену: женщины бодрствовали внутри хижины и у входа в нее, мужчины — на

площадке у костра. Несколько раз ночью в Бонгу ударяли в барум, на звуки которого отзывался другой, где-то далеко в горах (как я узнал потом, то был барум деревни Бурам-Мана).

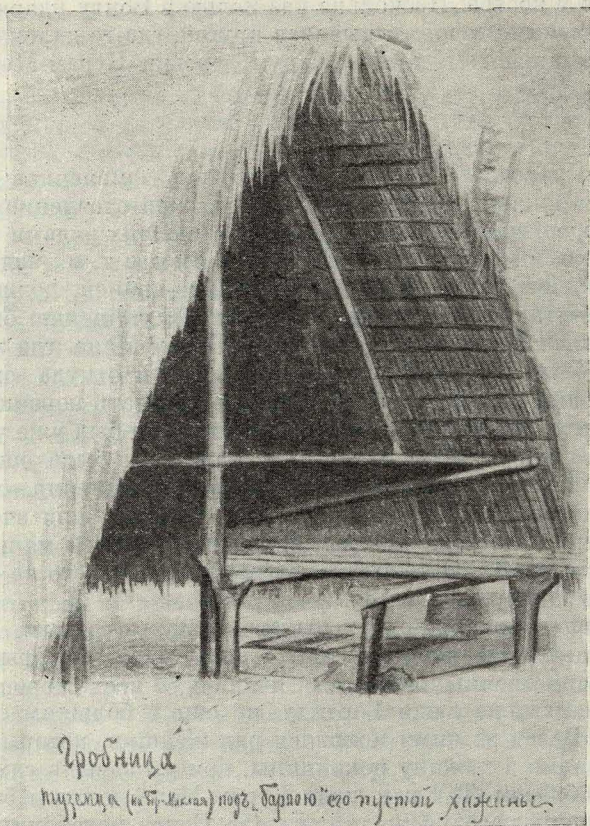
31 мая

Придя утром в Бонгу, я застал очень измененное настроение. Люди оживленно болтали, следя за приготовлением угощения, которое, судя по числу горшков, стоявших рядами на длинном костре, и по грудам шелухи таро, ямса и т. п., над которыми трудились, жадно хрюкая, несколько свиней, должно было быть значительным. Все приготовления к угощению были сделаны ночью. Мне сказали, что люди Бурам-Мана, где жило несколько близких родственников покойной и откуда она была родом, должны прийти «гамбор росар» (связать корзину) и что их теперь ждут. В хижине я увидал, что труп был уже упакован женщинами в коробку из «губ»,* но голова была еще видна. Подойдя к гамбору, я заметил, что все украшения, ожерелья и т. д., которые были навешаны на покойницу при вчерашнем выставлении ее тела, теперь сняты; даже новый маль не был оставлен и, кроме нескольких ветвей *Coleus*, ничего не было положено в гамбор.

Я вышел из хижины, услышав страшные крики. То была ватага жителей горной деревни Бурам-Мана, которые с криками и воинственными жестами явились со всех сторон на площадку, как вчера люди Горенду, но еще с большим шумом и азартом. Вслед за ними появился ряд женщин, которые направились прямо в хижину покойницы, причем завывали самым усиленным образом. Так как люди Бурам-Мана должны были вернуться домой сегодня же, то жители Бонгу поторопились распределить между ними угощение, которое не полагалось есть здесь, а надо было взять с собою. Для этого в каждый табир были положены банановые листья, а на них вареные „инги“ и куски свинины, так что было удобно связать их в большие свертки; затем к каждому свертку, число которых соответствовало числу пришедших мужчин (почти все родственники умершей), были приложены разные вещи, как то: табиры, гунны, мали и т. п.

Между тем двое из туземцев Бурам-Мана вынесли из хижины гамбор с покойницей, а за ними последовали женщины, которые стали неистово выть и толкаться вокруг гамбора. Мужчины занялись увязкой корзины с телом. Она была привязана к бамбуку, концы которого двое мужчин держали на плечах,

* Губ — не что иное, как листовые влагалища пальм разных видов.

Гробница папуаса

а двое других, не скупясь на ротанг, увязывали корзину, доведенную вследствие этого стягивания до весьма небольших размеров. Женщины, не переставая быть, стали кружиться и плясать кругом. По временам они останавливались, продолжая выделывать среднюю часть тела положительно неприличные движения; некоторые отделялись, скребли и терли руками гамбор, как бы лаская его, причем причитывали на разные голоса. Эти группы постоянно сменялись, пока, наконец, гамбор не был внесен обратно в хижину и не повешен при помощи перекладины в углу ее. В это время люди Бурам-Мана, нагрузив жен своими долями угощения и наследства, поспешили отправиться домой и ушли с гораздо меньшим шумом, чем пришли.

Застал утром всех туземцев от мала до велика с вычерченными лицами. У некоторых, кроме лица, грудь была также натерта черной краской; у третьих, кроме груди, — и руки, и спина, а Моте, муж покойницы, имел все тело испещренным черной краской — «куму». Мне сказали, что это было сделано уже вчера вечером. Сегодня все оставались в деревне и никто не ходил на работу. Мужчины пили кеу, женщины возились около хижин. Все были испачканы куму, не имели никаких украшений и походили на трубочистов. Заметив, что все без исключения были вымазаны черной краской, я, подойдя к Моте, попросил куму, которая мне и была тотчас же подана. К величайшему удовольствию обступивших меня туземцев, я, взяв мизинцем немного куму, сделал себе на лбу небольшое черное пятнышко. Моте стал пожимать мне руку, приговаривая: «э-аба, «э-аба», и со всех сторон слышались одобрителные возгласы.

Я вошел в хижину Моте и увидел большой цилиндр из кокосовых листьев метра в два вышиной как раз в том углу, где повесили вчера гамбор. Раздвинув немного листья, я убедился, что гамбор висел, как и вчера, на перекладине, а цилиндр был сделан вокруг него. В хижине горели два костра, что было целесообразно, так как запах от разлагавшегося трупа был очень сильный.

И ю н ь

Экскурсия в Гориму. Сидя за ужином на барле, около хижины Коды-боро, в Богати, я прислушивался к разговору, который вел мой хозяин, сидевший на пороге своей хижины, со своим сыном Уром, только что вернувшимся из другой деревни. Они говорили не громко и жевали при этом бетель, так что я почти ничего не понял из их разговора, хотя мог расслышать несколько раз мое имя.

Когда я кончил ужинать, слез с барлы и намеревался пройти по деревне, Коды-боро удержал меня, схватив за рукав.

— Маклай, ты не ходи в Гориму (деревня, лежащая в милях четырех от Богати по берегу).

— Я в Гориму не иду; я завтра вернусь в таль Маклай.

— Это хорошо, — сказал Коды.

— А отчего же мне не ходить в Гориму? — спросил я.

— Да люди Горимы нехорошие, — объяснил Коды.

Я на этот раз удовлетворился этим ответом, так как до наступления темноты я хотел взять несколько пеленгов для определения положения некоторых вершин хребта Мана-Боро-Боро, который был хорошо виден в этот вечер. Когда стемнело, я обошел несколько костров и поговорил с разными знакомыми.

Вернулся к баумрамре, где должен был провести ночь. Коды-боро хлопотал у костра. Я разостлал одеяло на барле и, найдя бамбук, на который положил все, что мог снять, приготовился к ночи, т. е. снял башмаки, гамаши и т. д. Затем позвал Коды-боро и спросил его:

— Отчего люди Горимы борле (нехорошие)?

Коды замялся. Я сунул ему в руку несколько больших кусков табаку.

— Ты скажи, Коды, а то я вернусь домой, возьму шлюпку и поеду прямо в Гориму.

— О, Маклай, не ездь в Гориму! Люди Горимы скверные!

— Ты скажи, почему? Что тебе сегодня сказал Ур?

Видя, что я не оставляю его в покое, Коды решился сказать, что слышал. Ур, вернувшись из деревни, куда ходил к родителям жены, рассказал, что встретил там двух туземцев из Горимы, которые говорили обо мне, что у меня много вещей в доме, что если бы люди Бонгу убили меня, то могли бы все взять, что двое из жителей Горимы хотят приехать нарочно в таль Маклай, чтобы убить меня и взять, что могут, с собою. Вот почему Коды называет людей Горимы «борле» и просит Маклая не ездить в их деревню.

— А как зовут этих двух людей Горимы, которые хотят убить Маклая? — спросил я.

— Одного зовут Абуй, другого Малу, — ответил Коды.

Я дал ему еще кусок табаку и сказал, что хочу спать. По мере того, как Коды говорил, у меня составилась план относительно того, что делать в этом случае. Я был удивлен, что после такого долгого знакомства со мною (правда, люди Горимы только один раз, во время моего первого пребывания, были у меня, так что, разумеется, очень мало знали меня) находились еще люди, думающие и говорящие, что хотят меня убить. На это они имели уже довольно времени и случаев. Я в сущности не верил, что они говорят серьезно, и был убежден, что при самых удобных обстоятельствах эти люди не посмели бы напасть на меня открыто; бросить же копьё из-за угла, подкараулив меня около хижины, или пустить стрелу, — на это я их считал вполне способными. Худшим обстоятельством, мне казалось, было то, что они сами говорят об этом, так как это может подать подобную же мысль кому-нибудь из моих более близких соседей. Кто-нибудь может подумать: «Зачем ждать, чтобы люди Горимы убили Маклая и взяли его вещи? Я попробую сделать это сам, и вещи будут мои». Засыпая, я решил отправиться сам в Гориму, даже, пожалуй, и завтра, если буду чувствовать себя достаточно свежим.

Проспав весьма хорошо всю ночь, я был разбужен до рассвета криком петухов в деревне; встав, я нашел, что чувствую себя

в расположении идти в Гориму. Недопитая вчера бутылка холодного чаю и несколько кусков холодного таро, оставшегося от вчерашнего ужина, послужили мне завтраком. Я оставил большую часть своих вещей в буамрамре и на всякий случай перевязал белой ниткой крест-накрест небольшой ранец с разными мелкими вещами. Забрав только одеяло и несколько кусков таро, я отправился в путь. Так как все это происходило в буамрамре, то меня никто не видел, и вышел я из буамрамры прямо к морю, не проходя через деревню. Хотя я и не знал дороги в Гориму, но надеялся добраться туда, идя берегом, что было бы, вероятно, немногим дальше, но зато таким образом я не мог бы миновать деревни, лежащей у моря. Один из жителей Богати, исправлявший что-то в своей вытащенной на берег пироге, спросил меня, куда я иду; я ответил: «К реке Киор», что не было неправдой, так как для того, чтобы дойти до Горимы, мне надо было перейти р. Киор.

Не стану вдаваться в описание пути. К 11 часам солнце стало печь весьма сильно. Пришлось перейти вброд р. Киор, где вода доходила мне до пояса, и еще другую, более мелкую. Снять башмаки я боялся, сомневаясь, можно ли будет надеть их снова, так как они могли быть промочены насквозь. Мелкие камни, сменявшие в некоторых местах песок на берегу, делали ходьбу босиком положительно невозможной. В одном месте я пошел по тропинке в лесу, полагая, что она проложена параллельно берегу, но тропинка так углублялась в лес, что мне пришлось свернуть на другую, а затем и на третью. Я уже думал, что заблудился, когда при следующем повороте я вдруг снова увидел море. Был уже третий час, и я решил отдохнуть в этом месте и съесть взятое с собою таро. Горима была недалеко, но мне не хотелось прийти туда ранее 5 часов. Я вспомнил одно обстоятельство, очень для меня неудобное, которое я совершенно упустил из виду, именно, что диалект Горимы был мне абсолютно неизвестен и что там вряд ли найдутся люди, знающие диалект Бонгу.

Возвращаться, однакоже, было поздно, оставалось только рискнуть. Отдохнув, я пошел дальше.

Деревня Горима расположена на мыске, так что людям, ходившим или стоявшим в это время около берега, мое приближение заметно было еще издали. Вряд ли я попал бы в тот день в деревню, так как по берегу на значительном пространстве росли мангровы. К счастью для меня, на берегу лежала вытащенная пирога, и слышалось несколько голосов в лесу, почему я и решил подождать возвращения туземцев. Нелегко было бы описать выражение их удивления, когда они вернулись и увидели меня. Мне показалось, что они готовы убежать, почему я поспешил сейчас же подойти к самому старому из трех.

— Вы люди Горимы? — спросил я на диалекте Бонгу.

Туземец приподнял голову — жест, который я счел за утвердительный ответ. Я назвал себя и прибавил, что иду осмотреть Гориму и что мы поедем вместе.

Туземцы имели очень растерянный вид, но скоро оправились, и так как им, вероятно, и самим надо было домой, то они, по-видимому, были даже рады отделаться от меня так дешево. Я дал каждому из них по куску табаку, и мы отправились. Расстояние оказалось гораздо более далеким, чем я ожидал. Солнце было совсем низко, когда мы подъехали к деревне. Мою белую шляпу и такую же куртку жители заметили еще издали, почему многие собрались встретить меня, между тем как другие то выбегали к морю, то опять возвращались в деревню. Дав еще табаку и по одному гвоздю своим спутникам, я направился в деревню, сопровождаемый туземцами, встретившими меня у берега. Ни один из них, однако, не говорил на диалекте Бонгу, и я сомневаюсь, чтобы кто-либо даже достаточно понимал его. Пришлось поэтому прибегнуть к первобытному языку — жестам. Я положил руку на пустой желудок, затем указал пальцем на рот. Туземцы поняли, что я хочу есть, по крайней мере один из стариков сказал что-то, и я скоро увидел все приготовления к ужину. Затем, положив руку под щеку и наклонив голову, я проговорил: «Горима», что должно было означать, что я хочу спать. Меня опять-таки поняли, потому что сейчас же указали на буамрамру. Я не мог объясняться, а то бы я первым делом постарался успокоить жителей, которых, кажется, в немалое смущение привел мой неожиданный приход. За себя я был очень рад, так как мог быть уверен, что не лягу голодным и проведу ночь не под открытым небом (на что я решаюсь только в самых крайних случаях, из опасения лихорадки). Я так проголодался, что с нетерпением ожидал появления табира с кушаньем и почти что не обратил внимания на приход человека, хорошо знавшего диалект Бонгу. С большим ожесточением принялся я за таро, которое мне подали туземцы, и полагаю, что это была самая большая порция, которую я когда-либо съел на Новой Гвинее.

Утолив голод, я припомнил главную причину, которая привела меня в Гориму; я подумал, что теперь как раз подходящее время поговорить с туземцами, имея под рукой человека, способного служить переводчиком. Я его скоро нашел и сказал, что желаю поговорить с людьми Горимы и узнать, что они мне могут сказать. Я предложил ему созвать сейчас же главных людей Горимы. Пока же я занялся устройством своего ночлега. У входа в буамрамру собралась значительная толпа людей, созванных моим переводчиком. Последний объявил мне, наконец, что все люди Горимы (т. е. тамо боро) в сборе. Обратившись к

Хижина в деревне Горима

переводчику, я велел, чтобы в костер подбросили сухих щепок для более сильного освещения буамрамры. Когда это было сделано, я сел на барум около костра, освещавшего лица присутствующих. Первые мои слова переводчику были:

— Абуй и Малу здесь или нет? — Перед тем, забыв эти имена, я должен был пересмотреть свою записную книжку, так как я записал их вчера вечером в полутемноте. Когда я назвал эти два имени, туземцы стали переглядываться между собою, и только через несколько секунд я получил ответ, что Абуй здесь.

— Позовите Малу! — было мое распоряжение. Кто-то побежал за ним. Когда Малу явился, я встал и указал Абуя и Малу два места около самого костра, как раз против меня. Они с видимым нежеланием подошли и сели на указанные места. Затем я обратился с короткой речью к переводчику, который переводил, по мере того как я говорил, т. е. почти слово в слово. Содержание речи было приблизительно следующее. Услышав

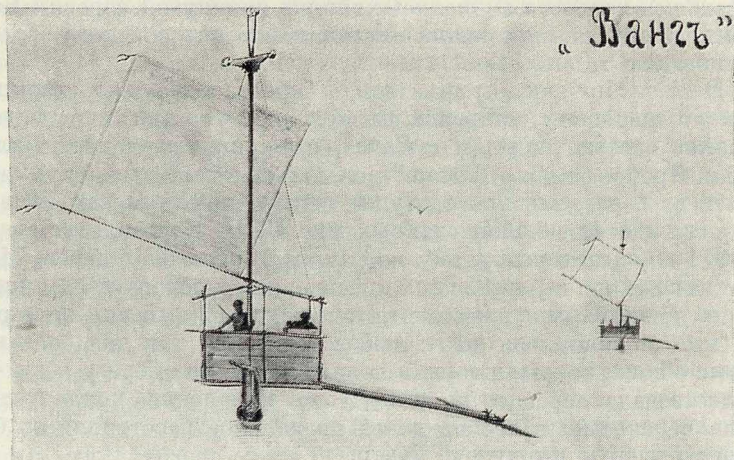
вчера от людей Богати, что двое людей Горимы, Абуи и Малу, хотят меня убить, я пришел в Гориму, чтобы посмотреть на этих людей. (Когда я стал смотреть поочередно на обоих, они отворачивались каждый раз, как встречали мой взгляд). Что это очень дурно, так как я ничего не сделал ни Абуи, ни Малу и никому из людей Горимы, что теперь, пройдя пешком от Богати до Горимы, я очень устал и хочу спать, что сейчас лягу и что если Абуи и Малу хотят убить меня, то пусть сделают это, пока я буду спать, так как завтра я уйду из Горимы. Договорив последние слова, я направился к барле и, взбравшись на нее, завернулся в одеяло.

Мои слова произвели, кажется, значительный эффект. По крайней мере, засыпая, я слышал возгласы и разговоры, в которых мое имя было не раз повторяемо. Хотя я и хорошо спал, но просыпался несколько раз. Это происходило не из страха перед туземцами, а, вероятно, по причине моего тяжеловесного ужина, чего я обычно избегаю.

На другое утро я был, разумеется, цел и невредим, и перед уходом из Горимы Абуи принес мне в дар свинью почтенных размеров и вместе с Малу непременно пожелал проводить меня не только до Богати, но и в таль Маклай. Этот эпизод, рассказанный и пересказанный из деревни в деревню, произвел значительное впечатление.

И ю л ь

Экспедиция в деревню Телята. Моя шлюпка (дынга) была слишком мала для помещения провизии на несколько дней и разных вещей (стола, складного табурета, гамака и т. п.), необходимых для многодневной экспедиции. Кроме того, она была слишком плоской и легко могла быть залита водой при большом волнении. Поэтому я нашел ее неудобной для экспедиции в Телята и решил воспользоваться одним из больших «ванг» Били-Били. Эти пироги, как я уже говорил, имеют довольно поместительную хижину на платформе, так что в одной из таких пирог я мог не только уместить все свои вещи, включая даже и висющую керосиновую лампу, но нашел место для стола и для моего небольшого кресла. В хижине же другой пироги поместился Сале со всеми кухонными принадлежностями. Каждым вангом управляло двое людей: один — парусом, другой — рулем. Один ванг принадлежал моему старому приятелю Каину, другой — Кисему, очень энергичному, но, к сожалению, чересчур болтливому жителю Били-Били. Люди этой деревни из поколения в поколение ежегодно по несколько раз совершают путешествия вдоль северо-восточного берега до деревни Телята.

«Вангъ» — пирога с о. Били-Били

Они изучили эту местность, господствующие ветры, периодичность их, течения, удобные пристани вдоль берега и т. д. Поэтому было вполне естественно, что я предоставил своим спутникам всю мореходную часть экспедиции, уговорившись только, что мы будем останавливаться в каждой деревне столько времени, сколько это будет для меня необходимо. Каин и Кисем объяснили мне, что все переходы из деревни в деревню вдоль берега мы будем делать по вечерам или по ночам, пользуясь береговым ветром, который дует равномерно каждую ночь, начинаясь через час или два по заходе солнца и продолжаясь до рассвета. В продолжение дня нам невозможно было бы бороться с противным зюдрестом, который иногда бывает очень свеж.

Итак, часов в 8 вечера туземцы Бонгу помогли людям Били-Били спихнуть оба тяжеловесных ванга в море. Ветер был незначительный, так что мы подвигались вперед очень медленно. Так как я уже знаком с этим берегом, то лег спать, вполне полагаясь на опытность Каина и Гассана. В некотором отдалении двигалась за нами и другая пирога с Кисемом, его сыном и Сале в качестве пассажира.

6 июля, на рассвете, мы проходили мимо мыса Риньи, который туземцы называют Тевалиб. Мыс этот состоит из поднятого кораллового рифа, возвышающегося футов на 15—20 над ур. м., в виде черноватой, изъеденной прибоем стены, над которой в свою очередь поднимается первобытный лес. Пройдя мыс Тевалиб, мы считились у песчаного берега (улеу), за

деревьями которого виднелись хижины покинутой деревни Бай. Немного спустя мы прошли отмель, около которой вода сильно волновалась и пенилась.

В то время как мы шли вдоль берега, несколько туземцев бежало по берегу, стараясь рассмотреть, кто могли быть эти странно одетые люди (я и Сале), плывущие на вангах Били-Били. Пройдя устье р. Говар *, мы должны были вытащить свои ванги на берег, так как наступил штиль; при этом нам немало помогла система блоков, данных мне П. П. Новосильским еще в 1871 г., за которые я ему не раз был очень благодарен. Мои спутники скоро выучились их применению и обращались с ними очень ловко. С этого места открывался красивый вид на горы. Но мне не пришлось долго любоваться ими, так как большие белые облака закрыли горы и долины. Здесь на берегу когда-то существовала деревня, но вследствие нападения неприятелей была перенесена в лес на довольно далекое расстояние от берега по правую сторону р. Говар.

Имея перед собою целый день, я пошел с Каином и Гассаном в деревню Бай. Мы шли не спеша все по лесу, представлявшему для меня большой интерес своей разнообразной растительностью, и только после полудня пришли в деревню. Около некоторых хижин, — все они были совершенно новые, — были посажены бананы и много табаку; кокосовых пальм, за исключением одной, не было вовсе. Это обстоятельство, как мне объяснили, произошло оттого, что туземцы боялись, чтобы пальмы не послужили, когда они подрастут, приманкой для неприятелей. Дарем с особенными украшениями была единственная хижина, отличавшаяся от других своей постройкой. Мы приютились в ней, скрываясь от солнечных лучей. Тут же нам подали угощение, состоявшее из таро и вареной курицы.

Записывая диалект деревни Бай, я нашел, что туземцы здесь не имеют названия для *Piper methysticum*. Они не только не употребляют напиток, приготовляемый из него, но даже отказываются от кеу, когда бывают в деревнях, где он составляет главный аксессуар всякого пиршества.

Нарисовав дарем, я собрался в обратный путь. При прощании туземцы поднесли мне живую курицу и таро. Ночевал на ванге, вытащенном на берег.

7 июля

Разбудил людей очень рано. Мы продолжали путь в темноте. В одном месте Каин указал мне, что тут находилась деревня Мендир, но что она была сожжена и покинута жителями,

* Жителями других деревень река эта называется Гуан или Вай.

которые переселились в другое место. Когда стало светать, мы плыли вдоль берега, окаймленного скалами (поднятый коралловый риф). Здесь на значительном протяжении не встречается ни одного улеу, почему нет и береговых деревень. Когда совсем рассвело, мы подъехали к деревне Мегу, где, по словам Каина, почти все жители вымерли. Несколько рак-рак (пироги, сделанные из невыдолбленных стволов) виднелось у берега. Так как дул довольно умеренный зюнд-ост, то мы благодаря очертаниям берега могли продолжать наш путь в бейдевинд. Пройдя деревню Лемчуг и устье Сарекак, мы обогнули мысок, за которым показался другой, густо поросший кокосовыми пальмами. Это был Бан (деревня Сингор), — одно из значительнейших селений этого берега.

Мы подошли к его улеу около 5 часов пополудни. Большая толпа туземцев ожидала нас у берега и, подхватив наши ванги, вытащила их высоко на берег. Я отправился в деревню. Она оказалась сравнительно очень большой. Тип людей и их постройки ничем особенно не отличались от типа моих соседей. Костюмы мужчин были совершенно такие же, как у людей Били-Били; замужние женщины закрывали груди, надевая на шею мешок, спускавшийся до пояса. У девушек одежда походила на легкий костюм девочек Били-Били, т. е. кроме небольших кисточек из бахромы спереди и сзади, несколько рядов полукругом спускающихся нитей нанизанных раковин и собачьих зубов висело по сторонам ягодиц. Вообще здешние туземцы в избытке носили украшения из раковин. Здесь также главное место выделки больших украшений, носимых туземцами на груди, так называемых «сюаль-боро», очень ценимых повсюду на берегу Маклая. Мне хотелось приобрести один экземпляр этого украшения, почему я предложил большой нож и множество различных безделушек в обмен за сюаль-боро. Но этого оказалось недостаточно; прибавив еще нож, я, наконец, получил желаемое. Повсюду валялись большие раковины (*Tridacna*), из которых вытачиваются сюаль-боро; тут же лежали большие точильные камни, на которых выделываются эти украшения. К сожалению, я не видел, каким образом они изготавливаются. Множество орехов кенгара лежало в шелухе на цыновках. Орехи выставляются таким образом на 2 или на 3 дня на солнце, после чего мясистая оболочка их делается очень мягкой, и орехи легко от нее отделяются.

Хотя деревня была большая, однако ни площадка ее, ни хижины не содержались в чистоте. Туземцы также не показались мне особенно чистоплотными. Эту ночь я предпочел спать в гамаке, подвешенном мною между деревьями, близ берега моря. Стол, кресло, складной табурет, висящая над столом лампа, а затем появившийся ужин и чай — все это было рядом сюрпризов, и изумление жителей деревни Сингор, видевших

белого и его обстановку в первый раз в жизни, все более увеличивалось. К моему удовольствию, удивление их выражалось не шумно, а ограничивалось (я нарочно внимательно наблюдал за выражением их лица), вкладыванием одного или двух пальцев в рот и прищелкиванием языком, причем некоторые прикладывали себе к носу сжатый кулак левой руки. Одним словом, непосвященному европейцу, увидавшему эти странные жесты туземцев, никак не пришло бы на ум, что они служат выражением удивления. Особенно лампа, свет которой я мог усиливать и уменьшать по желанию, привела всех в неописуемый восторг. Также немало удивляло их, что Маклай заливает «инги» горячей водой.

Толпа не расходилась до тех пор, пока Сале не убрал все со стола и я, сделав записи в дневнике, не снял башмаков и гамашей и не влез в койку. Тогда явился Сале и объявил через посредство Каина, что сейчас потушит лампу. Это, наконец, заставило туземцев удалиться. Они увели Каина с собой, надеясь, вероятно, узнать от него много о виденном около моего бивуака и оставшемся для них загадочным.

8 и ю л я

Песчаный берег около Сингора состоял собственно из мелкого булыжника, так что всю ночь море разбивалось с большой силой о каменный вал, и шум от набегавших и удалявшихся волн, несших и передвигавших камни, был очень силен и не раз будил меня в течение ночи. Я проснулся, когда было уже совершенно светло, и посмотрел на часы: было уже половина седьмого. Посмотрел кругом — ни один из моих людей еще не встал; все они спали крепким сном. Не желая долго ждать завтрака, я решил их всех поднять зараз, выстрелив из двустволки, привезенной мною для охоты. Трудно описать, как быстро вскочили мои люди и принялись уверять меня, что оглохли на одно ухо. Я их успокоил и сказал, чтобы они скорее помогли Сале разводить огонь и готовить завтрак для всех. Мой выстрел привлек жителей деревни, которые прибежали осведомиться, что случилось. Каин воспользовался этим случаем и набросился на бедных жителей Сингора. «Как это,— завопил он.— Маклай тамо боро боро, каарам тамо, тамо русс приехал сам в Сингор, а эти люди не принесли еще ни свиньи, ни поросенка, ни даже аяна!»

Каин так расходился, что угнал всех обратно в деревню. По прошествии пяти минут стали появляться из деревни туземцы; кто с аяном, кто с курицей, кто с поросенком, с бананами и мешками орехов кенгара. Двое пришли сказать, что так как свиньи уже разбрелись, то их можно будет ловить только вечером, ког-

Деревня Телята

да они вернутся в деревню. Пока длились все эти разговоры, две из принесенных куриц выпорхнули из рук державших их, так что на берегу состоялась в высшей степени курьезная погоня туземцев за курами. Она окончилась тем, что куры исчезли в лесу и были принесены только через несколько времени, обе пронзенные стрелами. Порода кур здесь очень маленькая, и они сохранили все привычки полудикой птицы.

После завтрака я пошел посмотреть деревню и нашел, что за нею на юго-востоке море образует довольно значительную, хотя мелкую, бухточку с многочисленными коралловыми рифами. На противоположном мыске расположена другая большая деревня — Телята — цель моей экскурсии. Этим обстоятельством я был неприятно удивлен, так как знал, что никакими обещаниями или подарками мне не удастся уговорить моих спутников отправиться далее этой местности; а путешествие в туземных пирогах, с туземными переводчиками, благодаря которым меня всюду ожидал хороший прием, пришлось мне очень по нраву. При помощи бинокля я мог рассмотреть несколько деревень, расположенных вокруг бухты.

Я решил переправиться в деревню Телята, что можно было сделать довольно удобно даже при помощи весел, так как в этот день на море господствовал почти что мертвый штиль.

Мои люди из Били-Били были недовольны тем, что я оставил людям Сингора большую свинью, обещанную мне ими; они успокоились, когда я заявил, что они могут взять ее от моего имени при следующем посещении этой деревни, съесть ее на месте или отвезти в Били-Били. Сале как магометанин, не ев-ший свинины, отнесся к этому подарку совершенно равнодушно. Когда мы подъезжали к одной из деревень в бухте, нам навстречу выехал несколько пирог, предполагая в нас людей с о. Тиары (архипелаг Довольных людей). С этим островом здешние жители имеют постоянные сношения, проводя на нем иногда по несколько месяцев, и жители Тиары также приезжают сюда в гости на долгое время. У следующей деревни — Аврай — мы зашли за риф, тянущий вплоть до самой деревни Телята. Когда ванги наши были вытащены на берег, я приказал выбрать из них все мои вещи, так как полагал, что, живя в деревне, мне удобнее будет видеть ежедневную жизнь туземцев и иметь их под рукой для постоянного наблюдения. Дарем, или буамрамра, для такой обширной деревни, как Телята, представлял собою довольно небольшое здание и был, как я узнал к великому моему удивлению, единственным даремом во всей деревне. Для меня одного, впрочем, дарем этот был достаточно велик.

Пока переносили мои вещи, я увидел среди обступивших меня людей первого совершенно седого папуаса, т. е. такого, у которого все волосы до одного были белые. У половины мужчин, которых я знал, волосы были черные с проседью; у некоторых было немало седых волос, но у этого человека все волосы на голове и борода были совершенно белые. Туземцы здесь обыкновенно скрывают седину, постоянно напивая и смазывая себе волосы черной краской (куму) и выдергивая седые волосы из усов и бороды; этот же старик, напротив, как бы гордился своей белой головой и не только не мазал ее никакой краской, но даже содержал ее очень чисто. Я сперва подумал, что имею дело со случаем альбинизма, но, осмотрев старика поближе, нашел, что он сед от старости, а не от чего-либо другого. Через Каина я спросил его, видел ли он когда-либо белого человека и слышал ли что о белых людях. Он без запинок ответил «нет» на первый вопрос; на второй же сказал, что люди ему говорили о Маклае, который живет в Бонгу и Били-Били.

Убедив старика, что я и есть именно тот Маклай, о котором он слышал, я подарил ему нож, к большой зависти остальных, и дал ему большую порцию табаку. Данный старику нож произвел странное действие: всем туземцам вдруг захотелось иметь по ножу, но так как у них не было ни совершенно седых волос, ни каких-либо других характерных особенностей, то я объявил первому из просящих, что дам ему нож в обмен за «буль-ра» (украшение из свиных клыков, которое туземцы носят на гру-

ди), другому обещал дать нож за большой табир, третьему — за каменный топор и т. д.

Все эти вещи явились в продолжение дня, и каждый получил в обмен за них хороший стальной нож. Как и в Сингоре, туземцы здесь повсеместно сушили на солнце орехи кенгара; свежие орехи, собираемые в это время года, очень вкусны и очень богаты маслом.

Отдохнув немного, я прошелся по деревне, за которой сейчас же начинаются большие плантации, чего мне до сих пор не приходилось видеть в деревнях, расположенных вокруг бухты Астролябии. На этих плантациях росло особенно много бананов, но так как плодов на них еще не было, то я и не мог видеть, сколько разновидностей разводят здешние туземцы. Бананы здесь едят недозрелыми и варят их, как овощи, так что и впоследствии мне не удалось познакомиться с разновидностями этих плодов.

Пройдя через плантацию, я вышел к морю и очутился перед обширной открытой бухтой, тянувшейся на восток. Благодаря биноклю мне удалось рассмотреть хижины трех деревень; но здешние туземцы не находятся в сношении с тамошними, так что я даже не мог добиться названий тех деревень.

Вечером я имел долгое совещание с Каином, уговаривая его отправиться далее; обещал ему один и даже два топора, ножей, красного коленкора, бус, одним словом несметные для него богатства, но он стоял на своем: «нет», «нельзя», «убьют», «всех убьют», «съедят» и т. д. Вот все, чего я мог от него добиться. Я указывал на мой револьвер. Он хотя и попросил спрятать его, но все-таки продолжал говорить: «убьют», «Маклай один, а людей там много». Часа два бился я с ним таким образом и все-таки не уломал его. В досаде на его возражения я повернулся к нему спиной и заснул, вероятно, прежде чем он договорил.

9 и ю л я

Отправился по широкой, хорошей тропинке, пролежавшей в лесу, в деревню Аврай. Повсюду поднимались высокие стволы кенгара; их здесь так много, что, полагаю, они были насажены предками теперешних жителей. Орехами кенгара туземцы ведут меновую торговлю с соседними деревнями. На рифе, который можно было видеть с дороги, множество женщин собирало морских животных, пользуясь отливом. Деревня Аврай представляет собою живописный уголок в лесу; только весьма немногие мелкие деревья были вырублены и заменены кокосовыми и арековыми пальмами, бананами, кустами разных видов *Coleus* и *Hibiscus*, а большие все оставлены, так что везде на площад-

ках, вокруг которых живописно ютились небольшие хижины, были тень и прохлада. Дарема не оказалось, почему я и пришедшие со мною люди из Били-Били и Телята расположились на циновках, на площадке. Я положительно отказался от всякой еды, кроме кокосовой воды и свежих орехов кенгара. Однако туземцы непременно хотели поднести мне что-нибудь, хотя бы курицу. Чтобы поймать ее, туземцы устроили род ловушки, состоявшей из петли, которая была затянута, как только одна из кур неосторожно ступила в круг, где было набросано несколько кусочков кокосового ореха.

Я видел в деревне Аврай несколько очень больших табиров замечательно правильной овальной формы. Трудно себе представить, каким образом достигается такая правильность, так как известно, что туземцы не имеют других инструментов, кроме осколков кремня и разных раковин. Это можно объяснить единственно тем, что на выделку каждой вещи туземцы посвящают очень много времени, уже не упоминая о том, что они обладают очень верным глазом и значительным вкусом. Один из туземцев принес в деревню два вновь заостренных копья. Я пожелал узнать при посредстве Каина, каким образом это было сделано. Было видно, что работа сделана только наполовину; недоставало окончательной полировки и окраски. Каин объяснил мне, что концы этих копий были сломаны при охоте на диких свиней и, чтобы заострить их вновь, их отточили на кораллах. Это обстоятельство меня очень заинтересовало, и я попросил, чтобы один из мальчиков сбегал на риф и принес образчик коралла, употребляемого при этой операции. Мне принесли весьма красивый экземпляр из рода *Meandrina*, величиной с человеческую голову. На довольно ровной и вместе с тем шероховатой поверхности его при некоторой силе и ловкости было нетрудно заострить любую палку. На рифе, кроме того, вода и слизистая оболочка коралла помогают процессу стачивания. Каин сказал мне, что везде на берегу при выделке деревянного оружия употребляется этот метод полировки.

Вернувшись в деревню Телята, я нарисовал группу хижин, которые напоминали собою скорее хижины горных деревень, чем хижины на берегу и на островах. Пока я рисовал, Сале прибил к одному из деревьев медный ярлык с моей монограммой.

11 июля

Так как не стоило возобновлять разговор с Каином о поездке дальше вдоль берега, я собрался в обратный путь рано утром. Для возвращения зюд-ост был нам почти попутным ветром. По пути я хотел посетить еще так называемые деревни Рай-

Мана и взобраться на гору Сируй. Когда мы подошли к берегу около деревни Биби, берег оказался совершенно пустынным, и в деревне никого не было. Каин объяснил, что все жители ушли в горы: «унан барата буль уяр» (жечь унан и есть свиней).

Мои спутники из Били-Били почему-то трусили перед горными жителями и в качестве приморцев полагали, что карабкаться по горам — не их дело. Я знал положение деревень Рай только приблизительно: с пироги я мог с помощью бинокля разглядеть в горах группы кокосовых пальм, но все-таки отправился туда в сопровождении моего слуги Сале. Мне без особенного труда удалось добраться до деревень, где горные жители приняли меня как нельзя лучше; они, по слухам, уже знали мое имя и сейчас же догадались, кто это к ним пришел. Я пожалел, что мы не понимали друг друга, но знаками объяснил, что хочу идти на высокий холм, который находился за их деревней и который они называют Сируй-Мана. Проводники нашлись сейчас же, и мы отправились немедленно. С вершины Сируй-Мана (около 1200 футов) открывалась красивая панорама берега Маклая на значительном протяжении. Вернувшись в деревню, я снова был встречен жителями крайне любезно и предупредительно. Я провел ночь в одной из хижин и вернулся на другое утро довольно рано к месту, где оставил ванги. Выкупавшись в море, мы пустились в обратный путь и еще засветло подошли к улеу Бонгу. Встретивший меня Мебли и туземцы Бонгу сообщили мне о смерти Вангума во время моего отсутствия: это был туземец из Горенду, человек лет 25. Вангум был крепкий и здоровый мужчина, как вдруг заболел и дня через два-три внезапно умер. Мебли сказал мне, что деревни Бонгу и Горенду находились в сильной тревоге вследствие этой смерти. Отец, дядя и родственники покойного, которых было немало в обеих деревнях, усиленно уговаривали все мужское население Бонгу и Горенду безотлагательно отправиться в поход на жителей одной из горных деревень. Это обстоятельство было очень серьезно, так что я, услышав о происшедшем, решил не допустить этой экспедиции в горы. Я воздержался, однако, от всяких немедленных заявлений, желая сперва обстоятельно узнать положение дела.

15 июля

Я узнал вчера вечером об одном благоприятном для моих планов обстоятельстве, именно, что жители Бонгу и Горенду никак не могут сговориться насчет того, в которой деревне живет предполагаемый недруг Вангума или его отец, приготовивший оным, который причинил смерть молодому человеку. Это разногласие, однако, они надеялись устранить весьма

простым способом, а именно — напасть сперва на одну, а затем и на другую деревню.

Явившаяся ко мне депутация из Бонгу для того, чтобы просить меня быть их союзником в случае войны, получила от меня положительный отказ. Когда некоторые из них продолжали уговаривать меня помочь им, я сказал с очень серьезным видом и возвысив немного голос: «Маклай баллал кере» (Маклай говорил довольно). После этого депутация удалилась. Затем я отправился в Горенду послушать, что мне скажут там. Людей там я встретил немного; все говорили о предстоящей войне с мана тамо. Я вошел в хижину Вангума; в углу, около барлы, возвышался гамбор; недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, почти без всякой одежды, сидела молодая вдова умершего. Так как в хижине никого, кроме меня, не было, то она улыбунулась мне далеко не печально. Ей, видимо, надоела роль неутешной вдовы. Я узнал, что она должна перейти к брату умершего. Не достигнув задуманной цели моего посещения, я отправился домой и дорогой увидел отца Вангума, раскладывавшего огонь на берегу под совершенно новой пирогой своего умершего сына, которую последний окончил всего за несколько дней до своей смерти. Пирогоа была порублена во многих местах; теперь он хотел покончить с нею совершенно, т. е. сжечь ее.

Зная, что я отговариваю людей от войны, затевавшейся по поводу смерти его сына, старик еле поглядел на меня.

Прошло несколько дней. Экспедиция в горы не состоялась. Впрочем, я не приписываю этого моему вмешательству, а просто обе деревни не сошлись на этот раз во мнениях.

23 июля

Около трех часов я сидел на веранде за какою-то письменной работой; вдруг является Сале, весь запыхавшийся, и говорит мне, что слышал от людей Бонгу о внезапной смерти младшего брата Вангума. Опасаясь за последствия смерти обоих братьев в течение такого короткого времени, я сейчас же послал Мебли в деревню узнать, правда ли это. Когда он вернулся, то рассказал мне следующее. Утром Туй, 9 или 10-летний мальчик, брат Вангума, отправился с отцом и другими жителями Горенду ловить рыбу к р. Габенеу. Там его ужалила в палец руки небольшая змея; яд подействовал так сильно, что перепуганный отец, схватив ребенка на руки и бросившись почти бегом в обратный путь, принес его в деревню уже умирающим. Собрав в одну минуту все необходимое, т. е. ланцет, нашатырный спирт, марганцовокислый калий и несколько бинтов, я поспешил в Горенду. Нога у меня сильно болела, почему

я очень обрадовался возможности воспользоваться пирогой, отправлявшейся в порт Константина, так как она могла довести меня в Горенду. Около Урур-И мы узнали от бежавших из Горенду, сильно возбужденных Иона и Намуя, что бедняга Туй только что умер и что надо идти жечь хижины ямбау тамо. Послышалось несколько ударов барума, возвещавших смерть мальчика. Когда я вышел на берег, меня обогнало несколько бегущих и уже воющих женщин. В деревне волнение было сильное; страшно возбужденные мужчины, почему-то все вооруженные, воющие и кричащие женщины сильно изменяли обыкновенно спокойную и тихую обстановку деревни. Везде только и было слышно, что «оним», «кумана», «ямбау тамо барата». Эта вторая смерть, случившаяся в той же деревне и даже в той же самой семье, где и первая, с промежутком в каких-нибудь две недели, произвела среди жителей обеих деревень настоящий пароксизм горя, жажды мести и страха. Даже самые спокойные, которые раньше молчали, теперь стали с жаром утверждать, что жители которой-нибудь горной деревни приготовили оним, почему Вангум и Туй умерли один за другим, и что если этому не положить конец немедленным походом в горы, то все жители Горенду перемрут и т. п. Война теперь казалась уже неизбежной. О ней толковали и старики и дети; всего же больше кричали бабы; молодежь готовила и приводила в порядок оружие. На меня в деревне поглядывали искоса, зная, что я против войны; некоторые смотрели совсем враждебно, точно я был виноват в случившейся беде. Один старик Туй был, как и всегда, дружелюбен со мной и только серьезно покачивал головой. Мне не оставалось ничего больше делать в Горенду; люди были слишком возбуждены для того, чтобы выслушать меня спокойно. Пользуясь лунным светом, я прошел в Бонгу наикратчайшей тропинкой. Здесь тревога хотя была и меньше, но тем не менее довольно значительная. Саул старался уговорить меня согласиться с ним в необходимости похода на мана тамо. Аргументы его были следующие: последнее событие — результат онима; затем, если они (т. е. тамо Бонгу) не побьют мана тамо, то будут побиты последними. Вернувшись домой, я даже и у себя не мог избавиться от разговоров об ониме; Сале сказал мне, что на о. Яве оним называется «доа», и верил в значение его. Мебли сообщил, что на о-вах Пелау «олай» — то же самое, что оним, и также не сомневался в том, что от действия онима люди могут умирать.

24 июля

Утром отправился в Горенду. Туземцы имели более спокойный вид, чем накануне, но продолжали быть очень мрачными; даже Туй был сегодня в пасмурном настроении. «Горенду

басса» (конец Горенду), — сказал Туй, протягивая мне руку. Я пожелал, чтобы Туй объяснил мне, в чем именно заключается оним. Туй сказал, что мана тамо как-нибудь достали таро или ямса, недоеденного людьми Горенду, и, изрезав его на кусочки, заговорили и сожгли. Мы направились к хижине, где лежал покойник и где толпились мужчины и женщины. Неожиданно раздался резкий свист «ая»; женщины и дети переполошились и без оглядки пустились бежать в лес. Я также не понимал, что будет, и ожидал целую процессию; но вместо нее появился только один человек, который непрестанно дул в монки-ай и, свистя, прошел мимо входа в хижину, где лежало тело мертвого Туя, заглянул в нее и снова ушел. Что это значило, я так и не понял.

Когда замолк свист «ая», женщины вернулись и вынесли покойника из хижины. Старик Бугай натер ему лоб белой краской (известью), провел той же краской линию вдоль носа; остальные части лица покойного были уже вымазаны куму (черной краской). В ушах у него были вдеты серьги, а на шее висело «губо-губо». Бугай прибавил к этому праздничному убранству еще новый гребень с белым петушиным пером, который он воткнул ему в волосы. Затем тело стали обертывать в губ; но это было только на время, так как собственно «гамбор росар» (увязать корзину) должны были не здесь, а в Бонгу. Сагам, дядя покойного, взял труп на плечи, подложил губ под тело и направился скорым шагом по тропинке, ведущей в Бонгу. За ним последовала вся толпа.

Я с несколькими туземцами пошел другой дорогой, а не той, по которой отправилась похоронная процессия, и прибыл на одну из площадок Бонгу почти одновременно с нею. Здесь из принесенных губ был приготовлен гамбор, в который опустили покойника, причем ни одно из украшений, надетых на него, не было снято; голову покойника закрыли мешком. Пока мужчины, ближайшие родственники умершего, увязывали гамбор, несколько женщин, вымазанные черной краской, вопили, приплясывая, причем они очень вертели задом и гладили гамбор руками. Больше всех их отличалась Каллоль, мать умершего: она то скребла землю ногами, то, держась за гамбор, немилосердно выла, приплясывая и делая положительно неприличные телодвижения.

Наконец, гамбор был отнесен в хижину Сагама. Мне, как и другим, был предложен оним для того, чтобы и с нами не случилось какого-нибудь несчастья. Я согласился, желая увидеть, в чем состоит оним. Ион, один из присутствовавших, выплюнул свой оним мне и другим на ладонь, после чего мы все гурьбой отправились к морю мыть руки. Старик Туй уговаривал меня приготовить «оним Маклай», чтобы сильное землетрясе-

ние разрушило все деревни в горах, но не делало бы ничего прежним жителям.

Вечером этого же дня я услышал звуки барума в Горенду, и вернувшийся оттуда через несколько времени Мебли, который зачем-то ходил в деревню, разбудил меня и тайно сообщил, что война с мана тамо (вероятно, с Теньгум-Мана) решена. Но было положено ничего не говорить о ней Маклаю.

Войны здесь хотя и не очень кровопролитны (убитых бывает немного), но зато очень продолжительны, переходя часто в форму частных вендетт, которые поддерживают постоянное брожение между общинами и очень затягивают заключение мира или перемирия. Во время войны все сообщения между многими деревнями прекращаются*. Преобладающая мысль каждого: желание убить или страх быть убитым.

Мне было ясно, что на этот раз мне не следовало, сложа руки, смотреть на положение дел в деревне Бонгу, находившейся всего в 5 минутах ходьбы от моего дома. При этом молчание с моей стороны при моей постоянной оппозиции войнам, когда только несколько дней тому назад я восстал против похода после смерти старшего брата, было бы странным, нелогичным поступком. Мне не следовало уступать и на этот раз, чтобы не быть принужденным уступить впоследствии. Мне необходимо было оставить в стороне мою антипатию к вмешательству в чужие дела. Я решил запретить войну. На сильный эффект следует действовать еще более сильным, и сперва необходимо разрознить единодушную жажду мести. Следовало поселить между туземцами разногласие и тем способствовать охлаждению первого пыла.

25 июля

Я долго не спал, а затем часто просыпался, обдумывая план моих будущих действий. Заснул я только к утру; проснувшись и перебрав вчерашние размышления, я решил избрать план действий, который, по моему мнению, должен был дать желаемые результаты и который, как оказалось, подействовал даже еще сильнее, чем я ожидал. Главное, не надо было торопиться. Поэтому, несмотря на мое нетерпение, я выждал обычный час (перед заходом солнца), чтобы отправиться в Бонгу. Как и я ожидал, в деревне всюду шли толки и рассуждения о случившемся. Заметив, что туземцам очень хочется знать, что я думаю, я сказал, что и Вангум и Туй были молоды и здоровы и

* Обе стороны имеют или думают иметь многих союзников, почему боятся идти в каждую деревню, о которой не знают положительно, что она дружественная; таким образом, случается, что нейтральные деревни подолгу считаются союзниками противной стороны.

что старик-отец остается теперь один, но что все-таки Маклай скажет то же, что говорил и после смерти Вангума, т. е. — войны не быть. Весть о словах Маклая, что войны не должно быть, когда все готовятся к ней, мигом облетела всю деревню. Собралась большая толпа, но в буамрамру, где я сидел, вошли только одни старики. Каждый из них старался убедить меня, что война необходима. Рассуждать о неосновательности теории они было бы невозможно ввиду ограниченности моего знания языка туземцев — это, во-первых; во-вторых, я только даром потратил бы время, так как мне все равно не удалось бы никого убедить; в-третьих, это было бы большим промахом, так как каждый стал бы перетолковывать мои слова на свой лад. Тем не менее я выслушал очень многих. Когда последний наочил говорить, я встал, собираясь идти, и обыкновенным моим голосом, представлявшим сильный контраст с возбужденной речью туземцев, повторил: «Маклай говорит — войны не будет, а если вы отправитесь в поход в горы, с вами со всеми, с людьми Горенду и Бонгу, случится несчастье». Наступило торжественное молчание; затем посыпались вопросы: «Что случится?», «Что будет?», «Что Маклай сделает?» и т. п. Оставляя моих собеседников в недоумении и предоставляя их воображению найти объяснение моей угрозы, я ответил кратко: «Сами увидите, если пойдете». Отправляясь домой и медленно проходя между группами туземцев, я мог убедиться, что воображение их уже работает: каждый старался угадать, какую именно беду мог пророчить Маклай.

Не успел я дойти до ворот моей усадьбы, как один из стариков нагнал меня и, запыхавшись от ходьбы, едва мог проговорить: «Маклай, если тамо Бонгу отправятся в горы, не случится ли тангрин?» (землетрясение). Этот вопрос и взволнованный вид старика показали мне, что слова, произнесенные мною в Бонгу, произвели значительный эффект.

«Маклай не говорил, что будет землетрясение», — возразил я. — «Нет, но Маклай сказал, что если мы пойдем в горы, случится большая беда, а тангрин — большое, большое несчастье. Это страшное несчастье. Люди Бонгу, Гумбу, Горенду, Богати, все, все боятся тангрина. Скажи, случится тангрин?» — повторил он просительным тоном. «Может быть», — был мой ответ. Мой приятель быстро пустился в обратный путь, но был почти сейчас же остановлен двумя подходившими к нам туземцами, так что я мог расслышать слова старика, сказанные скороговоркой: «Я ведь говорил, тангрин будет, если пойдем. Я говорил».

Все трое почти бегом направились в деревню.

Следующие затем дни я не ходил в Бонгу, предоставляя воображению туземцев разгадывать загадку и полагаясь на по-

словицу «У страха глаза велики». Теперь я был уверен, что они сильно призадумаются, и военный пыл их, таким образом, начнет мало-помалу остывать, а главное, что теперь в деревнях господствует разногласие. Я нарочно не осведомлялся о решении моих соседей, они тоже молчали, но приготовления к войне прекратились. Недели через две ко мне пришел мой старый приятель Туй и подтвердил доходящий до меня не раз уже слух, что он и все жители Горенду хотят покинуть свою деревню, хотя выселиться.

— Что так? — с удивлением спросил я.

— Да мы все боимся жить там. Останемся в Горенду, все умрем один за другим. Двое уже умерли от оним мана тамо, так и другие умрут. Не только люди умирают, но и кокосовые пальмы больны. Листья у них стали красные, и они все умрут. Мана тамо зарыли в Горенду оним — вот и кокосовые пальмы умирают. Хотели мы побить этих мана тамо, да нельзя, Маклай не хочет, говорит: случится беда. Люди Бонгу трусят, боятся тангрин. Случится тангрин — все деревни кругом скажут: «Люди Бонгу виноваты; Маклай говорил, будет беда, если Бонгу пойдет в горы...». Все деревни пойдут войной на Бонгу. Вот люди Бонгу и боятся. А в Горенду людей слишком мало, чтобы идти воевать с мана тамо одним. Вот мы и хотим разойтись в разные стороны, — закончил Туй уже совсем унылым голосом и стал перечислять деревни, в которых жители Горенду предполагали расселиться.* Кто хотел отправиться в Гориму, кто в Ямбамбу, кто в Митебог; только один или двое думают остаться в Бонгу. Так как расселение это начнется через несколько месяцев, после сбора посаженного уже таро, то я не знаю, чем это кончится. **

Август

Новый дом, начатый еще в июне, был окончен в первых числах августа. Размерами он совершенно походит на тот, в

* Достоин внимания, что обычай выселяться из местностей, где произошел один, а тем более несколько смертных случаев, который я нашел в силе между меланезийскими номадными племенами о. Люсона, Малайского п-ова и западного берега Новой Гвинеи, встречается также и здесь, среди оседлых жителей берега Маклая, дорожащих своею собственностью.

** Покидая берег Маклая в ноябре 1877 г., я не думал, что жители Горенду приведут в исполнение свое намерение выселиться. Вернувшись туда в мае 1883 г. на корвете «Скобелев» и посетив Бонгу, я по старой тропинке отправился оттуда в Горенду. Тропинка сильно заросла; по ней, очевидно, ходили мало. Но, придя на то место, где находилась старая деревня Горенду, я положительно не мог сообразить, где я. Вместо значительной деревни, большого числа хижин, расположенных вокруг трех площадок, я увидел только две или три хижины в лесу: до такой степени все заросло. Куда расселились тамо Горенду, я не успел узнать.

котором я живу. Думаю, что, вероятно, я и не буду нуждаться в нем, если только ожидаемая мною шхуна придет ранее конца года; если же нет, то мне придется переселиться в него, потому что крыша моего настоящего дома навряд ли выдержит более 18 месяцев: некоторые столбы и балки сильно изъедены белыми муравьями, так что я ежедневно опасаясь, как бы они не забрались в ящики с книгами или бельем. Углядеть за ними очень трудно, так как белые муравьи устраивают крытые ходы от одного предмета к другому, как, напр., от ящика к ящику. Осматривать же ящики каждый день — такая возня, что, действительно, в этом случае игра не стоит свеч. В моем новом доме все столбы и балки сделаны из такого леса, который белые муравьи не трогают. Когда его строили, я нарочно не позволял брать других видов дерева, кроме вышеупомянутого. Одно из них было темного цвета, другое — очень белое и твердое, носит здесь название «энглам». Постройка отличалась прочностью.

Я имел обыкновение часу в шестом вечера отправляться к своим соседям в деревню Бонгу. Сегодня я отправился, зная, что увижу там также и жителей Били-Били и Богати, которые должны были прибыть туда. Придя в деревню, я вошел в буамрамру, где происходил громкий оживленный разговор, который оборвался при моем появлении. Очевидно, туземцы говорили обо мне или о чем-нибудь таком, что им хотелось скрыть от меня. Заходящее солнце красноватыми лучами освещало внутренность буамрамры и лица жителей Бонгу, Горенду, Били-Били и Богати. Было целое собрание. Я сел. Все молчали. Было очевидно, что я помешал их совещанию. Наконец, мой старый приятель Саул, которому я всегда доверял более других, позволял иногда сидеть на моей веранде и частенько вступал в разговоры о разных трансцендентальных сюжетах, подошел ко мне. Положив руку мне на плечо (что было не простой фамильярностью, которой я не имею обыкновения допускать в моих сношениях с туземцами, а скорее выражением дружбы и просьбы), он спросил меня заискивающим голосом и заглядывая мне в глаза: «Маклай, скажи, можешь ты умереть? Быть мертвым, как люди Бонгу, Богати, Били-Били?»

Вопрос удивил меня своей неожиданностью и торжественным, хотя и просительным тоном. Выражение физиономий окружающих показало мне, что не один только Саул спрашивает, а что все ожидают моего ответа. Мне подумалось, что, вероятно, об этом-то туземцы и разговаривали перед моим приходом, и я понял, почему мое появление прекратило их разговор. На простой вопрос надо было дать простой ответ, но его следовало прежде обдумать. Туземцы знают, убеждены, что Маклай не скажет неправды; их пословица «Баллал Маклай худи» (слово Маклая одно) не должна быть изменена и на этот раз. Поэтому

сказать «нет» — нельзя, тем более что, пожалуй, завтра или через несколько дней какая-нибудь случайность может показать туземцам, что Маклай сказал неправду. Скажи я «да», я поколеблю сам значительно свою репутацию, которая особенно важна для меня именно теперь, через несколько дней после запрещения войны. Эти соображения промелькнули гораздо скорее, нежели я пишу эти строки. Чтобы иметь время обдумать ответ, я встал и прошелся вдоль буамбрамы, смотря вверх, как бы ища чего-то (собственно, я искал ответа). Косые лучи солнца освещали все предметы, висящие под крышей; от черепов рыб и челюстей свиней мой взгляд перешел к коллекции разного оружия, прикрепленного ниже над барлой,* там были луки, стрелы и несколько копий разной формы. Мой взгляд остановился на одном из них, толстом и хорошо заостренном. Я нашел мой ответ. Сняв со стены именно это, тяжелое и острое копьё, которое, метко брошенное, могло причинить неминуемую смерть, я подошел к Саулу, стоявшему посреди буамбрамы и следившему за моими движениями. Я подал ему копьё, отошел на несколько шагов и остановился против него. Я снял шляпу, широкие поля которой закрывали мое лицо; я хотел, чтобы туземцы могли по выражению моего лица видеть, что Маклай не шутит и не моргнет, что бы ни случилось. Я сказал тогда: «Посмотри, может ли Маклай умереть». Недоумевавший Саул хотя и понял смысл моего предложения, но даже не поднял копья и первый заговорил: «Арен, арен!» (нет, нет!). Между тем некоторые из присутствовавших бросились ко мне, как бы желая заслонить меня своим телом от копья Саула. Простояв еще несколько времени перед Саулом в ожидании и назвав его даже шутливым тоном «бабой», я сел между туземцами, которые говорили все зараз. Ответ оказался удовлетворительным, так как после этого случая никто не спрашивал меня, могу ли я умереть.

С е н т я б р ь

Мун в Богати.

Привезенные семена, посеянные на плантациях туземцев, хорошо растут.

Крокодилы часто переплывают большие расстояния залива.

О к т я б р ь

Похороны Танока в Гумбу.

Люди Горенду, действительно, думают выселиться.

* У большинства туземных построек на этом берегу крыша опускается почти что до земли, так что образует и стены хижины.

Н о я б р ь

Недобросовестность моих людей, которые крадут вещи для обмена с туземцами. Не будучи в хороших отношениях друг с другом, один день М. приходит сказать, что С. крадет, на другой — С. показывает, что М. обкрадывает.

6 н о я б р я

Приход шхуны «Flower of Iarrow».

9 н о я б р я

Смерть и похороны матроса Абу.

10 н о я б р я

Около 6 часов вечера подняли якорь. Оставил много вещей в доме, который я запер и предоставил охранять людям Бонгу.

**ТРЕТЬЕ
ПОСЕЩЕНИЕ
БЕРЕГА
МАКЛАЯ**

(1883 г.)

Я имел возможность снова посетить берег Маклая, встретив на пути в Австралию, в Батавии, корвет «Скобелев». Узнав от адмирала Н. В. Копытова, что он намеревается посетить некоторые о-ва Меланезии и, возможно зайдет на берег Маклая, я предложил адмиралу взять меня с собою, так как благодаря моему знанию туземного языка и местных условий островов, куда должен был зайти корвет, я мог быть полезным при плавании; а я, со своей стороны, мог бы вновь посетить знакомые мне места. Должен сказать, что берег Маклая особенно притягивал меня, так как мне хотелось знать, что случилось с моими новогвинейскими друзьями. Адмирал согласился, и я, распорядившись, чтобы мой багаж был отправлен в Австралию на английском пароходе «Chuebassa», на котором я ехал из Порт-Саида в Брисбейн (Квинсленд), захватил несколько необходимых вещей и перебрался на корвет, который снялся на другое же утро. За неимением свободной каюты, мне было устроено при помощи брезентов и флагов отличнейшее помещение под полуютом. Кроме подвешенной офицерской койки, служившей мне постелью, стол, стул и кресло были помещены в моей временной каюте, которая, находясь на палубе, была прохладна и светла.

При заходе на Макаassar, в Амбоину, я попросил адмирала приобрести здесь одного бычка, двух телок и коз местной породы, уже акклиматизировавшихся на Малайском архипелаге, в подарок туземцам берега Маклая. Мое желание было исполнено и, кроме того, на казенные деньги были куплены для подарков туземцам тех островов, куда мы должны были зайти, разные вещи, как то: малайские паранги (большие ножи), крас-

ная бумажная материя, бусы, небольшие зеркала и т. п. Кроме того, мною было приобретено множество семян разного рода, между прочим семена дуриана, мангустана, манго, нескольких видов хлебного дерева, апельсина, лимона, ланзата, кофейного дерева, несколько молодых ананасов и много семян разных других полезных растений и овощей.

Пройдя пролив Буру и Сайгуйэн (между о-вами Салавати и Батанта), 12 марта мы подошли к северному берегу Новой Гвинеи. По случаю дождя и густых облаков, скрывавших берег, и вообще вследствие дождливой погоды адмирал решил не заходить в Дорэ, а идти прямо к берегу Маклая. 15 марта мы проходили мимо бухты Гумбольдта на Новой Гвинее. На открывшемся перед нами 16 марта о. Вулкане оказался снова действующим вулкан, как и в 1877 г. 17-го утром, пройдя проливом Изумруд (между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар), мы медленно прошли архипелаг Довольных людей около 2 часов пополудни, а в половине шестого вечера бросили якорь в порте Константина.

Я съехал на берег, на мысок Обсервации, и, увидев там несколько старых знакомых из Гумбу, сказал им, что я буду завтра утром в Бонгу и что для корвета нужна провизия — свиньи, таро, бананы и т. п. Боясь лихорадки, я не рискнул в тот же вечер отправиться в другие деревни и вернулся на корвет.

18 марта адмирал, несколько офицеров и я съехали на берег около деревни Бонгу. Сопровождаемые туземцами, которые, перебывая один другого, обращались ко мне с расспросами, где я буду жить, когда начать строить мне хижину и т. п., мы обошли деревню. Она показалась мне на этот раз как-то меньше и запущеннее, чем в 1876—1877 гг. Припомнив расположение деревни, я скоро открыл, что целые две площадки с окружающими их хижинами обратились в пустырь. Площадки заросли травой, а на развалинах хижин рос кустарник. На мои вопросы мне объяснили, что из туземцев, живших в этих хижинах, одни перемерли, а другие выселились. Сообразно с моими инструкциями, данными при отъезде в 1877 г., все девушки и молодые женщины были удалены; оставалось только несколько безобразных старух. Помня также мои советы, туземцы явились не только без оружия, но даже и без малейшего украшения. Вид их поэтому был сегодня довольно мизерный (дикие без украшений, лохматые, напоминают одетого в лохмотья европейца), тем более что почти вся молодежь отсутствовала. Одни находились в Богати по случаю происходившего там большого ая и муна; другие, вероятно, были в лесу, охраняя женщин.

Мой старый приятель Саул рассказал мне длинную историю о «тамо инглис» (вероятно, экспедиции шхуны «Dove»), затем о приходе в Гарагасси «абадам Маклай» (брата Маклая), как

они, вероятно, называли г. Ромильи. Вспомнив, что я еще не видел Туя, я прервал разговор вопросом о нем. «Туй муэн сен» (Туй умер), — ответил мне Саул. Я очень пожалел о моем старом приятеле. Я вызвал у туземцев Бонгу большое волнение, объявив, что привез им быка, корову, козла и коз. Все повторяли за мною имена этих животных; все хотели их видеть сейчас же. Я объяснил, что для привезенного скота надо построить изгородь, чтобы он не разбежался. Туземцы много говорили, и никто не принимался за дело. Еще раньше я убедился, что если дать туземцам какую-нибудь вещь для общего пользования, а не исключительно одному, то это всегда окажется ошибкой, так как никто не заботится об общей собственности. Однако дать привезенный скот кому-нибудь одному или же раздать по одному животному на несколько лиц казалось мне несправедливым. Сказав, что приведу быка, корову и коз к заходу солнца, я направился к тому месту, где в 1876—1877 гг. стоял мой дом.

Придя туда, я почти не узнал местности. Под большими деревьями, которые некогда окружали мой дом, рос теперь повсюду высокий кустарник; только местами, изредка, проглядывали между зеленью посаженные мною кокосовые пальмы, бананы и множество *Carica Papaya*, которая поднималась высокими стволами значительной толщины *. Вместо широких дорожек, содержащихся всегда в большой чистоте, около моей хижины оказалось теперь две-три тропинки, по которым можно было пробраться только с трудом. Я пошел прямо туда, где прежде стояли оба дома. Между кустами я нашел полдюжины еще стоявших свай. И это было все. Припоминая, с какими хлопотами я строил себе дом, с каким терпением я разводил плантацию, мне трудно верилось, что каких-нибудь 5—6 лет было достаточно, чтобы превратить все в глухой уголок густого леса. Это был пример роскошного плодородия почвы.

Времени на размышления, однако, у меня не было, почему я приказал сопровождавшим меня туземцам расчистить то место, где в 1877 г. у меня росла кукуруза и где мне показалось, что кустарник был не так част. Я велел выдергивать с корнями небольшие деревца, что при большом числе рабочих рук оказалось вовсе нетрудно. Расчищенное место было вскопано матросами, имевшими с собою железные лопаты, на пространстве нескольких квадратных сажен. Я послал туземцев за водой, а сам с помощью своего слуги из Амбоины, Яна, и обоих матросов стал рассаживать молодые растения и семена, привезенные из Амбоины. Принесенная в бамбуках вода послужила для полив-

* Вообще я заметил, что *Carica Papaya* очень быстро акклиматизировалась на берегу Маклая. Теперь нет деревни, где бы она не росла.

ки вновь посаженных растений. Не посадил я только семян кофе, отдав их Саулу и некоторым другим туземцам для передачи жителям горных деревень, где для кофейного дерева климат подходит больше, нежели на берегу Маклая. Туземцы, по-видимому, интересовались всей этой процедурой. Я тем не менее не был уверен, что мой эксперимент удастся, и даже боялся, чтобы на вновь взрытую землю не явились в тот же день или на другой свиньи и не разрыли новую плантацию; сделать же достаточно прочную изгородь было невозможно. У меня не было времени, чтобы приглядеть за сооружением ее самому, а туземцы были слишком возбуждены приходом корвета и постройкой у деревни забора для скота. Я отправился лесом по хорошо знакомой тропинке в Горенду, но и тропинка была сильно запущена; невысокий тогда кустарник вырос теперь в большие деревья, так что знакомая тропинка показалась мне совершенно новой. Добравшись, наконец, до места, где 6 лет тому назад была расположена деревня Горенду, я был окончательно поражен ее измененным видом. Вместо значительной деревни остались только две-три хижины; все заросло до неузнаваемости. Мне стало почему-то так грустно, что я поспешил выйти к морю и отправиться обратно на корвет.

После полдника и короткой сиесты я вернулся на берег и пошел снова в Бонгу. Я чувствовал себя, как дома, и мне pleasantly кажется, что ни к одному уголку земного шара, где мне приходилось жить во время моих странствований, я не чувствую такой привязанности, как к этому берегу Новой Гвинеи. Каждое дерево казалось мне старым знакомым. Когда я пришел в деревню, вокруг меня собралась толпа. Многих знакомых лиц я не мог досчитать; многие показались мне совершенно неизвестными: в мой последний приезд они были еще юношами, а теперь у них самих были дети. Только немногие старики оказались моими старыми приятелями. Два обстоятельства особенно бросились мне в глаза. Во-первых, мне и всем окружавшим меня казалось, что как будто только вчера, а не 6 лет тому назад, я был в Бонгу в последний раз; во-вторых, мне показалось странным отсутствие всякой дружественной демонстрации по отношению ко мне со стороны папуасов после моего долгого отсутствия. Подумав немного, я нашел второе обстоятельство совершенно понятным: ведь я и сам ничем особенным не выражал своего удовольствия при возвращении сюда; что же мне удивляться, если и папуасы не скажут от радости при виде меня. Были, однако, и такие среди них, которые, прислонясь к моему плечу, всплакнули и, всхлипывая, стали пересчитывать умерших во время моего отсутствия: «и этот умер,— говорили они,— и этот, и этот», и т. д. Всем хотелось, чтобы я по-старому поселился между ними, но на этот раз уже в самой деревне; хотели

также знать, когда я опять вернусь и что им делать, если «тамо инглис» снова появятся.

Несколько мальчиков, перегоняя друг друга и запыхавшись, прибежали с известием, что «тамо русс» с «буль боро русс» (большая русская свинья) приближаются в «кабум ани боро» (в шлюпке очень большой). Все бросились бежать; я тоже последовал за толпой. Действительно, большой баркас шел недалеко от берега. Так как вследствие отлогости берега большому баркасу нельзя было подойти близко к нему, то офицер, в распоряжении которого находился баркас, скомандовал нескольким матросам, чтобы они, засучив панталоны, соскочили в воду. Большая толпа жителей Бонгу, Горенду и Гумбу молча стояла вдоль берега, следя за каждым движением людей. Двое из выскочивших матросов держали концы веревок, привязанных к рогам бычка. Из накренившегося на один бок баркаса выскочило молодое животное и, очутившись в воде, направилось сперва вплавь, а затем бегом к берегу, так что матросам было нелегко задерживать его. Бычок побежал вдоль берега и тянул бегущих за ним матросов. Было крайне комично видеть, как около сотни туземцев, которые при виде нового для них животного, казавшегося для них, не знающих животных больше дикого кабана, громадным, рассыпались во все стороны; некоторые даже полезли на деревья, другие бросились в море. За бычком последовала корова, оказавшаяся гораздо смирнее его. За нею появился козел в сопровождении коз. Всех их матросы вели за веревки, привязанные к рогам. Вся эта процессия направилась в деревню, куда я также поспешил, чтобы распорядиться и приказать туземцам помочь матросам. В деревне была сооружена изгородь метров 15 в квадрате для бычка и коровы. С некоторым затруднением матросы заставили их перепрыгнуть через высокий порог изгороди. Калитка была сейчас же заколочена, так как я полагал, что пройдет некоторое время, пока животные привыкнут к своему новому положению. Несколько матросов с баркаса, пришедшие смотреть деревню, наломали в лесу молодых ветвей разных деревьев и бросили их за изгородь; по-видимому, угощение пришлось по вкусу корове, которая тотчас же принялась жевать ветки. Бычок же был очень беспокоен: он ходил вдоль изгороди, нюхая воздух и как бы ища выхода. При присутствии матросов, которые ухаживали за животными во время переезда из Амбоины, как бы успокаивало их. Рога были освобождены от веревок, и животные, кажется, чувствовали себя спокойнее. Козла и коз, за неимением другого помещения, я предложил туземцам поместить в одну из хижин и сказал, чтобы женщины принесли им завтра молодого унана. Один из матросов заметил, что нужно было бы показать туземцам, каким образом доят коз. Когда спрошенный мною табир был принесен и матрос

стал доить козу, все туземцы сбежались посмотреть на это диво. Возгласам и расспросам не было конца, но никто не отважился попробовать молоко, которое и было выпито матросами.

Солнце уже садилось, почему я сказал матросам, что им пора собираться на корвет. Оба матроса, находившиеся за изгородью, должны были перепрыгнуть через забор, так как калитки не было. Я продолжал давать туземцам кой-какие инструкции относительно их поведения в случае прихода белых. В это время возгласы туземцев заставили меня обратить внимание на поведение бычка. По уходе матросов он стал очень беспокоен, все бегал вдоль изгороди и, как мне сказали туземцы, хотел сломать забор. Я поспешил на место и увидел, что рогами бычку удалось разворотить в одном месте верхнюю часть забора. Сбегавшиеся туземцы приводили беднягу в ярость. Он еще раз бросился к забору с нагнутой головой, и еще несколько палок вылетело из изгороди. Не успел я крикнуть одному из туземцев, чтобы он побежал за тамо русс, как бычок отбежал от забора, ринулся опять к нему, но на этот раз уже с намерением перескочить через него. Это ему удалось, и он, вырвавшись на свободу, как бешеный, полетел по деревне. Туземцы быстро попрыгались кто куда.

Я остался один и мог видеть, как телке удалось тоже перескочить через ограду и побежать стремглав вслед за бычком. Сомневаясь в удаче, я все же скорым шагом пошел по тропинке к морю, где был встречен возвращающимися матросами. Я в двух словах рассказал им, в чем дело. Они отвечали, что, вероятно, им удастся загнать бычка обратно за изгородь, так как он очень ручной. Когда мы вернулись в деревню, то оказалось, что бычок и телка нашли тропинку, ведущую в лес, почему я послал туземцев в обход, чтобы не допустить бычка зайти слишком далеко; матросы же должны были, стараясь по возможности не пугать животных, попытаться загнать их обратно в деревню. Не стану распространяться далее. Вся эта история кончилась тем, что попытка вовсе не удалась, так как, увидев людей, бычок стремительно пустился вперед, а туземцы, разумеется, разбежались в разные стороны. За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы.

Было уже темно, когда мы вернулись на корвет после постигшей нас неудачи. Я был так утомлен происшествием дня, что, несмотря на большое желание, не мог исполнить обещанного, т. е. вернуться ночевать в Бонгу.

19 марта на рассвете корвет «Скобелев» снялся и направился к островку Били-Били. Так как предполагалось сделать съемку порта кн. Алексея, то для нас было очень важно иметь переводчиков, потому что диалектов жителей архипелага Довольных людей несколько, и они мне незнакомы; в Били-Били же я мог

рассчитывать найти кого-нибудь из знакомых, которые согласились бы отправиться с нами. Так как глубина в этом месте была достаточна, то корвет направился в пролив между о. Били-Били и материком Новой Гвинеи. Подходя к деревне, мы уменьшили ход и спустили шлюпку, и я направился к деревне. На берегу нас ожидала большая толпа, узнавшая меня и вопившая: «О, Маклай! О, Маклай! Эме-ме, э-аба! Гена!»

Несколько пирог приблизилось к шлюпке. В одной из них находился Каин, в другой — Марамай и Гассан и несколько других. Чтобы не терять времени на лишние переговоры, я предложил им всем последовать за мною на корвет, обещая дать табаку и гвоздей. Каин перебрался ко мне в шлюпку и стал предлагать всевозможные вопросы, на которые я, разумеется, не мог отвечать за недостатком времени. Очутившись на палубе, туземцы были очень смущены и перепуганы шумом машины и множеством матросов. Они сейчас же стали просить меня отпустить их домой. Сказав Каину и Гасану, что мне их нужно для того, чтобы говорить с людьми о-ва Сегу, куда идет корвет, я роздал остальным очень щедро то, что им было обещано (т. е. табак и гвозди), и отпустил их, задержав Каина, Гассана и Марамай, который сам пожелал отправиться с нами. Когда корвет двинулся, я почти насильно должен был удержать Каина; Гассан же, улучив момент, когда я на него не смотрел, взобрался на полуют и оттуда бросился в море. Проходя мимо островка Урему, где я в 1877 г. посадил несколько кокосовых пальм, я имел удовольствие видеть, что они все принялись и росли хорошо. Каин и Марамай, указывая на них, повторяли мое имя, приговаривая «Нуи Маклай», «Монки Маклай» (остров Маклая, кокосы Маклая), «Навалобе Маклай Урему и на таль атар» (со временем Маклай прибудет в Урему и построит себе дом). Туземцам очень хотелось, чтобы корвет прошел через узкий пролив между о. Григером и мысом Бейле на материке Новой Гвинеи и таким образом направился к о. Сегу. Адмиралу однако, это показалось слишком рискованным, почему мы продолжали путь вдоль о-вов архипелага Довольных людей. Наконец, мы прошли длинный о. Сегу и увидели пролив между ним и материком, совершенно свободный от всякой опасности. Пройдя пролив, корвет бросил якорь у западного берега о. Сегу. Так как было еще не поздно, то в тот же день было сделано несколько промеров.

Я отправился с несколькими офицерами на паровом баркасе осмотреть бухты обширного порта кн. Алексея. При моем возвращении мне было сообщено, что Каин и Марамай последовали примеру Гассана, т. е. воспользовались приблизившейся пирогой, которая забрала их из воды, и более не возвращались. Хотя я отчасти извиняю страх туземцев, но все-таки был сильно

раздосадован их поступком, почему, увидя пирогу с двумя туземцами, я приказал рулевому направиться к ней и почти что силой взял одного из них, другой же бросился в воду. Я отвел моего пленника на корвет, убежденный, что это обстоятельство побудит Каина или Марамая вернуться на корвет. На палубе я начал с того, что убедил знаками (диалект Сегу был для меня незнаком) моего пленника, что его не ожидает никакая опасность, а, напротив того, он получит много подарков, из которых многие были вручены ему немедленно.

Перед заходом солнца вид высоких гор с их вершинами, пиками Канта и Шопенгауэра, был великолепен. Двум людям из команды было поручено смотреть за пленником, который благодаря добродушию матросов чувствовал себя совершенно спокойно, принимая все, что ему только давали.

20 марта

Был одет в половине пятого и после завтрака отправился с лейтенантом Б. в бухту Эремпи, которая оказалась гораздо более обширной, чем мы думали, и состояла собственно из трех бассейнов. Глубина воды в бухте совершенно достаточна для больших судов. Берега кругом были покрыты лесом. Мы видели нескольких туземцев, которые, однако, побоялись приблизиться к плившему паровому баркасу, дым которого очень смущал их. На обратном пути я попросил лейтенанта Б. войти в речку Аю, которая мне была знакома еще с 1877 г.

Речка оказалась достаточно глубокой, хотя и узкой. Растительность кругом была роскошная. Одна лиана с пучками лиловых цветов попадалась очень часто. Очень высокие бананники росли у самого берега. Кроме высокого ствола и узких листьев, они отличались маленькими несъедобными плодами, полными зерен*.

Недалеко от устья речки Аю я заметил небольшое озеро, которое я видел, отправляясь в деревню Эремпи в 1876 г.

Я решил, вернувшись на корвет, отпустить нашего вчерашнего пленника, и поэтому сам отправился с ним в деревню Сегу, которая, однако, оказалась совершенно безлюдной. В одной из покинутых хижин я увидел два круглых щита, несколько горшков с орнаментами вокруг горла и один очень замечательный телум, представлявший мужскую и женскую фигуры *in copula*. Наш пленник остался на острове и не отходил от шлюпки до нашего отъезда. Он был бы не прочь вернуться обратно на корвет, где все обращались с ним очень хорошо. Встретив на

* Этот вид дикого банана, по рисунку цветов и плодов и по моему описанию, был назван бароном Ф. Мюллером в Мельбурне «*Musa Maclayi*» (см. Proc. of Linn. Soc. of N. S. W.).

обратном пути к корвету несколько пирог, я стал уговаривать туземцев (говоря на диалекте Бонгу, который они, по-видимому, отчасти понимали) вернуться в деревню, откуда они выбрались вчера вечером вследствие прихода нашего корвета. Дав им несколько подарков (табаку, красного коленкора и бус), я сказал, чтобы они привезли нам на другое утро кокосовых орехов. Когда стемнело, можно было разглядеть во мраке несколько пирога, возвращавшихся на о. Сегу. Огоньки, замелькавшие там и сям, показали нам, что туземцы послушались и вернулись по домам.

21 марта

До восхода солнца я отправился в деревню Сегу и отпустил шлюпку. Кругом не было видно ни души, но я был убежден, что туземцы скоро покажутся, и не ошибся. Не только мужчины явились ко мне, но от них не отстали и женщины. Каин был между первыми. Очень радостно пожимая мне руку, он сказал, что вчера он потому только сбежал с корвета, что боялся остаться среди тамо русс без меня, но что со мною он готов вернуться хоть сейчас и отправиться, куда я пожелаю. Я поймал его на слове и предложил ему отправиться со мною в деревню Бомасия, про которую я только слышал в 1876 г., побывать же там самому мне не удалось.

Кроме Каина, я взял с собою еще и моего амбоинца Яна. В небольшой пироге мы отправились к реке Аю; затем через небольшой приток, по имени Маус, мы переплыли маленькое озеро Аю-Тенгай, окруженное лесом. Около тропинки мы вытащили пирогу на берег и втроем отправились вперед. Часа через полтора мы пришли к деревне, очень похожей на Эремпи. Жители ее сперва было бросились бежать, но несколько слов, сказанных Каином, успокоили их совершенно. А когда я роздал несколько подарков, вся деревня, как мужчины, так и женщины, сбежались, чтобы получить от меня что-нибудь; мужчинам я давал табак и гвозди, женщинам — бусы и красную материю, разорванную на длинные полосы.

Здесь, как и в Эремпи, жители людоеды. Мне хотелось приобрести несколько черепов, но Каин уверил меня, что мозг обыкновенно варится в самом черепе, а затем, когда все уже съедено, кости выбрасываются в море. Мне предложили купить здесь очень интересный для меня, довольно длинный щит, не деревянный, а сплетенный из ротанга. Этот щит приобретен туземцами от жителей Кар-Кара (о. Дэмпир). Так как владелец щита хотел получить за него топор, которого у меня не было с собою, и не хотел доверить мне и подождать уплаты при посредстве Каина, да и самому ему не хотелось идти на корвет, где он мог получить топор, то мне пришлось отказаться от приобретения щита. Тем не менее мне удалось приобрести

копье, лук и стрелы весьма тщательной работы и этим пополнить небольшую коллекцию папуасского оружия. Наконечники стрел в особенности были вырезаны очень искусно, с разными зарубками и засечками.

Когда нам подали угощение из вареного таро и т. п., я пожелал узнать, имеют ли здешние жители специальные табиры для угощения, на которых бы подавалось исключительно человеческое мясо. Ответ получился отрицательный. Мне сказали, что человеческое мясо варится в обыкновенных горшках и подается тоже в обыкновенных табирах. Так как сегодня меня не угощали мясом, то на этот раз я мог быть уверен, что мне не преподнесли человеческого мяса. На обратном пути нам пришлось пройти несколько довольно больших и очень хорошо обработанных плантаций. По-видимому, земля здесь особенно плодородна.

Мы вернулись на корвет как раз перед самым ливнем. От адмирала я узнал, что он намеревается сняться на следующий день. Это меня крайне удивило и опечалило, так как на карту еще не было нанесено и половины обширного порта кн. Алексея. Все бухточки и якорные места около о-вов Рио, Тиара, Григер и др., т. е. вся южная часть этого порта, не значились еще на карте, сделанной офицерами корвета «Скобелев». Я несколько раз начинал доказывать адмиралу, как было бы хорошо распространить промер и на остальную часть порта. Адмирал, однако, оставался непреклонен, говоря, что уже сделано все необходимое и что лучшей якорной стоянки, чем мы имели около о. Сегу, искать нечего, что ему необходимо крайне дорожить временем, и т. д. Мне было очень досадно, что не русскому военному судну удастся сделать полную карту отличного порта *.

22 марта

Встав до рассвета, отправился на мостик и сделал эскиз гор Мана-Боро-Боро и архипелага Довольных людей. Сильный противный ветер помешал нам сняться, почему я отправился на небольшой островок, по имени Мегаспена, покрытый растительностью и представляющий во многих местах некоторые удобства для причаливания шлюпок. Оттуда я переехал на о. Сегу, отыскал Каина и через него спросил туземцев, которые считают о. Мегаспена своим, согласны ли они дать мне этот остров для того, чтобы построить там дом в случае моего возвращения. Все оказались не только согласны, но даже очень довольны, услышав, что я поселюсь недалеко от них.

* Я не ошибся, так как месяцев 5—6 спустя германским корветом была сделана съемка южной части порта кн. Алексея, даже бухточки которого были названы немцами.

23 марта

Снялись с якоря в 6 часов, около 8 проходили пролив Изумруд между Новой Гвинеей и о. Кар-Кар. У юго-западной оконечности последнего мы заметили несколько парусных пирог, и часа через три я убедился, что эти самые пироги были вытасчены на берег у мыса Круазелль; это послужило мне доказательством постоянного сообщения между туземцами Кар-Кара и жителями материка.

**СООБЩЕНИЕ
О ПУТЕШЕСТВИЯХ,
СДЕЛАННОЕ
Н. Н. МИКЛУХО-
МАКЛАЕМ В РУССКОМ
ГЕОГРАФИЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

(1882 г.)

М. Гг! Через восемь дней, 8 октября, исполнится 12 лет, как в этой же зале я сообщал гг. членам Географического общества программу предполагаемых исследований на островах Тихого океана. Теперь, вернувшись, могу сказать, что исполнил обещание, мною данное Географическому обществу 8 октября 1870 г.; сделать все, что будет в моих силах, чтобы предприятие не осталось без пользы для науки.

В сообщении своем я не буду следовать хронологическому порядку моих путешествий, но буду сообразоваться с программой исследований, которую я наметил себе в 1872 г., в конце своего первого пребывания на берегу Маклая на Новой Гвинее, о чем сообщу ниже. В этом первом сообщении я буду говорить о своих двух пребываниях на берегу, который ради удобства при описании я назвал берегом Маклая, — о пребывании в 1871 и 1872 гг. и о втором, более продолжительном, в 1876 и 1877 гг.

Мне придется иногда в этих чтениях повторять то, что было уже напечатано в разных изданиях как Русского географического общества, так и других — иностранных ученых обществ.

Должен заметить, что хотя 12 лет и кажутся длинным периодом, но все же при критическом обсуждении результатов моего путешествия не следует забывать всех препятствий, которые мне являлись на пути и очень замедляли ход работ. К числу этих препятствий относится прежде всего продолжительность путешествия. Приведу несколько примеров. При посещении о-вов Меланезии в 1878 и 1879 гг. я провел в путешествии 409 дней, из которых 237 находился на берегу, на суше, а 172 дня в море. При обстановке, в которой я тогда путешествовал, — на небольшой шхуне, — я мог уделить работе весьма

незначительную часть времени. Мой последний переезд из Австралии в Европу, хотя и при совсем другой обстановке, длился не менее 200 дней. Приведу еще пример большой потери времени. При путешествии по Малайскому п-ову мне приходилось большею частью идти пешком в течение 176 дней, делая по десять часов в день. Естественно, что такие переходы требовали достаточного отдыха, на который и приходилось терять время. Значительная потеря времени сопряжена также с разными необходимыми заботами, как, напр., устройство себе жилья и поиски ежедневного пропитания. Так, в 1872 г., во время первого моего пребывания на берегу Маклая, мой ежедневный стол зависел главным образом от охоты, и мне нередко приходилось голодать, если охота была неудачной. Потом еще препятствие — болезни. Не говоря уже о частых припадках лихорадки, которым я подвергался на Новой Гвинее и которые оставляли по себе большую слабость, очень мешавшую занятиям, мне пришлось пролежать около месяца в госпитале в Амбоине, когда к перемежающейся лихорадке присоединилась еще рожа лица и головы — болезнь, почти эпидемически господствующая на берегу Ковиай на Новой Гвинее. Целые семь месяцев проболел я в Сингапуре, вернувшись с Новой Гвинеи в 1878 г., вследствие чего вес моего тела с нормального, 147 фунтов, понизился до 93 английских фунтов, и в продолжение этих семи месяцев работать в собственном смысле слова я мог только весьма мало. Наконец, сюда же надо причислить крайнее недоверие туземцев, которое приходится встречать во многих малоизвестных и потому наиболее интересных местностях и которое может быть преодолено только долгим терпением и большою настойчивостью, незнание местного языка и большую трудность изучения его без вспомогательных средств, как, напр., переводчики или лексиконы. В подробном отчете о моих путешествиях найдутся еще многочисленные примеры подобных препятствий.

Выбирая в 1868 г. ту часть земного шара, которой предполагал посвятить свои исследования, я остановился на островах Тихого океана и преимущественно на Новой Гвинее, как острове наименее известном. Остановившись на этом выборе, я постарался предварительно ознакомиться со всею литературой об этом острове, имея в виду главным образом цель — найти местность, которая до тех пор, до 1868 г., еще не была посещена белыми. Такою местностью был северо-восточный берег Новой Гвинеи, около бухты Астролябии. Дэмпир, который был около этого берега и именем которого назван остров Кар-Кар, прошел вдали от берега, не останавливаясь на нем. Дюмон-Дюрвиль, который дал название заливу Астролябия, потеряв у Раротонги оба якоря, также не мог остановиться и прошел восточнее Кар-Кара, определив только два крайние мыса: Дюпере и Риньи.

О моем первом пребывании на Новой Гвинее кое-что уже известно из моих печатных сообщений, так что на подробностях я не буду останавливаться. Но мне кажется, что вам было бы небезынтересно знать, каким образом я успел сойтись с туземцами и заслужить их доверие и уважение, — одним словом, каким образом моя задача удалась.

Обдумав совершенно объективно все обстоятельства своего первого пребывания между туземцами и последующего знакомства с ними, я пришел к заключению, что хорошим результатам сношений с дикарями я обязан главным образом своей сдержанностью и терпению. Высадившись на берег Маклая, я избрал для постройки хижины мысок, довольно отдаленный от обеих соседних деревень — Горенду и Гумбу; местность эта не принадлежала никому, не была до моего поселения занята никем; таким образом, поселившись вне деревень, отстоявших от места, где находилась моя хижина (называемого, как я узнал впоследствии, Гарагасси) не менее $\frac{1}{3}$ или $1\frac{1}{2}$ мили, я не навязывал жителям своего постоянного присутствия. Это оказалось в высшей степени удачным шагом для моего дальнейшего сближения с дикими. Заметив, далее, что мой приход в деревни нарушал обычное течение жизни туземцев, что при моем появлении все женщины с детьми стремглав бросались в кусты, а мужчины брались за оружие, окружали меня и угрожали убить, я постарался найти средство, чтобы не беспокоить их внезапным появлением. Я нашел для этого очень простое средство, которое показывает, каким образом мелочи могли иметь важные последствия. Открыв, что неожиданность моего появления сильно их беспокоит и им надоедает, я обыкновенно, подходя к деревне, останавливался и резким свистом давал знать о своем приближении для того, чтобы дать женщинам время убраться с детьми в кусты и спрятаться там. Я скоро заметил, что вследствие этого туземцы, зная, что я не приду неожиданным гостем, стали совершенно иначе относиться к моим визитам и гораздо реже брались за оружие. Таких примеров я мог бы привести очень много.

Тотчас же по прибытии главной моей заботой было изучение языка туземцев — задача, оказавшаяся очень трудною; и не раньше четырех или пяти месяцев мне удалось познакомиться с языком настолько, чтобы понимать туземцев и быть в состоянии объяснять им самые необходимые вещи и предлагать им самые элементарные вопросы. Постепенное ознакомление с языком и, если можно так выразиться, моя деликатность в обращении с туземцами, наконец, мало-помалу преодолели их нежелание видеть меня в своей среде и поддерживать со мною сношения. Сперва они решительно предлагали мне удалиться, показывая на море, — это был их постоянный жест, как бы приглашавший отправиться туда, откуда пришел. Доходило даже до

того, что они почти ежедневно, ради потехи, пускали стрелы, которые пролетали очень близко от меня, главным образом, как я полагаю, для того, чтобы испугать меня или испытать, как я отнесусь к подобной с их стороны забаве.

При неоднократных таких опытах, которые могли кончиться плохо для меня, я только два раза был слегка оцарапан. Я скоро понял, что моя крайняя беспомощность против сотен, даже тысяч людей была моим главным оружием. Ознакомясь ближе с языком, я стал замечать, что между туземцами существует какое-то особенное мнение касательно моей личности. Мне удалось, наконец, через несколько месяцев узнать, что среди туземцев возникла мысль о моем сверхъестественном происхождении. Эта мысль возникла, выросла и окрепла среди туземцев не только без всякого с моей стороны участия или содействия, но даже без моего ведома, так как сам я узнал о существовании ее только впоследствии, ближе ознакомившись с местным языком.

Я стал замечать, что в разговорах между собою они часто употребляли весьма странную комбинацию слов: «каарам тамо»; «каарам» означает луна, «тамо» — человек. Сначала я не мог понять значения этого выражения, и, только познакоившись, наконец, с языком папуасов настолько, чтобы спросить у них, «что это такое», где находится этот «каарам тамо», я, к своему крайнему удивлению, узнал, что так они называют меня. Но все-таки весьма ограниченное знание языка не позволило мне задать дальнейшие вопросы, чтобы тотчас же разъяснить, каким образом они пришли к такому странному заключению относительно моего происхождения. Наконец, уже на четвертом месяце моего знакомства с ними, когда я успел ознакомиться с языком достаточно хорошо, при новых расспросах о происхождении этого выражения я узнал следующее. Спросив однажды одного из туземцев: «Кто тебе сказал, что я каарам тамо?», т. е. человек с луны, я получил ответ: «Да все говорят это». — «Кто же эти все?» — «Да ты спроси их (при этом он указал на подле стоявших): вот тот, тот и тот, все тебя так называют». Узнав, наконец, кто первый назвал меня таким образом (мне сказали, что это был Бугай, из дер. Горенду), я тотчас же отправился в эту деревню, отыскал Бугая и спросил его: «Почему ты думаешь, что я пришел с луны?» — «Потому что у тебя огонь с луны». Опять явилось затруднение: что они называют «огнем с луны»? Я стал объяснять им, что огонь, который горит в моей хижине или зажигается в ней, совершенно такой же, как и тот, который горит в Горенду, Гумбу и других деревнях. «Все это так, — отвечал Бугай, — но у тебя в твоей хижине есть еще другой огонь, который с луны». Снова пришлось расспрашивать, и, наконец, я узнал, что этот дикарь, Бугай, будучи раз с

товарищем на рыбной ловле, увидел около моей хижины яркий, белый свет и так испугался, что сейчас же бросился в деревню и стал звать всех посмотреть на «огонь с луны», как он назвал этот необыкновенный огонь. С этого времени, сначала в ближайших деревнях, а потом и в более отдаленных, стали звать меня «человеком с луны». Долго я не мог сообразить, какой особенный огонь они могли видеть у меня. Припомнив хорошенько все обстоятельства своей жизни в Гарагасси, я остановился как на более вероятном на следующем объяснении. Однажды, в бурную ночь, когда мне надо было отыскать что-то под хижинкой (хижина в Гарагасси стояла на сваях) я вздумал зажечь один из фальшфейеров, оставленных мне командиром корвета «Витязь». Этот-то случай окончательно утвердил в мозгу туземцев убеждение в моем сверхъестественном происхождении, первоначальное зерно которого брошено было, вероятно, моим неожиданным появлением среди них. Туземцы, раз напав на эту мысль, стали объяснять положительно всякую относящуюся ко мне мелочь каким-нибудь особенным, сверхъестественным образом. Они были убеждены, напр., что я могу зажечь воду, могу летать и т. д. Все эти атрибуты, которыми они облакали каарам тамо — человека с луны, становились широко известны весьма быстро вследствие того, что моим соседям было выгодно как можно больше рассказывать обо мне как о существе необыкновенном. Чем более они возвышали меня в глазах жителей более отдаленных деревень, тем более возвышались и сами, тем более казались страшными своим врагам.

Вскоре туземцы соседних деревень дали мне доказательство своего ко мне доверия. Однажды, когда жители более отдаленных деревень объявили моим соседям, жителям Горенду и Гумбу, войну и хотели напасть на них, соседи мои решились на совершенно неожиданный поступок, который немало удивил меня. В продолжение четырех или пяти месяцев они ни разу не показывали мне своих жен или детей. Извещенные о моем приближении к деревне свистком, все женщины и дети убегали и оставались в лесу до тех пор, пока я не уходил; да я и сам старался не обнаруживать особенного желания видеть их. Как же поэтому велико было мое изумление, когда однажды несколько десятков женщин с грудными детьми были приведены к моей хижине в Гарагасси (в то время я уже хорошо понимал их язык), и один из старых людей, которых они называют «тамо боро» (большой человек), обратился ко мне с просьбой о позволении оставить их около моей хижины на несколько дней, так как они ожидают нападения неприятеля. Хотя меня очень беспокоит и раздражает крик детей, но я согласился на их просьбу. Враги моих соседей были напуганы этим обстоятельством и, видя меня на стороне деревень Горенду и Гумбу, удержались

от нападения, и, таким образом, вся история обошлась без кровопролития.

Чем больше распространялась моя известность как каарам тамо (человека с луны), тем удобнее стало для меня являться в окрестные деревни, и мои исследования и наблюдения пошли гораздо успешнее. Вообще, чем менее я менял свое поведение, чем более я оставался самим собою, т. е. европейцем, ученым, исследователем, чем больше отличался от туземцев, тем более укреплялась в них идея о моем неземном происхождении, для поддержания которой мне не приходилось играть никакой роли и не принимать никаких мер. В отношениях своих с туземцами я строго наблюдал за собою, чтобы всегда даже малейшее данное мною обещание было исполнено, так что у папуасов явилось убеждение, выражаемое ими в трех словах и ставшее между ними родом поговорки: «балал Маклай худи», что в переводе значит: слово Маклая одно. Но, чтобы они дошли да такого мнения, я, действительно, должен был весьма заботиться об этом: никогда ничего не обещать, чего не могу сделать. Это исключительное положение много помогало мне в частых сношениях с туземцами и давало мне возможность оказывать на них хорошее влияние при часто возникавших между ними междоусобиях и войнах.

По мере знакомства с туземцами, с их образом жизни и нравами в сентябре и ноябре 1872 г., т. е. в конце моего пребывания в Гарагасси, мне стала представляться программа дальнейших исследований на островах Тихого океана. Изучив туземцев берега Маклая в антропологическом и этнологическом отношениях, я наметил себе задачу исследования всей папуасской, или меланезийской, расы.

Таким образом, мне представлялось необходимым, во-первых, познакомиться с папуасами других частей Новой Гвинеи для сравнения их с изученными мною жителями берега Маклая; во-вторых, сравнить папуасов Новой Гвинеи с обитателями других островов Меланезии, в-третьих, выяснить отношение папуасов к «негритосам» Филиппинских о-вов, доказать присутствие или отсутствие курчавоволосой расы на Малайском п-ове, и в случае ее присутствия, сравнить ее представителей с остальными меланезийцами. Программу эту мне удалось выполнить, но на выполнение потребовалось десять лет путешествий.

Вернувшись с Новой Гвинеи и прибыв в мае 1873 г. на о. Яву, я воспользовался там гостеприимством генерал-губернатора Нидерландской Индии и занялся приведением в порядок своих наблюдений на берегу Маклая в 1871—1872 гг., результатом чего был ряд статей в батавийском журнале естественных наук («*Naturkundig Tijdschrift voor Nederlandsch Indie*»). Случилось это таким образом. Страдая в то

время лихорадкой — денга (кнокель-курс — голландцев, или денью-фивер — англичан) с опухолью суставов пальцев, я не в состоянии был писать и должен был диктовать. Вот причина, почему статьи эти напечатаны в иностранном журнале, на чужом языке; будь я сам здоров или имей под руками переписчика, умеющего писать по-русски, я, без сомнения, прислал бы статьи в Русское географическое общество.

Таким образом напечатаны были:

1) «*Anthropologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea*».

2) «*Ueber Brachycephalie bei den Papuas von Neu-Guinea*».

3) «*Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea*» (I und II).

4) «*Notice météorologique concernant la Côte-Maclay en Nouvelle-Guinée*».

Наконец, я послал профессору Брока в Париж маленькую статейку под заглавием «*Vestiges de l'art chez les Papouas de la Côte-Maclay en Nouvelle-Guinée*», которая составляла начало целого ряда статей, посвященных вопросу об искусстве у папуасов, но от профессора Брока я не получил ответа, вероятно, по случаю его смерти, и только теперь случайно узнал, что означенная статейка моя напечатана в «*Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris*» (t. I, 3-me Sér., Année 1878); следующие же статьи о том же предмете остались ненапечатанными и находятся в моих бумагах.

Вышеозначенные брошюры заключают в себе предварительные сообщения о результате моих исследований на Новой Гвинее в 1871—1872 гг.

Чтобы дать понятие о содержании означенных сообщений и важном значении находящегося в них материала, я сообщу подзаголовки одной из статей по этнологии: 1) пища туземцев; 2) приготовление пищи; 3) кухонные принадлежности и орудия; 4) орудия, употребляемые при разных работах; 5) одежда и украшения; 6) деревни и жилища; 7) внутренность хижин; 8) ежедневная жизнь папуасов; 9) заметки об изучении языка; 10) искусства; 11) суеверия и обычаи, связанные с суевериями, и 12) музыка и пение. К этому могу лишь прибавить, что в моих коллекциях, оставленных в Сиднее, особенно богатых предметами с берега Маклая, имеются в большом количестве образчики домашней утвари, орудий, оружия и других употребляемых в разных случаях их жизни предметов. Сверх того, в коллекциях моих находится полное и чрезвычайно интересное в антропологическом отношении собрание черепов.

Отправляясь в декабре 1872 г. на «Изумруде» с берега Маклая, я обещал туземцам, которые сильно горевали о моем отъезде, вернуться к ним. В январе 1876 г. мне удалось испол-

нить это обещание: я отправился вторично на Новую Гвинею. Это путешествие, совершенное на маленькой английской шхуне «Sea Bird», было сопряжено с большими неудобствами и богато приключениями.

С Явы я отправился на о. Целебес и, пройдя около о-вов Геби и группы Пеган, отправился на о. Яп, а оттуда на группу Пелау, или Пелью. Побывав там и пройдя группу Улей и о-ва Матвея, я посетил о-ва Адмиралтейства, о-ва Луб, Ниниги и, наконец, прибыл на Новую Гвинею. Краткое сообщение об этой экспедиции напечатано в «Известиях Географического общества», а также в «*Petermann's Geogr. Mittheilungen*», 1879 (*Reise in West-Mikronesien, Nord-Melanesien und ein dritter Aufenthalt in Neu-Guinea, von Febr. 1876 bis Jan. 1878*). Я вернулся снова на берег Маклая затем, чтобы, зная хорошо язык туземцев и пользуясь их полным доверием, дополнить свои наблюдения и окончательно выяснить некоторые, не вполне разрешенные мною при первом посещении вопросы. Мои ожидания вполне оправдались. Полное знание языка туземцев, а главным образом их доверие ко мне весьма облегчили мои исследования.

Само собой разумеется, что я обставил свое пребывание на Новой Гвинее совершенно иным образом, чем в 1871 г. Вместо хижины, в которой мое помещение было не более 7 кв. футов, я привез с собою из Сингапура удобный дом и поставил его в другом месте берега, чем в 1871 г. На этот раз моя резиденция находилась в полумиле от порта Константина, на мыске, называемом туземцами Богарлом (или Бугарлом). Таким образом, при более удобной обстановке, я мог заняться анатомическими работами.

Мне удалось еще посетить значительные пространства берега Новой Гвинее — миль 180 от мыса Круазелль до мыса Телята — и притом очень удобным образом. С двумя слугами и несколькими жителями дер. Били-Били я отправился в двух пирогах вдоль берега, останавливался почти во всех деревнях и везде встречал радушный прием благодаря моим спутникам — папуасам, которые, будучи моими старыми знакомыми, хорошо знали меня и знали туземные языки, так что я мог очень легко познакомиться с образом жизни и правами береговых папуасов, которые в этнологическом отношении очень различаются между собою: каждая деревня имеет свои характерные особенности.

Мое влияние на туземцев оказалось так сильно, что мне удалось совершенно прекратить, на все время моего пребывания, постоянные междоусобные войны. Этот результат был для меня в высшей степени приятен. Эти войны имеют более характер убийств, чем характер войны или боя в открытом поле.

Каждое убийство ведет к новым репрессалиям, и, таким образом, вся война состоит из ряда вендетт. Войны страшно вредили всему населению, так что туземцы боялись отходить на несколько часов от своих селений. Вследствие своего положения и авторитета как «человека с луны» я имел возможность положить запретить войны и вскоре увидел хороший результат этого запрещения.

Во второе пребывание на Новой Гвинее вследствие более удобной обстановки я гораздо менее подвергался приступам лихорадки, так что я мог более времени употреблять на занятия, состоявшие, как я сказал, главным образом из этнологических исследований, причем, однако, никогда не упускал из виду и сравнительно-анатомических работ. Но я полагал, что мне следует главным образом заняться изучением туземцев и их образа жизни. Я застал их на самой низкой ступени развития: металлов они совершенно не знали, и все их орудия были сделаны из камня, кости и дерева. Они не умели даже добывать огонь. Несомненно, что такая примитивная жизнь во всех ее мелочных подробностях представлялась интересным предметом исследования для всякого естествоиспытателя. Сверх того, эта ступень развития туземцев берега Маклая — переходная, и многое должно было измениться уже вследствие одного моего пребывания между ними. Так, они познакомились с употреблением железа и целого ряда других предметов, которых прежде совершенно не знали, и ряд новых идей явился в их уме. В непродолжительном, быть может, времени вследствие развития торговли в Тихом океане жители берега Маклая войдут в сношения с другими народами, и тогда их примитивность вполне исчезнет, а вместе с тем исчезнет большая часть того научного интереса, который представляют дикари в их первобытном состоянии.

Позволю себе привести здесь несколько строк из моего письма Русскому географическому обществу о втором пребывании моем на берегу Маклая на Новой Гвинее, в 1876 и 1877 гг. О выборе главного предмета своих исследований я писал тогда следующее:

«Если заметят, что я ни слова не говорю о новооткрытых видах райских птиц, не обещаю описать сотни и привезти тысячи редких насекомых, меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая собственно не составляет моей специальности, отстранил от себя собирание коллекций? Я отвечу на это, что, хотя я считаю вопросы зоогеографии этой местности весьма интересными, особенно после весьма подвинувшегося в последние годы знакомства моего с фауной Малайского архипелага, все-таки почел *за более важное* обратить мое внимание, теряя при

этом немало времени, на status praesens житья-бытья папуасов, полагая, что *эти фазы жизни этой части человечества, при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день), весьма скоро проходящи*. Те же райские птицы и бабочки будут летать на Новой Гвинее даже в далеком будущем, и собирание их будет восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллекции, между тем как, почти наверное, при повторенных сношениях с белыми не только нравы и обычаи *теперешних* папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что будущему антропологу придется разыскивать чистокровного папуаса, в его примитивном состоянии, в горах Новой Гвинеи, подобно тому как я искал оран-сакай и оран-се-манг в лесах Малайского п-ова.

Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав» *.

Благодаря большому ко мне доверию туземцев я во время второго у них пребывания имел возможность познакомиться с весьма интересными обычаями — брачными, погребальными и др.

Укажу для примера на некоторые обычаи. Так, туземцы оставляют покойников гнить в хижинах. Когда человек умирает, его тело приводят в сидячее положение; потом труп оплетают листьями кокосовой пальмы в виде корзины, около которой жена покойного должна поддерживать огонь в течение двух или трех недель, пока труп совершенно не разложится и не высохнет. Случаи зарывания трупов крайне редки и происходят только тогда, когда какой-нибудь старик переживает всех своих жен и детей, так что некому поддерживать огонь. Это случилось с моим знакомым Маде-Боро, гробница которого под барлой (нары) его опустевшей и запертой хижины представлена на одном из моих рисунков.

Трупы умерших детей подвешивают в небольших корзинах под крышей хижины. Описанный способ погребения обыкновенно сопровождается многими обрядами, которые подробно изложены в одной из вышеупомянутых статей.

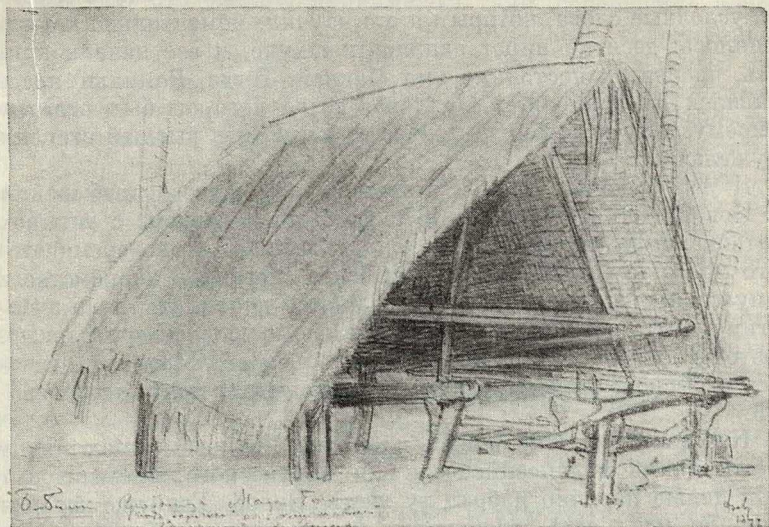
Я уже говорил, что папуасы не умели добывать огонь, и когда я спрашивал их об этом, то они положительно не понимали моего вопроса и даже находили его смешным. Они говорили, что если у одного погаснет огонь, то он найдется у другого; если во всей деревне не будет огня, то найдется в другой. Некоторые туземцы говорили мне, что их отцы и деды рассказывали, что помнят или в свою очередь слышали о времени, когда у людей вовсе не было огня, и им приходилось есть пищу сырой,

* Изв. Русс. геогр. общ., т. XIV, вып. 2, стр. 170.

вследствие чего у них бывала болезнь десен, название которой сохранилось до сих пор.

Когда в ноябре 1877 г. я решил, наконец, вернуться в Сингапур на случайно зашедшей английской шхуне, то приказал оповестить по всем деревням, чтобы ко мне из каждой деревни явилось по два человека: самый старый и самый молодой. Ко мне пришло более чем по два человека, так что около моей хижины собралась большая толпа. Когда все они сгруппировались около меня, я сказал им, что покидаю их на время и, вероятно, не скоро вернусь. Они почли долгом выразить мне свое неудовольствие и очень сожалели о моем отъезде. Потом я объяснил им, что, вероятно, другие люди, такие же белые, как и я, с такими же волосами и в такой же одежде, придут к ним на таких же кораблях, на каких приезжал я, но, очень вероятно, это будут совершенно иные люди, чем Маклай. Я считал своим долгом предупредить этих дикарей относительно того класса промышленников, которые еще до сих пор делают острова Тихого океана местом весьма печальных сцен. Еще до сих пор так называемое «kidnapping», т. е. похищение людей в рабство разными средствами, там встречается и производится под английским, германским, американским и французским флагами. Я ожидал, что и на Новой Гвинее может случиться то же, что на о-вах Меланезии (Соломоновых, Новогвинеидских и др.), где население стало уменьшаться значительно вследствие вывоза невольников. Поэтому, полагая, что и берег Маклая будет со временем целью посещения судов работорговцев, я счел долгом предупредить папуасов и объяснить им, что хотя они и увидят такие же суда и таких же людей, как Маклай, но эти люди могут их увести в неволю. Это предупреждение привело их в большое смущение, и они положительно хотели воспротивиться моему отъезду и старались уговорить меня остаться. Тогда я посоветовал им никогда не выходить к белым навстречу вооруженными и никогда даже не пытаться убивать их, объясняя им всю силу огнестрельного оружия сравнительно с их стрелами и копьями. Я им советовал для предупреждения бед при появлении судна сейчас же посылать своих женщин и детей в горы. Я им указал, однако, каким образом они могут отличить друзей от недругов.

Впоследствии я узнал, что все мои советы, выслушанные со вниманием, были исполнены в точности. После моего отъезда пришла английская шхуна из Мельбурна на берег Маклая с золотоискателями, которые полагали, что я скрыл присутствие там золота, и хотели исследовать берег в этом отношении. Это было год спустя после моего отъезда. Я встретил в Мельбурне в прошлом году одного из участников этой экспедиции, который и рассказал мне, что они нашли мою хижину в том

Гробница Маде-Боро в деревне Били-Били

виде, как я ее оставил, и что дверь и замок были целы, а плантация около дома содержалась так хорошо, что имела вид сада.

Когда мистер П., участник экспедиции, взялся за замок, чтобы посмотреть, нельзя ли войти в хижину, то полдюжины рук схватили его, и папуасы объяснили ему знаками, что это принадлежит Маклаю и что ему нечего тут искать. Демонстрация эта была настолько внушительна, что белые поспешили убраться, видя, что туземцы, пожалуй, станут защищаться.

Я получил еще одну весть о моих друзьях: военное судно было послано туда вследствие распоряжения the High Commissioner of the Western Pacific Sir Arthur Gordon*.

Перед отъездом Ромильи (Deputy-Commissioner) на берег Маклая я имел случай видеть его в Сиднее и передал ему те знаки и слова, по которым он мог быть узнан туземцами как друг Маклая. Из рассказа вернувшегося Ромильи я убедился, что все, даже малейшие подробности моих советов папуасами были исполнены. Так, в течение многих часов, пока он не сделал известных знаков, ни один человек не осмеливался подойти

* — верховного комиссара западной части Тихого океана сэра Артура Гордона. — *Ред.*

в своей пироге к шхуне; но как только он сделал знаки и сказал условные слова, которым я его научил, моментально все изменилось: десятки пирог явились к шхуне, и все начали кричать, произнося постоянно имя Маклай. Тогда Ромильи представился им как «брат Маклая», после чего он был отведен к моему дому и вообще встречен туземцами в высшей степени дружелюбно.

Я уже сообщил, что результаты моего первого пребывания на Новой Гвинее в 1871 и 1872 гг. были изложены в четырех статьях на французском и немецком языках; но во время второго моего там пребывания, при более обширном знакомстве с папуасским языком, мне удалось многое дополнить, а по этнологии добыть результаты, более важные и удовлетворительные. Поэтому мысль вторично посетить берег Маклая оказалась в высшей степени удачною в отношении моих исследований.

Как известно, отправляясь на Новую Гвинею, я имел в виду исследование меланезийского, или папуасского, племени и с этой целью нарочно избрал ту часть Новой Гвинеи, которая была до меня еще совершенно не посещаемая белыми. Мое с лишком трехлетнее пребывание на берегу Маклая убедило меня, что туземцы этого берега не находились до моего приезда в соприкосновении ни с белою, ни с малайскою расами. Я удачно попал именно в такое место, где папуасская раса была совершенно чиста, без всякой посторонней примеси, тогда как на других островах Меланезии, как я сообщу далее, она является более или менее смешанною с другими расами. Основываясь на поверхностных и отрывочных наблюдениях различных путешественников, позднейшие ученые предполагали существование на Новой Гвинее нескольких различных племен, причем отличали прибрежных жителей от обитателей внутренних гористых местностей. Поэтому представлялось необходимым прежде всего проверить это мнение относительно берега Маклая и местностей, к нему прилегающих. Сделав значительное число экскурсий внутрь страны, в горы, и посетив различные, по возможности отдаленные места вдоль берега, я пришел к положительному убеждению, что никакого племенного различия между прибрежными жителями и обитателями горных местностей не существует. Везде живет одно и то же племя, имеющее одинаковый антропологический *habitus* и отличающееся по местностям только языком и подробностями образа жизни и обычаев. Таким образом, вопрос о существовании на Новой Гвинее нескольких различных племен решен мною в отрицательном смысле.

Далее, касательно черепа папуасов существовало мнение, что отличительный его признак — долихокефалия, или длин-

ноголовость. Это мнение принималось как совершенно доказанная истина, и даже один из известнейших современных антропологов, профессор Р. Вирхов, считал необходимым на основании формы черепа различать как две вполне самостоятельные и отдельные расы — длинноголовых (долихокефальных) папуасов и короткоголовых (брахицефальных) негритосов (Филиппинских о-вов). Для разрешения этого вопроса — длинноголовости (долихокефалии) папуасов — я обратился как к самому надежному средству к измерению голов туземцев, что для меня было значительно облегчено обычаем папуасских женщин брить голову по выходе замуж.

Я сделал сотни таких измерений и, к моему величайшему удивлению, между сотнями измеренных голов десятки оказались брахицефальными или очень склонялись к брахицефалии.

Ввиду такого результата, для предупреждения каких-нибудь сомнений со стороны ученых относительно правильности и точности своих измерений, я запасся достаточным количеством краниологического материала — папуасскими черепами, которые вполне подтверждают результаты, полученные мною путем измерения. Таким образом, признак длинноголовости (долихокефалии) для расового отличия папуасов оказывается несостоятельным. Ширина черепа папуасов Новой Гвинеи относительно длины варьирует между 62 и 86%, т. е. в весьма широких пределах.

Далее, во многих учебниках по антропологии как на признак, отличающий папуасов от других темных, курчавоволосых рас, указывается, что у папуасов курчавые волосы растут будто бы не равномерно, а группами, или пучками, так что между этими группами, или пучками, находятся извилистые безволосые пространства. Наблюдая волосы на голове и теле как детей, так и взрослых папуасов и внимательно рассматривая распределение волос на коже, я убедился положительно, что у папуасов ни в каком возрасте особенной пучкообразной группировки волос не существует.

Следовательно, и этот общепринятый в учебниках признак папуасского племени оказался несостоятельным.

Наконец, некоторые антропологи, никогда не выезжавшие из Европы, как на хороший признак при классификации различных рас (папуасской, негритосской, негритянской), указывают на размер (диаметр) спирали (завитка) волос и на основании этого признака отличают, напр., папуасов от негритосов, утверждая, что у негритосов волосы представляют гораздо более узкие спирали, а именно, диаметр волосной спирали, или завитка, равняется 1—2 мм. Но по произведенным мною наблюдениям и измерениям отрезанные у папуасов Новой Гвинеи волосы свертывались спиралью (завитками), диаметр которой в очень мно-

гих случаях не превышал 1—1,5 мм, причем оказалось, что диаметр спирали, или завитка, волос, взятых с различных частей головы (виска, затылка), а тем более различных частей тела, весьма различен и сильно варьирует. Таким образом, и это основание (диаметр спирали волос) для классификации рас, которое было серьезно защищаемо некоторыми учеными, не выдерживает критики.

Все вышеуказанные вопросы могли быть разрешены только благодаря громадному, так сказать, живому материалу, который находился у меня под руками.

Познакомившись с папуасами берега Маклая, я решил для сравнения и проверки произведенных на этом берегу антропологических наблюдений посетить другие местности Новой Гвинеи. Отдохнув в течение шести месяцев в Бюйтензорге, на о. Яве, и приготовив к печати предварительные сообщения о результате первого путешествия, я отправился на этот раз на берег Новой Гвинеи, противоположный берегу Маклая, где, по разным соображениям, предполагал найти более или менее чистое, несмешанное папуасское население. В декабре 1873 г. на почтовом голландском пароходе выехал я из Батавии и, посетив разные порты Явы, через Макаassar, Тимор, Банду прибыл в Амбоину, где хотя и нашел средства к дальнейшему путешествию, но не мог получить никаких новых для меня сведений о Новой Гвинее. Из Амбоины я отправился на один из островов группы Серам-Лаут — островок Кильвару, откуда дальнейшее путешествие представлялось возможным только с помощью малайского прау. Но здесь возник чрезвычайно важный вопрос: какую именно часть берега Новой Гвинеи избрать местом исследований?

Легко понять, какое важное значение имеет удачный выбор места для тех или других научных наблюдений и исследований. Поэтому, прежде чем остановиться на той или другой местности, я постарался собрать приблизительные сведения о Новой Гвинее как у малайцев, так и в литературе.

Необходимо заметить, что малайцы о. Целебеса, главным образом макаassarцы, уже в течение трехсот-четырёхсот лет имеют сношения с Новой Гвинеей, равно как и жители о-вов Серам-Лаут, Серам и Кей также часто отправляются туда за невольниками, для ловли и покупки у туземцев черепахи, трепанга и жемчужных раковин. Я узнал также, что в тех частях берега Новой Гвинеи, которые называются Папуа-Онин и Папуа-Нотан, малайцы всегда принимаются туземцами в высшей степени дружелюбно, и хорошие отношения установились между ними уже издавна, так что на этих частях берега я, по всей вероятности, встретил бы смешанное население. В интересной статье Леупе (P. A. Leupe. De reizen der Neder-

landers naar Nieuw-Guinea en de Papoesche eilanden in de 17-e en Eüw.) *, в которой описаны сношения малайцев и европейцев с туземцами Новой Гвинеи в XVI и XVII столетиях, я нашел, между прочим, заметку о том, к какому средству прибегли малайцы о. Целебеса для того, чтобы, установив совершенно правильные сношения с западным берегом Новой Гвинеи, иметь вполне в своих руках этот рынок. Отправляясь на Новую Гвинею, они брали с собою молодых девушек из хороших малайских семейств и отдавали их в жены более влиятельным туземцам, а в обмен вывозили папуасских девушек, которых выдавали на Целебесе замуж за малайцев. Таким образом установились родственные связи между макассарцами и прибрежными папуасами Новой Гвинеи, вследствие чего между ними упрочились тесные и исключительные торговые сношения. Вот почему названный голландский ученый Леупе, роясь в архивах, нашел, что все попытки голландцев в XVI и XVII веках завладеть рынком Новой Гвинеи были уничтожены вследствие такого вероломства, как он выражается, со стороны макассарцев. Убедившись из этого, что папуасское племя на берегах Папуа-Онин и Папуа-Нотан уже в течение нескольких сот лет подвергалась смещению с малайским, я, для того чтобы найти чистокровных папуасов, решил избрать другой берег Новой Гвинеи для своей экскурсии, именно берег Папуа-Ковиай.

О жителях берега Папуа-Ковиай ходили между малайцами самые ужасные рассказы: их считали людоедами; уверяли, что они нападают на приходящие к берегу суда, грабят, убивают, поедают экипаж и т. п.

Все эти страшные рассказы малайцев о разбойничестве и людоедстве жителей берега Папуа-Ковиай и побудили меня избрать именно эту местность, так как я надеялся встретить там чистокровное папуасское население.

С большими затруднениями мне удалось нанять небольшое малайское прау, или, как его называют на о-вах Серам-Лаут, небольшой «урумбай», — судно, имевшее приблизительно 30 футов длины и 8 футов ширины; на это судно я должен был взять экипаж в 16 человек, так как в меньшем числе малайцы не решились отправиться в гости к папуасам берега Ковиай. Они уверяли, что при меньшем числе людей весь экипаж будет перерезан.

Сверх того в Амбоине я запасся хорошим поваром и охотником, которые были христиане и, оставив свои дома и семейства в Амбоине, желали, разумеется, со временем вернуться домой;

* Bijdragen voor de Taal-, Land- en Volkenkunde van Nederlandsch Indie, Deel. X, 1865.

я знал их за честных людей, так как раньше они служили у других натуралистов, от которых имели хорошие рекомендации, и я мог более или менее на них положиться.

Не желая иметь в своем экипаже людей из одной какой-нибудь местности, знакомых между собою, я намеренно оставил при себе по несколько человек из разных местностей и даже разных племен; так, у меня были малайцы, папуасы и др. Люди знакомые легче могли сговориться между собою, оказать мне скопом неповиновение, сопротивление и даже напасть на меня.

Наконец, когда урумбай и люди мои были готовы, мы отправились с о-вов Серам-Лаут сперва к о-вам Ватубелла, а затем, повернув на северо-восток и пройдя между п-вом Кумава и о. Ади, прибыли к берегу Папуа-Новая. Я посетил сначала великолепную бухту Тритон-бай, около которой почти за 40 лет до моего прихода находилась голландская колония Форт-дю-Бюс (Fort du Bus); от этой колонии в настоящее время, кроме нескольких камней в лесу, ничего не сохранилось. Колония была основана в 1828 г. и существовала до 1836 г., т. е. в течение восьми лет. Голландцы старались поддержать ее существование, высылая ежегодно по 150—200 солдат-яванцев с европейскими офицерами; но вследствие лихорадок и дизентерии не многим из людей приходилось возвращаться: почти весь гарнизон обыкновенно вымирал до прихода смены. Когда я прибыл в Тритон-бай, я не мог найти у туземцев даже воспоминания об этой колонии (в моем экипаже находились два-три человека, знавшие местный язык и служившие мне переводчиками), и только один из стариков-папуасов, радья Айдумы,* мой приятель, вспомнил, что есть в лесу, недалеко от берега, так называемая рума-бату (т. е. каменный дом).

Действительно, по указанию радья Айдумы, мне удалось найти в лесу следы бывшей здесь колонии Форт-дю Бюс: фундаменты нескольких домов и заржавленный чугунный щит с нидерландским гербом, найденный мною на земле и покрытый мохом.

Исследование местности позволило мне внести несколько исправлений на карты этой страны. То, что изображалось на прежних картах в виде части материка Новой Гвинеи, оказалось в действительности весьма живописным проливом, отделяющим группу о-вов Мавары от материка. Пролив этот я назвал проливом великой княгини Елены Павловны (другой пролив, отделяющий о. Наматоте от материка, назван мною проливом королевы Софии в честь покойной королевы нидерландской). Для пребывания своего я выбрал в высшей степени

* После того как малайцы начали посещать берега Новой Гвинеи, папуасские начальники усвоили себе малайское название «радья».

красивое место — Айва, мысок, находящийся между обоими вышеназванными проливами, где с помощью взятых с собою необходимых для постройки хижины принадлежностей в виде «атап» (сплетенных особым образом листьев саговой пальмы), которые составляют удобный материал для построек, мои люди скоро выстроили хижину, и я немедленно принялся за антропологические исследования. Хотя среди населения, особенно среди детей, встречались положительные доказательства помеси, но вообще можно сказать, что обитатели Папуа-Ковиай представляются чистокровными папуасами.

Отсутствие помеси или присутствие ее только в незначительной степени объясняется тем, что малайцы никогда не поселялись на этом берегу и, заходя сюда лишь изредка, вступали в случайные, временные связи с папуасскими женщинами; рождавшиеся от таких случайных связей полукровные дети бросались родителями на произвол судьбы и редко достигали зрелого возраста. Так как вопрос о том, населяет ли Новую Гвинею одно племя или несколько различных племен и даже рас, представлялся нерешенным в науке, то я не доверился первому общему впечатлению, которое было в пользу полного сходства жителей берега Папуа-Ковиай с обитателями берега Маклая. В самом деле, помимо некоторых особенностей костюма, я встретил здесь множество физиономий, которые вследствие поразительного сходства можно было принять за физиономии братьев или близких родственников многих знакомых мне папуасов на берегу Маклая.

Но я не поддался этому первому впечатлению и старался проверить его на деле, для чего занялся антропологическими измерениями, насколько туземцы позволяли над собою эти манипуляции. Я сообщу здесь только некоторые результаты измерений. Так, напр., рост людей на берегу Маклая варьирует между 1 м 74 см (максимум) и 1 м 42 см (минимум); рост женщин, у которых есть вполне взрослые дети, 1 м 32 см. Рост туземцев Папуа-Ковиай разнится от приведенных цифр весьма незначительно, именно: максимум роста мужчин 1 м 75 см и минимум 1 м 48 см; женщин 1 м 31 см. Между тем как индекс ширины черепа на берегу Маклая 86,4 и минимум 64,0, на Папуа-Ковиай — 80 и 62. Опять-таки различие пропорций незначительное.

Независимо от этого, как показывают приведенные цифры, и на берегу Папуа-Ковиай подтвердился результат, добытый мною на берегу Маклая, т. е. что между жителями Новой Гвинеи вообще встречается часто брахикефальная форма головы.

Оставив в своей хижине в Айве около десяти человек экипажа, я решил с остальными отправиться в глубь Новой Гвинеи, между прочим для того, чтобы проверить рассказы тузем-

цев о каком-то большом озере в горах. Высадившись на материке Новой Гвинеи против о. Койра, я перешел горный хребет в 1200 футов вышины и действительно увидел сравнительно узкое, но длинное озеро, называемое окрестными жителями «Камака-Валлар».

Обитающие в окрестностях озера горные жители называются «вуоусирау» и, по произведенным исследованиям, измерениям и снятым рисункам, почти не отличаются от береговых папуасов. Оз. Камака-Валлар тем более обратило на себя мое внимание, что, по рассказам туземцев, за несколько лет до моего прихода уровень его весьма значительно изменился.

Присматриваясь ближе к озеру, я заметил в прибрежной его части множество деревьев, находившихся, очевидно, на различной глубине, так как у некоторых из деревьев показывались из воды только верхушки, между тем у других вода едва покрывала нижние части стволов. Это несомненно указывало, что когда-то уровень воды в озере был ниже и находившиеся в воде деревья росли открыто на берегу, но потом вода повысилась, затопила берег, и деревья очутились таким образом в озере на различной его глубине. При этом туземцы уверяли, что незадолго до моего прихода вода в озере стояла еще выше, так что деревьев совсем не было видно.

Сверх того, и другие признаки на крутых берегах озера ясно указывали на значительные изменения и колебания уровня воды — от 15 до 20 футов. По словам туземцев, изменение уровня воды в озере произошло чрезвычайно быстро: утром еще они видели озеро с обыкновенным уровнем, но около полудня вода в нем вдруг стала спадать, начали показываться верхушки деревьев, и на другое утро, к удивлению жителей, вокруг озера, на обнаженном берегу, явилась целая полоса омертвевших деревьев, которые до того находились под водой. Рассматривая эти деревья, я нашел, что многие достигали 25 см толщины и древесина их еще очень хорошо сохранилась, почему можно предположить, что они сравнительно не очень долго находились под водой — может быть, от тридцати до сорока лет.

Повышение воды в оз. Камака-Валлар можно объяснить тем, что озеро это, находящееся на высоте 500 футов над ур. м., представляет резервуар воды без стока, так что при сильных ливнях в дождливом сезоне вода в нем, значительно прибывая, может с годами повыситься на несколько футов. Дожди в этой местности Новой Гвинеи бывают так обильны, что после двухдневного ливня поверхность зал. Тритон покрывается слоем пресной дождевой воды, столь значительным, что воду эту можно черпать сосудами и употреблять для питья. Что касается приведенного выше рассказа туземцев о случившемся незадолго до моего прихода быстром понижении воды в озере, то пони-

жение это может быть объяснено следующим образом. Образующие дно озера слои, принадлежа к какой-нибудь мягкой породе и постепенно растворяясь, не могли противостоять увеличивающемуся давлению воды, масса которой возросла от сильных дождей; явился прорыв, в который и устремилась вода, продолжавшая вытекать до тех пор, пока оторванные сильным напором воды камни и глыбы земли не завалили протока и, таким образом, выход воды остановили на некоторое время, значительно понизив уровень озера.

Вода в озере оказалась очень теплой, 31° Ц, и неприятного вкуса. Мне удалось также найти здесь интересный и новый род губок, принадлежащий к группе *Halichondria* и названный мною *Rumut Vallarii*. Собрав затем интересную коллекцию раковин, я отправился далее, посетил о-ва Айдуму, Драмай, Каю-Мера, причем выступающий между двумя последними островами мыс назвал в честь генерал-губернатора Нидерландской Индии, оказавшего мне гостеприимство в Бюитензорге, **мысом** Лаудон, побывал на островке Лакахиа, где нашел каменный уголь, прошел в Телок-Кируру* и, высадившись в местности, называемой Илонай, сделал несколько экскурсий в горы.

Однако появление нашего небольшого судна привлекло внимание жителей южного берега Телок-Кируру, где находятся многочисленные деревни папуасов. Вероятно, мы показались им хорошою и легкою добычей, и они явились к вечеру в таком числе, что мои люди положительно труслили, уверяя, что наш последний час пришел и если мы не уберемся в продолжение ночи из узкого залива, то на утро не миновать беды.

Действительно, число пирог, а с ними и папуасов, все возрастало, и нападение их на нас стало казаться и мне не только вероятным, но и неизбежным. О сопротивлении с дюжиной людей сотням дикарей нечего было и думать; поэтому я решил ретироваться без шума под прикрытием темной ночи. Побуждаемые страхом, мои люди не щадили сил и, несмотря на утомление, усердно работали веслами всю ночь, чтобы поскорее выбраться из негостеприимного Телок-Кируру. Папуасы, собравшиеся было напасть на нас, вероятно, были неприятно удивлены на другой день, увидев, что добыча, на которую они положительно могли рассчитывать, так неожиданно ускользнула из их рук.

Добравшись до о. Айдуму, я получил весьма неприятное известие, что моя хижина в Айве, в которой оставалось человек пять моих людей, была совершенно разграблена и все находившиеся в ней вещи забраны дикарями, живущими в горах вокруг

* Телок — по-малайски значит «бухта», «залив».

Телок-Камрау, которые в мое отсутствие явились в числе более двухсот человек, окрашенные в черную краску, с перьями райской птицы на голове (что они обыкновенно делают, отправляясь на войну и желая показаться страшнее неприятелям). Против этих двухсот вполне вооруженных дикарей пятеро моих людей, понятно, ничего не могли сделать. Надо еще сказать, что около моей хижины сгруппировалось большое число прибрежных папуасов, и на них-то сперва напали горные дикари. Из женщин, надеявшихся укрыться в моей хижине, три были настигнуты в ней и убиты вместе с ребенком четырех лет. Точно так же были умерщвлены взятый мною в качестве проводника и переводчика старик, радья Айдумы, жена его и дочь-ребенок, которого разбойники изрубили на моем столе; последняя жестокость была сделана с очевидною целью показать, что они несколько не боятся белого и при случае расправятся с ним подобным же образом. Несмотря, однако, на этот неприятный эпизод, я решился остаться на Новой Гвинее, хотя люди мои, напуганные кровавым происшествием в Айве, настоятельно требовали возвращения и угрожали покинуть меня одного.

В Айве я не мог оставаться, потому что дикари, ограбившие мою хижину, уходя, отравили источники пресной воды, и должен был поселиться на о. Айдуме, в наскоро устроенном небольшом и крайне неудобном помещении; люди же мои, хотя и остались со мною, но до того боялись папуасов, что жили на судне и крайне неохотно сходили на берег.

На о. Айдуме я пробыл около месяца и за отсутствием живого антропологического материала все время посвятил сравнительно-анатомическим работам, пользуясь тем, что охотник мой из Амбоины, Давид, доставлял мне интересные экземпляры новогвинейских птиц и других животных.

Особенно мое внимание обратил на себя в высшей степени интересный вид кенгуру (*Dendrologus ursinus*), строение которого, вследствие приспособления к местным условиям, существенно изменилось: он приобрел крепкие когти, но утратил мускулы хвоста и из скачущего животного стал лазящим, почему живет большею частью на деревьях.

Но, занимаясь сравнительно-анатомическими работами на урумбае, я, признаюсь, не покидал намерения наказать главного зачинщика нападения на мою хижину в Айве, разграбления моих вещей и убийства нескольких людей, которого, как я узнал, звали Саси,—капитана Мавары. Хотя человек этот был втрое сильнее меня, но нервы мои оказались крепче, и мне удалось взять его в плен живым. Мое появление перед ним и среди окружавших его дикарей было так неожиданно, что, когда я приказал своим людям связать разбойника, то не

встретил ни малейшего сопротивления со стороны толпы папуасов, которые так растерялись, что даже помогли моим людям перенести остатки моих вещей и пленника на урумбай. С добычей своею я отправился на о. Кильвару, откуда послал одного из людей известить о происшедшем резидента Амбоины, а в ожидании ответа целый месяц провел на о-вах Серам Лаут, занимаясь изучением находящегося там смешанного типа людей, помеси папуасов с малайцами. Занятия шли успешно благодаря знакомству моему с малайским языком, а также и тому, что я хорошо был принят начальником, или радьей, и поселился в его доме. На островах, расположенных между Целебесом и Новою Гвинеей, особенно на о-вах Серам-Лаут, Кей и др., издавна существует обыкновение приобретать папуасов как хорошую и дешевую рабочую силу, и зажиточный малаец всегда охотнее берет в услужение или для работ папуаса, нежели своего же малайца. Вследствие этого папуасы обоего пола в значительном числе вывозятся с Новой Гвинеи, приобретаются малайцами названных островов, вступают с ними в близкие сношения и образуют малайско-папуасскую помесь. Результаты моих антропологических исследований этой помеси сообщены в статье «*Meine zweite Excursion nach Neu-Guinea 1874*» под заглавием «*Ueber die Papua-Malaise Mischung in den westlichen Molukken*».

Происходившее в течение многих столетий и продолжающееся по настоящее время смешение малайской и папуасской рас вполне объясняет то разнообразие типов, какое встречается среди населения восточной части Малайского архипелага. Главные результаты моих тогдашних, не очень многочисленных, но несомненно верных наблюдений следующие: во-первых, смесь папуа-малайская имеет в большинстве случаев рядом с большим разнообразием физиономий и *habitus'a* ясно выраженный папуасский тип, который, однакоже, у некоторых особей совсем пропадает; во-вторых, весьма немногие имели волосы, подобные волосам папуасов, хотя у некоторых диаметр завитков локонов был очень мал, у большинства же волосы были вьющиеся; в-третьих, находились особи, происшедшие от папуасской матери и от малайского отца, которые имели совершенно прямые волосы (мать одного человека была настоящая папуаска с Папуа-Они, имевшая весьма курчавые волосы, так называемую *chevelure à grains de poivre*, на очень долихокефальной голове, между тем как сын имел совершенно прямые волосы, брахикефальный череп, лицо же — не малайское и не папуасское); в-четвертых, помесь имеет преимущественно брахикефальный череп; в-пятых, цвет кожи, который вследствие большого разнообразия как у малайцев, так и у папуасов не представляет

особенно важного антропологического признака, вообще у помеси темнее, чем у малайцев; в-шестых, физиономии помеси были для европейского глаза вообще красивее, чем у папуасов и малайцев, и выражение лица более интеллигентное и оживленное, чем у чистокровных (особенно малайских детей).

Исследованы были дети малайских отцов и папуасских матерей, так как браки в обратном отношении встречаются редко.

Считаю уместным сказать здесь несколько слов о социальном положении папуасов берега Ковиай и о том влиянии, которое имели на это положение малайцы и их культура. Сравнивая их положение с тем, в каком находятся обитатели противоположного, восточного, берега Новой Гвинеи, могу сказать, что папуасы берега Ковиай могли бы очень позавидовать своим соплеменникам — папуасам берега Маклая. Вследствие торговых сношений с малайцами (о чем я говорил в начале чтения), в которых вывоз невольников с Новой Гвинеи и торг ими всегда играли важную роль, папуасы берега Ковиай из оседлых малопомалу превратились в кочевых: на всем протяжении берега в настоящее время не встречается ни одной папуасской деревни. Подвергаясь вначале насилию, нападению и обращению в рабство со стороны малайцев, жители прибрежных деревень впоследствии сами сделались их сообщниками и в свою очередь отправлялись в более отдаленные горные папуасские деревни, производили на них нападения, захватывали в плен жителей и продавали малайцам. Понятно, горные жители не оставляли таких вероломных действий соседей без отмщения, и таким образом между прибрежными и горными папуасами возникали постоянные междоусобия и производилось взаимное истребление. Находясь постоянно между двух огней — эксплуатацией малайцев, с одной стороны, и угрозой нападения горных жителей — с другой, береговые папуасы нашли слишком беспокойным и небезопасным жить на суше, бросили свои хижины и плантации на берегу и обратились в водных номадов, скитаясь в пирогах вдоль берегов. Лишенные постоянного и обеспеченного источника пропитания, они находятся в крайне бедственном положении и при встрече с бесшумно скользящею у берега пирогой на вопросы сидящему в ней папуасу: «Куда идешь?» или «Откуда ты?», обыкновенно получаешь ответ: «Иду искать чего-нибудь поесть» или «Искал чего-нибудь поесть». Живут они обыкновенно с женами и детьми в крытых пирогах, в которых помещается и все их имущество, и только на ночь или в свежую погоду пристают в известных местах песчаного берега, которые служат им как бы станциями, где они сходятся для разного рода сношений и дел своих. В некоторых местах я мог найти следы их прошлой оседлой жизни, состоявшие из разных плантаций,

на которых все еще росли некоторые виды полезных растений, главным образом кокосовые пальмы; под тенью их некогда были расположены хижины; только в трех местах я видел довольно большие деревянные хижины, принадлежавшие папуасским начальникам, именно на о-вах Наматоте, Айдума и Мавара, пощаженные малайцами, вероятно, для того, чтобы при посещениях этого берега иметь хотя какой-нибудь «*pied-à-terre*» *. В этих хижинах они, однако, боятся оставаться ночью, опасаясь измены папуасов, на вид смирных и почтительных, но не упускающих случая мстить своим врагам — малайцам.

Из сказанного следует, что хотя жители Папуа-Ковиай и получили от малайцев огнестрельное оружие, познакомились с курением табака и опия, стали ценить золото и усвоили малайские названия для своих начальников, но оттого не стали ни богаче, ни счастливее.

На обратном пути, в июне 1874 г., я серьезно заболел в Амбоине и едва не умер в тамошнем госпитале, но, оправившись, я вернулся, заходя по пути в Тернате, Менадо, Макаassar, на Яву, где снова воспользовался гостеприимством генерал-губернатора Лаудона. Зная его за человека честного и справедливого, я обратился к нему с полуофициальным письмом, в котором описал бедственное положение папуасов берега Ковиай вследствие эксплуатации их малайцами, ведущими деятельную торговлю невольниками. Хотя рабство в голландских колониях давно уничтожено официально, на бумаге, но торговля людьми совершается на деле в довольно широких размерах, и находящиеся на многих островах голландские резиденты частью не в состоянии следить за тем, что делается в отдаленных колониях, частью же считают более удобным смотреть сквозь пальцы на подобные явления. Письмо мое не осталось макулатурой в архиве, и голос мой за несчастных папуасов не оказался гласом вопиющего в пустыне: в ноябре 1878 г., уже в Сиднее, я имел большое удовольствие получить письмо из Голландии с известием, что голландским правительством приняты самые энергические меры к искоренению возмутительной торговли людьми.

Перехожу к моему четвертому посещению Новой Гвинеи, на этот раз — южного ее берега, с тою же целью сравнения обитателей его с чистым, несмешанным племенем берега Маклая, а также проверки рассказов о так называемом желтом малайском племени на юге Новой Гвинеи.

Миссионерами и некоторыми путешественниками неоднократно сообщалось о существовании на южном берегу Новой

* пристанище. — *Ред.*

Гвиней особого светлокожего племени, отличного от остальных темнокожих папуасов Новой Гвинеи, которое названо ими желтым, или малайским. Пропутешествовав по о-вам Меланезии месяцев одиннадцать на трехмачтовой шхуне «Sadie F. Caller», я с о-вов Соломоновых прошел на о-ва Луизиады, где оставил багаж на шхуне, возвращавшейся обратно в Сидней, а сам решил остаться на маленьком о. Варе (или Tast Island) в ожидании прихода туда миссионерского парохода, на котором и предполагал отправиться далее, на южный берег Новой Гвинеи. Ожидать мне пришлось недолго: через неделю на миссионерском пароходе «Элленгован», на который я был радушно принят миссионером Лондонского миссионерского общества Чалмерсом, мы плыли уже по направлению к Ануапате — главной резиденции миссионеров на южном берегу Новой Гвинеи. Путешествие наше до Ануапаты, или порта Моресби, продолжалось около двух с половиной месяцев, и мне удалось посетить много встречавшихся на попутных островах деревень, при помощи переводчиков говорить с туземцами и сделать ряд любопытных антропологических наблюдений.

Наконец, добрались мы до Ануапаты — главной станции английских миссионеров. Она весьма негостеприимно встретила меня лихорадкой, от которой я едва отделался недели через три. Оправившись от болезни, я тотчас же, не теряя времени, принялся за розыски так называемых желтых людей, наблюдения над которыми составляли одну из целей моего посещения южного берега.

Хотя никакого желтого, отличного от других новогвинейских папуасов, племени я не нашел, зато познакомился с некоторыми фактами, послужившими, несомненно, основанием вышеприведенных рассказов о желтых людях. В двух-трех из посещенных мною папуасских деревень, именно в Карепуна, Кало и Хула, я нашел у жителей несомненную примесь полинезийской крови. Жители этих деревень, правда весьма немногочисленные, отличаются от других папуасов южного берега прямоволосостью и более светлым цветом кожи; но из-за этого случайного и единичного явления говорить об особом желтом племени, конечно, не представляется ни малейшего основания.

Однако и эта незначительная в количественном отношении примесь полинезийской расы, оказавшая влияние на антропологический *habitus* туземцев-папуасов, отразилась также и на их обычаях. Несомненно, полинезийцы, быть может, случайно занесенные в своих утлых пирогах ветром или течением на южный берег Новой Гвинеи, ввели между туземцами, напр., обычай татуирования, на который я обратил особое внимание, так как обычай этот под влиянием миссионеров может скоро совершенно исчезнуть. Лондонское миссионерское общество содержит в раз-

личных местах южного берега Новой Гвинеи около 30—35 миссионеров, из которых только двое — белые, остальные же принадлежат к туземцам островов Тихого океана, и не только полинезийцам, но и меланезийцам. На о. Лифу (группы Лойялти) миссионеры устроили большую школу, в которой обучают молодых, более способных и энергичных туземцев и готовят их к пропаганде евангелия между островитянами Тихого океана.

Само собою разумеется, что темнокожие миссионеры из туземцев, зная хорошо язык, нравы и обычаи последних, гораздо успешнее ведут дело распространения христианской религии на островах Тихого океана и, являясь обыкновенно пионерами в новых местностях и среди вполне дикого населения, готовят и облегчают дальнейший путь миссионерам-европейцам. С помощью миссионеров-туземцев распространение евангелия и вообще европейской культуры за последние 7—8 лет сделало значительные успехи среди папуасов южного берега Новой Гвинеи, и, вероятно, недалеко то время, когда многие из них будут усердно посещать церковь, распевать гимны и даже читать и писать по-английски. При таких условиях, понятно, многие местные обычаи, как татуирование и т. п., с которыми соединены разного рода обряды и понятия, несовместные с христианскою религией и европейскою культурой, должны мало-помалу исчезнуть и перейти в область преданий. На южном берегу Новой Гвинеи татуируются преимущественно женщины, мужчины же — только в исключительных случаях, в отличие и в награду за разного рода подвиги, особенно умерщвление врагов. Взглянув на мужчину-туземца, можно по его татуировке определить, сколько убил он людей, так как число вытатуированных фигур на различных частях тела (руках, груди, плечах) обыкновенно соответствует числу убитых им людей. Женщины татуируются с детства до старости; девочек уже пяти-шести лет начинают разрисовывать, и эта разрисовка, по-видимому, прекращается только с рождением женщиной последнего ребенка. Встречаются женщины, украшенные татуировкой от лба до пальцев ног; иногда для татуировки бреют даже голову. Все это делается, конечно, из любви и даже страсти к украшению, и, действительно, татуированная туземная женщина, не только на мой взгляд, но и на взгляд многих других европейцев, производит гораздо более приятное впечатление.

Что касается главной моей антропологической задачи, то, по произведенным наблюдениям и измерениям, оказалось, что и на южном берегу Новой Гвинеи обитает то же папуасское племя, что и на западном берегу Ковиай и восточном берегу Маклая, за исключением вышеупомянутой, встречающейся в немногих деревнях помеси полинезийской. Как на берегу Маклая, так и здесь встречается нередко брахикефальная форма головы, но

при производстве измерений головы я наткнулся здесь на любопытные случаи деформирования черепов у женщин, происходящие оттого, что женщины с самого юного возраста, с шести-семи лет, носят на спине различные тяжести в мешках, привязанных веревкой или ремнем к голове, отчего образуется вдавливание черепных костей. Это поперечное вдавливание, находящееся как раз у *Sutura coronaria* и поражающее своею аномальностью, весьма часто наблюдалось мною при собирании черепов и измерениях голов, почему можно предполагать, что оно передается путем наследственности.

В заключение скажу несколько слов о последнем, пятом посещении Новой Гвинеи, в 1881 г., именно южной ее части, которое представлялось мне необходимым для пополнения некоторых пробелов и разъяснения некоторых вопросов, оставшихся от четвертого путешествия в эту местность. Для этого я воспользовался следующим случаем. В дер. Кало, на южном берегу Новой Гвинеи, были умерщвлены папуасами четверо миссионеров из туземцев, с их женами и детьми. Узнав об этом, коммодор австралийской морской станции Вильсон счел необходимым строго наказать жителей дер. Кало, так как это было уже не первое подобное убийство, совершенное папуасами, и для этого лично отправиться на место преступления. Так как за год перед тем я жил в дер. Кало у миссионеров, ныне убитых, и был знаком с местными условиями, то старался убедить коммодора Вильсона, с которым находился в дружеских отношениях, что убийство, вероятно, было делом немногих и что несправедливо было бы из-за немногих, действительно виновных, наказывать всех жителей дер. Кало, в которой насчитывалось около 2000 человек. Коммодор, соглашаясь в принципе с моими доводами, находил, однако, весьма затруднительным найти действительно виновных и в конце концов полагал, что для примера и назидания туземцам и поддержания значения английского флота, обязанного защищать подданных королевы, ничего не остается, как сжечь всю деревню. Но так как я продолжал настаивать на своем плане и уверял в полной возможности найти виновных, то Вильсон предложил мне отправиться с ним. Я принял предложение и в качестве гостя коммодора отправился в пятый раз на Новую Гвинею на корвете «Вульверин».

План мой вполне удался: вместо сожжения деревни и поголовного истребления жителей, все ограничилось несколькими убитыми в стычке, в которой пал главный виновник убийства миссионеров, начальник деревни Квайпо, и разрушением большой его хижины. Посетив затем несколько деревень южного берега, я дополнил некоторые прежние свои наблюдения; но краткость стоянки корвета и дело в Кало значительно помешали моим работам.

Охарактеризовав в общих чертах влияние малайцев на папуасов Новой Гвинеи, я считаю вполне уместным не умолчать и о влиянии белых на жителей южного берега этого острова.

Я сказал выше, что влияние миссионеров на южном берегу растет, и выставил хорошие стороны их влияния: туземцы учатся читать и писать и т. д.; но мне не пришлось сказать о теневой стороне появления миссионеров на островах Тихого океана. Эта теневая сторона, по моему мнению, состоит главным образом в том, что за миссионерами следуют непосредственно торговцы и другие эксплуататоры всякого рода, влияние которых проявляется в распространении болезней, пьянства, огнестрельного оружия и т. д.

Эти «благодетяния цивилизации» едва ли уравниваются умением читать, писать и петь псалмы!

По мере того как распространяется торговля, растут и потребности туземцев, вызываемые искусственно, примером и навязыванием. Туземцы скоро выучиваются курить табак и употреблять спиртные напитки.

Некоторые миссионерские общества позволяют своим членам торговать, другие (к которым, между прочим, принадлежит также Лондонское миссионерское общество) не допускают такого смещения занятий, как распространение религии и вместе с тем вышеназванных «благодетяний цивилизации». Пока еще на южном берегу Новой Гвинеи тредоров появилось немного; но они не замедлят попытаться счастья и здесь, а с их появлением, вероятно, повторятся те бедствия, которым подверглись другие острова Тихого океана. Единственным союзником туземцев в борьбе их с белыми явится, вероятно, климат Новой Гвинеи, неблагоприятный для существования на ней белой расы.

В числе вопросов, предложенных мне для разрешения во время путешествия и вошедших в составленную мною в 1870 г. программу*, находился один, предложенный академиком Бэром и выраженный им в письме ко мне в следующих словах:

«Я советовал бы вам заехать на Филиппинские острова и отыскать там остатки первобытного населения, тщательно их исследовать и употребить всевозможное старание, чтобы привезти с собою несколько черепов. Мне кажется очень важно решить вопрос: действительно ли эти негритосы Филиппинских островов — брахикефалы».

Мне удалось решить этот вопрос во время непродолжительной (пятидневной) стоянки клипера «Изумруд» в Маниле, в конце марта 1873 г. По приходе клипера в Манилу я переплыл в небольшой рыбацкой лодке на противоположный берег боль-

* Читана в общем собрании Географического общества 7 октября 1870 г.

шой манильской бухты и, переночевав в дер. Лимай, на следующее утро отправился с проводником и носильщиком моих вещей в горы Маривалес. В этих-то именно горах и сохранились до настоящего времени остатки племени негритосов, о которых желал знать академик Бэр. После непродолжительного путешествия пешком мы наткнулись на становище негритосов, которые обыкновенно перекочевывают с места на место. При помощи одного из людей, знакомого с языком дикарей и служившего мне переводчиком, я тотчас завязал с ними дружественные отношения и прожил в их становище несколько дней. Живут они в так называемых пондо, представляющих не что иное, как переносный щит из пальмовых листьев, которым они защищаются от ветра и холода. Такой пондо, или шалаш, в котором можно только сидеть или лежать, но отнюдь не стоять, был устроен и мне для ночлега.

На основании сделанных мною в значительном количестве измерений я пришел к заключению, что сомнение академика Бэра было напрасно: негритосы действительно оказались брахикефалами. Индекс ширины их черепа колебался между 87,5 и 90. Измерение голов было облегчено тем, что мужчины имеют обыкновение брить затылок. Некоторые негритосы своими физиономиями чрезвычайно напоминали папуасов Новой Гвинеи — обстоятельство в высшей степени важное, потому что до сих пор негритосов считали племенем, совершенно отличным от папуасов. Негритосы вообще отличаются малым ростом: я видел женщину, рост которой был не более 1 м 30 см; у нее было уже двое детей.

За короткое время, проведенное мною в горах Лимай, я успел подметить у негритосов несколько весьма интересных обычаев, очень сходных с обычаями, встречающимися на многих островах Меланезии.

Ради опыта я бросил несколько объедков в огонь, и негритосы тотчас же стали засыпать костер землей, потушили огонь и просили меня больше не делать этого. В другой раз я плюнул в огонь, отчего они тоже пришли в большое смущение, прося и этого не делать. Подобные же предрассудки относительно огня встречаются и на Новой Гвинее. Сверх того, я узнал через переводчика о следующем весьма интересном обычае. Негритос перед началом еды обязан громко прокричать несколько раз приглашение разделить с ним трапезу другим людям, которые случайно могли бы находиться поблизости в это время. Мне говорили, что нарушитель этого обычая подвергается смерти, чему и бывали случаи. Крайне сожалею, что не имел возможности дольше остаться между негритосами и ближе познакомиться с обычаями и языком этого вымирающего племени: я должен был к назначенному сроку вернуться в Манилу, на кли-

пер «Изумруд», отправлявшийся в Гонконг, Сингапур и на Яву. Но все-таки, как я уже сказал, мне вполне удалось сделать достаточно измерений для разрешения поставленного Бэром вопроса, собрать краниологический материал и сделать значительное число рисунков.

В августе 1874 г., вернувшись с берега Папуа-Новой Гвинеи в Бьютензорг и отдохнув там немного, я решил предпринять путешествие по Малайскому п-ову, для чего и отправился в Сингапур.

Надо заметить, что до того времени в литературе не была установлена точно принадлежность к той или другой расе жителей внутренней части Малайского п-ова, известных под именем оран-сакай и оран-семанг. Так, Логан, Ньюболд, Кроуфорд, Ло, Вайц * и другие авторы говорят об этом различно. Между тем как одни из них не отличают этих племен от малайцев, другие утверждают, что они очень отличаются от малайцев, что они — негры и т. п. Никто из названных авторов лично не видел и не наблюдал этих племен, а все они ссылаются на путешественников, которые тоже не имели специальной цели познакомиться с ними для решения спорного вопроса. Я пытался расспрашивать малайцев об их соседях, жителях внутренней гористой и лесной части Малайского п-ова, но от них мне не удалось получить толковых сведений. Считая, однако, исследования эти несомненно интересными для антропологии, я решился попробовать сам выяснить дело, никак не полагая, что для этого потребуется так много времени, как оказалось впоследствии. Я думал, что экскурсия внутрь Малайского п-ова займет лишь несколько недель, что стоит только перейти поперек полуострова в какой-нибудь его части, побывать в горах, и я буду в состоянии ответить на главный вопрос — о расе горных племен.

Из Сингапура я отправился в Иохор — резиденцию махарадья иохорского. Махараджа, немолодой уже человек, лет около пятидесяти, почти с европейским воспитанием и образом мыслей, принял меня радушно и пригласил поселиться у него во дворце. Узнав о моем намерении отправиться через его страну, он предложил мне свое содействие в этом предприятии. За все это я обещал ему составить карту пройденного пути, что для него было небезынтересно, так как страна была тогда весьма мало известна: в Иохоре не нашлось ни одного малайца, который мог бы похвастать, что он прошел Иохор поперек. Махараджа дал мне открытое письмо ко всем старшинам в деревнях,

* Logan. Journal of the Indian Archipelago and Eastern Asia, p. 31; Newbold. Polit. and Statist. account of the British Settlements in the Strait of Malacca, 1839; Crawford. Descriptive Dictionary of the Indian Archipelago, 1847; Waitz. Anthropologie der Naturvölker. Th. 5, H. I.

чтобы они поставляли мне необходимых людей как проводников и слуг, сколько пожелаю, хоть до тридцати человек.

Не теряя ни минуты, я отправился в путь в декабре, а это было как раз самое дождливое время года на полуострове. Путешествие оказалось довольно трудным: реки и ручьи вследствие обильных дождей вышли из берегов; более низменные места покрылись водой; в лесах тоже была вода. Чем дальше, тем больше затруднялся путь; мне приходилось по целым дням идти в воде, которая доходила до колен, а местами до груди; целые семнадцать дней я не имел ничего сухого на себе: весь мой багаж был подмочен. Дошедши до устья реки Муар, я пустился в плоскодонной лодке вверх по течению. По берегам названной реки попадались малайские селения, но не они привлекали мое внимание. Поднимаясь выше, я добрался, наконец, до речки Палон, притока Муара. Она протекала лесом, и здесь, в лесу, у верховьев Палона, стали уже встречаться изредка разбросанные маленькие хижины — жилища так называемых оран-утан. Последнее слово надо объяснить. В Европе с именем оран-утан соединяют представление о большой человекообразной обезьяне, известной в науке под именем *Pithecus satyrus*; малайцы же никогда не называют обезьян оран-утанами, а дают это название людям, живущим постоянно в лесах. «Оран» значит человек, «утан» означает лес; «оран-утан» значит, таким образом, лесной человек. Подобных названий у малайцев много, как, напр., оран-букит — человек, живущий на холме; оран-улу — человек, живущий у верховьев реки; оран-далал — человек, живущий внутри страны; оран-лаут — человек, живущий у моря, и т. д. Все эти названия указывают не на расу, а на место жительства людей.

Хотя название оран-утан может относиться и к малайцу, который поселится в лесу, но этим названием обозначают преимущественно смешанное в различной степени папуа-малайское племя, живущее в лесах и на холмах Малайского п-ова.

Эти оран-утан не имеют постоянных жилищ, а там и сям в лесу у них построены жалкие хижины, которые посещаются ими время от времени. Некоторые из них находятся в хороших отношениях с малайцами; другие же, напротив, избегают иметь сношения с ними. Антропологические наблюдения над ними показали, что хотя оран-утаны частью и смешались с малайцами, но, сверх того, имеют значительную примесь и меланезийской крови. Это обстоятельство еще более усилило во мне желание ближе и как можно лучше исследовать оран-утанов с целью, наконец, найти среди них чистокровных меланезийцев.

Иохор я прошел с запада на восток — от устья р. Муар, впадающей в Малаккский пролив, до устья р. Индау, впадающей

в Китайское море, а потом с севера на юг — от р. Индау до Селат-Тебрау, пролива, отделяющего островок Сингапур от материка Азии. На первую часть экскурсии потребовалось 30 дней, на вторую — 20 дней. Я встретил по пути там и сям немногочисленные орды племени оран-утан. Хотя они более или менее отличались от малайцев и различались между собою, но все-таки ни одна из виденных групп не представляла чистого меланезийского племени. Виденные мною в Иохоре оран-утаны были более похожи на малайцев, чем на особое племя. Я, разумеется, постарался собрать как можно более сведений об их языке и нашел, что они постепенно забывают свой родной язык и усваивают малайский вследствие постоянных сношений с малайцами. Записанные мною в разных местах слова различных диалектов языка оран-утанов заставляют меня думать, что оран-утаны разделялись когда-то на много различных племен. Сверх того, и обычаи их оказались различны. Я приведу один пример: одни из оран-утанов употребляют очень важное для них оружие, именно сумпитан, а другие группы оран-утанов вовсе не слыхали о нем.

Малайцы различают два рода оран-утанов: одних они называют оран-утан-дина, а других — оран-утан-лиар. Оран-утан-дина (дина — значит «ручной») находятся в постоянном соприкосновении с малайцами; но оран-утан-лиар никогда не показываются малайцам, не хотят знать их и только при посредстве оран-утан-дина выменивают иногда у малайцев вещи, которые им нужны. Эти оран-утан-лиар — совершеннейшие номады; они привыкли к своей номадной жизни, любят ее и не желают менять ее на более удобный образ жизни малайцев, хотя и не уступают малайцам в умственных способностях; в самой удобной хижине они чувствовали бы себя, как птица в клетке, и, вероятно, долго не прожили бы в ней. Это смешанное племя оран-утан постепенно вымирает, главным образом вследствие того, что напор малайцев и китайцев все больше и больше оттесняет их от берегов внутрь страны, в леса. Сверх того, малайцы, а еще более китайцы, выменивают и покупают самых красивых и крепких девушек, дочерей оран-сакай, так что оран-утанам остаются только некрасивые, слабосильные женщины, от которых, естественно, рождаются слабые, малорослые и хилые дети.

Дети, родившиеся от браков малайцев с женщинами оран-утан, очень приближаются физически к малайцам, так что их трудно бывает отличить от малайских. В Иохоре можно найти постепенные переходы от оран-утан к малайцам. Меланезийско-малайская помесь, должно быть, образовалась уже очень давно, и я полагаю, что в Иохоре прежде обитало чистокровное меланезийское племя. Между малайцами существует предание,

что когда к ним был занесен арабами ислам, то не желавшие принимать новую веру бежали в леса, где, вероятно, и смешались с меланезийцами, и таким образом образовалась первая помесь оран-утанов с малайцами.

Результатом 50-дневной экскурсии в Иохор была сильная лихорадка, которая мне так надоела, что я решил во что бы то ни стало избавиться от нее и воспользовался приглашением сингапурского губернатора сэра Эндрю Кларка отправиться с ним в Бангкок, полагая, что морская прогулка благоприятно подействует на мое здоровье. Я прожил в Бангкоке дней десять и не только успел познакомиться с интересным городом, но и заручился весьма важным для следующих моих путешествий письмом от сиамского короля, в вассальной зависимости от которого находится почти половина Малайского п-ова. В письме король приказывал всем своим вассалам оказывать мне всякие услуги и помощь и доставлять в случае нужды по моему требованию людей и вообще средства для путешествия. Хотя результаты моей экскурсии в Иохор были интересны, но они далеко не удовлетворяли меня: поэтому я решил отправиться сухим путем из Иохора в Сиам.

Надо мною, разумеется, трунили и смеялись, говоря, что я вернусь из Пахана, что мне не удастся пройти дальше и т. д.; но все эти толки меня не остановили. Я отправился снова из Иохора в сопровождении доставленных мне махарадъей тридцати человек и с письмом от него к соседнему владельцу, бандахаре паханскому, находившемуся с махарадъей иохорским в отдаленном родстве, что не мешало, однако, их подданным постоянно вести между собою войны. Я нарочно не взял никаких писем и рекомендаций от сингапурского губернатора, боясь быть гринятым за английского агента и встретить затруднения у малайцев, которые вообще не любят англичан.

Из Иохора я отправился в путь в сопровождении двух слуг: папуасского мальчика Ахмата и яванца повара, двадцати человек носильщиков, данных мне махарадъей, и им же назначенного мелкого чиновника, обязанного передавать мои приказания носильщикам, гребцам и т. п., а также, опираясь на открытое письмо махарадьи ко всем старшинам и деревенским начальникам, доставлять мне все необходимое для путешествия, как то: людей для носки вещей, гребцов, разного рода провизии и т. п. Люди обыкновенно сменялись в каждой деревне, и так как все это делалось по приказанию махарадьи и других владетельных князьков, то мне не приходилось даже платить носильщикам, которых, впрочем, по свойственным малайцам лени и недоверию к белым, я не в состоянии был бы нанять и за большие деньги. Приставленные ко мне в качестве посредников между мною и туземным населением чиновники сопровождали

меня до пределов соседнего княжества, где сменялись другими такими же чиновниками, и за более или менее щедрый с моей стороны «бакшиш» оказывали мне всевозможные услуги и облегчали мое путешествие. Приближаясь к столице какого-нибудь султана или раджи, я обыкновенно посылал туда нескольких из сопровождавших меня людей, чтобы предупредить князя о моем приходе и дать ему время позаботиться о моем помещении. Посланные мной на вопрос князя, кто я такой должны были, согласно моим наставлениям, отвечать что «дато русс Маклай» (дато — по-малайски означает дворянин) придет в гости к нему, что дато Маклай идет с такой-то стороны, побывав у такого-то султана или князя, и направляется через эту страну в такую-то, к тому-то. На вопрос: «Что же дато Маклай хочет во всех этих странах и чего он ищет?» — посланные мною люди имели инструкцию отвечать: «Дато Маклай путешествует по всем странам малайским и другим, чтобы узнать, как в этих странах люди живут, как живут князья и люди бедные, люди в селениях и люди в лесах; познакомиться не только с людьми, но и с животными, деревьями и растениями в лесах» и т. п. Разумеется, такой небывалый гость, желавший все видеть и исследовать, приводил в немалое изумление и беспокойство туземные власти, которые хотя и любезно меня встречали, но еще любезнее и торопливее старались меня выпроводить из своих владений.

Возвращаясь к рассказу о моем прибытии из Иохора в Пахан.

По приходе в Пахан я был встречен весьма любезно бандхарой (который заменил в последние годы этот титул титулом

Н. Н. Миклухо-Маклай с папуасским мальчиком Ахматом

«султана»); но он был немало смущен моим желанием отправиться внутрь его страны, а потом в Клантан. При первой же аудиенции я повторил ему слова своего посланного, что я пришел навестить его и надеюсь, что бандахара может сделать для меня то же, что сделал махарадья иохорский, давший мне до двадцати пяти человек для переноски вещей из Иохора в Пахан, и так как я намереваюсь идти из Пахана в Клантан, то я надеюсь, что бандахара паханский может дать мне столько же людей. На это бандахара с гордостью ответил, мне, что Пахан больше Иохора, и потому если махарадья дал 25 человек, то бандахара может дать, если нужно, 40 человек. Я ничего против этого не имел и, пробыв несколько дней у бандахары в гостях, отправился в путь в Клантан. Не стану входить здесь в подробности этого путешествия, из которых многие тем более интересны, что до меня ни один европеец никогда не посещал этих стран; скажу только, что у верховьев р. Пахан, в горах между странами Пахан, Трингано, Клантан, я встретил, наконец, первых, несомненно чистокровных, меланезийцев. Хотя они оказались очень пугливыми, но я успел сделать несколько портретов и антропологических измерений и, подвигаясь весьма медленно вперед, посетил почти все встречавшиеся на пути селения этих примитивных дикарей, называемых здесь «оран-сакай». Они очень отличаются от малайцев и приближаются к негритосам о. Люсона, о которых говорилось уже выше. По произведенным мною многочисленным измерениям оран-сакай оказалось: рост у мужчин варьирует между 1620 и 1460 мм, у женщин между 1480 и 1350 мм; череп приближается к брахицефальной форме; индекс ширины черепа варьирует у мужчин между 74—82, у женщин 75—84, у детей 74—81, из чего видно, что женщины оказались наиболее короткоголовыми. Завитки курчавых волос у оран-сакай, как и у папуасов Новой Гвинеи, имели от 2 до 4 мм в диаметре. Цвет кожи варьирует между №№ 28 и 42, 21 и 46 таблицы Брока. Нашлась еще особенность: *plica semilunaris*, или так называемая *palpebra tertia*, более развита, чем у людей других рас, у которых она, как напр., у кавказской, не шире 1,5—2 мм, между тем как у оран-сакай, по крайней мере у некоторых индивидуумов, она достигает 5 и 5,5 мм ширины. Наконец, у оран-сакай часто встречается также складка кожи у внутреннего угла глаза, называемая при патологическом увеличении *epicanthus*.

Продолжая путешествие, я направился из Пахана в Трингано, а потом в Клантан, где познакомился со старым радьей Клантана, с которым при первой встрече произошел такой же разговор, как и при свидании с бандахарой паханским. Хотя радья был очень удивлен и смущен приходом белого в его владения, однако не отказался дать мне нужных людей для пере-

носки вещей. Я посетил затем владения многих малайских князьков: Легге, Саа, Ямбу, Румен, Яром, Ялор, Патани. Все эти названия соответствуют владениям отдельных малайских князьков, которые находятся в вассальной зависимости от короля сиамского. Благодаря письму сиамского короля я всюду встречал хороший прием и еще лучшие проводы, потому что хотя мое появление и возбуждало любопытство малайцев, но они были очень довольны, когда я уходил: мой приход слишком нарушал их обыденную жизнь и порождал в них разные сомнения и опасения относительно моих намерений. Это-то желание поскорее избавиться от моего присутствия, выпроводить меня, способствовало скорости и многим удобствам моего путешествия, во время которого я останавливался только в тех местах, где встречал интересовавших меня дикарей.

Скажу теперь несколько слов о некоторых обычаях этого вымирающего племени — оран-сакай. Подобно оран-утанам, они ведут бродячий образ жизни в лесах, останавливаясь на короткое время на избранных местах для сбора разного рода лесных продуктов: камфоры, каучука, ротанга, слоновой кости и т. п. и выменивая на эти продукты у малайцев табак, соль, железные ножи и разные тряпки, в которые они облачаются, посещая малайские селения.

Костюм оран-сакай весьма примитивный: он состоит у мужчин из пояса вокруг талии, часть которого закрывает *reginaeum*; у женщин пояс из ротанга обматывается несколько раз вокруг талии, и к нему спереди и сзади прикрепляется тряпка (обыкновенно приобретенная у малайца), прикрывающая *reginaeum*. Лицо женщин обыкновенно татуируется линиями и круглыми пятнами; татуировки у мужчин я не встречал. Оран-сакай, как и другие меланезийцы, прокалывают носовую перегородку и вставляют в отверстие так называемую «хаянмо», длинную бамбуковую палочку или иглу *Hystrix* *. Малайцы особенно боятся одного оружия оран-сакай, встречающегося также и у оран-утанов и называемого туземцами «блахан». Оружие это состоит из пустого внутри бамбука, метра в два длиной, приблизительно одинакового диаметра, в 2—3 см, из которого они выдувают небольшие стрелы, весьма легкие. Небольшой царapiны достаточно, чтобы убить человека, который умирает, как уверяли меня малайцы, через 10—15 минут. Эти стрелы очень тонки, не толще вязальной спицы, и заострены таким образом, что, вонзаясь в кожу, кончик стрелы обламывается и остается в коже.

Мне было очень интересно познакомиться ближе с ядом, который оран-утан и оран-сакай употребляют для отравления

* — ликообраза. — Ред.

своих стрел, и потому во время своей экскурсии в Иохор я постарался добыть значительное количество этого яда, который продавали мне за пустяки — за табак — и нарочно приготавливали для меня.

Произведенные мною опыты с ядом над собаками и кошками показали различное его действие: иногда замечался на животном тетанус, другой раз такого симптома не было. Это обстоятельство навело меня на мысль, что добытый мною в разных местах яд был не одинаков по своему составу. Действительно, в этом я убедился во время второго путешествия по Малайскому п-ову. Я узнал, что многие из дикарей приготавливают свой собственный ядовитый состав, применявая к основному, так сказать, яду еще им одним известные ядовитые вещества. Базис, основание яда, в который они обмакивают концы своих стрел, составляет вываренный сок коры *Antiaris toxicaria* — большого дерева, называемого также «упас», растущего и на Яве и других островах Малайского архипелага. К этому варкой сгущенному соку некоторые прибавляют сок одного из ядовитых видов *Strychnos*, другие же яд змей и т. п. От таких примесей получается различный яд и различное действие его на животный организм. Из опытов своих над собаками и кошками я убедился, что маленький укол ядовитой стрелы вызывает смерть. Смерть у кошек и собак наступала минут через пятнадцать или двадцать. Надо заметить, что яд, с которым я производил опыты, пролежал у меня месяца два, после того как он был добыт. Другое, в этнологическом отношении очень важное оружие, встречающееся у оран-сакай Малайского п-ова, называемое «лойдс», — лук; он имеет около 2 футов длины и стрелы с железными наконечниками.

Оран-сакай весьма хорошо обращаются с своими женами и дочерьми, почему я был не особенно удивлен, когда узнал, что жены и дочери могут в известных случаях наследовать даже звание радьи или, по-туземному, батена.

Надо сказать при этом, что оран-сакай имеют наследственных начальников, власть которых очень значительна. Довольно любопытны у оран-сакай свадебные обряды, о которых рассказывали мне туземцы, порядочно говорившие по-малайски. В назначенный для свадьбы день невеста в присутствии родных обеих сторон и свидетелей должна бежать в ближайший лес, а через известный промежуток времени вслед за ней бежит жених, и если он догонит и поймает невесту, то берет ее в жены, если же не догонит, то должен отказаться от нее навсегда. Девушка, не желая выходить замуж, всегда имеет возможность убежать и скрыться в лесу так ловко, что жених не в состоянии поймать ее в назначенный срок. У некоторых из оран-сакай существуют еще остатки так называемого общин-

ного брака, при котором женщины переходят постепенно, в известном порядке и через некоторые промежутки времени, от одного мужчины к другому, не становясь исключительною собственностью какого-нибудь одного, причем дети остаются при матери и отца не знают. Существование такой формы брака подтвердили мне и миссионеры, поселившиеся близ города Малакки для обращения оран-сакай в католичество.

Оран-сакай очень боятся мертвых. Когда один из членов общины заболевает и болезнь принимает дурной оборот, так что можно ожидать его смерти, они просто оставляют больного в лесу с некоторым запасом пищи, сами же уходят, покидая становище, и более в него не возвращаются. Таким образом, во многих местах можно наткнуться на такие брошенные вследствие чьей-нибудь смерти остатки шалашей и бывших становищ оран-сакай. Между малайцами об оран-сакай ходит очень много рассказов, в которых обыкновенно их рисуют с какими-нибудь выдающимися особенностями — длинными ступнями, ушами, прикрывающими в случае дождя даже голову, хвостами, клыками и т. п.

Рассказывают даже о существующем у них обычае (встречающемся, впрочем, и на некоторых островах Тихого океана) *jus primae noctis*, которым обыкновенно пользуется отец, о весьма значительном развитии у женщин-сакай *M. bulbocavernosus* и т. п.

Добравшись до Патани, я вступил уже во владения короля сиамского и совершил путешествие по землям радьей Тоддион, Теба, Чена, Сонгоро, или Сингоро, и Кеды в течение двадцати двух дней, на слонах. Таким образом, на путешествие по Малайскому полу-ову употреблено мною 176 дней.

Из Кеды я отправился в Малакку, близ которой посетил станцию миссионеров и познакомился с оран-мантра, смешанным племенем, не представляющим поэтому особенного интереса и усвоившим себе уже малайские обычаи, костюм и даже язык.

В этом же году я отправился из Сингапура снова в Бюйтензорг, где написал несколько статей о результатах своих путешествий 1874 и 1875 гг.:

- 1) «*Ethnologische Excursion in Iohore*»;
- 2) «*Ethnologische Excursionen in der Malayischen Halbinsel* (Nov. 1874 — Oct. 1875)» (Vorläufige Mittheilung);
- 3) «*Einiges über die Dialekte der melanesischen Völkerschaften in der Malayischen Halbinsel* (Zwei Briefe an S. Exc. Otto Böhtling).

Эти статьи были напечатаны в Батавии в «*Naturkundig Tijdschrift*» и в «*Tijdschrift voor Taal-, Land- en Volkenkunde*» за 1876 г.

Несколько времени спустя эти же статьи были переведены и напечатаны в английском журнале «*Journal of the Straits Branch of the Asiatic Society*», 1878 и 1879, издаваемом в Сингапуре. Все эти брошюры я передал в библиотеку Академии Наук, а по другому экземпляру — в Публичную библиотеку, так что желающие могут познакомиться с ними в этих библиотеках.

В 1874 г., отправляясь на берег Папуа-Ковиай и возвращаясь оттуда, я оставался довольно долго в Амбоине и на о-вах Серам-Лаут.

На Малайском архипелаге исследования по антропологии были обставлены совершенно иным образом, чем в Меланезии или на Новой Гвинее. Здесь я имел дело не с дикими, которые боялись, особенно вначале, каждого инструмента, так что только после долгих переговоров удавалось добиться позволения измерить их или сравнить цвет их кожи с таблицей Брока. Малайский архипелаг, как известно, составляет нидерландскую колонию; на островах этих голландцы имеют школы, тюрьмы и госпитали, в которых я находил всегда большой и доступный материал для наблюдений и изучения. Сверх того, я имел от генерал-губернатора колоний открытое письмо, которым предлагалось всем властям в колониях оказывать мне всевозможное содействие в путешествии и научных исследованиях.

Благодаря этому мне удалось собрать значительный антропологический и этнографический материал для изучения туземных обитателей Малайского архипелага и сравнения их с другими племенами и расами. Наконец, здесь, особенно в Амбоине и Тернате, я мог пользоваться услугами фотографа за сравнительно недорогую плату и собрать большое количество фотографий, часть которых привезена мною в Европу, более же значительная часть оставлена в Сиднее.

Отправляясь в 1876 г. во второй раз на берег Маклая, я посетил многие из островов Западной Микронезии. Отчет об этом путешествии напечатан в «Известиях Географического общества» под заглавием «Отрывки из дневника Миклухо-Маклая» и потому я не буду касаться здесь подробностей этого путешествия, а напомним только некоторые результаты, к которым пришел.

Я нашел, что хотя микронезийская раса очень приближается к полинезийской, тем не менее присутствие в ней меланезийской примеси очень вероятно, и эта примесь выражается в большей курчавости волос, в темном цвете кожи, некоторых особенностях черепа и т. д. В иных случаях курчавость эта так же значительна, как у чистых меланезийцев (несколько при-

меров я встретил на о-вах Пелау).^{*} На о-вах Пелау я пробыл довольно долго и мог познакомиться со многими туземными обычаями, о которых сообщено мною в «Известиях», а также побывал проездом на группе Улеай, жители которой отличаются очень богатою и разнообразною татуировкой. Направляясь к югу, я посетил о-ва Адмиралтейства, до того времени редко посещавшиеся европейцами вследствие дикости и людоедства туземцев, и пробыл довольно долго в разных деревнях туземных дикарей. Так как мне эти дикари показались в высшей степени интересными, то я уже тогда занялся изучением их языка, надеясь когда-нибудь побывать там еще, что мне потом и удалось (в 1879 г.).

На группе Луб (или Hermit) я убедился, что острова эти заселены не чистокровною меланезийскою расой, а смешанною с микронезийцами, которые живут на соседней группе Эшикье, что до моего посещения этой местности, насколько я знаю, было еще неизвестно, так что именно здесь, на группе Эшикье, близ Новой Гвинеи, и находится граница распространения прямоволосого микронезийского племени.

Как было выше сказано, в конце 1877 г. на берегу Маклая я продолжал исследовать, по возможности, все разветвления меланезийской расы, чтобы составить полное представление о всей папуасской или меланезийской расе. В 1879 г., хотя многие обстоятельства побуждали меня вернуться в Европу, я отказался от этого и из Сиднея отправился на о-ва Меланезии. Это путешествие я совершил на американской трехмачтовой шхуне «Сади Ф. Кэллер»; оно продолжалось более года и было в высшей степени интересно. Шхуна направилась сначала в Нумею, а потом в Южную бухту (Baie du Sud) Новой Каледонии; я осмотрел в самой Нумее и в ее окрестностях все, что было более интересно, и путешествовал внутри страны с целью ближе познакомиться с туземцами острова. Оттуда я отправился на о-ва Лойялти, рассадник черных миссионеров для о-вов Меланезии и Новой Гвинеи, и побывал на многих островах из группы Новых Гебрид, конечно, везде отправляясь на берег, рисуя и производя антропологические наблюдения, по которым многие из туземцев Новогебридских о-вов, как и Новой Гвинеи, оказались брахицефальными.

Потом я посетил мимоходом о-ва Санта-Круц, особенно прославившиеся тем, что несколько лет назад английский коммодор Гуденоф (Goodenough), отправившийся без оружия на берег,

^{*} См. об этом в «Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Sitzung am 3 März 1878», мою статью «Anthropologische Notizen, gesammelt auf einer Reise in West-Mikronesien und Nord-Melanesien im Jahre 1876».

был убит на главном острове этой группы отравленную стрелой: он умер на шестой или седьмой день от тетануса. Вместе с тем было ранено несколько матросов, из которых один только остался жив. На этой же группе был убит другой весьма почтенный и очень уважаемый человек, именно епископ Патесон, глава меланезийской миссии, таким же образом, т. е. ядовитой стрелой.

Так как шкипер «Сади Ф. Кэллер» побоялся оставаться в этой группе слишком долго, то мне пришлось ограничиться наблюдениями и измерениями тех туземцев, которые, подъехав к шхуне, являлись к нам на палубу.

Пройдя восточнее Соломоновых о-вов и Новой Ирландии, ложась в дрейф в некоторых местах, но недостаточно долго, чтобы съехать на берег, шхуна пришла к о-вам Адмиралтейства, где пробыла около двух месяцев. Все время я жил на берегу и побывал на о. Сори, в Нарес-Харборе, на северо-западной оконечности большого острова, в том месте, которое за год до меня посетил английский фрегат «Челленджер».

Результаты по этнологии, добытые учеными, находившимися на фрегате, были неудовлетворительны, потому что никто из них не жил на берегу: они только издали наблюдали туземцев. Так как во время предыдущего моего посещения о-вов Адмиралтейства (в 1876 г.) я уже начал изучать немного их язык, то в этот раз маленькая подготовка оказалась весьма полезною, и я дошел до того, что понимал туземцев порядочно, вследствие чего и мог сделать немало интересных этнологических наблюдений.

Отправившись отсюда на группу Луб, а потом на группу Ниниго, где я пробыл гораздо дольше, чем в первый раз, в 1876 г., я убедился, что между этими группами существуют довольно оживленные сношения: с о-вов Луб почти ежегодно отправляются экспедиции на Ниниго за рабами и, главным образом, за женщинами, вследствие чего на группе Луб постоянно происходит смешение меланезийской расы, с одной стороны, и микронезийской, с другой.

На группе Луб я нашел, между прочим, предание, что жители этой группы переселились из другой местности (с о-вов Адмиралтейства). Мне даже показали остатки пироги, которую нетрудно было признать за пирогу с о-вов Адмиралтейства. Пирога эта была прибита после бури к о-ву Луб с двумя человеками, которые потом остались жить на группе Луб; но во время моего посещения о-вов Луб их уже не было в живых.

Этот случай показывает, каким образом произошло, вероятно, заселение группы Луб.

Мне удалось посетить потом интересную, редко посещаемую группу Тробриан. Она находится между Новой Британией и Новой Гвинеей. Я там остался на несколько дней, из которых

один провел в деревне, на острове Туме. Пробыв потом несколько недель на о-вах Соломоновых, шхуна добралась до о-ва Луизиады.

Это путешествие по островам продолжалось с лишком тринадцать месяцев; и из 409 дней 237 были проведены на берегу, а 172 — в море. Немногие результаты путешествия могут быть переданы в кратком изложении. Между ними один выдвигается на первый план, а именно: жители весьма многих островов Меланезии (некоторых из островов Новогейбридских, Соломоновых, Луизиады и др.) оказались имеющими форму черепа брахикефальную (index ширины черепа превышал во многих случаях 81 и в некоторых даже 85), что доказывает, что короткоголовость имеет в Меланезии гораздо большее распространение, чем полагали. К этому неожиданному результату меня привели многочисленные измерения голов туземцев весьма многих о-ров Меланезии. Кроме этих измерений, я собрал, где представлялась возможность, достаточное число черепов для дальнейших исследований и сравнения с экземплярами, собранными на Новой Гвинее. О других результатах этого путешествия отсылаю специально интересующихся антропологией к письму моему к профессору Вирхову, напечатанному в «*Sitzungsberichte der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*», или к «Известиям Русского географического общества» (т. XVII, 1881).

Побывав потом на южном берегу Новой Гвинее и на о-вах Торрессова пролива, я прибыл на северную оконечность Австралии, именно в Соммерсет, где желал ознакомиться с остатками когда-то многочисленного там населения австралийцев. С той же целью я не упускал случая дорогой вдоль восточного берега видеть, измерять, рисовать и снимать фотографии с тех немногих черных туземцев Австралии, которые скитаются, ведя самый жалкий образ жизни, в окрестностях европейских городов и селений. Ознакомившись с австралийцами в разных местах, от мыса Йорка на севере до Гипсленда в колонии Виктории на юге, я убедился в большом однообразии типа и в отличии этой расы от меланезийской, с одной, и от полинезийской, с другой стороны. Как известно, вопрос о расе австралийцев до сих пор еще не решен: между тем как некоторые антропологи считали их принадлежащими к папуасской расе, другие причисляли их к полинезийской, наконец, Гексли выделил их особо под названием «австралоидов». Такое разнообразие мнений настоятельно требует точного и положительного решения вопроса о расе австралийцев. Я не мог взять на себя решение этой задачи, требующей обстоятельного ознакомления с туземцами Австралии на всем протяжении этого большого острова, на что необходимо было бы посвятить года два или три

путешествий. Наблюдения мои над туземцами единственно восточного берега Австралии не были достаточны для решения вопроса о расе австралийцев, однако они склоняют меня согласиться с мнением профессора Гексли, что австралийцы составляют расу *sui generis*.

Будучи в Брисбейне, я предпринял экскурсию внутрь страны, миль на 600 от берега, чтобы убедиться в верности слуха о существовании племени совершенно безволосых людей внутри Австралии, о чем лет 10 или 11 ранее я слышал еще в Европе. Близ города Сен-Джордж, на р. Баллоне, я действительно отыскал несколько представителей безволосых и действительно убедился, что, кроме ресниц, тело их было совсем без волос; я узнал, что они составляют второе, а может быть уже третье поколение таких безволосых людей. Оказалось также, что слух о племени был утрирован, так как, кроме членов одной семьи, таких безволосых людей не было. Подробности об этом случае наследственной *atrichia universalis* (безволосости), который составляет интересный *pendant* к наследственной же аномалии — чрезмерной *hypertrichosis*,* описаны мною в письме к профессору Вирхову, напечатанном в «*Verhandlungen der Berliner Anthropologischen Gesellschaft*», 1881.**

В Брисбейне мне удалось заняться в высшей степени интересною работой — сравнительною анатомией мозга представителей австралийской, меланезийской, малайской и монгольской рас. Я воспользовался для этого казнью нескольких преступников, получив предварительно от правительства колонии Квинсленд разрешение исследовать мозг повешенных, который я мог вынимать из черепа непосредственно после смерти и делать с него фотографии, как только он достаточно отвердевал в растворе хромистого калия и спирта, дня через два или три после смерти. Оставляя мозг лежать в спирте в черепе, пока он достаточно не отвердевал, я сохранял таким образом тщательно его форму и, снимая каждый экземпляр в восьми видах (сверху, снизу, спереди и сзади, с обеих сторон, затем оба вида среднего продольного сечения), получил ряд замечательных фотографий в натуральную величину. Добротой снимков я обязан правительству Квинсленда, предоставившему мне отличную фотографическую лабораторию of the Survey Office в Брисбейне для моих фотографических работ.

* Известный случай волосатых людей в Бирме; случай той же аномалии в России — крестьянина Костромской губернии и его детей.

** В этом же журнале напечатаны мною еще многие сообщения об австралийцах, как то: «*Ueber die Mika-Operation in Central-Australien*», «*Langbeinigkeit der australischen Frauen*» и др.

Кроме мозгов повешенных, городской госпиталь города Сиднея доставил мне ряд интересных мозгов меланезийцев. Сидней составляет один из центров торговли с островами Тихого океана, и на приходящих с островов небольших торговых судах большую часть экипажа составляют обыкновенно туземцы с о-вов Меланезии. Из этих-то темнокожих матросов многие попадали в госпитали, а из госпиталей, в случае смерти, в мои руки для анатомических исследований и получения мозгов и черепов.

Хотя изучение собранного таким образом в Брисбейне и Сиднее материала я далеко не считаю оконченным, тем не менее могу указать на некоторые результаты по сравнительной анатомии мозга различных рас. Так, мною замечены существенные особенности в развитии corpus callosum, pons Varolii и малого мозга, в относительном объеме нервов, группировке извилин большого мозга и т. п.

Кроме работ по анатомии человеческого мозга, я занимался также анатомией мозга сумчатых животных, родов *Macropus*, *Osphranter*, *Halmaturus*, *Petrogale*, *Phascolarthus*, а также мозга *Ornithorhynchus paradoxus* и *Echidna hysrix*, которых я доставал без особых затруднений в имении Пейкдель, близ городка Стантона, где прожил некоторое время, воспользовавшись любезным приглашением хозяина, Дональда Гуна. Независимо от того, близ городка Глен-Инес произведены мною палеонтологические раскопки и найдены остатки костей исчезнувших животных: *Diprotodon australis*, *Nototherium Mitchelli*, *Phoscolomys gigas*, *Macropus titan* и др.

Таким образом, мое пребывание в Австралии посвящено было главным образом антропологическим и сравнительно-анатомическим исследованиям.* Но среди этих занятий меня не оставляла мысль устроить в Сиднее помещение, приспособленное для постоянных биологических работ. В 1878 г., будучи избран членом одного из местных ученых обществ — «Linnean Society of New South Wales», я предложил этому обществу устройство в Сиднее биологической станции. С этой целью я устроил подписку, собрал деньги, получил от правительства землю, сделал чертежи необходимых построек, но самое устройство станции и возведение построек передал членам общества, так как должен был отправиться в путешествие по Меланезии в марте 1879 г. Но когда я вернулся после 13-месячного путешествия в Сидней, то нашел, что устройство станции не подвинулось ни на шаг. Принявшись горячо за дело, потребовавшее

* Некоторые результаты этих работ напечатаны в «Proceedings of the Linnean Society of New South Wales», как нап., «Plagiostomata of the Pacific by N. de Miclouho-Maclay and William Macleay» и др.

немало хлопот и труда, я с помощью правительства и частных пожертвований удачно окончил постройку и внутреннее устройство станции и составил правила для пользования ею. В этой станции, которая, по мысли основателя, должна служить местом, где всякий естествоиспытатель, никем не беспокоимый и никому не мешая, может спокойно заниматься своими научными исследованиями, пользуясь удобным помещением, я прожил более полугода, работал в ней и нашел, что она вполне соответствует своей цели. Желая, по возможности, обеспечить прочную будущность станции и сохранить за нею навсегда научное значение, я основал особое общество под названием «Австралийской ассоциации» (The Australian Biological Association), задачей которого, между прочим, будет поддержание Сиднейской биологической станции и ее научного значения, а также основание и развитие подобных станций в других местах Австралии.

Сообщив о ходе своих путешествий, считаю долгом и удовольствием выразить здесь свою полную и искреннюю благодарность прежде всего Русскому географическому обществу, которое, оказав мне на первых порах авторитетную поддержку и материальное содействие, не переставало выражать свое сочувствие в течение моих 12-летних путешествий и благодаря стараниям которого в настоящее время, надеюсь, труды мои появятся в свет на русском языке. Много лиц и учреждений помогало и облегчало мне научные путешествия и исследования. Из числа их я с благодарностью должен назвать генерал-губернатора Нидерландской Индии Лаудона, махарадью похорского, о которых я говорил в последнем чтении, и правительство австралийских колоний. В Австралии я имел годовые даровые билеты на проезд по всем железным дорогам, пользовался, пока биологическая станция не была основана, помещениями для анатомических занятий в одном из зданий, принадлежащих правительству, пользовался для фотографических работ фотографическим ателье городского музея или казенной типографии и т. д. и т. д. Даже в настоящее время все мои вещи и коллекции находятся на хранении в Сиднее в одном из правительственных складов.

В заключение я намерен сказать несколько слов об издании моих трудов.

В ответе на письмо вице-председателя Географического общества, написанное от имени Совета общества, я выразил желание, чтобы издание моих трудов осуществилось на русском языке при содействии Русского географического общества, с тем условием, чтобы общество взяло на себя уплату долга, сделанного мною во время путешествия, и обеспечило меня средствами на два года, в течение которых надеюсь вполне приготовить к

печати свои труды. Мой манускрипт собственно уже готов. Остается исключить только то, что, может быть, в мое долгое, 12-летнее отсутствие из Европы, в течение которого я не мог следить за научною литературой, было уже сделано другими. Затем, очень многие части моих работ написаны на иностранных языках и должны быть переведены на русский.

Наконец, кроме моего манускрипта, я предоставлю все мои антропологические и этнологические коллекции в полное распоряжение Географического общества безвозмездно.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Первое пребывание на берегу Маклая на Новой Гвинее (сентябрь 1871 г.— декабрь 1872 г.)</i>	<i>3</i>
<i>Второе пребывание на берегу Маклая (27 VI 1876 г.— 10 XI 1877 г.)</i>	<i>219</i>
<i>Третье посещение берега Маклая (1883 г.)</i>	<i>271</i>
<i>Сообщение о путешествиях, сделанное Н. Н. Миклухо- Маклаем в Русском географическом обществе в 1882 г.</i>	<i>283</i>

Николай Николаевич Миклухо-Маклай

На берегу Маклая

*Утверждено к печати
редколлегией научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

*

Редактор Издательства А. Д. Иорданский
Суперобложка, переплет, титул, шмуцтитула и инициалы
по мотивам рисунков Н. Н. Миклухо-Маклая
выполнены художником И. П. Борисовым
Технический редактор С. П. Голубь

*

РИСО АН СССР № 50-1048. Сдано в набор 25/VII 1960 г.
Подписано к печати 23/XI 1960 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 20,75. Уч.-издат. л. 19,4 + 0,1 вкл = 19,5 Тираж 40 000. Т-14336
Изд. № 5023. Тип. зак. № 1007

Цена 1 руб., 40 коп.

*

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-62, Подсосенский пер., 21.
2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

49089

$$\frac{2_2}{2}$$

онб. 1

иу34-1

ад-1(2)

ав-1

иу33

УДК 101.1

2018578075

